

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)

Язык. Право. Общество

Сборник статей
Всероссийской научно-практической конференции

г. Пенза, 23–24 апреля 2013 г.

П о д р е д а к ц и е й
кандидата филологических наук
О. В. Барабаш,
кандидата педагогических наук, профессора
Г. И. Канакиной

Пенза
Издательство ПГУ
2013

УДК 81'33

Я41

Я41 **Язык. Право. Общество** : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 23–24 апреля 2013 г.) / под ред. к.фил.н. О. В. Барабаш, к.п.н., проф. Г. И. Канакиной. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2013. – 406 с.

ISBN 978-5-94170-581-8

Издание посвящено проблемам взаимодействия языка и права. Проанализированы лингвистические аспекты юридической техники и толкования правовых актов; проблемы перевода юридических текстов. Охарактеризованы особенности антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Выявлены основные направления формирования лингвистической компетенции в процессе подготовки юристов. Рассмотрены актуальные вопросы места и роли языка в контексте правовой коммуникации в современном государстве и обществе. В сборник также вошли отдельные статьи, посвященные проблемам социального регулирования в правовом государстве.

УДК 81'33

*Издание подготовлено в рамках проекта
«Формирование юрислингвистической компетенции в системе
непрерывного многоуровневого образования»
(гос. контракт № 16.740.11.0708)*

Ответственность за содержание статей несут авторы.

ISBN 978-5-94170-581-8

© Пензенский государственный
университет, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Барабаш О. В. Язык и стиль официальных документов: антикоррупционные требования	6
Бондаренко Е. Н. Мотивный анализ публицистического произведения в лингвистической экспертизе по делам о защите чести и достоинства	18
Булатова А. О., Гордеева Т. А., Таньков Н. Н. Проблемы аргументации и профессиональная риторика юриста	24
Викторова Е. В. Эмоциональные механизмы манипулирования общественным сознанием	29
Володин В. А. Рекламный текст и рекламное изображение как объекты правового регулирования.....	37
Ворошилова М. Б. Экстремистская агитка в социальной сети: пропаганда экстремистской символики.....	47
Габец Н. С. Проблемы правовой дефиниции «договор международной купли-продажи товаров».....	54
Галяшина Е. И. Актуальные проблемы антикоррупционной юридико-лингвистической экспертизы нормативных правовых актов и их проектов.....	63
Гейко П. П. Уголовно-правовое регулирование сокрытия имущества, подлежащего взысканию.....	75
Голев Н. Д. Об обыденном филологическом толковании и уяснении текста закона: к постановке проблемы.....	85
Голованова М. А. О проблемах построения и произнесения защитительных речей	93
Головушкина М. В. Профессионально ориентированное чтение как важный аспект лингвистической подготовки студентов юридического факультета.....	100
Джазовская И. Н., Токарева А. Б. Понятие «инновации»: противоречие между объектным и процессным подходами к его трактовке	105
Дубина А. Ш. Правовое регулирование труда работников крупных промышленных предприятий г. Пензы	110
Дубровская Т. В., Гуляйкина С. О. О роли печатных СМИ в создании имиджа российской судебной власти	118
Дудкин А. С., Тугаров А. Б. Речевой имидж специалиста по социальному сопровождению несовершеннолетних.....	125
Дунаева В. И. Проблемы использования государственного языка в современном российском законодательстве	130
Жуков А. С. Формы интерактивности в традиционных и интернет-средствах массовой информации	135
Ивашенко И. А., Антропова Н. В. Дистанционное обучение как средство формирования иноязычной лингво- профессиональной компетентности будущих юристов	141

Канакина Г. И. Проблемы экспертизы товарных знаков на предмет их сходства до степени смешения	146
Карасева Т. Н. Проблема юридико-лингвистической неопределенности при проведении антикоррупционной экспертизы правовых актов	152
Катомина В. А., Санисалова Н. А. Вопросы совершенствования законодательства об административных правонарушениях	157
Кириллов Г. М. Массовые коммуникации в информационном обществе и проблема их нормативности	168
Кошарный В. П. Философия и язык (к вопросу о феномене национальной философии)	175
Кошевой О. С. Правовые основы формирования прожиточного минимума и динамика его изменения в системе социальной защиты населения Пензенской области	181
Кошелева А. И. Проблемы семьи, церковного брака и развода в дискуссиях юристов и богословов на рубеже XIX–XX вв.	185
Ладанова О. Ю. Проблемы изучения и преподавания нормативно-законодательной базы архивного дела	192
Логина О. А. Основы превентивной педагогики в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов	199
Мартынова О. А. Философские аспекты юридического дискурса	204
Мещерякова О. В. Английский многокомпонентный термин: ловушка для начинающего юриста-переводчика (английский юридический термин: структура и перевод)	210
Милаева О. В., Сиушкин А. Е. Язык рекламных текстов как объект лингвистической экспертизы	217
Молев Г. И., Молева Г. В. Материальный и процессуальный аспекты установления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы	223
Мясников А. Г., Петропавловский А. Е. Эволюция патриотизма как традиционной ценности в современном российском обществе	229
Нефедова М. В. Формирование лингвистической и коммуникативной компетенций будущих юристов на уроках русского языка в общеобразовательной школе	234
Осмоловская Я. А. Значение участия нотариата при осуществлении толкования договоров	244
Паулова Ю. Е. Законодательное закрепление ограничений прав и свобод	255
Перепелкина Л. П. Формирование представления студентов о судебной речи на занятиях по литературе в юридическом колледже	261

Петропавловский А. Е. Трудности правового регулирования информации эротического и порнографического содержания в современной российской журналистике	265
Попова Л. В. Фрейм «неповиновение» в русском лингвоправовом сознании XVII в.	270
Пранцова Г. В. На подступах к овладению деятельностью «повышенной речевой ответственности»	277
Родионова И. Г. Функционирование связки <i>есть</i> в очерке А. Ф. Кони «Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики)»	283
Русов А. Н. Способы повышения качества перевода юридических текстов на русский язык: советы переводчикам	287
Рыжов А. Н., Рыжова О. А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов в Министерстве юстиции по Пензенской области: опыт, проблемы, статистика	292
Санисалова Н. А., Катомина В. А. Толкование права и обход закона в гражданском законодательстве Российской Федерации	298
Семянкова О. И., Красилова Г. А. Перформативы в текстах распорядительных документов органов государственной власти Пензенской губернии первой половины XX в. (1917–1941 гг.)	308
Синцов Г. В. К вопросу об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и их проектов	317
Синячкина Н. Ю. Особенности перевода юридических документов с немецкого языка на русский (на примере договоров купли-продажи)	324
Соболева Е. Г. Юридический текст и некоторые трудности его перевода	329
Феоктистов В. А., Феоктистов А. В. К вопросу о правовых аспектах модернизации российской высшей школы	335
Филиппов К. Б. Эволюция понятия «права собственности вузов»	342
Фомин А. А., Климова К. И. «Безопасность» и «опасность» как парные юридические категории	350
Хоменко А. Ю. Апробация методов математической статистики при атрибуции текста в рамках судебного автороведения	356
Чубина Е. А. Право, растворенное в языке	370
Шахмартова О. М. Деловое общение и Интернет	375
Шкарлупина Г. Д. Коррупциогенность управления: подходы к определению понятия	382
Юрина Ю. Г. Особенности построения текстов и языковые средства воздействия обращений граждан в органы власти	392
Ягудин Ш. Ш. Конституционно-правовые основы государственных языков в Российской Федерации	399

ЯЗЫК И СТИЛЬ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ: АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ¹

Предпринята попытка систематизировать наиболее типичные для официальных документов ошибки, затрудняющие восприятие законодательной мысли и порождающие коррупциогенность правового акта.

Ключевые слова: язык, стиль, официальный документ, коррупциогенность.

Любой нормативный акт – это прежде всего текст, созданный с помощью средств языка и предназначенный для решения правовых задач. Благодаря языку идеальная сущность права материализуется, происходит кодирование информации и ее включение в процесс правовой коммуникации. При этом принципиальное значение для эффективности правовой коммуникации имеет взаимосвязь между сообщением (кодированием) и восприятием (декодированием) информации, заложенной в правовой акт. Поэтому слово, как основной инструмент осуществления правотворческой и правоприменительной деятельности, требует особого внимания, тщательного отбора с учетом его семантики и стилистических оттенков.

Проведенный нами анализ более 300 юридических документов, среди которых и судебные решения, и экспертные заключения, и постановления органов местного самоуправления, некоторые действующие законодательные акты федерального уровня, свидетельствует о том, что в профессиональной деятельности квалифицированных юридических кадров возникают вопросы и трудности, связанные именно с особенностями языка права.

Язык права действительно специфичен. Прежде всего эта специфика обусловлена его функциональной принадлежностью к официально-деловому стилю русского языка – наиболее замкнутому из всех стилей. Общими чертами официально-делового стиля являются точность, строгость, логичность, детальность изложения, стандартизированность формулировок, волюнтаристичность.

¹ Данное исследование проводится в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (гос. контракт № 16.740.11.0708).

Традиционно внутри официально-делового стиля выделяют три подстиля, в зависимости от области применения деловой речи и стилистического своеобразия соответствующих текстов: дипломатический, законодательный, управленческий.

Юридические документы, относящиеся к законодательному (юридическому) подстилю, отличается наибольшая стилистическая и языковая однородность по сравнению с документами других подстилей. К языку и стилю правовых документов всегда предъявлялись особые требования. Нормативный правовой акт рассчитан на однозначное восприятие, в нем недопустима вариативность толкования. Неточно подобранное слово, неясно сформулированная фраза могут служить коррупциогенным фактором либо быть неверно истолкованы, результатом чего становятся ошибочные действия, а в случае судебного производства – и тяжкие последствия.

Отметим, что причины неоднозначного понимания текста закона могут быть как естественно-языковыми (богатство языка, лексическая полисемия), так и юридико-техническими. Представляя собой словесное выражение воли законодателя, нормативный правовой акт подчиняется не только правилам юридической техники, но и законам языка. Современный русский язык богат синонимами, антонимами, многозначными словами, что создает широкие возможности для их стилистического использования. Как справедливо указывает Е. И. Галяшина, даже с учетом известных ограничений юридической стилистики можно выразить разные смыслы одним словесным выражением и, наоборот, одно и то же понятие можно обозначить несколькими синонимами. Подобная синонимическая вариативность и многозначность языковых формул создают условия для злоупотребления законами языка, использования таких лексико-семантических категорий, которые могут выступать в качестве «лазеек» в законе [1].

Однако чаще всего причиной коррупциогенности текста закона или его проекта является недостаточное владение юридическим языком, основами юридической техники.

Цель настоящей статьи заключается в попытке систематизировать наиболее типичные для официальных документов ошибки, затрудняющие восприятие законодательной мысли и порождающие коррупциогенность правового акта.

Согласно Методике, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и

проектов нормативных правовых актов», одним из коррупциогенных факторов является юридико-лингвистическая неопределенность, под которой понимается «употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера» [2].

В действительности юридико-лингвистическая неопределенность порождается не только употреблением неустоявшихся терминов. Причиной ее возникновения может стать как неверное употребление формы слова, так и структура целого предложения, иными словами – нарушение языковых норм.

Современный русский литературный язык строится на понятии языковой нормы. Языковая норма – это вариант образцового использования единиц языка. Как известно, существуют нормы морфологические, лексические, синтаксические, орфографические, орфоэпические, пунктуационные, стилистические.

Рассмотрим антикоррупционные требования к языку и стилю официальных документов на различных уровнях языка.

Морфологические черты официально-деловой речи в значительной степени обусловлены ее именным характером. Преобладание в юридических текстах имени над глаголом связано с необходимостью типизировать значимые в деловых отношениях правовые явления. Приведем в качестве примера п. 3 ст. 17 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»: «Наряду с установленными ч. 1 и 2 настоящей статьи запретами при проведении торгов, запроса котировок на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд запрещается ограничение конкуренции между участниками торгов запроса котировок путем включения в состав лотов продукции (товаров, работ, услуг), технологически и функционально не связанной с товарами, работами, услугами, поставки, выполнение, оказание которых являются предметом торгов запроса котировок» [3].

В данном предложении 80 % знаменательных частей речи составляют имена существительные, в том числе отглагольного происхождения. Как правило, сгущение существительных само по себе затрудняет восприятие содержания высказывания, следовательно, подобный морфологический состав правовой нормы диктует необходимость строгой последовательности изложения [4].

Специфика употребления глаголов в официально-деловом стиле обусловлена процессом его стандартизации. Так, характерным признаком официальных документов становится употребление глагольно-именных сочетаний: внести предложение, принять

к сведению, произвести ремонт и т.п. Следует учитывать, что подобные глагольно-именные сочетания могут отличаться оттенками значения от параллельных им собственно глагольных форм. Например, словосочетание «провести соревнование», в отличие от параллельного ему «соревноваться», выступает в значении повелительного наклонения и подразумевает совершение определенных действий, направленных на организацию соревнований. Кроме того, одна из функций глагольно-именных сочетаний заключается в том, чтобы квалифицировать в правовом документе те или иные явления, например: «совершить наезд», «допустить брак» и т.п.

Отметим, что при употреблении глагольно-именных сочетаний в тексте официальных документов необходимо учитывать видовую принадлежность глагола, в противном случае возникает возможность двоякого толкования волеизъявления, например:

«Администрация рабочего поселка Колышлей постановляет:

1. Разрешить вырубку сухостоя и аварийных деревьев, вырубку сухих и поломанных кустарников на территории муниципального образования «Рабочий поселок Колышлей» в районе улицы 70 лет Октября.

2. Рекомендовать индивидуальному предпринимателю Акимовой М. Н. провести санитарную очистку захламленности лесополосы и в соответствии с правилами благоустройства населенных пунктов производить уборку и вывоз образовавшегося мусора» [5].

В п. 2 данного постановления содержится несогласованность форм сказуемых, которая приводит к юридико-лингвистической неопределенности высказывания: глагол совершенного вида «провести» (т.е. что сделать?) стоит в однородном ряду с глаголом не совершенного вида «производить» (т.е. что делать?). В связи с этим возникает вопрос: следует ли индивидуальному предпринимателю М. Н. Акимовой регулярно производить уборку и вывоз образовавшегося мусора (тогда нужно указать степень этой регулярности и выделить все это отдельным пунктом) или (как, скорее всего, подразумевал автор текста) убрать и вывезти мусор необходимо только после вырубки сухостоя, о чем говорится в п. 1 данного постановления? В таком случае следует употребить глагол совершенного вида «произвести».

Юридико-лингвистическая неопределенность может возникать и при употреблении личных местоимений, заменяющих существительное, например: «В случае если для подготовки ответа требуется более продолжительное время, специалист администрации,

осуществляющий индивидуальное устное информирование, может предложить заявителю обратиться за необходимой информацией в письменном виде либо назначить другое удобное для него время для устного информирования» [6].

В данном предложении местоимение с предлогом «для него» создает юридико-лингвистическую неопределенность, так как из предложения не ясно, к кому оно относится: к заявителю или специалисту. В официальных документах не следует избегать тавтологии с помощью личных местоимений, поэтому в данном предложении необходимо употребить слова «удобное для заявителя время».

Отметим, что причиной порождения двусмысленности в предложении может также стать неправильное употребление местоимений «их», «свой», «который», «себя».

Особого внимания требует такая часть речи, как предлог, в частности синонимичные предлоги «со» и «после». Какой предлог следует предпочесть для обозначения начала срока вступления в силу правового акта?

Прежде всего необходимо различать формулировки «после дня официального опубликования» и «со дня официального опубликования». Буквальное толкование значения рассматриваемых предлогов подводит к следующему выводу: предлог «со» указывает на то, что первым днем следует считать день официального опубликования, а предлог «после» говорит о том, что срок начинается исчисляться на следующий день после публикации.

В связи с этим довольно распространенная в официальных документах муниципального уровня формулировка «настоящее постановление вступает в силу после официального опубликования» содержит, на наш взгляд, коррупциогенный фактор, так как без достаточной конкретизации невозможно определить момент вступления в силу данного постановления: когда именно – в этот же день, на следующий день или, например, через неделю? С целью устранения юридико-лингвистической неопределенности в подобных формулировках следует указывать более точные сроки вступления в силу документа, например: «...на следующий день после официального опубликования». Отметим, что в Федеральном законе «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» от 14.06.1994 № 5-ФЗ при установлении общего порядка вступления в силу нормативных правовых актов также используется предлог «после», однако в каждом конкретном

случае указываются определенные временные границы: «Федеральные конституционные законы, федеральные законы подлежат официальному опубликованию в течение семи дней после дня их подписания Президентом Российской Федерации»; «Акты палат Федерального Собрания публикуются не позднее десяти дней после дня их принятия» [7].

Таким образом, употребление тех или иных форм слов в официальных документах должно соответствовать морфологическим нормам современного русского литературного языка, а использование отдельных частей речи должно подчиняться требованиям официально-делового стиля.

В процессе правоприменения специалисты юридической сферы постоянно сталкиваются с необходимостью интерпретировать содержание законов. Поэтому центральной является именно проблема понимания, интерпретации. Однако казуистичность формулировок правовых норм, употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера зачастую затрудняют правотолкование.

Особенно острой представляется проблема неупорядоченности юридической терминологии. Так, вариантное толкование в различных законодательных актах имеют такие термины, как «собственность», «имущество», «заинтересованные лица», «компетенция», «ипотека», «клевета», «плагиат», «честь», «моральный ущерб», «существенный вред», «значительный ущерб», «злостное уклонение», «доход», «инновации». Эти и многие другие термины требуют научной разработки, анализа, точного определения.

Чтобы исключить ложное толкование текста того или иного предписания, содержащего юридические термины, составителю законопроекта необходимо учитывать особенности профессионального языка, обеспечить единообразие в понимании отдельных неясных терминов путем определения дефиниций. При этом термины и понятия, используемые в тексте нормативного правового акта, должны соответствовать терминам и понятиям, используемым в иных законах, регулирующих данные правоотношения. В пределах одного нормативного правового акта термины должны употребляться в едином значении.

Стандартизация языковых формул в официально-деловом стиле приводит к сужению возможностей сочетаемости слов. Типичной для официальных документов оказалась и такая ошибка, как нарушение лексической сочетаемости. Например: «В соответ-

ствии со статьей 84 Лесного кодекса Российской Федерации и в целях безопасности населения муниципального образования «Рабочий поселок Колышлей», Уставом рабочего поселка Колышлей Колышлейского района Пензенской области (с последующими изменениями) Администрация рабочего поселка Колышлей постановляет...» [5].

Слово «безопасность» означает состояние, при котором жизни и деятельности человека (гражданина) ничего не угрожает. Цель действий, о которых идет речь в данном постановлении, – эту безопасность обеспечить. Поэтому правильнее было бы написать: «В целях обеспечения безопасности населения...». Отметим, что при построении предложений с предлогом «в целях» в официальных документах следует употреблять отглагольные существительные: в целях устранения недочетов, в целях сохранения..., в целях предотвращения... и т.п.

Кроме того, во вводной части рассматриваемого постановления нарушен порядок частей предложения, в то время как логика построения подобных документов требует сначала перечислить все нормативные акты, на которые ссылается автор текста, а затем указать цель.

Приведем еще один пример: «В целях наиболее рациональной организации труда, повышения его эффективности и упорядочения трудовых отношений, руководствуясь ст. 190 Трудового кодекса Российской Федерации, ст. 21 Устава Поимского сельсовета Белинского района Пензенской области, Администрация Поимского сельсовета постановляет...» [8].

Слово «наиболее» образовано от наречия «более» с помощью приставки превосходной степени сравнения наи-. Согласно толковому словарю Т. Ф. Ефремовой слово «наиболее» имеет значение «более всего, более других» [9] и подразумевает элемент сравнения одного предмета или явления с другими подобными с целью обозначения его превосходства. Если бы речь шла о сравнении двух и более способов организации труда, то мы могли бы сказать, что такой-то способ представляется наиболее рациональным. Однако в рассматриваемом контексте наречие «наиболее» не несет подобной смысловой нагрузки, в связи с чем его употребление не представляется необходимым.

На наш взгляд, уместно было бы добавить существительное «обеспечение»: «В целях обеспечения рациональной организации труда, повышения его эффективности...». В такой формулировке

слова «обеспечения» и «повышения» выступают в качестве однородных членов предложения, что соответствует синтаксическим нормам русского языка и отражает цель данного постановления: обеспечить..., повысить...

Ошибки и недочеты, связанные с нарушением норм словоупотребления, могут служить предпосылкой для возникновения коррупциогенности текста правовой нормы. Как правило, в таких случаях коррупциогенность порождается непреднамеренно. Однако целесообразно ли ставить вопрос о том, насколько осознанно, «специально значимо в юридическом плане» законодатель употребил те или иные единицы языка? Как утверждает Н. Д. Голев, подобный вопрос «не может ставиться, в силу того что он не может быть решен в принципе, ибо нет такого инструмента, чтобы отделить произвольное (или даже случайное) использование слова, формы слова от преднамеренного использования. Таким образом «воля языка», реализованная в тексте закона, требует от юриста, толкующего закон, определенного уровня метаязыковой (лингвистической) компетенции» [10].

В то же время существует официальная типология факторов, порождающих возможность злоупотребления законом. Так, на уровне лексики официального документа коррупциогенным фактором является определение компетенции формулой «вправе», которое влечет «диспозитивное установление возможности совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций» [2].

Например, п. 3 ст. 39 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» гласит: «Размер платы за пользование жилым помещением и коммунальные услуги в общежитии для обучающихся определяется локальными нормативными актами, принимаемыми с учетом мнения советов обучающихся и представительных органов обучающихся в организации, осуществляющей образовательную деятельность (при их наличии). Организация, осуществляющая образовательную деятельность, вправе снизить размер платы за пользование жилым помещением и коммунальные услуги в общежитии для обучающихся или не взимать ее с отдельных категорий обучающихся в определяемых ею случаях и порядке» [11]. На наш взгляд, данная правовая норма содержит коррупциогенный фактор, устанавливающий для правоприменителя возможность необоснованного применения исключений из общих правил для граждан («отдельных категорий обучающихся»), так

как определение случаев и порядка снижения размера платы за пользование жилым помещением и коммунальные услуги полностью отдано на усмотрение организации.

Становится очевидным, что императивность официально-деловой речи, предполагающая последующие обязательные действия адресата, требует точности выражения мысли, полноты высказывания.

Данное требование находит свое отражение и в синтаксических особенностях правовых документов. Так, усложненность синтаксиса делового документа, тенденция к рубрикации его текста обусловлены необходимостью детализации правовых норм. Сложные рубрицированные перечисления дают возможность формализовать передачу однотипной информации. При этом важным организующим средством на уровне предложения выступает порядок слов.

К сожалению, авторы официальных документов не всегда уделяют достаточно внимания порядку слов при построении предложений. Например:

«Основаниями для возврата Взыскателю документов, поступивших на исполнение, указанными в ч. 20 ст. 30 Федерального закона № 83-ФЗ, являются:

- а) непредставление документа:
 - подписанного Взыскателем либо его представителем заявления (за исключением случаев направления на исполнение судебного приказа);
 - доверенности либо нотариально удостоверенной копии доверенности, удостоверяющей полномочия представителя (за исключением случаев направления на исполнение судебного приказа)» [12].

В данном предложении отсутствие единообразия в структуре перечислений затрудняет восприятие текста: причастие «подписанного», стоящее непосредственно после существительного «документа», воспринимается при первом прочтении как его определение, что не соответствует замыслу текста. В связи с этим определяемое слово «заявления» необходимо поставить на первое место: «заявления, подписанного Взыскателем...». В таком случае языковое выражение правовой нормы становится более четким, а право-толкование – однозначным.

Неудачный порядок частей предложения может не только затруднять возможность понимания правовой нормы, но и создавать условия для ее двоякого толкования, порождая коррупциогенность текста. Например: «Постановка на учет детей-сирот и детей, ос-

тавшихся без попечения родителей, не имеющих закрепленного жилья» [13].

Это предложение взято из постановления, в котором утверждаются административные регламенты исполнения муниципальных функций (предоставления муниципальных услуг) администрацией. Формулировка представляется не совсем удачной, так как не ясно, к кому относится информация из причастного оборота «не имеющих закрепленного жилья» – к детям или к родителям. Так как здесь в сокращенном виде приводятся положения Жилищного кодекса Российской Федерации и Федерального закона от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», то речь идет, конечно, о детях. В связи с этим предложение следует перестроить следующим образом: «Постановка на учет детей-сирот, а также детей, оставшихся без попечения родителей и не имеющих закрепленного жилья».

Грамотному построению предложений в тексте официального документа должна сопутствовать правильная пунктуация. Одна из функций русской пунктуации заключается в том, чтобы способствовать ясности изложения мысли, а также выражать те смысловые оттенки высказывания, которые не могут быть выражены с помощью слов (вспомним классический пример: казнить нельзя помиловать). Эту же функцию выполняют знаки препинания в официально-деловых документах.

Среди выявленных нами пунктуационных ошибок наиболее частотными оказались отсутствие необходимых запятых при причастном обороте, а также постановка запятой вместо точки с запятой в сложных синтаксических конструкциях.

Подведем итоги. Основными требованиями, позволяющими преодолеть юридико-лингвистическую неопределенность в тексте официальных документов, являются:

- 1) употребление форм слов в соответствии с морфологическими нормами русского языка;
- 2) использование синонимичных предлогов с учетом оттенков их семантики;
- 3) унификация правовой терминологии;
- 4) употребление слов в соответствии с их значением и согласно правилам лексической сочетаемости;
- 5) построение предложений таким образом, чтобы не затемнялся смысл высказывания, не нарушалась логика законодательной мысли;

б) соблюдение правил русской пунктуации с учетом специфики языка законов.

Без сомнения, соблюдение денотативной и коммуникативной точности языка правовых актов является неотъемлемым условием социальной ценности правовых норм. Правильный отбор языковых средств в соответствии с прагматической установкой юридического текста способствует верному правотолкованию, а следовательно, и успешному решению правовых задач.

Список литературы

1. Галяшина, Е. И. Антикоррупционная юридико-лингвистическая экспертиза нормативных правовых актов и их проектов / Е. И. Галяшина // Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов / сост. Е. Р. Россинская. – М. : Проспект, 2010. – С. 34–43.

2. Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (утв. постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96). – URL: http://base.garant.ru/197633/#block_2000

3. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. – 31.07.2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3434.

4. Барабаш, О. В. Проблемы языкового выражения норм антимонопольного законодательства / О. В. Барабаш // Антимонопольная деятельность и защита конкуренции в Российской Федерации: экономическое содержание и сущность публично-правового регулирования : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 27–28 ноября 2012 г.) / под ред. В. И. Волчихина, М. В. Белобородова. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2012. – С. 47–52.

5. Постановление администрации рабочего поселка Колышлей Колышлейского района Пензенской области от 12.03.2013 № 26 «О разрешении на вырубку сухостоя и аварийных деревьев на территории муниципального образования «Рабочий поселок Колышлей». – URL: <http://kol.kolyshley.pnzreg.ru/ndocs/2013/03/13>.

6. Проект постановления «Об утверждении административного регламента администрации Суляевского сельсовета Лопатинского района Пензенской области по предоставлению муниципальной услуги по обеспечению своевременного и полного рассмотрения устных и письменных обращений граждан, принятию по ним решений и направлению ответов заявителям в установленный законодательством Российской Федерации срок». – URL: <http://sulyaevka.lopatino.pnzreg.ru/ndocs/2013/03/13/17201389>).

7. Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, фе-

деральных законов, актов палат Федерального Собрания» // Собрание законодательства РФ. – 20.06.1994. – № 8. – Ст. 801.

8. Постановление администрации Поимского сельсовета Белинского района Пензенской области от 15.06.2012 № 62 «О внесении изменений в правила внутреннего трудового распорядка для работников администрации Поимского сельсовета Белинского района, утвержденные постановлением администрации Поимского сельсовета Белинского района от 31.01.2011 № 11». – URL: <http://poimsk.belinskij.pnzreg.ru/ndocs/2013/03/13/14183009>.

9. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000.

10. Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999. – С. 11–58.

11. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 31.12.2012. – № 53 (ч. I). – Ст. 7598.

12. Приказ Управления финансов администрации Нижнеломовского района Пензенской области от 28.02.2013 № 6 «О внесении изменений в приказ Управления финансов администрации Нижнеломовского района Пензенской области от 29.12.2012 № 58 «Об утверждении Порядка исполнения Управлением финансов администрации Нижнеломовского района Пензенской области судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства бюджетных и автономных учреждений Нижнеломовского района Пензенской области». – URL: <http://finance.nlomov.pnzreg.ru/news/2013/03/4/10010777>.

13. Постановление Администрации Ульяновского сельсовета Тамалинского района Пензенской области от 25.02.2013 № 11 «Об утверждении административных регламентов исполнения муниципальных функций (предоставления муниципальных услуг) администрацией Ульяновского сельсовета Тамалинского района Пензенской области». – URL: <http://ulynovsky.tamala.pnzreg.ru/ndocs/2013/03/12/7572952>.

Е. Н. Бондаренко

кандидат филологических наук,

Академия государственной противопожарной службы МЧС России,

г. Москва

МОТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА

Рассматривается проблема мотивного анализа публицистического произведения, представленного на экспертизу для выявления порочащего характера информации при условии ее несоответствия действительности.

Ключевые слова: мотив анализа, негативный, информация, порочащий, высказывание.

В последнее время все большую актуальность приобретает применение литературоведческих методов в лингвистической экспертизе. Это связано с тем, что данные способы позволяют установить негативный характер информации в рамках всего текста, а не отдельных фраз. Следовательно, они способствуют рассмотрению всего речевого произведения в целом, исключая возможность обособленного толкования его фрагментов отдельно в качестве существующих самих по себе коммуникативных актов, не связанных с речевой ситуацией.

Одним из примеров применения литературоведческого метода является экспертиза статьи «Рекордная Обираловка», при проведении научного исследования которой был использован мотивный анализ. Перед специалистом был поставлен вопрос: *«Содержится ли в следующих оспариваемых фразах статьи "Рекордная Обираловка: а) «У горадминистрации нет денег на строительство социальных объектов, зато у мэра есть автомобиль за 8 000 000 рублей»; б) «...А его приближенные владеют практически всем городским бизнесом...»; в) «...Практически весь городской бизнес поделен между двумя семьями – семьей мэра Л. и семьей его друга М.»; г) «...Сын мэра, В., владеет строительной компанией и предприятием по изготовлению тротуарной плитки»; д) «...“Семейный бизнес” в ...ске развивается весьма странными путями <...> и таких примеров приобретения городской недвижимости за БЕСЦЕНОК в ...ске десятки»; е) «В семье Д. трое детей: 6, 9 и 11 лет. Ни один из них в детский сад не ходил. По*

словам Д., во всем виноваты «недвижимые» очереди для дошколят... – Нам никогда не хватало мест, – рассказывает Д. – Очереди в детские сады такие, что попасть туда практически невозможно...»; ж) «В районе, где мы проживаем, есть два детсада, используемых не по профилю: в одном располагается православная гимназия, в другом – частная школа. При этом на район в 20 тысяч человек приходится всего два муниципальных садика на 400 мест»; з) «По официальным данным, в этой очереди (в детские дошкольные учреждения) застыли 6184 ребенка, по данным движения "Ю..." – более 7500», – негативная информация о Л.? Если в вышеуказанных фразах имеются негативные сведения об обозначенных лицах, то в какой форме они выражены: утверждения о фактах, предположения, вопроса, оценочного суждения? Является ли изложенная в оспариваемых фразах информация унижающей честь и умаляющей достоинство, порочающей производственно-хозяйственную деятельность и деловую репутацию Л., его родственников при условии ее несоответствия действительности?»

Все представленные на исследование фразы являются повествовательными предложениями, так как они выражают законченную мысль и в конце их поставлена точка. Используемые в речевых фрагментах лексико-грамматические единицы употреблены в прямом значении. Это позволяет квалифицировать изложенную информацию как утверждение о фактах.

Каждая оспариваемая фраза является сообщением о событиях, происходящих в городе ...ске, причем события эти развиваются в отрицательном ключе, что определяется уже самим названием статьи «Рекордная Обираловка». Слово «Обираловка» является, по словам автора публицистического произведения, дореволюционным названием города. Однако по историческим данным город получил название ...ский лишь 17 января 1939 г. Кроме того, само содержание статьи (обличение мэра Л.) и употребление определения «рекордная» к указанному существительному позволяют утверждать, что автор использует прием игры слов, особенностями которого являются ироничный тон повествования и соединение в одной лексической единице разных значений. Слово «Обираловка» не только выступает в виде номинации города, но и раскрывает в тексте мотив несправедливости, о чем свидетельствует семантика речевой единицы (неравномерного распределения материальных благ). Об этом свидетельствуют дефиниции лексемы в словарях:

«О месте, где обирают, где вымогают деньги у покупателей, посетителей. Не рынок, а настоящая обираловка!» [1]; «Место, где обирают, где вымогают деньги у кого-нибудь, а также само такое вымогание» [2]. Подобным значением слово обладает и в примерах из живой речи:

«Борька кричал, что это грабеж и обираловка» (Анатолий Рыбаков. Кортик (1946–1948)) [3];

«Однако кто мог заподозрить гнусную обираловку в большом строительном предприятии?» (Афера Ивана Дудкина, или Как в Барнауле в одну квартиру пытались поселить шесть семей / Строительство. – 2003. – 26 мая) [3];

«Пахнет немного арбатской московской обираловкой – отловить интуриста, сделать портрет, слупить деньги» (Кучаев А. В германском плену // Октябрь. – 2001. – № 8) [3].

Следовательно, речь в статье идет не только о городе ...ске, но и о существующих в нем проблемах распределения материальных благ на неравных основаниях. Вынесенная в заголовок лексема определяет весь тон и ход повествования, она является его ключевой темой, содержательным ядром, сутью излагаемого. Отсюда оспариваемые фразы выступают либо как непосредственное выражение данного мотива, либо как аргументы, помогающие его раскрытию и создающие эффект истинности, подлинности описываемого.

В первой фразе «У горадминистрации нет денег на строительство социальных объектов, зато у мэра есть автомобиль за 8 000 000 рублей» мотив неравного распределения материальных благ возникает из-за противительного значения союза «зато». Данное служебное слово употребляется при возместительном сопоставлении, о чем свидетельствует его толкование в лексикографических изданиях: «<...> соответствует по значению словам: однако, но в то же время. Приют наш мал, зато спокоен. Лермонтов, Измаил-Бей» [4]; «но в то же время, однако (с оттенком значения возмещения). Дорого, зато хорошая вещь» [2]. Семантика восполнения, замены утраченного и недостающего позволяет утверждать, что, исходя из текста, мэр города заботиться о своем благополучии больше, чем о реализации социальных строительных проектов. Денежные средства не только не были использованы по назначению, но полностью отсутствуют в бюджете горадминистрации, при этом Л. позволяет себе иметь очень дорогой автомобиль, стоимость которого составляет 8 000 000 руб. Подобное сообщение описывает несоразмерность и несовместимость должностных обязанностей

и возможностей руководящего лица с предъявляемыми к ним нравственными, а также правовыми требованиями.

Мотив неравного распределения материальных благ раскрывается и во второй оспариваемой фразе «...А его приближенные владеют практически всем городским бизнесом». Маркерами речевой ситуации неравенства выступают слова «практически всем», которые отражают семантику довлеющего большинства. Об этом свидетельствуют дефиниции лексем в словарях: «Практически <...> по существу, по сути дела. *Практически здоров. Поеду почти до самого океана, словом, до того места, где практически кончается вовсе течение реки*» [4]; «Весь <...> полный, без изъятия, целиком, сплошь от начала до конца. *Все жители Земли*» [2]. Отсюда следует, что городской бизнес почти полностью находится в руках у «приближенных» мэра города. Негативный оттенок информации усиливается за счет лексемы «приближенные», обозначающей людей, которые близки «к какому-либо лицу (обычно высокопоставленному), пользующиеся его доверием. *Приближенные бояре <...> Царь и его приближенные не только одобряли это занятие [военную службу], но хвалили, благодари за это.* Л. Толстой, Воскресение» [4]. Иными словами, городской бизнес не получает своего развития, так как он почти полностью сосредоточен в руках близких людей Л. Одно из таких лиц, пользующихся правами «монополии», даже названо в тексте с указанием на степень родства и расшифрованными инициалами: «...Сын мэра, В., владеет строительной компанией и предприятием по изготовлению тротуарной плитки». Данная фраза подчеркивает привилегированное положение отдельных граждан города ...ска, при этом мотив неравенства раскрывается в новом, семейном аспекте. Так в тексте появляется тема родства, которая, отражая преимущественное положение «приближенных», связывается с идеями кумовства и протекционизма.

Василий Фролов (автор публицистического произведения) описывает факты nepoтизма и ограждения «доверенных лиц» от здоровой конкуренции путем разделения городского бизнеса на родственные кланы. Автор указывает также, что «"Семейный бизнес" в ...ске развивается весьма странными путями». Данная фраза является оценочным суждением, смысл которого раскрывается в дальнейших пояснениях корреспондента, являющихся утверждением фактов. Негативная коннотация (оценочность) слова «странный» проистекает из его лексического значения «неестественный», которое определяется контекстом. Эта искусственность снова подчеркивает идею привилегированности определенного круга лиц.

На этот раз она заключается в приобретении имущества по очень низкой цене: «И таких примеров приобретения городской недвижимости за бесценок в ...ске десятки». Маркером семантики неравенства выступает в данном случае слово «бесценок», которое имеет в лексикографических изданиях следующие значения: «очень дешево. Анна Михайловна продала за бесценок свой городской дом. Чехов, Скука жизни» [4]; «очень дешево. Купить, продать. Спустить за бесценок» [1]. Использование прав непотизма автор также иллюстрирует следующим примером: «Квадратный метр здания обошелся жене мэра в 234 рубля». Данный текст опять возвращает читателя к теме привилегированности, которой обладают лица, «приближенные» к власти имущим – к Л. В контексте исследуемой речевой ситуации негативные характеристики приписываются и супруге мэра города, так как она приобрела здание, по словам Василия Фролова, «за бесценок».

Вторая тема, раскрывающая мотив неравного распределения благ, касается невозможности рядового гражданина отдать своего ребенка в детский сад. Этого обстоятельства касаются сразу три оспариваемые фразы: «В семье Д. трое детей: 6, 9 и 11 лет. Ни один из них в детский сад не ходил. По словам Д., во всем виноваты «недвижимые» очереди для дошколят... – Нам никогда не хватало мест, – рассказывает Д. – Очереди в детские сады такие, что попасть туда практически невозможно»; «В районе, где мы проживаем, есть два детсада, используемых не по профилю: в одном располагается православная гимназия, в другом – частная школа. При этом на район в 20 тысяч человек приходится всего два муниципальных садика на 400 мест»; «По официальным данным, в этой очереди (в детские дошкольные учреждения) застыли 6184 ребенка, по данным движения «Ю...» – более 7500». Все они являются утверждением, что право привилегии снова переходит к элитному меньшинству, к каковому относится православная гимназия, в другом – частная школа, а большинству рядовых граждан во все не предоставляется возможность использовать свои права. Доказательством тому становятся сразу несколько фактов: во-первых, очереди почти в 7500 детей, во-вторых, отсутствие движения в этих очередях (слово «недвижимые» и «застыли» при характеристике очереди), в-третьих, нежелание власти разрешать проблему с дошкольными учреждениями (возраст детей Д. колеблется в рамках от 6 до 11 лет, что подразумевает отсутствие изменений уже в течение долгих лет; факт использования двух детских садов не по профилю, хотя в районе наблюдается явная нехватка дошкольных

учреждений – приводятся цифры: при плотности населения 20 тыс. человек существует два детских сада на 400 мест). Таким образом, вопрос с социальными правами жителей ...ска снова решается не в пользу большинства рядовых граждан.

Все эти оспариваемые фразы можно проверить на истинность, следовательно, если учитывать негативный характер информации об Л. и его семье (властные полномочия указанного лица используются для неравного распределения материальных благ среди жителей ...ска, близкие люди мэра города имеют значительные привилегии), их можно квалифицировать как порочащие в том случае, если они не соответствуют действительности.

Таким образом, в *оспариваемых фразах* статьи «Рекордная Обираловка» содержится негативная информация о Л. и его родственниках. Негативные сведения об указанных лицах выражены в форме утверждения о фактах. Изложенная в оспариваемых фразах информация квалифицируется как унижающая честь и умаляющая достоинство, порочащая производственно-хозяйственную деятельность и деловую репутацию Л., его родственников при условии ее несоответствия действительности. Подтверждением негативного характера информации является не только анализ семантики слов, сравнительно-сопоставительный анализ, но и мотивный анализ, являющийся литературоведческим методом исследования текста.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – URL: [http:// www.gramota. ru/slovari/info/bts/](http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/)
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2008. – 944 с.
3. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://ruscorpora.ru>
4. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981–1984. – URL: [http:// www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=240](http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=240)

А. О. Булатова

доцент

Т. А. Гордеева

доктор филологических наук, профессор

Н. Н. Таньков

кандидат педагогических наук, доцент,

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ПРОБЛЕМЫ АРГУМЕНТАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РИТОРИКА ЮРИСТА

Статья посвящена как общим проблемам аргументации, так и вопросам аргументации в сфере юриспруденции.

Ключевые слова: теория аргументации, формальная логика, консенсус, дискурсетика, аргументативный дискурс, профессиональная этика.

Исходным пунктом интереса к риторике в новое время можно считать возврат интереса к языку, который в философии обозначается как «linguistic turn». В отличие от философии сознания, но и в противопоставление идеологии точности естественных наук языковой анализ предлагал себя как путь к познанию, который ориентируется не на мир и его представление в сознании, а на языковые процессы освоения и обработки фактов. Если в этой связи риторика рассматривалась как предшествующая дисциплина, то в особых случаях речь шла о ее критическом использовании, которое в конце концов из речевого искусства превращалось в теоретически-познавательную эпистемологическую дисциплину. Это произошло в ходе типичного расслоения старой модели, а именно со стороны аргументативной и представительно-языковой стороны. Новая риторика представлялась как теория аргументации, которая отклоняла искусство и обращалась к анализу.

Первой значительной попыткой использовать риторiku для решения проблемы аргументации были труды бельгийского ученого Хаима Перельмана [1]. При этом он отмежевывался от традиции картезианской логики, которая характеризовалась формальным анализом. У формальных логиков существовала тенденция редуцировать все дедуктивные выводы, которые считались корректными, если только все шаги соответствовали заданной схеме, и некорректными, если это было иначе. Для каждого приведенного внутри системы аргумента, когерентность которого доказана или принята

как аксиома, без дальнейших дискуссий вывод считается истинным или, по крайней мере, близким к истине.

Так как аргументация ориентируется на тезис, статус введенного в аргументацию элемента не может оставаться неизменным, как в формальной системе, поскольку он зависит от восприятия аудитории. Подвергаться сомнению могут не только доказательства, но и само определение данных фактов может последовать только в результате возможной дискуссии об их интерпретации и особенно их значении и диапазоне используемых понятий. Насколько одна и та же данность по-разному может обозначаться введением в категории без имеющегося консенсуса, настолько она затрагивает соответствующие свидетельства из определенного набора, который можно подвергнуть обсуждению.

В поле вероятности определенной данности невозможно полное достижение абсолютной истины, так как условия ее достижения не всегда являются объяснимыми. В случае одобрения этих условий возможна истина относительная. Теория аргументации Х. Перельмана предполагает обязательное знание условий и общепринятых предположений, характерных для современного мышления, т.е. данную теорию можно рассматривать как современную топику, восходящую к традиционной аристотелевской [1].

Похожий путь предложил Стивен Тулмин. Он также отклоняет аналитическое мышление, так как оно вместе с формальными методами исключает и содержание. Но формальные выводы не поддерживают новые знания, они не продуктивны. В этой связи С. Тулмин говорил о зависимости от поля аргументации и предпринял попытку измерить его возможности. При этом речь идет о стандартах, которые образуются в специфических областях знания и направляют суждения на соответствующие поля. Но и здесь в основе лежит понятие истины, которое отделяется от «предельных» критериев и вместо этого в консенсусе всех участников, готовых к диалогу, борется за основы знания. Вследствие этого истина выявляется в ходе дискуссионного процесса и является результатом не эффективной речи, а скорее объективной. Ценность аргументов зависит от умения их использовать, но это использование С. Тулмин прослеживает не на заднем плане абстрактной модели, приемлемой для всех областей знаний, а на заднем плане конкретных специальных языков [2].

В целом нерешенной остается проблема, в какой мере может быть обоснованным выбор полей, на которых разворачивается ар-

гументация. Юрген Хабермас сформулировал это как возражение Стивену Тулмину и одновременно попытался изучить проблему действительности аргументов, включая вопрос уместности раскрытия проблемы. Ю. Хабермас подчеркивает тот факт, что истина доступна не в смысле «объективного» знания, но хотела бы охватить поля аргументации [3]. В данном случае необходима интерпретация этих полей как сфер действительности, внутри которых аргументирующие находят собственные условия рациональности, доступные для защиты и критики.

В качестве сфер действительности выступают, как правило, наука, мораль и эстетика. Как известно, в мире природы востребована истина, в социальной сфере имеют дело с принятыми нормами, во внутреннем мире речь идет о правдивости или аутентичности. Говоря иначе, в области эстетики (равно как и в области науки и морали) действует рациональный подход к феноменам эстетики. Данный подход, по Хабермасу, основан, как и в других случаях, на способности оратора защищать требования истины или критиковать их. Хотя не любое знание в мире можно контролировать, не каждое условие можно перепроверить, но при необходимости можно проконтролировать или перепроверить их в каждом отдельном случае. Нормы должны использоваться, но могут быть разбиты на темы и обновляться. Восприятие культуры как поставщика толкований, как это представлено в современной герменевтике, проявляется как культурализм.

Однозначность культуралистического жизненного мира становится ясна, если мы учитываем, что коммуникативное действие является не только простым процессом понимания, что актуаторы, договариваясь о чем-нибудь в одной области, одновременно участвуют в интеракции с окружающим миром, из-за чего подтверждают свою принадлежность к определенной социальной группе или собственную идентичность. Коммуникативные действия – это не только процессы интерпретации, они означают одновременно процессы социальной интеграции и обобществления.

Концепция, которая стала известна под названием дискурс-этики, нашла поддержку там, где искали возможности продолжить риторическую традицию на уровне постметафизического мышления. Йозефу Коппершмидту [4] принадлежит доказательство, что возможна связь дискурсэтического тезиса с риторическим выражением, как об этом говорил Юрген Хабермас. На основе ориентированной на Хабермаса реконструкции аргументативного решения

проблемы исследуются условия консенсуса, вырабатывается линия защиты против всех попыток монологической организации аргументирования на научной основе.

Юриспруденция принадлежит к аргументативно-активной сфере. Язык, использующийся в юриспруденции, является узко-профильной терминосистемой, которая возникла вместе с институтами права, включавших в себя разработку процедур, ролей, моделей поведения людей, участвующих в судебном процессе. Вследствие этого его можно считать составной частью системы юриспруденции. Однако, в общем и целом, кроме системы терминов и понятий право в наше время основано на аргументации, на теории убеждения. В мире признано, что аргументативный дискурс, или дискурс убеждения, стал основным в международном праве.

Люди, занятые в сфере юриспруденции, безусловно, относятся к коммуникантам-профессионалам, потому что, как правило, их деятельность неразрывно связана не только с коммуникацией как таковой, но и с аргументацией. В ходе судебного заседания их работой является, по сути дела, состязательный диалог. В ряде других случаев не менее важен набор аргументов, с одной стороны, и техника убеждения – с другой. Те, кто занимается теорией юридической аргументации, особо выделяют силлогизм – *modus ponens*, который называют юридическим.

Характерной особенностью аргументации в юридическом дискурсе является неоднородность адресата, в частности роль третьей стороны. Во время судебного заседания при приведении аргументов адресат обычно «раздваивается»: если аргументирует истец, то аргументы адресуются ответчику и судье; если зачитывает решение суда судья, то у него два основных адресата – ответчик и истец. Во время конфронтации двух сторон третьей стороной является судья. Оценка аргументов тоже обычно двунаправленна. В конечной стадии, когда судья оглашает вердикт, адресат (аудитория) не является гомогенным. Общеизвестно, что лучшие в своем деле прокуроры вносят коррективы в свою речь, исходя из складывающейся ситуации, что успех речи адвоката напрямую зависит от времени и места проведения заседания суда. Выступление адвоката всегда направлено на присутствующую в зале аудиторию.

Корректные аргументативные возможности специалиста должны быть разнообразными, в противном случае едва ли будет возможным достижение поставленных коммуникативных и профессиональных задач.

Список литературы

1. Perelman, Ch. Das Reich der Rhretorik / Ch. Perelman. – München, 1980.
2. Toulmin, St. Der Gebrauch von Argumenten / St. Toulmin. – Kronberg, 1975.
3. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas. – Frankfurt, 1981.
4. Kopperschmidt, J. Allgemeine Rhenorik / J. Kopperschmidt. – Stuttgart, 1989.

Е. В. Викторова

*кандидат педагогических наук, доцент,
Пензенский государственный университет, г. Пенза*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ

Предпринята попытка рассмотреть эмоциональные механизмы манипулирования общественным сознанием как ведущие, раскрыть импрессионную природу мифов и стереотипов в структуре технологий манипулирования общественным сознанием.

Ключевые слова: манипулирование, общественное сознание, эмоции, импрессионг.

Манипулирование – скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом. Это одна из характерных особенностей, которую и возьмем за основу. Манипулирование можно считать состоявшимся только в том случае, если человек (группа, общество) под воздействием полученных сигналов перестраивает свои воззрения, мнения, настроения, цели и начинает действовать по новой программе. Принято говорить о манипулировании индивидуальным сознанием, групповым и общественным.

Цель манипулирования общественным сознанием – «пассивная безответственность масс» [1]. В своей работе «Управление общественным сознанием» К. Х. Каландаров приводит следующие цифры: «...Как правило, субъекты манипулирования составляют от 1 до 3 % населения. К ним примыкают до 20 % "информированной" аудитории, владеющей верной интерпретацией сведений...» [1]. Манипулирование – всегда скрытое воздействие, успешность которого зависит от множества факторов. Если объект «усомнился, уперся, защитил свою духовную программу, он жертвой не становится, – указывает В. Н. Верхоглазенко. – Манипуляция – это не насилие, а соблазн» [2]. Не случайно базовыми методами манипуляционного воздействия являются убеждение и внушение.

К факторам, влияющим на эффективность подобного «соблазнения», относятся национально-психологические особенности (специфика общественной психологии, менталитета); групповая принадлежность (специфика группового сознания); индивидуально-личностные характеристики (характер, мировоззрение, темпе-

рамент); особенности морально-психологического состояния. Поскольку речь идет о манипулировании общественным сознанием, то при конструировании технологий и приемов манипулирования акцент делается на те факторы, которые будут действенны при влиянии на большие массы людей, прежде всего на общественную психологию, реже – на групповую принадлежность.

Ориентироваться в актах манипулирования на общественную психологию – совокупность присущих людям, социальным группам и общностям чувств, настроений, нравов, идеалов, потребностей, интересов, убеждений, верований, социальных установок – не составляет особого труда, поскольку общественная психология характеризуется стихийностью формирования, закреплением в национальных традициях и доминированием эмоций.

Такой фактор, как индивидуально-личностные характеристики, при массовом манипулировании учесть крайне сложно, однако есть механизмы, которые будут действенны при влиянии на массовое сознание, например, учет особенностей языка, типа мышления, характера восприятия информации. По характеру восприятия информации общественное сознание может быть представлено как теоретическое и обыденное. Теоретическое сознание способно проникать в суть явлений, следовательно, оно способно выявлять манипулирование и сопротивляться ему. Благоприятную же почву для манипулирования предоставляет обыденное сознание, которое охватывает и обобщает внешние связи явлений, не проникая в их сущность, характеризуется жизненно-практическим, несистематизированным и вместе с тем целостным миропониманием. Обыденное сознание чаще всего стихийно, вместе с тем близко к непосредственной действительности жизни, которая в нем отражена достаточно полно, с конкретными деталями и смысловыми нюансами. Современное обыденное сознание насыщено научными знаниями, хотя и преобразует их в некую целостность с помощью средств, не сводимых к научным, поэтому в современном обыденном сознании немало мифов, утопий, иллюзий, предрассудков, которые имеют мало общего с окружающей реальностью.

Что касается такого фактора, как морально-психологическое состояние, то его можно вызвать, чем активно пользуются манипуляторы. Как отмечает С. А. Зелинский, автор большого числа работ, посвященных манипулированию сознанием, специфика приемов воздействия на подсознание в том, что они «весьма эффективно действуют на всех без исключения, независимо от конкретной

целевой аудитории или типовых особенностей личности того или иного человека. Объясняется это тем, что психика человека в общем и целом имеет единые компоненты и различается только незначительными деталями, а отсюда и повышенная эффективность разработанных методик манипуляций, существующих в мире» [3].

Многочисленные исследования, посвященные технологиям манипулирования сознанием, в том числе посредством СМИ (С. А. Зелинский, К. Х. Каландаров, С. Г. Кара-Мурза, Г. Шиллер и др.), позволяют говорить о том, что основой большинства технологий манипулирования сознанием является эмоциональность человека. С. П. Расторгуев в своей работе «Информационная война» отмечает: «В случае быстрого и массового перепрограммирования народа, нации наиболее эффективными являются приемы, имеющие эмоциональную окраску и принадлежащие таким сферам, как массовая культура, искусство, религия» [4]. К. Х. Каландаров, анализируя технологию манипулирования сознанием, среди всех видов контактов с аудиторией, которые инициирует манипулятор, на первое место ставит именно эмоциональный контакт и прямо указывает на совершающееся психологическое давление [1].

Эмоции и чувства более подвижны и податливы, чем мышление, и если удастся их дестабилизировать, то и мышление оказывается более уязвимым для манипулирования. Общей принципиальной установкой в манипулировании массовым сознанием является предварительное «раскачивание» эмоциональной сферы (К. Х. Каландаров, С. Г. Кара-Мурза и др.). Особенно часто манипуляторы прибегают к таким эмоциям и чувствам, которые питают стереотипы: страх, зависть, ненависть, самолюбие и т.п. Они хуже всего поддаются внутреннему самоконтролю и проявляются особенно бурно. Из них шире всего эксплуатируется в манипулировании сознанием страх. Для усиления негативных чувств осуществляется воздействие на воображение человека: для этого необходимо лишь создать подходящий пугающий образ, и чувство страха, разрастаясь, становится неадекватным, не соответствующим реальности. По словам К. Х. Каландарова, осуществляется «перенос предмета из реальности в чувство» [1].

По замечанию С. Г. Кара-Мурзы, манипуляторы верно определили два важнейших вида духовной деятельности человека, которые надо взять под контроль, чтобы программировать мысли, — познание и общение [5]. Поскольку на эмоции и чувства человека воздействовать проще всего, поэтому необходимо «отключить» те

механизмы познания и общения, которые опираются на рацию – это логическое мышление, внимание и память. Внимание и память используются, как правило, в сочетании: внимание нужно или привлечь чем-то злободневным, ярким, пугающим и т.п., или же, наоборот, отвлечь от чего-то действительно важного, требующего сосредоточенности, а затем зафиксировать в памяти реципиента нужную информацию, для чего ее повторяют многократно.

Логическое мышление все чаще заменяется ассоциативным и стереотипным. При помощи метафор к жизни вызываются положительные или отрицательные ассоциации: человек путает логический мыслительный процесс с возникновением эмоций, которые вызваны образами, а не понятиями. Стереотипное мышление – самая благодатная почва для манипулирования: для всех социальных стереотипов характерны неразвитость когнитивного компонента, интенсивность эмоционального проявления, недифференцированная и пристрастная оценочность.

Отсюда необходимым стратегическим условием для успешности конкретных манипулятивных актов является внедрение в общественное сознание мифов, условием функционирования которых в свою очередь является эмоциональная дестабилизация (К. Х. Каландаров, Г. Шиллер). Природа и специфика мифа как способа духовно-практического освоения мира, формы общественного сознания и мировосприятия, его социальное назначение позволяют говорить о том, что в возникновении как «старых», так и «новых» мифов немаловажную роль играют эмоции. В жизни отдельно взятой личности миф, как правило, возникает в условиях импрессинга, поэтому не нуждается ни в каком логическом обосновании: человек, принимает свой миф как реальность, он верит в него, и это подкрепляется эмоциональной насыщенностью мифа. Импрессионная информация способна стать устойчивыми моделями мышления и поведения, компенсировать недостаток объективных знаний, становясь неким объяснением чего-либо непонятного человеку, и, подкрепляясь в сензитивные периоды социальными стереотипами извне, разрастаться до символа.

Г. Шиллер к числу мифов, создание и поддержание которых обеспечивает эффективность реализации манипулятивных технологий, относит миф об индивидуализме и личном выборе, миф о нейтралитете, миф о неизменности природы человека, миф об отсутствии социальных конфликтов, миф о плюрализме СМИ [6]. Эти и другие мифы не функционируют разрозненно: средства мас-

совой информации с помощью современной мифологии формируют псевдореальность (Г. Дебор), воображаемые миры (К. Х. Каландаров), т.е. такую информационно-оценочную среду, специфика которой в том, что она не дает человеку возможности разобраться в сути происходящих вокруг него событий [1, 7].

Современные приемы манипулирования сознанием отвечают содержанию современных мифов, как бы «откликаются» на них. Приемы манипулирования сознанием проанализированы в работах Г. Грачева и И. Мельника, Е. Л. Доценко, Ю. А. Ермакова, С. А. Зелинского, В. М. Кандыбы, С. К. Кара-Мурзы, В. Г. Крысько и др. Из всего массива приемов приведем в качестве примера действия эмоциональных механизмов те, которые применяются с целью влияния на массовое сознание (не на индивидуальное) и наиболее широко встречаются в СМИ.

По выраженности и характеру воздействия на эмоции указанный массив приемов, по нашему мнению, можно поделить на несколько групп. Во-первых, это приемы прямого воздействия на эмоции. Так, прием «экспрессивный удар» должен произвести эффект психологического шока, например, транслированием ужасов современной жизни, что вызывает первую реакцию протеста, желание во что бы то ни стало наказать виновных. Прием «блистательная неопределенность» (или «сияющее обобщение») призван вызвать положительные чувства и эмоции, наделяя события и идеи обобщающим родовым именем, которое символизирует, к примеру, добро, культуру, гуманизм, демократию, права человека и т.п. Прием «эмоциональное заряджение/заражение» целиком основан на способности людей заражаться чужими эмоциями. Очевидный эмоциональный базис имеют также следующие приемы, названия которых говорят сами за себя: «осмеяние», «образ врага» и др. Входит в эту группу и прием, казалось бы, прямо противоположного действия – прием «будничный рассказ» («зло с человеческим лицом»). Его суть в том, что эмоции «затушевываются»: информация, которая может вызвать нежелательный эффект, произносится обычным тоном, словно ничего страшного не происходит.

Вторую – самую многочисленную – группу составляют приемы, в которых воздействие на эмоции человека оказывается не прямо, а вуалируется какой-либо информацией: за видимостью объективной и логичной информации скрывается апелляция к эмоциям человека, питающим его мифы и стереотипы. К таким относятся приемы «утечка информации» (его подвиды: «скандальная

засветка», «ложный накал страстей»), «идеологическая стереотипизация», «перенос» (или «трансфер») со ссылкой на престижность, прием «свидетельство» («по рекомендации»; его подвид — «продвижение через медиаторов») со ссылкой на референтное лицо, прием «подтасовка карт» с расчетом на недостаточную осведомленность, прием «игра в простонародье» с расчетом на желание ощущать себя ближе к «вождям», прием «общая платформа» с расчетом на конформизм, прием «эффект присутствия» со ссылкой на рассказчиков-очевидцев, «голос пророка», «затрагивание запретных или нежелательных тем» и др. В эту же группу входят приемы, призванные отвлечь внимание: так, например, с помощью приема «показная проблематика» переключается внимание с настоящих проблем на незначительные, а прием «удар на опережение» состоит в том, чтобы вызвать негативные эмоции в таком объеме, что к тому моменту, когда нужно адекватно реагировать, большинство уже психологически устает.

Третью группу составляют приемы, в которых эмоции вызваны к жизни или усилены специфическим оформлением информации и, возникнув, не дают сосредоточиться на самой информации. Так, прием «подпороговая подача информации» («эмоциональная подстройка») основан на том, чтобы вызвать необходимые эмоции с помощью подачи информации на фоне специально подобранной музыки или цветового ряда. «Прием контраста» состоит в том, что необходимая информация подается на фоне другой, изначально негативной и отрицательно воспринимаемой большинством аудитории. Приемы «искажение информации» и «особая компановка» (у него множество подвидов: «дробление информации», «информационная избыточность», «высокий темп подачи», «повторение лозунгов» и др.) призваны подать специально подобранную информацию и в определенной последовательности, которая «избавит» реципиента от необходимости самому думать и выбирать. А такие приемы, как «инициирование вторичной информационной волны» и «большой психоз», стимулируют интерес за счет нагнетания эмоций тем, что они якобы не теряют актуальности и возникают у большинства.

Анализ научной и публицистической литературы по рассматриваемой теме позволяет говорить о том, что система манипулирования сознанием во многом опирается на импрессионизм, при этом использует их двояко. Большинство технологий и приемов манипулирования нацелены на ценности, идеи, нормы, потребности

и т.д., близкие массовому реципиенту. В работах Е. Л. Доценко и К. Х. Каландарова, к примеру, указывается на побудители активности (потребности, интересы, склонности, идеалы), регуляторы активности (смысловые, целевые и операциональные установки, групповые нормы, самооценка, мировоззрение, убеждения, верования), когнитивные (информационные) структуры (знания о мире, людях, сведения, которые обеспечивают информацией человеческую активность), операциональный состав деятельности (способ мышления, стиль поведения, привычки, умения, навыки, квалификация), психические состояния (фоновые, функциональные, эмоциональные и т.п.) [1, 8].

Указанные ценности и потребности формируются и закрепляются в ценностной системе личности во многом благодаря импрессиингам – «критическим» моментам, во время которых наиболее сильно, наиболее глубоко производят впечатление (запечатлеваются) определенные воздействия внешней среды» [9, с. 9]. Однако хорошо организованное манипулирование сознанием не ограничивается уже сформированными и эмоционально подкрепленными стереотипами понимания и оценки явлений – создаются новые, более удобные для манипулирования. Эффективность внедрения подобных, заново созданных стереотипов зависит от условий их создания и внедрения: для этого необходимы точный расчет на актуальные и значимые для большинства реципиентов социальные факты, мощная эмоциональная база и регулярность воздействия. Спектр импрессиинговых воздействий очень широк: решающее значение в любой момент могут возыметь «какие-либо наблюдения, какой-либо акт доброты, жестокости, несправедливости, какая-либо книга, фильм, разговор, жизненное происшествие» [10, с. 85]. Опора на не выявленные вовремя и не осознаваемые человеком импрессиинги в системе манипулирования сознанием эффективна, поскольку импрессиинги устойчивы и с трудом поддаются изменению: они способны определять эмоциональную сущность индивида, его ценностные критерии, причем нередко необратимо» [9, с. 8]. На мощную закрепляемость в сознании информации, которая с помощью эмоциональных механизмов манипулирования «подавалась» первой, указано и в работе К. Х. Каландарова «Управление общественным сознанием». Следовательно, малейшие просчеты в манипулировании сознанием могут обратиться против его субъектов.

Как видим, современные технологии манипулирования сознанием выстраиваются с расчетом на эмоциональность человека и в свою очередь подпитывают эмоциональность в ущерб рацио-

нальности. О последствиях массового распространения подобных технологий предупреждается во многих научных публикациях. В качестве примера приведем мнение С. Г. Кара-Мурзы, которое состоит в том, что основной целью манипулирования сознанием является порождение и укрепление веры – веры в мистическую силу власти, событий и т.п. – веры, которая парализует способность и волю к здравому рассуждению и к сопротивлению манипулированию. Очевидна необходимость более детального изучения эмоциональных механизмов манипулирования сознанием, в частности, импрессионной природы современных мифов, стереотипов, верований, страхов и т.п.

Список литературы

1. Каландаров, К. Х. Управление общественным сознанием / К. Х. Каландаров. – URL: http://albooking.net/book_43.html (дата обращения: 20.03.2013).
2. Верховглазенко, В. Н. Аналитический обзор по теме «Современные технологии манипуляции общественным сознанием» / В. Н. Верховглазенко. – URL: <http://www.mmpk.appach.ru/node/76> (дата обращения: 20.03.2013).
3. Зелинский, С. А. Психотехнологии гипнотического манипулирования сознанием / С. А. Зелинский. – URL: <http://psyfactor.org/lib/zelinski2-11.htm> (дата обращения: 21.03.2013).
4. Расторгуев, С. П. Информационная война / С. П. Расторгуев. – URL: <http://evartist.narod.ru/text4/54.htm> (дата обращения: 21.03.2013).
5. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – URL: <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul.htm> (дата обращения: 19.03.2013).
6. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. – URL: <http://psyfactor.org/infmanipulat2.htm> (дата обращения: 20.03.2013).
7. Дебор, Ги. Общество спектакля / Ги Дебор. – URL: http://www.modernlib.ru/books/debor_gi/obschestvo_spektaklya/read/ (дата обращения: 19.03.2013).
8. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции / Е. Л. Доценко. – URL: <http://www.zipsites.ru/psy/psylib/info.php?p=2090> (дата обращения: 22.03.2013).
9. Эфроимсон, В. П. Генетика этики и эстетики / В. П. Эфроимсон. – СПб. : Талисман, 1995. – 288 с.
10. Эфроимсон, В. П. Педагогическая генетика / В. П. Эфроимсон // Биология. – 2000. – № 31. – С. 5–11.

В. А. Володин

*начальник отдела контроля размещения
государственного заказа, органов власти и рекламы,
Управление Федеральной антимонопольной службы
по Пензенской области, г. Пенза*

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ И РЕКЛАМНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ КАК ОБЪЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Рассматриваются проблемы нарушения законодательства о рекламе в связи с жесткой борьбой за потребителя и аспекты рекламной деятельности, нашедшие закрепление во многих нормативно-правовых актах.

Ключевые слова: реклама, добросовестная конкуренция, неэтичная реклама.

Самым важным правовым источником формирования нормативной правовой основы рекламной деятельности является ст. 29 Конституции РФ, которая закрепила право каждого свободно искать, получать, продавать, производить и распространять информацию любым законным способом, гарантировала свободу массовой информации и запретила цензуру.

Аспекты рекламной деятельности нашли закрепление не только в Конституции РФ, но и во многих законодательных актах органов государственной власти Российской Федерации.

Основным нормативным актом, регулирующим отношения в сфере рекламной деятельности, является Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе». Данный закон носит общий характер, им регулируются отношения, связанные с предоставлением информации для рекламы, с производством рекламной продукции и с ее распространением. Нормы закона не распространяются на политическую рекламу, на объявления граждан и юридических лиц, не связанные с предпринимательской деятельностью, а также на ряд иных общественных отношений, возникающих в случаях, прямо указанных в ст. 2 данного закона.

Как показало время и исследования, реклама – не только двигатель торговли, но и стимул для развития речевой деятельности. Влияние рекламы сказывается не только на сфере потребительского рынка, но и на политической и культурной жизни общества, на употреблении русского языка и – опосредованно – на развитии его

системы. Возникла потребность в рекламной информации о различных типах товаров – появились особые типы текста: объявление – реклама вещи или услуги, анонс – рекламная информация о содержании газетного или журнального номера или теле- и радиопрограммы, аннотация – краткий рекламный текст о книге или фильме. Необходимость в аргументированном убеждении аудитории повлекла за собой «гибридизацию» газетных, научных, деловых, бытовых жанров: завоевывая потребителей, рекламодатели публикуют балансовые документы и, используя газету как почту, обращаются к клиентам с новогодними поздравительными письмами. В результате сложился особый стилистический облик текстов, сформировавшийся на основе возрождаемых традиций русской рекламы и под активным влиянием энергичной, напористой манеры рекламы западной.

Рекламный текст должен быть литературно грамотным. Наиболее распространенные стилистические ошибки в рекламе связаны с неточным словоупотреблением, нарушением лексической сочетаемости и формообразования, неверным построением предложения, неудачным порядком слов, нарушением согласования и управления. Вместе с тем закон «О рекламе» не допускает использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека и гражданина, официальных государственных символов, религиозных, а также объектов культурного наследия. Эти нормы закреплены в ч. 6 ст. 5 закона «О рекламе» и являются одними из наиболее сложных и проблемных в правоприменении. Это обусловлено тем, что «непристойность» и «оскорбительность» являются этическими категориями. Этические понятия более широкие и менее определенные, чем законодательные дефиниции, а их границы зачастую «размыты». Кроме того, этические и моральные нормы, принятые различными конфессиями, социальными, профессиональными и возрастными группами, нациями, политическими партиями и т.п., значительно разнятся и иногда достаточно быстро видоизменяются. Дополнительная сложность в единообразном понимании или толковании данной статьи обусловлена особенностями Российской Федерации как многонационального, поликонфессионального государства, переживающего этап социально-экономических преобразований. В ч. 6 ст. 5 Федерального закона «О рекламе» этические требования к содержанию рекламы установлены в отношении неопределенного круга категорий и объ-

ектов. Их перечень не является исчерпывающим и закрытым. При этом, принимая во внимание значение рекламы в социально-экономических отношениях, особо упомянуты наиболее важные и значимые категории и объекты, в отношении которых реклама должна быть корректной и этичной.

Наиболее успешным методом применения этой нормы следует признать случаи, когда реклама, содержащая признаки нарушения требований ч. 6 ст. 5 комментируемого закона, исследуется специалистами: социологами, психологами, лингвистами и/или проходит независимую экспертизу в профессиональных объединениях предпринимателей, связанных с рекламной деятельностью, обществах потребителей и саморегулируемых организациях в сфере рекламы.

Идентифицировать нарушение требований этой части закона при использовании в рекламе бранных слов относительно несложно. Для этого в большинстве случаев достаточно обращения к толковым словарям современного русского литературного языка или проведения специальной лингвистической экспертизы.

При рассмотрении признаков нарушения данной нормы, связанных с использованием непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений в отношении пола, расы, национальности, профессии и т.д., необходимо установить, оскорбляет ли содержание рекламы, т.е. «крайне обижает, унижает, уязвляет, задевает какие-либо чувства», и являются ли ее образы, сравнения и выражения непристойными, т.е. «предосудительными, крайне неприличными, т.е. не соответствующими, противоречащими правилам приличия, хорошего тона» (Большой толковый словарь русского языка. – СПб. : ИЛИ РАН, 2004).

Оценка рекламы, содержащей указанные в ч. 6 ст. 5 Федерального закона «О рекламе» признаки, зависит от целого ряда взаимосвязанных факторов и обстоятельств. Должны учитываться конкретные условия: место, время и форма распространения рекламы, специфика объекта рекламирования, особенности содержания рекламы, характер ее воздействия на целевую аудиторию и тех, кто случайно или неизбежно попадает под «засветку» рекламы. Изучение подобной рекламы должно проводиться тщательно и досконально, с широким привлечением специалистов из экспертных организаций, представителей профессиональных объединений предпринимателей, связанных с рекламной деятельностью, саморегулируемых организаций в сфере рекламы, потребителей рекламы.

Особо следует отметить, что обобщения и аналогии при рассмотрении неэтичной рекламы зачастую некорректны.

В наиболее сложных случаях следует исходить из общепринятых норм гуманности и морали, тех наиболее общих понятий, которые в близких формах присутствуют как в законодательстве, так и практически во всех религиях, философских воззрениях, культурных и исторических традициях, политических программах.

Редакция ФЗ «О рекламе» 2006 г. не содержит понятие «неэтичная реклама». Однако, как Российский рекламный кодекс, так и Международный кодекс рекламной деятельности требуют от профессионалов рекламы строгого соблюдения правил этики.

Так, Международный кодекс рекламной деятельности прямо указывает, что «стандартов этического поведения должны придерживаться все стороны, имеющие отношения к рекламной деятельности».

К сожалению, эти требования соблюдаются не всегда.

Приведем пример распространения агрессивной, неэтичной рекламы, которая с использованием непристойных выражений привлекала к себе внимание потребителей, особенно молодежи.

Так, Управлением по заявлению гражданки было возбуждено и рассмотрено дело на действия Пензенской региональной общественной организации «Социокультурное объединение «НИОВИС» по факту размещения на радио нетактичной, агрессивной рекламы бара «Бешеная корова» следующего содержания:

– Джон, ты где?

– Я в баре «Бешеная корова», где был «Цепеллин» на проспекте Строителей, 45А.

– И как там?

– Обьешься, обопьешься, обмычишься. Телок больше чем надо.

– Ну и «Бешеная корова». 78-09-93.

Пензенским УФАС России было проведено заседание Экспертного совета по применению законодательства о рекламе, а такой совет существует с ноября 2003 г., где была проанализирована вышеуказанная реклама и вынесено решение, из которого следует, что в рекламе бара «Бешеная корова» используется непристойное и оскорбительное сравнение, недопустимое равно как с точки зрения закона, так и с позиций соблюдения требований общественной нравственности в средствах массовой информации, в котором посетительницы бара именуются «телками»: «Телок больше чем надо».

Такой агрессивной рекламой с использованием непристойных выражений рекламодаделец привлекает к себе внимание. Данную рекламу Комиссия антимонопольного управления признала ненадлежащей.

Еще один пример: в г. Пензе была размещена реклама со слоганом: «Видели эти кроссовки? Они ох!енные», «Видели этот свитер? Он ох!енный».

Пензенским УФАС России было проведено заседание Экспертного совета по применению законодательства о рекламе, где была проанализирована вышеуказанная реклама и вынесено решение, из которого следует, что реклама со слоганом: «Видели эти кроссовки? Они ох!енные», «Видели этот свитер? Он ох!енный» непристойная и неэтичная.

В рекламе недопустимо употребление бранных слов, к которым относятся табуированные слова, конструкции с неприличным оскорбительным прямым или переносным значением или непристойной оскорбительной эмоциональной окраской. Как правило, в словарях такие единицы помечены маркерами «нецензурное», «ненормативное», «табу». Толковые словари русского языка в своем большинстве содержат четкую систему оценочных помет («грубое», «презрительное», «вульгарное», «нецензурное» и т.п.), которые раскрывают негативный общественный статус непристойных слов и выражений, а также имеют и кодифицированный характер.

Брань – по определению русского академического словаря – это «оскорбительные, бранные слова; ругань». Обсценный – неприличный, непристойный. Обсценная лексика – грубейшие вульгарные выражения, которыми говорящий спонтанно реагирует на неожиданную и неприятную ситуацию. Ругательство – лексическая единица, с помощью которой говорящий может спонтанно выразить свои эмоции по отношению к чему-либо или кому-либо, не передавая никакой информации. Вульгаризм – лексическая единица, с помощью которой говорящий проявляет свои эмоции по отношению к чему-либо или кому-либо, нарушая при этом языковые табу. Спонтанность эмоциональной реакции, разрушающая табу – основная характеристика бранной лексики и фразеологии. В этом смысле русский мат – комбинация обеспеченности и бранности – обсценная брань.

Ядро русской матерщины составляет ее наиболее частотная общеизвестная триада, включающая слово «из трех букв» и его многочисленные производные. Именно эта производная и была

употреблена в рекламе ТЦ «Высшая лига» и «замаскирована» восклицательным знаком на третьей букве употребленного в рекламном слогане слова.

Современная молодежь – а именно она является целевой аудиторией как ТЦ «Высшая лига», так и представленного им рекламного слогана – имеет определенные (более того – однозначные!) ассоциации с этим словом, и ни в какой другой словообразовательной трансформации (помимо словоформ «ох!енный» либо «охрененный»), а также и в лексическом значении, кроме явствующего из рекламного текста, его не воспринимает.

В качестве примеров наиболее успешной практики оценки рекламы на соответствие этическим нормам ч. 6 ст. 5 комментируемого закона могут быть приведены конкретные случаи, рассмотренные на заседаниях Экспертного совета по применению законодательства Российской Федерации о рекламе при Пензенском Управлении Федеральной антимонопольной службы России при использовании изображения человека.

Так в г. Пензе была размещена реклама солярия: «Миром правит загар. А ты загораешь?» (с изображением облика человека, имеющего сходные черты с Президентом США).

Внешнее сходство персонажа рекламы с Президентом США ввело в недоумение и заблуждение многих потребителей и просто вызвало неадекватную реакцию горожан. Не секрет, что использование образов известных людей – это рекламный ход, цель которого – привлечь большее внимание или вызвать доверие к рекламируемому товару или услуге. Однако хотелось бы, чтобы рекламодатели более осторожно относились к использованию в рекламе образов государственных деятелей и в целом известных личностей. Конституция РФ не разрешает использовать образ или имя любого человека без его согласия, будь то политик или обычный гражданин.

Экспертным советом при Пензенском УФАС России вынесено решение, из которого следует, что изображенный в рекламе человек имеет внешнее сходство с Президентом США, а именно с чертами лица Обамы, его прической, стилем одежды. Потребитель рекламы видит в первую очередь не образ посетителя солярия, а узнает известную политическую личность, тем более есть определенное внешнее сходство персонажа с Президентом США Обамой.

Прием использования в рекламе персонажа, имеющего сходство с известной политической личностью, должен соответствовать этическим, моральным, законодательным нормам.

В данном случае персонаж, имеющий сходство с политическим лидером, рекламирует солярий, при этом внешний вид объекта не имеет ничего общего с рекламируемой услугой.

Реклама всегда носит побудительный характер, стимулирует интерес потребителей, поэтому использование в ней источника информации, который, благодаря своему авторитету или иным качествам способен простимулировать покупку или услугу, признается непозволительным для рекламодателей приемом.

Целью рекламодателя всегда является демонстрация объекта рекламирования в самом лучшем свете. Он стремится привлечь и задержать внимание потребителя на той информации, которая должна отличать товар от аналогов, ставить его на порядок выше (при условии, что информация истинная).

Экспертный совет признал, что реклама клубов «Солярис» имеет довольно спорный характер. Принимая во внимание неоднозначное трактовку названной рекламы членами Совета, учитывая обращения граждан, считающих некорректным использование в рекламе указанного образа, совет принял решение: рекомендовать рекламодателю прекратить распространение данной рекламы.

Приведем еще один наглядный пример: в г. Пензе была размещена наружная реклама МММ (с изображением представителя правоохранительных органов) с высказыванием: «Взятки? Вы смеетесь? Я же в МММ!», «Не надоело работать за гроши? Стань свободным человеком! Нас уже больше 5 млн».

Вышеуказанная рекламная информация направлена на вовлечение потребителей рекламы в участие в финансовой пирамиде путем приобретения МММ-долларов, при этом гарантируется их высокая доходность, что является привлекательной для потребителей рекламы информацией, влияющей на принятие решения о приобретении МММ-долларов и участии в пирамиде.

Кроме того, в рекламе использовался образ полицейского, который говорит: «Взятки? Вы смеетесь? Я же в МММ!». В данном случае реклама порочит честь и достоинство правоохранительных органов. В рекламе не допускается указание на то, что объект рекламирования одобряется органами государственной власти или органами местного самоуправления либо их должностными лицами.

Пензенское УФАС России признало рекламу «МММ-2011», распространяемую на территории Пензенской области, как нарушающую требования законодательства о рекламе.

В истекшем 2012 г. в г. Пензе распространялась реклама Центра офисной мебели со слоганом «Скрываю много интересного» с изображением обнаженного человека, построенная на откровенном эпатаже. Авторы рекламы изобразили публичную демонстрацию непристойного образа – демонстрацию мужчины в обнаженном виде с табличкой, прикрывающей нижнюю часть тела с надписью «скрываю много интересного».

Появление непристойного образа предопределено творческой концепцией рекламной кампании, идея которой выражена слоганом «Скрываю много интересного». Очевидно, что разработчики данной рекламной кампании вполне осознанно избрали тактику привлечения внимания к объекту рекламы путем этической провокации.

Данная непристойная ситуация объективно делает призрачной грань между приличным и неприличным, что формирует установку на приемлемость соответствующего типа поведения, подводит индивида (потребителя) к эмоционально-психологической легализации неприличного поведения как такового.

Закон «О рекламе» запрещает использование «непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола». Демонстрация в рекламе Центра офисной мебели мужчины в обнаженном виде с табличкой – это явное унижение и оскорбление мужчины. В данном случае можно говорить о пренебрежении требованиями профессиональных кодексов рекламного сообщества.

Так, Международный кодекс рекламной деятельности Международной торговой палаты (МТП) устанавливает стандарты этического поведения, «которых должны придерживаться все стороны, имеющие отношение к рекламной деятельности: рекламодатели, рекламопроизводители, СМИ». Статья 1 данного Кодекса содержит следующее категорическое требование: «Реклама не должна содержать заявлений или изображений, нарушающих общепринятые нормы пристойности». Российская Федерация является членом МТП, и принятые данной организацией документы имеют прямое отношение к гражданам РФ, занятым в соответствующей сфере деятельности.

Приведенное выше требование Международного кодекса дублирует ст. 2 «Пристойность» Российского рекламного кодекса, принятого Рекламным советом России в 2001 г. Данный Кодекс также положен в основу деятельности такой крупной организации

рекламистов России, как Ассоциация коммуникационных агентств России (АКАР).

Применительно к анализируемой рекламе есть основания говорить о нарушении ее создателями именно общепринятых норм пристойности.

Пензенское УФАС России предупреждает и пресекает факты ненадлежащей (недобросовестной, недостоверной) рекламы и в пределах своих полномочий возбуждает и рассматривает дела по признакам нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе, принимает по результатам рассмотрения таких дел решения и выдает предписания, предусмотренные законодательством.

Динамика нарушения законодательства о рекламе говорит о том, что на конкурентных рынках идет жесткая борьба за потребителя. Ведь в попытках выделиться, обойти «соперников» хозяйствующие субъекты все чаще прибегают к рекламе как к одному из наиболее эффективных путей информирования потребителей о своем товаре или услуге, забывая порой о соблюдении норм рекламного законодательства, в частности морали и этики. Цифры говорят сами за себя: если в 2011 г. Пензенским УФАС России было рассмотрено 25 дел по признакам нарушения закона «О рекламе», то в 2012 г. их число выросло до 35.

Порой очень сложно соблюсти все нормы рекламного законодательства, тем более часто хозяйствующие субъекты имеют лишь общее представление о его требованиях и полагаются на профессионализм изготовителей рекламы и рекламораспространителей – СМИ. Поэтому, чтобы впоследствии не жалеть о потраченных на «неудавшуюся» рекламную кампанию финансов и не попасть в ряды рекламоделателей-нарушителей, советуем поближе познакомиться с законом «О рекламе».

Список литературы

1. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе».
2. Постатейный комментарий к Федеральному закону от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе».
3. Антонова, С. Г. Редакторская подготовка изданий / С. Г. Антонова. – М. : Изд-во МГУП, 2002.
4. Васильева, М. Слоганы – мистически-массовое явление / М. Васильева. – URL: <http://www.es.ru/yes/personal/vasilyeva.html>
5. Викентьев, И. Л. Приемы рекламы: Методика для рекламоделателей и рекламистов / И. Л. Викентьев. – Новосибирск, 1993.

6. Голуб, И. Б. Русский язык и культура речи : учеб. пособие / И. Б. Голуб. – М. : Логос, 2002.

7. Кара-Мурза, Е. С. Русский язык в рекламе / Е. С. Кара-Мурза // Справочно-информационный портал «Русский Язык». – URL: <http://www.gramota.ru>

8. Лутц, И. Рождение слогана / И. Лутц // Рекламные технологии. – 1999. – № 4.

9. Мокшанцев, Р. И. Психология рекламы : учеб. пособие / Р. И. Мокшанцев. – М. : ИНФРА-М, 2000.

М. Б. Ворошилова

*кандидат филологических наук, доцент,
Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург*

ЭКСТРЕМИСТСКАЯ АГИТКА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ: ПРОПАГАНДА ЭКСТРЕМИСТСКОЙ СИМВОЛИКИ¹

Представлены результаты анализа пропагандирующих экстремистских агиток, под которыми условно объединены статичные креолизованные тексты, созданные с целью пропаганды (тиражирования) экстремистской символики. Описаны наиболее востребованные символы.

Ключевые слова: креолизованный текст, экстремистский текст, агитка, пропаганда, экстремистская символика.

В начале XXI в. одними из самых успешных и востребованных каналов массовой коммуникации стали социальные сети, буквально захватившие наш мир. И уже сейчас мы начинаем говорить об их потенциальной опасности, ведь такие характеристики общения в социальных сетях, описанные современными исследователями [1] как виртуальность, потенциальная публичность, анонимность, порожденная дистантностью общения, сниженная вероятность психоэмоционального и социального ущерба, создают у пользователей чувство безнаказанности, а следовательно, приводят к разрушению речевой, этической и юридической нормативности.

Все это и сделало социальные сети не просто средством общения близких людей (друзей, родственников, одноклассников и коллег по работе), но и сильнейшим орудием экстремистской агитации. Современные ресурсы социальных сетей заполнены экстремистскими материалами: агитационными фильмами Третьего Рейха, современными видеороликами экстремистской организации «Формат 18», фотографиями и карикатурами с националистическими лозунгами и т.д. Все эти материалы, выложенные в сеть, тут же приобретают публичный характер, что лишь усиливает их общественную опасность.

Одними из таких орудий воздействия, манипуляции стали экстремистские агитки, под которыми мы условно объединяем статичные креолизованные тексты (карикатуры, плакаты, демотивато-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность».

ры, коллажи и др.), созданные с целью возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни, а также пропаганды экстремистской символики.

В течение трех лет (2010–2012) нами проводился регулярный мониторинг социальной сети «ВКонтакте», в ходе которого было выявлено более 400 текстов экстремистских агиток. Для анализа нами были отобраны 100 текстов, отличающихся высокой частотностью, т.е. получивших максимальное количество «лайков», а также зафиксированных нами более чем в пяти альбомах.

На первоначальном этапе исследования мы установили ключевые цели анализируемых текстов, определяющие их семантическое наполнение. На данном основании мы выделили три группы экстремистских агиток, объединенных общей целью (конечно, данная цель в большинстве текстов не является единственной, но именно она определяет подбор базовых визуальных образов и дает ключ к прочтению вербального слоя): а) пропаганда или тиражирование экстремистской символики; б) угрозы и призывы к насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности, расы или по признаку религиозной принадлежности; в) оскорбление по признаку национальной или религиозной принадлежности.

Наиболее популярным (56 %) оказались пропагандирующие агитки, основная цель которых тиражирование экстремистской символики. Бесспорно, экстремистская символика встречается в большинстве агиток (в частности, в нашем случае в 78 % текстов), но в текстах, обозначенных нами как пропагандирующие, данная символика становится композиционным и семантическим ядром, в то время как в остальных она, зачастую, выступает как некое характеризующее, идентифицирующее средство, используемое для обозначения принадлежности героев текста к определенной социальной группе, для обозначения их политических взглядов и убеждений.

Считаем необходимым отметить, что под экстремистской символикой в данном исследовании мы понимаем так называемую в российской юридической практике «нацистскую атрибутику или символику либо атрибутику или символику, сходную с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения» [2, 3]. В настоящей работе под данное определение попали три группы символов:

1) официально признанные нацистские символы (символы Третьего Рейха);

2) символика «белой власти» (WHITE POWER);

3) символы современных российских националистических, нередко официально признанных экстремистскими, организаций.

Конечно, данные символические системы тесно связаны, и точнее будет сказать, что они представляют логику развития нацистской символики в современном мире.

Предсказуемо самым популярным символ стала свастика (39 %), получившая известность как символ нацизма и гитлеровской Германии и устойчиво ассоциирующаяся в современном мире именно с гитлеровским режимом и идеологией.

Во избежание традиционных споров о многозначности данного символа отметим, что искомым нами нацистский характер в анализируемых текстах поддерживался как на вербальном уровне (например, традиционными лозунгами нацистов (рис 1)), так и на уровне визуальном (например, соседством иных символов Третьего Рейха (рис. 2)). Нередко свастика используется как основной элемент государственного флага нацистской



Рис. 1



Рис. 2

Германии, на что, как правило, указывает белое обрамление и красный фон, что в очередной раз лишь подчеркивает ее значение как нацистского символа.

Второе место по частотности (по 25 %) справедливо разделили кельтский крест как самый известный символ «белой власти», который наряду со свастикой стал наиболее распространенным символом ультраправых экстремистов во всем мире, в том числе и в нашей стране, и черно-желто-белый флаг, известный также как «имперский», в современной России ставший ключевым символом националистических и монархических организаций.

Но если первый символ самодостаточен и нередко используется как центральный символ (рис. 3), то «имперский» флаг зачастую служит фоном для политического лозунга, как бы поддерживая необходимую семантическую волну (рис. 4).



Рис. 3



Рис. 4

Также отмеченный в 25 % анализируемых текстов второе место занял не менее известный цифровой символ «белой власти» – 14/88 (рис. 5, 6). Традиционно принято считать, что число 14 символизирует один из лозунгов Дэвида Лэйна, члена организации белых сепаратистов «The Order»: «Мы должны защитить само существование нашего народа и будущее для белых детей» или «Чтобы красота Белой арийской женщины никогда не исчезла с лика земли!». Число же 88 является закодированным приветствием «Heil Hitler!» («Хайль Гитлер!»), поскольку буква «Н» стоит в латинском алфавите восьмой.



Рис. 5



Рис. 6

Третье место получили государственные символы нацистской Германии (рис. 7): государственный флаг (реже – государственный военный флаг) и так называемый государственный (реже – партийный) орел. Мы позволили себе объединить данные символы, так как, по нашим наблюдениям, большинство не подозревают о разнице между оными орлами и тем более не замечают разницы во флагах, главное, что данные символы устойчиво ассоциируются с нацистской Германией.

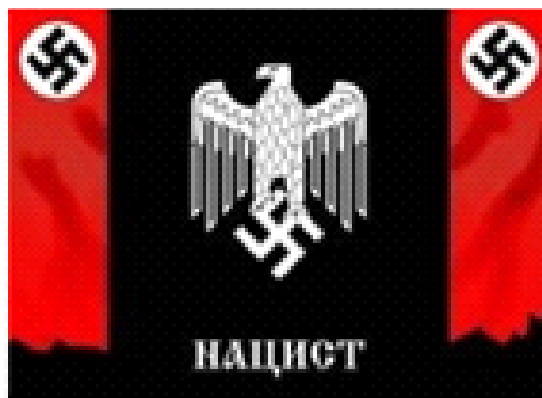


Рис. 7

В группу менее частотных, но узнаваемых нами были отнесены следующие символы, не преодолевшие 10 % барьер. В первую очередь, это символика военных подразделений нацистской Германии: в 7 % текстов были отмечены визуальный образ военного ордена – железный крест, который сейчас нередко используется вместо свастики, и образ «мертвая голова» (череп), пришедший к нам, скорее, от британцев (британская Combat 18 – наиболее известная современная нацистская организация, которая использует череп в своей символике). Лишь в 4 % агиток встретились рунические символы, также ранее используемые в военных подразделениях Германии: среди самых узнаваемых оказались руна Зиг как символ СС и руна Одал как официальный символ 13-й танковой дивизии Вермахта.

Среди российских экстремистских символов в данную группу нами были включены: официальные символы двух националистических организаций «Славянский союз» и «Русское национальное единство» (рис. 8). В основе обоих символов стилизованная бело-красная свастика на красном фоне.



Рис. 8

Особо хочется выделить агитки, в центре которых – символический образ «война». Нами были отмечены два типа подобных экстремистских материалов. В первом случае авторы использовали «художественные» образы воинов, чаще рыцаря или богатыря



Рис. 9

(рис. 9), таким образом используя классический манипулятивный прием героизации. Во втором – уже классический образ «война белого сопротивления», основными атрибутами которого становятся: бритая наголо голова или очень короткая стрижка; тяжелые высокие военные ботинки (чаще всего черного цвета, с белыми шнурками; короткие куртки на «молнии» («бомберы» или «штурманы»); белая или красная футболка; элементы военной униформы; нацистская символика (см. рис. 8, 10).

Вербальный уровень пропагандирующих экстремистских листовок крайне скуден, чаще всего он представлен либо стандартными лозунгами, либо некой идентифицирующей надписью. Роль идентифицирующих надписей, как правило, выполняют: *WHITE POWER* и *Нацист*, либо заменяющие их аббревиатуры: *WP* и *NS*, которые еще раз обозначают характер агиток.

Набор используемых лозунгов также скуден. Среди наиболее традиционных можно отметить следующие:

- Вставай Россия!
- Слава (Великой) Руси!
- Русский народ!
- Я русский!
- Слава Славянам!
- Россия! Русская земля!
- Слава белому роду!



Рис. 10

Значительно реже встречаются агитки с более развернутым вербальным уровнем (см., например, рис. 4), но это лишь единичные случаи, и их вербальный уровень также представляет лозунг.

Итак, мы постарались представить некий комплексный анализ пропагандирующих экстремистских листовок. Надеемся, что представленный материал будет иметь практическое значение при выполнении лингвистической экспертизы.

Список литературы

1. Голиков, Л. М. Семиотика экстремистского текста / Л. М. Голиков // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика : доклады Второй интернет-конференции. – URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/golikov_l_m_semiotika_ehkstremistskogo_teksta/5-1-0-137
2. Рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды (Утверждены заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым, 26.06.99).
3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 29.04.2008 г.) «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. – 2002. – № 138–139. – 30 июля. – URL: <http://www.referent.ru/1/95895/> (проверено 14.03.2012).

Н. С. Габец

*магистр юридических наук,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ДЕФИНИЦИИ «ДОГОВОР МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ»

Договор международной купли-продажи является наиболее распространенной юридической формой внешнеэкономической сделки. Его разработка, заключение и исполнение требуют специальных знаний и навыков, учета специфических особенностей внешнего рынка. По своему характеру этот контракт, как и все сделки, связан с правом более чем одного государства, вследствие чего естественным образом усложняется нормативная правовая база, обеспечивающая его функционирование. Существенные различия между национальными законодательствами отдельных стран, сохраняющиеся, несмотря на тенденцию гармонизации правовых систем, предопределяют предпочтительность регламентации таких сделок международными договорами. Вместе с тем относительная малочисленность и разрозненность таких актов обуславливают значительную роль коллизионных норм национального законодательства, унифицированных норм международного частного права и международных обычаев.

Ключевые слова: международный договор, купля-продажа, международный коммерческий оборот.

Международный коммерческий оборот складывается из многочисленных экспортно-импортных операций, являющихся по своей юридической природе дву- или многосторонними сделками, т.е. гражданско-правовыми договорами. Поскольку целью экспортно-импортных операций является, как правило, переход права собственности на перемещаемый через границу товар к приобретателю, постольку в большинстве случаев экспортно-импортные операции с товарами опосредуются договором международной купли-продажи товаров.

Исходя из значительной роли купли-продажи в сфере экономических отношений, право уделяет этому виду обязательства большое значение как в рамках правовой регламентации, так и в доктринальном исследовании данного правового явления.

Следует отметить, что в различных правовых системах имеются свои особенности регулирования этого вида сделок. При этом национальные законы отличаются большим разнообразием,

нередко содержат по одним и тем же вопросам противоположные правила. Все это создает, по словам В. Г. Тихини, «определенные правовые препятствия на пути развития международной торговли» [1, с. 133].

При этом необходимо указать на сходную регламентацию самого понятия купли-продажи практически во всех правовых системах мира, в рамках которой одна сторона (продавец) обязуется передать другой стороне (покупателю) определенный товар, а покупатель принимает на себя обязательства принять указанный товар и заплатить за него продавцу определенную денежную сумму. Однако каждая из национальных систем привносит свои особенности в регламентацию данных отношений, в силу чего по-разному решаются вопросы перехода права собственности на товар от продавца к покупателю, распределения обязанностей сторон в рамках договора и т.д. [2, с. 5].

Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее – Венская конвенция 1980 г.) определяет под такими договорами договоры купли-продажи товаров, заключенные между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах [3].

Л. Козырева отмечает, что в тексте Венской конвенции 1980 г. при анализе понятия «договор (контракт) международной купли-продажи товаров» следует учитывать несколько критериев:

1) субъектный состав контракта, т.е. кто является его сторонами. Обязательным условием для признания контракта договором международной купли-продажи товаров, подпадающих под регулирование Конвенции, является местонахождение коммерческих предприятий сторон в разных государствах. Ни национальная (государственная) принадлежность сторон, ни гражданский или торговый характер контракта не принимаются во внимание при определении применимости Конвенции (ст. 1). Это означает, что в соответствии с Конвенцией не будет признан международным контракт купли-продажи, заключенный между находящимися на территории одного государства фирмами разной государственной принадлежности;

2) предмет контракта. Основные обязанности продавца – поставить товар, передать документы и право собственности на товар в соответствии с требованиями контракта и Конвенции (ст. 30). Основные же обязанности покупателя – уплатить цену за товар и

принять поставку в соответствии с требованиями контракта и Конвенции (ст. 53);

3) объектом контракта является движимое имущество, приобретенное не для личного, семейного или домашнего использования, т.е. для предпринимательских целей;

4) договор международной купли-продажи относится к числу консенсуальных, а не реальных, т.е. права и обязанности из него вытекают с момента его заключения, а не с момента передачи товара;

5) поскольку из сферы применения Конвенции исключен ряд видов продаж (например, с аукциона или в порядке исполнительного производства, либо иным образом в силу закона), то под понятие «международная купля-продажа» в смысле Конвенции они не подпадают, равно как продажа фондовых бумаг, акций, обеспечительных бумаг, оборотных документов денег, судов водного и воздушного транспорта и судов на воздушной подушке, электроэнергии. Аналогичное ограничение установлено Конвенцией и касательно продажи товаров, изготовленных из давальческого сырья, когда заказчик обязуется поставить существенную часть материалов, необходимых для изготовления или производства товаров [4].

В то же время Венская конвенция 1980 г., несмотря на ее «популярность», не регламентирует всех отношений, связанных с международной куплей-продажей товаров. Более того, применительно к оформлению отношений, которые регулируются данным договором, национальное законодательство различных государств применяет такие термины, как «договор», «контракт», «сделка» и т.д.

Поэтому целесообразно, на наш взгляд, рассмотреть понятие договора международной купли-продажи товаров в разрезе понятия внешнеторгового договора (сделки).

Гражданский кодекс Республики Беларусь не содержит легального определения внешнеэкономической или внешнеторговой сделки. Данное понятие раскрывается в Указе Президента Республики Беларусь «О порядке проведения и контроля внешнеторговых операций» от 27 марта 2008 г. № 178. Так, п. 1.1 названного Указа определяет: «внешнеторговый договор – договор между резидентом и нерезидентом, предусматривающий возмездную передачу товаров, охраняемой информации, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выполнение работ, оказание услуг» [5].

В теории международного частного права единого мнения по поводу термина «внешнеэкономическая сделка» нет. Чаще всего, как отмечает О. Н. Толочко, внешнеэкономические сделки определяются как совершаемые в ходе осуществления предпринимательской деятельности договоры между лицами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах [6, с. 49]. При этом следует обратить внимание на тот факт, что квалифицирующим признаком внешнеэкономической сделки является именно нахождение сторон в разных государствах, а не их государственная принадлежность. Иными словами, термин «нахождение» в данном случае понимается в юридическом, а не физическом смысле, т.е. речь идет о юридическом адресе, а не о физическом пребывании субъекта сделки.

На это обстоятельство особо обращает внимание Е. Б. Леанович. В частности, она подчеркивает, что русский перевод «коммерческое предприятие стороны» не совсем точно отображает замысел разработчиков Венской конвенции 1980 г. [7, с. 186]. Так, на английском языке используется термин «place of business», на французском – «etablissement», на испанском – «establecimiento». Все эти термины подразумевают место постоянного осуществления деловой деятельности, а не юридическое лицо.

Более того, на практике зачастую возникают сложности с раскрытием понятия «коммерческое предприятие», например, если у лица есть несколько мест осуществления деятельности, которые в равной степени могут считаться постоянными. Примечателен в этом плане следующий пример из практики. Арбитраж в Цюрихе (решение от 31 мая 1996 г.) рассмотрел ситуацию, когда на стороне покупателя выступали несколько лиц, независимых друг от друга в юридическом плане. Согласно условиям договора, заключенного между сторонами, продавец (русская компания-производитель) должен был поставить партии алюминия покупателю (группе компаний, управляющей заводами в Аргентине и Венгрии). Арбитраж пришел к выводу о применении Венской конвенции в этом случае, поскольку все государства, где лица, выступавшие в споре, имели постоянное место деятельности, являлись участниками Венской конвенции 1980 г. Однако арбитраж подчеркнул, что множественность лиц на стороне покупателя (или продавца) может привести к достаточно сложным вопросам применения п. 1 ст. 1 Венской конвенции 1980 г., например в случае, если одно из лиц на стороне

покупателя (или продавца) имеет постоянное место деятельности на территории государства-участника, а другое не имеет [7, с. 187].

В литературе и на практике к внешнеторговым традиционно относились те сделки, которые обладали двумя основными признаками, отражающими субъектно-объектный состав: с одной стороны, наличие иностранного субъекта, с другой – содержанием операций, лежащих в основе сделки, т.е. их экспортно-импортный (в широком смысле) характер. С учетом этого в доктрине предлагалось следующее определение внешнеторговой сделки: это «действие, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей по экспорту и/или импорту товаров, услуг и результатов творческой деятельности, а также неразрывно связанных с внешней торговлей гражданских прав и обязанностей организационного характера» [8, с. 137].

Любая сделка с иностранным элементом, будь то субъект сделки, ее объект или лишь факт заключения сделки за рубежом, потенциально несет в себе коллизионные вопросы, а следовательно, ее регулирование имеет скорее международно-частноправовой, нежели гражданско-правовой характер. Именно это свойство положено в основу другой правовой дефиниции внешнеэкономической сделки, согласно которой она определяется как гражданско-правовая сделка предпринимательского характера, осложненная иностранным элементом. Под иностранным элементом при этом понимается наличие любого из следующих условий:

- хотя бы одним из участников сделки является иностранный субъект права (юридическое или физическое лицо, государство);
- хотя бы один из участников сделки находится за рубежом, т.е. имеет за рубежом юридический адрес или постоянное место жительства;
- сделка или отдельные ее правовые составляющие совершены за рубежом;
- сделка совершена в отношении имущества, находящегося за рубежом;
- сделка подлежит исполнению за рубежом [6, с. 49].

В советской доктрине международного частного права преобладало мнение, что внешнеторговая сделка – это «сделка, в которой хотя бы одна из сторон является иностранным гражданином или иностранным юридическим лицом и содержанием которой являют-

ся операции по ввозу из-за границы товаров или по вывозу товаров за границу либо какие-нибудь подсобные операции, связанные с вывозом или ввозом товаров» [9, с. 21]. Сторонником данной позиции являлся, в частности, В. С. Поздняков [10]. Между тем данная позиция видится нам не совсем верной и подлежит критике.

Так, например, российский ученый В. А. Мусин отмечал в данном определении главный недостаток – отсутствие указания на коммерческий характер внешнеторговой сделки [11, с. 12].

Сходной позиции придерживается другой российский ученый А. Г. Аксенов. Исследуя понятие международного договора купли-продажи между субъектами предпринимательской деятельности стран СНГ, он отмечает следующее: «к императивным (обязательным) признакам договора международной купли-продажи товаров между субъектами предпринимательской деятельности стран СНГ относятся – нахождение коммерческих предприятий сторон в разных государствах Содружества, а также предпринимательский характер договора» [12, с. 15]. Указанный автор также подчеркивает, что такие черты договора, как разная государственная принадлежность его сторон, перемещение товара через государственную (таможенную) границу, использование в качестве средства платежа иностранной валюты, допустимость применения норм иностранного и международного частного права к регулированию договора, а также возможность обращения сторон договора к средствам международной юрисдикции, имеют факультативное значение при определении международного характера договора, подчеркивая его специфические особенности [12, с. 15].

Следует согласиться с А. Г. Аксеновым и заметить, что на сегодня это наиболее широко распространенное мнение.

М. И. Савченко подчеркивает, что внешнеэкономические сделки имеют особенности в правовом регулировании. Это обусловлено тем, что внешнеэкономическая сделка связана с иностранным элементом и соответственно с применением законодательства разных государств. Поэтому возникает необходимость выбора применимого права. В этой связи следует отметить, что специфика внешнеэкономических сделок проявляется в наличии определенной системы регуляторов, в которую входят национальное законодательство различных государств, международные правовые акты, международные обычаи (в основном торговые), судебная (арбитражная) практика, договорные условия [13].

В целом следует учитывать тот факт, что абсолютное большинство сделок предпринимательского характера, заключаемых между контрагентами, находящимися в разных государствах, являются торговыми договорами, т.е. представляют собой куплю-продажу товаров, услуг или результатов творческой деятельности. В силу этого иногда понятия «внешнеэкономический договор купли-продажи», «внешнеторговый договор», «международный договор купли-продажи» употребляются как синонимы.

Однако эти особенности не вносят каких-либо изменений в квалификацию договорных отношений, поэтому может быть сделан вывод о том, что договор международной купли-продажи (контракт) является тем же самым договором купли-продажи, который согласно национальному законодательству Республики Беларусь и других государств признается самостоятельным институтом договорного права, опосредующим операции по продаже и купле товаров. Основным критерием отнесения договора к категории внешнеэкономического (международного) является наличие указания на «коммерческие предприятия, которые находятся в разных государствах».

С учетом общего определения договора купли-продажи, закрепленного в п. 1 ст. 424 ГК Республики Беларусь, может быть сформулировано следующее определение: «По договору международной купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать товар, перемещаемый через государственную границу, в собственность контрагента-покупателя, коммерческое предприятие которого находится на территории другого государства, а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него обусловленную цену».

Данное определение соответствует сложившемуся в отечественной и зарубежной литературе и международной правоприменительной практике пониманию договора международной купли-продажи.

Таким образом, можно сделать вывод, что договор международной купли-продажи есть соглашение, заключаемое между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах, по которому одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателя), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену).

Список литературы

1. Тихиня, В. Г. Международное частное право : учеб. / В. Г. Тихиня. – Минск : Книжный Дом, 2007. – 320 с.
2. Функ, Я. Право международной торговли: договор международной купли-продажи товаров и договоры международного торгового посредничества: в 3 кн. / Я. Функ. – Минск : Дикта, 2005. – Кн. 1 : Универсальная международно-правовая унификация купли-продажи товаров. – 282 с.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров: Совершено г. Вена, 11 апреля 1980 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
4. Козырева, Л. Договор международной купли-продажи / Л. Козырева // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
5. О порядке проведения и контроля внешнеторговых операций: Указ Президента Республики Беларусь, 27 марта 2008 г., № 178: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 19.02.2009 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
6. Толочко, О. Н. Внешнеэкономические сделки : учеб. пособие / О. Н. Толочко. – Гродно : ГрГУ, 2002. – 123 с.
7. Леанович, Е. Б. Международное частное право : учеб. пособие для учебных заведений по юридическим специальностям / Е. Б. Леанович. – Минск : ИВЦ Минфина, 2008. – 360 с.
8. Ануфриева, Л. П. Международное частное право: учебник : в 3 т. / Л. П. Ануфриева. – 2-е изд. – М. : БЕК, 2002. – Т. 2 : Особенная часть. – 656 с.
9. Богуславский, М. М. Международное частное право: учебник / М. М. Богуславский. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2004. – 602 с.
10. Поздняков, В. С. Право и внешняя торговля : моногр. / В. С. Поздняков. – М. : Междунар. отношения, 1987. – 286 с.
11. Мусин, В. А. Международные торговые контракты / В. А. Мусин. – Л. : ЛГУ, 1986. – 322 с.
12. Аксенов, А. Г. Договор международной купли-продажи товаров между субъектами предпринимательской деятельности стран Содружества Независимых Государств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Аксенов А. Г. ; Инст-т законод. и сравнит. правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М., 2010. – 34 с.

13. Савченко, М. И. Общая характеристика договора внешнеэкономической купли-продажи / М. И. Савченко // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

Е. И. Галяшина

*доктор филологических наук, доктор юридических наук, профессор,
Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина, г. Москва*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ

Среди мер профилактики коррупции выделяется необходимость совершенствования антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Среди коррупциогенных факторов особую значимость в силу языковой природы правового акта приобретает юридико-лингвистическая неопределенность, понимаемая как употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера. В статье рассматриваются актуальные проблемы данного вида антикоррупционной экспертизы и даются методические рекомендации по ее проведению на основе теории судебной экспертизы и правовой лингвистики.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная экспертиза, юридико-лингвистическая неопределенность, правовая лингвистика, теория судебной экспертизы.

Эффективное противодействие коррупции невозможно без искоренения причин, ее порождающих, устранения условий, способствующих коррупционным правонарушениям.

Недостатки действующего и принимаемого законодательства, пробелы в законодательстве, дефекты правовой нормы, неточности правовой формулы, обладающие коррупционным потенциалом, способствующие совершению коррупционных действий или принятию коррупционных решений в процессе реализации нормативных правовых актов, содержащих коррупциогенные нормы, выступают в качестве основных правовых предпосылок коррупции.

В соответствии со ст. 6 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» данная экспертиза выступает в качестве основной меры профилактики коррупционных правонарушений [1]. Производство подобных экспертиз осуществляется в соответствии с требованиями Федерального закона от 17.06.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», где даны правовые и организационные основы этой экспертизы, понятие коррупциогенных факторов, сформулированы основные принципы ее организации, субъекты, уполномоченные производить данные экспертизы.

В течение последних лет антикоррупционная экспертиза активно развивалась в качестве самостоятельного вида экспертной деятельности [2]. Однако до настоящего времени деятельность эксперта, осуществляющего антикоррупционную экспертизу нормативного правового акта, не получила системного освещения, многие правовые, методологические, организационные проблемы антикоррупционной экспертизы остались неразрешенными, а ее ответственность остается пока еще низкой.

Эксперт, которому поручается производство антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов, должен обладать особой компетенцией. Это обусловлено в первую очередь тем, что для выявления коррупциогенных факторов, возможно имеющих место в тексте нормативно-правового акта или его проекта, необходимо использование специальных знаний в области лингвистики, экономики, материального и процессуального права, юридической техники и многих других отраслей знания. Только такая совокупность специальных знаний позволит эксперту успешно решить поставленную задачу и выявить в тексте нормативного правового акта или его проекта коррупциогенные факторы, к числу которых относится и юридико-лингвистическая неопределенность.

Под коррупциогенностью правовых норм понимается их способность устанавливать такие рамки взаимоотношений, которые повышают вероятность злоупотребления властными полномочиями. Нормы права, наделяющие чиновников необоснованными дискреционными полномочиями, составляют основную массу коррупциогенных норм права.

Нормативный правовой акт должен отвечать правилам юридической техники, излагаться четким и ясным языком. Повышает риск коррупции использование двусмысленных или неустоявшихся терминов, понятий и формулировок, категорий оценочного характера с неясным, неопределенным содержанием, допускающих различные трактовки. Обозначение одних и тех же явлений различными терминами искажает смысл положений нормативных правовых актов, что повышает вероятность произвольного применения норм. Особенно недопустимы неопределенные нормы, устанавливающие юридическую ответственность.

Недостатки юридической техники и лингвистические погрешности способны привести к серьезным негативным последствиям, поскольку то или иное положение в силу своей двусмысленности, неясности и недостаточной определенности может тракто-

ваться неоднозначно, что позволяет чиновнику чрезвычайно широко варьировать свое усмотрение и повышает вероятность произвольного применения нормы права.

Не случайно юридино-лингвистическая неопределенность выделена в отдельный самостоятельный коррупциогенный фактор, который подлежит обязательному анализу в ходе антикоррупционной экспертизы.

Однако данный коррупциогенный фактор, по нашему мнению, явно недооценен. В методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 6, юридино-лингвистическая неопределенность отнесена к числу коррупциогенных факторов, содержащих неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям. При этом юридино-лингвистическая неопределенность обозначена довольно узко – как употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера.

В то же время информация, закодированная в тексте закона с помощью языковых средств, неоднородна по степени легкости и осознанности ее декодирования. Часть информации выражается эксплицитно, т.е. с помощью терминов и терминологических сочетаний, специально предназначенных для ее выражения, а часть имплицитно, при помощи структурных и отсылочных компонентов текста.

Юридическая природа нормативного правового акта требует точности и тщательности формулировки правовых предписаний, продуманности и логичности структуры документа, не допускает неоднозначности, расплывчатости, противоречивости его норм, исключает использование неясных или неоднозначно понимаемых терминов и определений.

Качествами, определяющими культуру речи законодателя, являются точность, ясность и краткость. Смысловая точность – одно из главных условий, обеспечивающих практическую ценность нормативно-правовых предписаний. Как словесное выражение воли законодателя, сформулированное с учетом норм русского языка и правил юридической техники, нормативный правовой акт обладает своими стилистическими особенностями и конструкциями и подчиняется не только правилам юридической техники, но и законам языка.

Можно с уверенностью сказать, что такие факторы, как злоупотребление законами языка, слабое владение юридическим языком, неумелое обращение с ним при конструировании нормативных предписаний, нарушения стилистических правил, создают условия, порождающие коррупциогенность текста нормативного правового акта и проекта нормативного правового акта.

Богатство русского языка позволяет даже с учетом известных ограничений юридической стилистики выражать разные смыслы одним словесным выражением и, наоборот, одно и то же понятие обозначать несколькими близкими и не очень близкими синонимами. Синонимическая вариативность и многозначность языковых формул, наличие семантических лакун, создает предпосылки для инотолкования, «вычитывания» из текста документа таких лексико-семантических категорий, которые используются в качестве лазеек в законе. Поэтому текст закона должен быть не только юридически грамотным, но и лингвистически выверенным.

Поскольку коррупциогенные факторы, которые подлежат выявлению при проведении антикоррупционной экспертизы, так или иначе содержатся и проявляются именно в текстовой материи нормативного правового акта, в его словесном наполнении и структурно-языковой организации, то разработка методики юридико-лингвистической антикоррупционной экспертизы приобретает особую актуальность. Причинно-следственно диспозитивность трактования норм складывается из диспозитивности трактования понятий. А понятия также выражаются средствами языка, функционирование которых регулируется законами языка.

Право без языка существовать не может, а потому не только юридическая техника, но и правовая лингвистика выступает в качестве методологической основы конструирования юридически грамотных и лингвистически правильных текстов. Язык законов должен подчиняться законам языка. Любой нормативный правовой акт должен строиться как с позиций общепризнанных правил юридической техники, так и четкости, ясности языка.

Причинами коррупциогенности законов являются не только неточные, с логической точки зрения, суждения, но и определенная небрежность обращения законодательства с языком, терминами и определениями, недостатки нормотворческого дефинирования.

Юридическая терминология носит системно-связанный характер, понимая под этим обособленность и самостоятельность юридической терминологии в национальной правовой системе.

Специфика юридического термина состоит в его связи с определенной национальной правовой системой, а восприятие термина требует точной, а не приблизительной семантизации.

Тем не менее двусмысленность может возникать не только у юридических терминов, которые употребляются в различных нормах права, но и неюридических, например технических, терминов из других, неюридических, отраслей науки и практики, которые, будучи включенными в сферу юридического дискурса, могут приобретать дополнительные смыслы, сужать или расширять свое значение.

Динамика законотворческих процессов в России, сближение различных правовых систем, процессы правовой интеграции в мире и в Европе, формирование новых отраслей современной юридической науки, появление новых научных дисциплин, транснационализация юридического образования являются факторами интенсивного развития русской юридической терминологии, ежегодно пополняющейся десятками новых терминов, в том числе заимствованных из зарубежного, международного, европейского права.

Восприятие и разработка российским законодательством новых для него правовых институтов, правовых норм, развитие категориального аппарата, понятийной системы российской и зарубежной правовой науки, различных ее отраслей, научных направлений обуславливают формирование новой, оптимизированной и унифицированной русской юридической терминологии. Актуальной и перспективной представляется разработка совместными усилиями специалистов в области права и лингвистов практического словаря, отражающего результаты сравнительно-правовых исследований двух или более правовых систем и призванного способствовать решению проблем перевода юридической информации и точной семантизации юридической терминологии.

Помимо терминов в нормативных правовых актах употребляются и слова общеупотребительные, которые могут иметь не одно, а несколько словарных значений, создавая простор для инотолкования.

Терминосистема языка законодательных актов и документов не унифицирована и неоптимизированна. Единого терминологического стандарта языка закона пока не существует. При этом унификации и оптимизации требуют не только юридические термины, приобретающие нередко разное значение в зависимости от сферы правоприменения и отрасли права, включая термины, входящие в юридический дискурс с конвергенцией российского и междуна-

родного законодательства, но также и иностранные заимствования или вновь образуемые термины для обозначения новых правоотношений, которые ранее не были урегулированы нормами российского права.

В законодательных текстах нередко вводятся новые понятия-термины без их легальных определений, что приводит к противоречию, коллизии норм права, регулирующих одни и те же или сходные общественные отношения. Особенно негативно это отражается в правоприменении.

Нормотворческая практика нуждается в языковых средствах, которые бы точно обозначали правовые понятия и грамотно выражали мысль законодателя. Этим объясняется постоянный, неугасающий интерес юристов к языку права. Какую бы цель ни ставили перед собой ученые, все они сходятся во мнении, что язык права довольно специфичен и нуждается в постоянном совершенствовании, оптимизации и унификации терминов, разработке системы легальных определений на основе единой логической системы дефинирования.

Способность и готовность законодателя грамотно, логически последовательно излагать текст нормативно-правового акта, строго выдержанный и юридически правильный стиль их оформления – обязательное требование культуры законотворчества.

И наоборот – использование двусмысленных или неустоявшихся терминов, понятий и формулировок, категорий оценочного характера с неясным, неопределенным содержанием, не используемых российским законодательством, допускающих различные трактовки, обозначение одних и тех же явлений различными терминами может искажать смысл положений законов и даже Конституции. Все эти недочеты лингвистического характера способны привести к серьезным негативным последствиям, поскольку то или иное положение в силу своей двусмысленности, неясности и недостаточной определенности может трактоваться двояко, что позволяет чиновнику варьировать свое усмотрение и повышает вероятность произвольного применения нормы. Особенно недопустимы неопределенные нормы, устанавливающие юридическую ответственность.

К числу серьезных дефектов законотворчества относится проблема пробельности дефинитивного регулирования. Определенных критериев, ориентирующих законодателя на необходимость либо ненужность использования законодательных дефиниций в том или ином нормативно-правовом акте высшей юридиче-

ской силы, наука и практика пока не предложили. Все отдано на усмотрение разработчика законопроекта. Между тем отсутствие дефиниций в некоторых законах не только является формально-юридическим дефектом, не только законодательной ошибкой, но и влечет серьезные отрицательные политико-юридические, морально-психологические последствия, наносит ощутимый экономический вред, может рассматриваться как фактор коррупциогенности нормативного акта.

В то же время проблеме юридико-лингвистической неопределенности текста закона явно «не повезло», она изучена еще слабо, несмотря на то, что связь языка как носителя мысли законодателя и средства выражения содержания закона с самим законом обнаружилась давно.

Юридико-лингвистический анализ законодательного акта требует применения синтезированных знаний в области науки о языке и правовых наук с опорой на правовую лингвистику. Поэтому одна из причин слабой изученности языка законодательства в аспекте антикоррупционной юридико-лингвистической экспертизы состоит в том, что юристы – разработчики законопроектов – не используют в полной мере возможности правовой лингвистики, а классические лингвисты, не обладая юридической компетенцией, явно недостаточно исследуют законы языка в праве, не изучают юридический язык как подсистему литературного языка, не владеют юридической техникой и стилистикой.

Некомпетентность и легкомыслие, с которым иные эксперты берутся за антикоррупционную экспертизу законодательного акта, оборачиваются в итоге не только несовершенством системы законодательства, но и нередко приводят к негативным последствиям для общества, порождая новые условия для коррупции.

Эффективность антикоррупционной экспертизы в целом, по нашему мнению, зависит от качества проведения юридико-лингвистического исследования каждой нормы нормативного правового акта или положения его проекта. Однако в настоящий момент методические рекомендации проведения юридико-лингвистической экспертизы текста документа на коррупциогенность не разработаны. Параметры, релевантные для выявления юридико-лингвистической неопределенности элементов языковой структуры текста на всех его уровнях, не детерминированы. Методы проведения юридико-лингвистического исследования не систематизированы.

Методика как система предписаний (категорических или альтернативных), регламентирующих выбор и порядок применения в определенной последовательности и в определенных (существующих или создаваемых) условиях лингвистических методов выявления коррупциогенных факторов отсутствует. Хотя такая методика должна быть не только апробирована, но и общедоступна и воспроизводима. Компетенция экспертов и квалификационные требования к экспертам, которые способны квалифицированно провести антикоррупционную юридико-лингвистическую экспертизу, не определены. Единые методические подходы и правила анализа терминосистемы закона отсутствуют.

Нам представляется целесообразным выделить юридико-лингвистическую экспертизу в качестве самостоятельного вида антикоррупционной экспертизы. Однако антикоррупционная юридико-лингвистическая экспертиза немыслима без четкого однозначного определения базового концепта «коррупция» и выделения криминологических компонентов его семантического поля.

Для достижения высокого качества содержания и формы нормативного правового акта и минимизации его коррупциогенности, по мнению автора, необходимо:

выработать единый научно-методический подход к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов, осуществляющих антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, в соответствии с методикой, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96;

– законодательно закрепить единый организационный и научно-методический подход к проведению антикоррупционной юридико-лингвистической экспертизы нормативных правовых актов и их проектов;

– стандартизировать требования к квалификации и уровню профессиональной подготовки субъектов антикоррупционной юридико-лингвистической экспертизы нормативных правовых актов и их проектов;

– определить критерии выделения коррупциогенных факторов в тексте нормативного правового акта с опорой на систему лингвистических правил и норм современного русского литературного языка;

– разработать формализованную методику юридико-лингвистической антикоррупционной экспертизы; методика по своему

общепринятому определению предназначена для универсальной формализации экспертизы с целью массового, единообразного и эффективного ее применения; методика должна быть системной, а ее достоверность и проверяемость должны минимизировать субъективную оценку эксперта, что само по себе коррупционно не защищено;

- формализовать понятийный концепт «коррупция» и определить компоненты семантического поля «коррупциогенный фактор»;
- предложить единый подход к стандартизации и унификации терминосистемы законодательных актов и законодательных дефиниций;
- оптимизировать методологию контент-анализа применительно к языку нормативного правового акта.

При этом требуется решить две взаимосвязанные проблемы: организационную и научно-методическую.

Организационная проблема видится в осуществлении постоянного мониторинга результатов проведения юридико-лингвистической экспертизы нормативных правовых актов на межведомственном уровне в рамках постоянно действующей экспертной комиссии либо на базе общественного межведомственного координационного совета по антикоррупционной экспертизе с включением в него специалистов в области юридико-лингвистической экспертизы. Привлечение для этих целей только юристов или только языковедов данную проблему не решает, так как ни те, ни другие не обладают необходимым симбиозом специальных знаний для квалифицированного осуществления комплексной правовой и лингвистической экспертизы текста нормативного правового акта и оценки качества и эффективности проведенной антикоррупционной юридико-лингвистической экспертизы.

Научно-методическая проблема видится в разработке формализованной частной методики юридико-лингвистической антикоррупционной экспертизы на базе теории судебной экспертизы и правовой лингвистики, нацеленной на выявление по стандартизованным критериям и по регламентированной процедуре коррупциогенность языковых формулировок, оформляющих юридические предписания [3].

Методика должна позволять оценить:

- правильность использования понятий и терминов, знаков пунктуации по тексту нормативного правового акта;
- соответствие используемых по тексту нормативного правового акта понятий и терминов понятиям и терминам, используе-

мым в иных законах, регулирующих данные правоотношения, совпадение объема этих понятий;

- обеспечено ли единство терминологии по всему тексту нормативного правового акта, не встречаются ли по тексту случаи использования одного термина или словосочетания для обозначения разных понятий или случаи необоснованного использования разных терминов или словосочетаний для обозначения одного и того же понятия;

- обеспечена ли в тексте нормативного правового акта четкость и однозначность понимания понятий и терминов, а также содержания правовых норм;

- нет ли в тексте нормативного правового акта аббревиатур и недопустимых сокращений слов; неустоявшихся терминов, понятий и формулировок, категорий оценочного характера с неясным, неопределенным содержанием, не используемых российским законодательством, допускающих различные трактовки или инотолкование;

- обеспечены ли по тексту нормативного правового акта точность наименования органов, организаций, должностных лиц, а также правильность написания этих наименований;

- не встречаются ли в тексте нормативного правового акта случаи использования слов без учета их семантического значения, совместного использования лексически несочетаемых слов и выражений, употребления в качестве однородных членов предложения неоднородных понятий, плеоназмов и т.п.;

- обеспечивает ли языковое выражение правовой нормы однозначность толкования ее формально-логической структуры, могут ли лингвистические неточности привести к ошибочному пониманию юридического предписания правовой нормы.

Регламентированная процедура юридикто-лингвистической антикоррупционной экспертизы текста нормативного правового акта или его проекта должна, по нашему мнению, включать следующие обязательные содержательные компоненты:

- анализ текста с учетом специфики актуализации лексико-семантического и семантико-синтаксического, юридикто-стилистического, формально-логического, пунктуационного уровней;

- определение единицы кодирования концепта «коррупция» и способов ее представления в эксплицитном или имплицитном виде;

- осуществление ассоциативного анализа с опорой на концепт «коррупция»;

- проведение семантико-синтаксического анализа «дерева зависимостей» семы «коррупциогенный фактор» и тема-рематического анализа в рамках актуального членения предложения;

- проведение контент-анализа с целью выявления компонентов семантического поля «коррупция»;
- выявление признаков юридико-лингвистической неопределенности на уровнях терминосистемы, оценочных категорий, дефиниций;
- использование базы данных номинаций понятийного концепта «коррупция» на материале русского, английского (британского и американского вариантов) и других иностранных языков;
- выявление типовых наборов языковых формул вариативной интерпретации понятийного концепта «коррупция»;
- определение релевантных параметров и рядов их значений для семантического поля «коррупция» [4].

В ходе проведения юридико-лингвистической антикоррупционной экспертизы должны применяться типовые методы лингвистической экспертизы текста: первичный лингвистический анализ, контент-анализ, операционное кодирование, когнитивное картирование, определение концептуальной переменной, выявление эксплицитности/имплицитности концептуальной переменной, поуровневый лингвистический анализ, ассоциативно-семантический анализ, содержательно-концептуальный анализ и формально-логический анализ.

Без разработки методики и принятия единого регламента проведения антикоррупционной юридико-лингвистической экспертизы вряд ли будет достижима цель проверяемости ее результатов, а значит, снижена эффективность превентивных мер по борьбе с коррупцией [5].

Список литературы

1. Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.
2. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов (федеральный и региональные аспекты) / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. – М. : Юрилитинформ, 2011. – 248 с.
3. Теория судебной экспертизы : учеб. / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин ; под ред. Е. Р. Россинской. – М. : Норма, 2009. – 384 с.
4. Галяшина, Е. И. Антикоррупционная юридико-лингвистическая экспертиза нормативных правовых актов и их проектов / Е. И. Галяшина // Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов / сост. Е. Р. Россинская. – М. : Проспект, 2010. – С. 34–43.

5. Россинская, Е. Р. О комплексной природе антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина // Lex Russica. Научные труды МГЮА. – 2012. – Т. LXXII(№ 5). – № 5 (сентябрь). – С. 1048–1064.

П. П. Гейко
соискатель,
Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина,
Московская городская коллегия адвокатов, г. Москва

УГОЛОВНО ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОКРЫТИЯ ИМУЩЕСТВА, ПОДЛЕЖАЩЕГО ВЗЫСКАНИЮ

Затрагивается проблема неполноты уголовно правового регулирования в Российской Федерации отношений, возникающих по поводу сокрытия имущества, на которое должно быть обращено взыскание, вследствие невыполнения гражданско-правовых обязательств, неисполнения обязанности по уплате налогов и сборов, а также в иных случаях. Автор приводит примеры уголовно правовых норм периода существования Российской Империи, направленных на предотвращение неправомерного сокрытия имущества, подлежащего взысканию, которые, по его мнению, в определенной степени могут быть восприняты современным законодателем.

Ключевые слова: сохранность имущества, взыскание, сокрытие, недоимка, невыполнение обязательств, неисполнение обязанности, должник.

В любом обществе, экономический строй которого основан на принципах свободного предпринимательства, свободы договорных отношений между хозяйствующими субъектами, рыночного ценообразования, наличия частной собственности, ограниченного вмешательства государства в экономику, существует обширный пласт специфических взаимоотношений экономического и фискального характера, в содержание которых включена обязанность одной из сторон этой связи передать другой стороне некоторое находящееся во владении обязанной стороны имущество в счет погашения задолженности, возникшей в результате частичного либо полного невыполнения принятых на себя обязанной стороной обязательств или неисполнения этой стороной установленной в обществе обязанности безвозмездно отдавать часть своего имущества. Например, обязанность передать имущество может возникнуть в результате неисполнения различных договоров и соглашений либо при наличии задолженности перед бюджетом в связи неуплатой налогов, пошлин, сборов и т.д. Обязанность передать имущество должника в определенных случаях возлагается на лиц, которым должник это имущество передал, сохранив за собой право собственности, а также на лиц, к которым перешло имущество должника

вместе с его непогашенными долгами, например, такими лицами могут являться залогодержатели, наследники, правопреемники. Наличие такого рода экономических и фискальных отношений всегда сопровождается потребностью как отдельных кредиторов, так и общества в целом обеспечить сохранность имущества должника, чтобы в последующем иметь возможность за счет этого имущества удовлетворить их требования, предъявляемые в связи с образовавшейся задолженностью. Соответственно проблема обеспечения сохранности имущества, подлежащего взысканию, существует в обществе с момента, не позднее возникновения общественной потребности в охране обязательственных отношений или общественной обязанности членов общества безвозмездно производить общеобязательные платежи. Современная Россия в аспекте существования проблемы обеспечения сохранности имущества, подлежащего взысканию, не является исключением.

В России постсоветского периода вследствие возникновения современных социально-экономических отношений появились новые виды общественно опасных деяний, связанные с неправомерными действиями в отношении имущества, за счет которого может быть произведено взыскание задолженности, возникшей в результате неисполнения соответствующих обязательств или обязанностей, ряд из которых нашли свое отражение в действующем уголовном законодательстве. В уголовном кодексе РФ в определенных случаях предусмотрена ответственность за сокрытие, передачу, отчуждение, уничтожение, уклонение от передачи и иное противодействие сохранению имущества, на которое обращается взыскание, при наличии признаков банкротства, недоимки по налогам и сборам, соответствующего судебного акта и в некоторых других случаях (ч. 1, 3 ст. 195, ст. 199.2, ст. 312 УК РФ). Принятие норм, содержащихся в ст. 195 и 199.2 УК РФ, обусловлено именно современной социально-экономической системой, меняющимся состоянием общества в связи с отказом от административно-хозяйственного типа экономики и переходом к рыночной саморегуляции. В советской России подобные нормы в уголовном законе не предусматривались в силу отсутствия экономических и фискальных отношений, которые бы ими охранялись. Однако, как представляется, имеющиеся в современном отечественном уголовном законе нормы, направленные на обеспечение сохранности имущества, подлежащего взысканию, предусматривают ответственность далеко не за все существующие в сфере экономики негативные деяния, препятствующие сохранности такого имущества. Так, например, сокры-

тие, утаивание и другие действия с имуществом, за счет которого может быть произведено взыскание задолженности по обязательствам, недоимки по налогам и сборам, направленные на избежание выплаты в действительности уже существующих долгов, хотя еще и не установленных каким-либо административным актом (решение суда об установлении наличия долга или признаков банкротства; решение налогового органа, устанавливающее наличие недоимки по налогам и сборам, и т.п.), но неизбежность установления государственным органом которых очевидна для лица, совершающего действия, направленные на сокрытие имущества с целью причинить кредиторам или бюджетной системе негативные последствия, на сегодня уголовным законом не регулируется. Поэтому типична ситуация, когда руководитель организации, предвидя неизбежность обращения взыскания на принадлежащее этой организации имущество в связи с неисполнением ею гражданско-правовых обязательств или налоговых обязанностей, незадолго до установления административным актом факта наличия соответствующей задолженности, отчуждает, скрывает либо совершает иные действия с этим имуществом, в результате которых становится невозможным обращение взыскания на это имущество. При этом главная цель таких действий руководителя заключается именно в намерении избежать оплаты долга, а не в достижении экономически полезного результата. Как правило, такие действия вуалируются под обычные хозяйственные сделки. В результате таких действий экономическим интересам кредиторов причиняется не меньший вред, чем, если бы они были совершены после признания государственным органом наличия долга перед кредитором.

Также в современном отечественном уголовном законодательстве отсутствует регулирование отношений, связанных с сохранностью имущества физического лица, не являющегося предпринимателем, но которое имеет задолженность по обязательствам перед другими лицами, за которыми числится недоимка по налогам и сборам, или оно имеет иную обязанность выплатить денежные средства. Данное обстоятельство вряд ли способствует улучшению экономического климата в стране, а также нераспространению деяний, когда физические лица, имеющие задолженности, измеряющиеся достаточно крупными суммами, незадолго до обращения взыскания на их имущество отчуждают, скрывают и иным способом утаивают принадлежащее им имущество с целью избежать оплаты долгов, чем причиняют существенный вред своим кредиторам, бюджету и обществу в целом. Об уголовной ответственности

наследников должников и других их правопреемников, принявших на себя имущественные права и обязанности должников, за противодействие сохранности принятого имущества, за счет которого должно быть произведено взыскание по долгам должника, в современном уголовном законе тем более ничего не сказано.

Не установлена уголовная ответственность и для лиц, которые, владея имуществом должника, на которое должно быть обращено взыскание, скрывают, утаивают или иным способом противодействуют обращению на него взыскания с целью избежать экономических потерь в случае, если имущества должника будет недостаточно для удовлетворения интересов всех его кредиторов. Так, имеют место ситуации, когда залогодержатель, зная, что на все имущество залогодателя должно быть обращено взыскание в связи с наличием у последнего задолженности, скрывает сведения о наличии у него имущества должника, в результате чего другие кредиторы должника не получают возмещения за счет взыскания на это имущество.

Имеющиеся в современном уголовном законе России нормы, направленные на предотвращение сокрытия имущества, подлежащего взысканию, предусматривают в качестве обязательного признака описываемых ими преступлений наличие ненормативного акта государственного органа, которым государство формально подтверждает существование в действительности уже существующих определенных в законе обстоятельств, такие как: наличие признаков банкротства, наличие недоимки, наличие долга и т.д. К примеру, обязательным условием для признания деяния преступлением, предусмотренным ч. 1 ст. 195 УК РФ, является существование акта арбитражного суда, подтверждающего наличие признаков банкротства у должника (организации или индивидуального предпринимателя), на момент совершения такого деяния. То есть если признаки совершенного деяния совпадают со всеми другими обязательными признаками преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, но на момент его совершения по каким-либо не зависящим от кредитора обстоятельствам отсутствует указанный судебный акт, то такое деяние в соответствии с действующим сегодня Уголовным кодексом РФ не является настолько общественно опасным, чтобы его признавать уголовно наказуемым. Представляется, что такой подход не является оправданным, так как экономический ущерб, причиняемый действием, содержащим все признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, за исключением такого, как наличие до его совершения судебного акта, под-

тверждающего присутствие признаков банкротства, несколько не ниже, чем если бы оно было совершено после вынесения государственным органом соответствующего акта. Более того, законодатель, поместив норму, предусматривающую ответственность за указанное преступление в главу 22 Уголовного кодекса РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», представляется, при принятии решения о криминализации подобного деяния исходил именно из экономических соображений, т.е. имел в виду, что существенная общественная опасность выражается прежде всего именно в причинении экономического вреда кредиторам. Наличие либо отсутствие акта арбитражного суда, устанавливающего существование признаков банкротства, никак не может повлиять на ущерб, причиняемый кредиторам в результате сокрытия имущества, подлежащего взысканию. Аналогичные рассуждения можно провести относительно деяния, имеющего признаки преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ, только в этом случае ненормативный акт, которым признается наличие недоимки по налогам и сборам, должен быть издан налоговым органом. Общественная опасность деяния, имеющего признаки преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ, в данном случае в основном, как представляется, выражающаяся в ущербе, причиняемом бюджетной системе в виде непоступления в бюджет налогов и сборов, также зависит от издания налоговым органом соответствующего акта, что, на наш взгляд, является неправильным. Полагаем, что совершение подобных деяний после издания соответствующих ненормативных актов должно рассматриваться как совершение преступления, имеющего дополнительный к основному составу квалифицирующий признак и представляющего большую общественную опасность, что подразумевает более строгую уголовную ответственность.

Относительно деяний, ответственность за которые предусматривается ст. 312 УК РФ, полагаем аналогичные рассуждения будут не применимы, так как представляется, что их общественная опасность в основном выражается в неисполнении требований органов государственной власти и их представителей, в наличии негативных последствий для правосудия. Экономический же ущерб, причиняемый кредиторам этими преступлениями, имеет факультативный характер, его наличие для признания деяния преступлением, предусмотренным ст. 312 УК РФ, не является обязательным.

Полагаем, присоединяясь к мнению ученых в области отечественного уголовного права А. И. Рарога и Т. Г. Понятовской, в настоящее время в России отсутствие стремления со стороны государ-

ства изменить сложившуюся практику в сфере экономической деятельности (когда ее субъекты не только в случае наличия задолженности перед кредиторами, но и изначально, еще до появления к ним имущественных претензий со стороны кредиторов, но не исключая их появление в будущем, совершают действия по распределению имущества с целью в дальнейшем избежать на него взыскание), носит политический характер, имеет в своей основе идеологическое пренебрежение собственностью и экономическими интересами, незрелость понимания значения и роли экономического интереса как мощного фактора социально-экономического прогресса.

В настоящее время охрана прав лиц и государства, интересы которых могут быть удовлетворены в результате обращения взыскания на имущество их должников, эффективное взимание налогов и сборов, неуклонное исполнение решений суда и иных уполномоченных органов в отношении имущества, за счет которого должно производиться взыскание задолженности или подлежащего конфискации, являются важнейшими направлениями деятельности Российского государства. Анализ и совершенствование государственного механизма обеспечения сохранности имущества, подлежащего взысканию, в том числе уголовно-правовыми средствами, представляется значимой задачей, требующей скорейшего разрешения.

Обозначенная потребность урегулирования уголовно-правовыми средствами отношений, связанных с обеспечением сохранности имущества, подлежащего взысканию, существовала в нашей стране с давних времен. К примеру, в уголовном законодательстве России середины XIX – начала XX вв. содержалось немало норм, содержащих запрет на воспрепятствование сохранности имущества, подлежащего взысканию. В диспозициях этих норм подробно описывались способы совершения и другие признаки таких преступлений. Так, в разделе седьмом Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны» в ст. 602 устанавливалась ответственность за всякий ущерб, причиненный имуществу или доходам казны через похищение, утайку или растрату [1, с. 170]. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. вобрало в себя ряд статей, прямо устанавливающих запрет утаивать и скрывать имущество, которым обеспечивается исполнение обязательств и обязанностей. В этом акте практически полностью сформирован соответствующий институт, который в принципе может быть воспринят современным законодателем. Так, в ст. 1654 главы двенадцатой Уложения о наказаниях «О нарушении постановлений

о кредите» говорится: «Кто из лиц, не принадлежащих к торговому сословию, будет признан должником злостным, т.е. таким, о ком доказано, что он, впадши в неоплатные долги, с умыслом для избежания платежа оных, перекрепил свое имение или передал оное безденежно в другие руки, или же посредством подставных ложных заимодавцев, или иным способом скрыл действительно свое имение или часть одного во вред неудовлетворенных вполне заимодавцев, тот за сие подвергается...» [1, с. 425]. Более того, согласно ст. 1655 Уложения, которая наряду с ответственностью за действия самих должников, устанавливала ответственность лиц, участвовавших в подлогах злостного должника, предусматривала уголовное наказание для наследников злостного должника. Так, ответственность наступала, если наследники должника, получив по наследству капиталы его, состоявшие в кредитных установлениях и поступившие к ним по особым законам этих установлений, с умыслом не представляли их на удовлетворение долгов [1, с. 425]. Таким образом, ст. 1655 предусматривала уголовную ответственность не только за соучастие в сокрытии имущества, подлежащего взысканию, но и за непосредственное совершение сокрытия имущества, подлежащего взысканию, лицом, являющимся правопреемником должника, а не стороной обязательственного отношения, при котором образовался долг. В ст. 1656 Уложения говорится: «Кто, имея на несостоятельном должнике обеспеченное залогом заемное письмо, утаит сей залог, а между теми останутся неудовлетворенные другие на должнике взыскания, тот за сие подвергается наказанию...» [1, с. 425]. То есть предусматривалось наказание, как и в предыдущей указанной статье, за совершение сокрытия имущества, подлежащего взысканию лицом, не являющимся стороной обязательственного отношения, а только держателем имущества должника. Последние две приведенные статьи указывают, что в до-революционном российском обществе действия, направленные на воспрепятствование получению кредитором причитающегося ему имущества, за счет которого может быть погашена образовавшаяся перед ним задолженность путем его сокрытия должниками, правопреемниками должников либо лицами, у которых находилось это имущество, расценивались как наносящие существенный вред как кредитору, так и государству в целом.

Уголовное уложение 1903 г. содержит нормы, запрещающие утаивать и скрывать имущество, подлежащее взысканию в связи с неисполнением должниками принятых на себя обязательств, а также невыполнении налоговых обязательств. В главе тридцать

четвертой «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу» Уголовного уложения 1903 г. в ст. 599 определяется преступлением следующее деяние: «Объявленный судом несостоятельным должником, виновный: 1) в сокрытии при объявлении несостоятельности своего имущества умолчанием или ложным о нем показанием с целью избежать платежа долгов; 2) в выдаче уменьшающего конкурсную массу обязательства по долгу, вполне или в части вымышленному, или в безвозмездной передаче, переукреплении или сокрытии иным способом своего имущества после объявления несостоятельности и притом с целью избежать платежа долгов; 3) в выдаче обязательства по долгу, вполне или в части вымышленному, или в безвозмездной передаче, переукреплении или сокрытии иным способом своего имущества, хотя и до объявления несостоятельности, но в близком времени и при том с целью избежать платежа долгов, наказывается...». Статья 600 содержит описание квалифицированного состава преступления, предусмотренного ст. 599, а именно: «объявленный судом несостоятельным должником в порядке торгового производства виновный в преступных деяниях, ст. 599 предусмотренных, наказывается... Если, по значительности вреда, произошли важный ущерб казне или расстройство, или упадок дел кредитного установления, или разорение многих лиц, то виновный наказывается...» [2, с. 193]. Статья 601 устанавливает ответственность руководителя организации за сокрытие имущества организации, подлежащего взысканию. Так, «заведывающий или распоряжающийся делами общественного или частного кредитного установления, товарищества на паях или акционерного общества виновный: 1) в отказе, при объявлении судом о несостоятельности таких установления, товарищества или общества, показать суду или подлежащей власти в случаях и порядке, определенных законом, об имуществе таких установления, товарищества или общества, или в ложном при таком объявлении об имуществе оных показаниях, если такие отказ или показания учинены с целью содействовать установлению, товариществу или обществу избежать платежа их долгов; 2) в выдаче по долгу вполне или в части вымышленному, обязательства, уменьшающего имущество таких установления, товарищества или общества, или в безвозмездной передаче, переукреплении или сокрытии иным способом имущества онаго, с целью содействовать установлению, товариществу или обществу избежать платежа долгов, если такая выдача обязательства или безвозмездная передача, переукрепление или сокрытие имущества учи-

нены после прекращения сим установлением, товариществом или обществом платежей или объявления несостоятельности оных или хотя и ранее, но в предвидении неизбежности такого прекращения или объявления в близком времени; если притом последовало объявление несостоятельности установления, товарищества или общества или приостановление платежей, наказывается... Если, по значительности вреда, произошли важный ущерб казне, или расстройство или упадок дела кредитного установления, или разорение многих лиц, то виновный наказывается...» [2, с. 194]. Уголовным уложением 1903 г. определяется ответственность за соучастие в сокрытии имущества, подлежащего взысканию. Так, в ст. 602 говорится, что «соучастником в преступных деяниях, ст. 599–601 предусмотренных, если они последовали, признается и наказывается как соучастник виновный: 1) в подстрекательстве к сим деяниям; 2) в требовании или получении платежа по обязательству, заведомо выданному при условиях, означенными статьями указанных; 3) в безмездном, под видом возмездного, приобретении имущества, заведомо переданного при условиях, означенными статьями указанных; 4) в сокрытии или участии в сокрытии имущества при условиях, означенными статьями указанных» [2, с. 194].

Из приведенных норм уголовного законодательства середины XIX – начала XX вв., в период бурного развития экономики Российской Империи, во времена вполне сформировавшейся налоговой системы, когда отношения собственности и обязательственные отношения между частными юридическими и физическими лицами лежали в основе экономики страны, можно сделать вывод, что сокрытие имущества, подлежащего взысканию, представляло существенную опасность для русского общества. В настоящее время, когда Россия вновь вернулась к экономической системе, основанной на частной собственности, встала на рельсы капиталистического развития, когда значимость обязательственных отношений для государства имеет приоритетное значение, а бюджет России в значительной степени зависит от налоговых поступлений хозяйствующих субъектов, актуальность изучения и разработки государственных, в том числе уголовно правовых средств регулирования отношений, связанных с обеспечением сохранности имущества, подлежащего взысканию, в связи с неисполнением принятых на себя обязательств или налоговых обязанностей перед государством, резко возросла. Без развития института привлечения к уголовной ответственности лиц, совершающих сокрытие имущества, подлежащего взысканию, не могут быть в полной мере защищены и

обеспечены права и интересы физических лиц, субъектов экономической деятельности, государства, нарушаемые в результате невыполнения соответствующих обязательств или неисполнения установленной в обществе налоговой обязанности.

Список литературы

1. Свод законов Российской Империи. Издания 1857 года. Законы уголовные. – СПб. : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. – Т. 15.

2. Новое уголовное уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. – СПб. : Издание Каменноостровского Юридического Книжного Магазина В. П. Анисимова. Большой пр. 86, 1903.

Н. Д. Голев

*заслуженный работник высшей школы РФ,
доктор филологических наук, профессор,
академик Международной академии наук высшей школы,
Кемеровский государственный университет, г. Кемерово*

ОБ ОБЫДЕННОМ ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ТОЛКОВАНИИ И УЯСНЕНИИ ТЕКСТА ЗАКОНА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Рассматривается вопрос об обыденном филологическом толковании текстов закона как специфическом и важном виде толкования, занимающем значимое место в системе правовой коммуникации. Автор обосновывает тезис о недостаточности внимания к названному феномену в научной литературе, анализирует причины, приводящие к такому положению, и намечает выходы из него, которые связывает с углублением уровня взаимодействия лингвистики и правоведения.

Ключевые слова: обыденное толкование текстов закона, филологическое толкование, аутентичное толкование, правовая коммуникация, отчуждение автора от текста.

В настоящей статье мы намерены поставить и обсудить в пилотном формате важный для юрислингвистики вопрос о месте в юридической герменевтике обыденного филологического толкования и уяснения текста закона.

Остроту этому вопросу придает то обстоятельство, что в любой учебной и справочной юридической литературе отмечается факт наличия среди прочих **обыденного толкования** как разновидности неофициального толкования и **толкования филологического** (грамматического, языкового, лингвистического). Однако в научной литературе обращения к этим видам достаточно редки как для юриспруденции¹, так и лингвистики, а к соединенному варианту – обыденному филологическому толкованию – интерес, нужно полагать, вообще отсутствует. Такая же судьба и у понятия уяснения (толкования «для себя»), факт наличия которого теоретически признается, но конкретно-исследовательского интереса к нему не проявляется. Что стоит за этими фактами?

Наш анализ показывает, что причины данного явления весьма разнообразны. В основании их лежит несовпадение презумпций при подходе к тексту (шире – языку) закона теоретиков и практиков юрис-

¹ Отметим следующие работы, в которых обыденному и филологическому толкованию права уделено специальное внимание, – прежде всего это монографические работы [1–3], а также исследования последних лет [4–11].

пруденции и тех лингвистических презумпций, которые выработались у лингвистов, исследующих закономерности бытия (генезиса, устройства и функционирования) естественного языка. За долгие годы в теории государства и права сформировалась «внутренняя теория языка», сформировавшая специфическую метаязыковую ментальность у исследователей данного феномена и юристов-практиков (подробнее об этом в [12]), частным проявлением которой стало соответствующее отношение к обыденному филологическому толкованию текста закона. Несомненно, что гносеологические причины различий восходят к онтологии – глубинным противоречиям естественного и юридического языков (в ряде предшествующих работ мы подвергали анализу из взаимоотношения, см., например, [13–16]). Такие ментальные установки особенно усиливаются, если явно или не явно признается высокая степень «оторванности» юридического языка от языка естественного. При таком допущении и филологическое, и обыденное виды толкования становятся периферийными и не обязательными, толкование текста закона простыми гражданами не исключается, но трактуется как далеко отстоящее от сущности закона и правовой коммуникации в целом и потому не могущее вызвать большого интереса у теоретиков права.

Однако если поставить во главу правовой коммуникации диалог власти с народом (источником власти, по Конституции), то столь простыми доводами противоречия юридического языка и естественного языка не могут быть сняты. Через текст закона власть «разговаривает» с народом, для этого он (текст) пишется на общенародном языке в его литературной разновидности. Теоретически это, разумеется, декларируется повсеместно – в документах, учебниках, монографиях по теории государства и права. На практике, однако, вопрос в сфере толкования права не прост, особенно в связи с актуализацией понятия «аутентичное толкование», дающего исключительное право толкования субъекту, имеющему на то специальное право¹. Однако принад-

¹ Аутентичное толкование закона – разновидность официального толкования текста нормативного акта или отдельного его положения (нормы права), которое исходит от самого органа власти, издавшего такой акт. Подобное разъяснение является обязательным, т.е. имеет нормативный характер для всех лиц и органов, применяющих данный акт или норму права. А. толкование может даваться и органами, которые не издавали толкуемого нормативного акта, но наделены на это специальными полномочиями со стороны компетентных властей (например, правомочия министерства соответствующего профиля разъяснять постановления правительства, относящиеся к деятельности этого министерства); А. толкование международного договора – выяснение действительного смысла и содержания такового, осуществляемое самими договаривающимися сторонами на основе взаимного согласия и потому обладающее обязательной силой для государств-

лежит ли право понимания текста рядовым носителям этого языка – законопослушным гражданам? И могут ли они быть таковыми без этого права?

Приведем пример из лингвоэкспертной практики. Толкуется фраза *«столбики должны располагаться на расстоянии от 2,5 до 16 метров от переезда»*. Представитель ГАИ настаивает на том, что фраза обязывает ставить первый столбик точно на расстоянии 2,5 метра. На контрвопрос: «А фраза о штрафе в размере от 50 до 100 рублей тоже обязывает Вас штрафовать точно в 50 рублей, или этой фразой обозначен диапазон выбора?» – уверенно отвечает: «Нет, не обязывает, но это не распространяется на "столбики"; **здесь законодатель имел в виду другое**». Типичное отношение юриста к толкованию текста. Такой ментальный модус хорошо иллюстрирует автор текста «Толкование норм права может помочь»¹, который, столкнувшись с аналогичной ситуацией, резонно спрашивает, почему нормы налогового права мы обязаны понимать **«не так, как они написаны, а так, как они должны были быть написаны»**. На наш взгляд, это расхождение модальностей – вопрос не столько лингвоюридической техники, сколько сущностный вопрос правовой коммуникации, подчеркивающий противоречивый характер отношений ее субъектов – законодателя (представителя власти, говорящего на юридическом языке) и законопослушного гражданина (говорящего на общенародном языке и понимающего текст по законам этого языка).

Принцип аутентичности толкования, закрепляющий толкование за законодателем, решает это противоречие с позиций приоритета власти, которая всегда права, даже если не права. Этот тезис хорошо иллюстрирует высказывание одного из участников дискуссии на религиозном сайте, который смиренно (как истинный верующий) говорит: «Мое толкование не может считаться истинным, даже если я и истолкую его правильно»². «Правильно» означает в нашем случае – по правилам (законам) естественной логики и естественного языка. Истинно – согласно воле законодателя. Появление религиозного примера в нашем рассуждении в определенном смысле носит публицистический характер, но у этого сравнения есть свои научно-логические обоснования, ибо принцип аутентич-

контрагентов. Данный вид толкования осуществляется посредством обмена нотами, подписания протокола, специального соглашения [17, с. 194–195].

¹ URL: http://anisim.westportal.net/publications/tolkovanie_norm_prava.html

² URL: <http://www.bible.com.ua/answers/r/2040/308262>

ности толкования напоминает древние традиции, по которым право толкования было сакрализированным, оно принадлежало посвященным (жрецам) и было одним из инструментов ментальной власти над верующими.

Один из фундаментальных принципов естественного языка и обыденной герменевтики – отчуждение текста от автора. Определенный текст (точнее, его смысл), будучи «вброшенным» в сознание читателей, уже не принадлежит автору. Уже не важно, что **хотел** сказать автор, а важно, что он **сказал**. Не важно, что Чехов задумал «Вишневый сад» как комедию и считал, что написал такую (об этом знают лишь посвященные «жрецы» – историки литературы), важно, что читатели ее воспринимают как лирическую драму. И истинное бытие «Вишневого сада» – в сознании читателя! Заметим, однако, что профессиональные литературоведы тоже не слишком охотно соглашались с такой герменевтической позицией, полагая, что истинное толкование художественного недоступно «наивному» читателю и должно принадлежать только им. Справедливости ради, надо отметить, что позиция читателя находит отражение в направлении рецептивной эстетики. Развивая заданную аналогию, предложим для обосновываемого нами направления толкования и уяснения текстов закона термин «рецептивная юридическая герменевтика».

В теории государства и права данная коллизия представлена в антиномии, обозначенной в названии статьи О. М. Беляевой, – «Объект толкования права: воля закона («буква» закона) или воля законодателя («дух» закона)». В аннотации к данной статье автор пишет: «Уже не одно десятилетие среди ученых-юристов не прекращается спор по поводу того, что является объектом толкования: воля законодателя («дух» закона) или воля закона («буква» закона). Иными словами, вопрос заключается в том, чем должно ограничиваться толкование – уяснением ли действительной воли законодателя, которую он хотел выразить, но по тем или иным причинам в ряде случаев не сумел выразить достаточно четко, либо той воли, что получила непосредственное закрепление в тексте закона» [5, с. 104].

Признание верховенства «буквы закона» в толковании правовых текстов существенно меняет традиционное представление о субъектности толкования текста закона и сущности правовой коммуникации вообще. Выдвижение на первый план буквы закона, воплощенного в тексте, усиливает позиции обыденного филологического толкования, которое переходит из области юридино-герменевтической периферии в сущностные категории правовой ком-

муникации в формате диалога власти и народа (законопослушных граждан). Однако признание таких позиций связано с существенной перестройкой метаязыковой ментальности юристов. Н. Б. Лебедева, анализирувшая данную проблему, справедливо отмечает, что «представления о языке, его предназначении, функционировании, устройстве, конечно же, испытывают воздействие профессиональной принадлежности пользователей языка, хотя в этой области очень много общего у представителей разных нефилологических специальностей: обыденное сознание разных людей включает метаязыковой компонент, который, при всем своеобразии, имеет большую зону как "коллективного бессознательного", так и "коллективного сознательного" (чаще же всего – "полусознательного")» [12, с. 50]. В числе признаков обыденного метаязыкового сознания юристов автор выделяет и анализирует следующие признаки: орудийный подход, при котором язык трактуется как средство выражения целевых установок человека, но лишается своей собственной субъектности, преувеличенные представления о рукотворности и управляемости языка, стихийный антиисторизм, недооценка непрерывного полисемантизма языкового знака и др.

Ментальность от «буквы (=текста) закона» предполагает опору законодателя и законоприменителя на другие, неинструменталистские, концепции языка, актуализировавшиеся в лингвистике последнего времени. Так, в коммуникативной лингвистике (в частности, в теории речевых актов) однозначно признается, что результат коммуникативного акта заключен не в деятельности автора текста, воплотившего свое намерение (иллокуцию) в речевом произведении, а в перлокуции – воздействии на адресата. Понятно, что при таком подходе законодателя не может не интересоваться, как его слово отзовется в сознании законопослушного гражданина. Если заказ в изучении коммуникативного эффекта текста закона будет направлен теоретикам права, они с гораздо большим вниманием отнесутся к феномену обыденного языкового сознания рядовых законопослушных граждан, которые не имеют других механизмов толкования текста закона, кроме механизмов естественного родного языка, на котором этот текст написан. В этой же парадигме находится и концепция отчуждения текста от автора (в том числе – от воли законодателя), о которой мы сказали выше. Она исходит из идей постмодернизма, так же как и идея множественности интерпретации как способа бытия истины. Юридическая техника, в том виде, какой мы ее наблюдаем, исходит из постулата, что множественность интерпретации (и бесконечная полисемантичность языко-

вых единиц и речевых произведений) есть «вредное» проявление стихийного языка, некая его неправильность, подлежащая исправлению и могущая быть исправленной. Разумеется, путь «борьбы» с множественностью интерпретации закономерен и в принципе достаточно эффективен, однако его абсолютизация приводит толкование текста закона к состоянию, которое мы обозначили ранее как «лингвистические тупики юридической техники» [11].

Поскольку толкование текста (закона) есть частный случай его интерпретации, то принципиальным моментом является сдвиг представлений о понимании смысла текста адресатом от орудийного, =автороцентрического (автор обертыкает свой замысел-волю в языковую обертку, а адресат разворачивает ее и «достает» замысел-волю) к адресатоцентрическому, восходящему к В. фон Гумбольдту и А. А. Потебне. Как подчеркивал А. А. Потебня, «слушающий, понимая слово, создает свою мысль, занимающую в системе, установленной языком, место, сходное с местом мысли говорящего»; «говорить значит не передавать свою мысль другому, а возбуждать в другом его собственные мысли». Если бы эти положения были включены в теорию толкования правового текста, они, несомненно, самым существенным образом ее бы изменили. Пока же нужно констатировать, что движения в сторону интереса к «собственным мыслям» законопослушного гражданина в теории государства и права не отмечается. О чем, в частности, свидетельствует и отсутствие конкретных исследований в этой сфере, отмеченное нами в начале статьи.

Список литературы

1. Соцуро, Л. В. Неофициальное толкование норм права : учеб. пособие / Л. В. Соцуро. – М. : Профобразование, 2000. – 112 с.
2. Смирнова, О. М. Филологическое правотолкование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Смирнова О. М. – Казань, 2007. – 24 с.
3. Ващенко, Ю. С. Филологическое толкование норм права / Ю. С. Ващенко ; под ред. Р. Л. Хачатурова ; Волж. ун-т им. В. Н. Татищева. – Тольятти, 2002. – 132 с.
4. Белоконь, Н. В. Соотношение методов лингвистического и юридического анализа при использовании грамматического способа толкования как средство устранения неопределенности в понимании положений Конституции Российской Федерации / Н. В. Белоконь // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8. С. 31–35.

5. Беляева, О. М. Объект толкования права: воля закона («буква» закона) или воля законодателя («дух» закона)? / О. М. Беляева // Законы России: опыт, анализ, практика. Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. – 2010. – № 11. – С. 104–108.

6. Великий, Д. П. Грамматический способ толкования в уголовно-процессуальном праве / Д. П. Великий // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2011. – № 13. – С. 68–77.

7. Воробьева, М. Е. Функционирование юридических терминов в обыденном сознании (на материале семасиологического эксперимента) / М. Е. Воробьева // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева, Т. В. Чернышовой. – Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. – С. 445–453.

8. Колесник, И. В. Языковой и логический способы толкования правовых норм в технологии правоприменительной деятельности арбитражного суда / И. В. Колесник // Юрист – Правоведъ. – 2010. – № 3. – С. 8–12.

9. Мартышко, Н. Ю. Интерпретационный подход к изучению проблемы точности и однозначности юридических терминов / Н. Ю. Мартышко // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы II Междунар. науч.-практ. интернет-конференции / отв. ред. В. Ю. Меликян. – Ростов н/Д : Дониздат, 2012. – Вып. 2. – С. 43–50.

10. Никифорова, С. А. Филологический анализ оборота «как таковые» в нормах российского патентного права / С. А. Никифорова, Р. А. Красноперов // Патенты и лицензии. – 2011. – № 9. – С. 14–30.

11. Пресняков, М. В. Проблема «качества закона» как требование верховенства права / М. В. Пресняков // Гражданин и право. – 2009. – № 12. – С. 43–56.

12. Лебедева, Н. Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) / Н. Б. Лебедева // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. – С. 49–64.

13. Голев, Н. Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 9–45.

14. Голев, Н. Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-7: Русский язык как феномен правовой коммуникации : межвуз. сб. науч. ст. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 8–38.

15. Голев, Н. Д. Лингвистические тупики юридической техники / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное россий-

ское право : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово ; Барнаул, 2007. – С. 92–104.

16. Голев, Н. Д. Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвуз. сб. науч. тр. – Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 136–155.

17. Волосов, М. Е. Аутентичный (аутентический) / М. Е. Волосов // Российская юридическая энциклопедия. – М., 1999. – С. 65– 66.

О ПРОБЛЕМАХ ПОСТРОЕНИЯ И ПРОИЗНЕСЕНИЯ ЗАЩИТИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕЙ

В настоящее время проблема построения защитительной речи и произнесения самозащитной речи является одной из актуальных проблем юриспруденции и судебного красноречия. В связи с этим в статье рассмотрены правила аргументации и композиционные особенности защитительной речи. Особое внимание уделяется нарушениям этических правил в речах адвокатов и нарушениям норм права при предоставлении последнего слова подсудимому.

Ключевые слова: судебное красноречие, защитительная речь, аргументация, композиция, нормы права.

Судебное красноречие представляет собой род речи, призванный оказывать целенаправленное и эффективное воздействие на суд, способствовать формированию убеждений судей и присутствующих в зале суда граждан. Основное назначение судебного красноречия – способствовать установлению истины по делу.

Как род ораторского искусства судебное красноречие делится на два вида: обвинительную речь и защитительную речь. Под защитительной речью понимается не только выступление адвоката, но и выступление обвиняемого.

В настоящее время одной из актуальных проблем речи адвоката является проблема аргументации. В связи с этим рассмотрим подробнее особенности композиции защитительной речи и построения системы доказательности в выступлении профессионального защитника.

Техника аргументации предполагает выбор оратором определенных речевых средств, которые содействовали бы четкой смысловой связности речи и отражали бы логику изложения и логику рассуждения. Аргументация предполагает совокупность каких-либо суждений, приводимых в подтверждение истинности другого суждения. Теория ораторского искусства требует в построении системы доказательности соблюдения следующих правил:

- аргументы должны быть истинными;
- аргументы должны быть достаточными для данного тезиса;

– истинность аргументов должна быть доказана независимо от тезиса.

Соблюдение первого правила подразумевает элементарное следование этическим нормам. К сожалению, состояние современного отношения к защитительной речи свидетельствует о нравственном кризисе российской адвокатуры. Требование достаточности во втором правиле вовсе не означает, что следует приводить как можно больше доводов. Необходимо отобрать наиболее убедительные и яркие аргументы. Нарушение третьего правила может привести к логической ошибке, называемой в ораторском искусстве «порочный круг». В судебном красноречии подобная ошибка может быть исключена, так как судебный оратор имеет возможность заранее проверить истинность аргументов.

Доказательства составляют чрезвычайно важный раздел судебной речи, поэтому необходима интеграция данных правил. Чтобы убедить слушателей, судебный оратор должен добиться в своей речи так называемой процессуальной достоверности, исключающей разумные основания для сомнения в правильности выводов. Если такое сомнение не устранено, судебная речь не достигла цели. Как обвинительная, так и защитительная судебные речи являются важнейшей частью судебного разбирательства, во время которого участники процесса, опираясь на данные судебного следствия, определяют относимость к делу, допустимость, достоверность и достаточность исследованных в ходе судебного следствия доказательств [1].

Защитительная речь – кульминационный момент участия защитника в судебном разбирательстве, важное средство осуществления им своей функции. Защитительная речь по гражданскому или уголовному делу является серьезным «творческим актом» [2], требующим от защитника определенного профессионального подхода. Защитник не должен забывать, что он не может защищать преступление и, защищая подсудимого, не имеет права умалять общественную опасность совершенного преступного деяния. Отсюда вытекает обязанность защитника дать в защитительной речи правильную общественную оценку разбираемого дела. В то же время деятельность адвоката направлена на охрану прав и интересов подсудимого, на обеспечение правильного применения закона. Окончательной целью защитительной речи должно быть оказание суду помощи в вынесении верного приговора, поэтому правозащитник может предложить суду лишь высокопринципиальное ре-

шение, обоснованное юридически, строго соответствующее материалам дела.

Защитительная речь призвана подчинять приводимые аргументы определенной идее, образуя при этом тематическую направленность речи, которая зависит от содержания дела, полноты и качества собранного по делу доказательственного материала и других обстоятельств. При этом необходимо обратить внимание и на то, как следует представлять аргументы, чтобы можно было убедить слушателей. Экспрессивность, лаконичность, точность, простота – это те важные свойства судебной речи, с помощью которых грамотно преподнесенные доказательства становятся доступными и наиболее убедительными. Судебный оратор, участвующий в процессе, должен знать все хитросплетения дела, оценивать обстоятельства и выбирать самые эффективные способы защиты, в частности, не исключая возможным использование парадокса или приема умолчания в судебной речи.

Защитительная речь адвоката состоит из следующих частей [3]:

1. Вступление.
2. Анализ фактических обстоятельств дела.
3. Анализ личностных особенностей подзащитного.
4. Анализ мотивов совершения деяния подзащитным.
5. Заключение.

Во вступлении адвокат ставит задачу овладеть вниманием аудитории. Из этого следует, что вступление должно быть кратким, но необычным, вызывающим повышенную ориентацию слушателей. Оно должно быть доверительным, приглашающим к рассуждению. Начало должно произноситься четко, уверенно, без напряжения, но без излишнего пафоса. Здесь может быть использован любой относящийся к делу факт, истина которого очевидна. Защитник как бы авансирует: речь пойдет о том, что не вызывает сомнений.

В основной части своей речи защитник акцентирует внимание на специфических особенностях дела: это могут быть необычные условия совершения деяния, проявление личностных особенностей подзащитного в крайне напряженных условиях. Коротко, убедительно, не утомляя внимания слушателей, адвокат готовит аудиторию к принятию своей позиции [4].

Наиболее тщательно защитник анализирует особенности личности подзащитного, акцентуации его характера, его повышенную

реактивность на отдельные эмоциогенные ситуации. Центральное место в характеристике личности подзащитного занимают анализ его мотивационной сферы и конкретного мотива совершенного деяния, выяснение подлинного смысла действий данного человека: к чему он стремился, чем руководствовался. Выявить мотивы поведения невозможно без установления общей направленности личности, без раскрытия внутреннего мира человека, без выявления существенного и случайного в поведенческом механизме индивида. Развернутая психологическая характеристика личности позволит судить о виновности подзащитного и степени ответственности за содеянное [5]. При этом необходимо отметить, что речи адвоката противопоказана велеречивость. «...На суде надо говорить все что нужно, и только то, что нужно, и научиться, что лучше ничего не сказать, чем сказать ничего» [6].

Адвокат всегда должен твердо стоять на фактической базе, а не уповать на эмоциональность воздействия. Профессионально искусный защитник тонко разделяет проблему доказанности факта преступления и меру ответственности подзащитного. Приемы защиты, используемые адвокатом, должны быть корректны, тактичны в отношении всех личностных характеристик. От защиты своего подзащитного адвокат никогда не должен переходить к обвинению свидетелей и потерпевших.

Рассмотрим второй вид защитительной речи – последнее слово подсудимого. Оно является самостоятельной частью и важной составляющей судебного разбирательства. В судебном заседании подсудимый пользуется равными правами с обвинителем, потерпевшим, гражданским истцом по предоставлению доказательств, участию в их исследовании и заявлению ходатайств. Необходимо отметить тот факт, что в этом виде судебных речей обычно нарушаются не законы красноречия, а законы права. В данной статье представляется возможным обратить внимание на проблемы, связанные с произнесением самозащитных речей.

Закон закрепил гарантии для подсудимого при произнесении последнего слова. В этот момент подсудимому нельзя задавать вопросы и перебивать его. Время последнего слова не ограничено. Необходимо лишь, чтобы все, что говорит подсудимый в последнем слове, относилось к делу. В противном случае председательствующий вправе остановить подсудимого. Если подсудимый сообщит о новых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, или заявит о необходимости предъявить суду для исследова-

ния новые доказательства, суд дает подсудимому возможность произнести последнее слово до конца, а потом решает вопрос о возобновлении судебного следствия (ст. 294 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Если оно будет возобновлено, то по его окончании суд вновь открывает прения сторон, а затем подсудимый снова произносит последнее слово. Несоблюдение этих требований может стать причиной отмены приговора (ст. 293 УПК РФ). Например, в связи с существенными нарушениями уголовно-процессуального законодательства 25.06.03 отменен приговор Нижнеломовского районного суда, которым по ч. 1 ст. 105 УК РФ осужден Карамышев В. Н. Из материалов дела следует, что датой судебного заседания и подписки свидетелей является 13.05.03, рассмотрение дела не откладывалось, однако приговор датирован 16.05.03. В нарушение требований ст. 293 УПК РФ подсудимому во время его последнего слова задавались вопросы гособвинителем и председательствующим, т.е. проходило судебное следствие без его возобновления. Данное нарушение признано затрагивающим интересы подсудимого и его право на защиту. Дело направлено на новое судебное рассмотрение [7].

В судебной практике по уголовным делам Пензенского областного суда есть случаи, когда суд лишил подсудимого права на последнее слово. Например, кассационная инстанция отменила приговор Беднодемьяновского районного суда от 24.05.99 в отношении Ю. В. Фимушкина, А. Н. Лябушева и С. Н. Лябушева, осужденных по ст. 162 ч. 2 п. «б, г» УК РФ. Дело направлено на новое судебное рассмотрение. Судебная коллегия признала, что осужденные были лишены права на последнее слово. Согласно ст. 297 ч. 1, 2 УПК РСФСР после окончания судебных прений подсудимому предоставляется последнее слово. Из протокола судебного заседания видно, что хотя каждому из подсудимых и было предоставлено последнее слово, однако Фимушкин, обращаясь к суду, просил «перенести суд» из-за плохого самочувствия. А. Н. Лябушев обратился к суду с такой же просьбой. С. Н. Лябушев просил суд отложить последнее слово до обеда с тем, чтобы за это время вызвать скорую помощь. Суд, выслушав эти просьбы подсудимых, удалился в совещательную комнату, после чего огласил приговор. Таким образом, ни один из подсудимых не отказался от последнего слова, а просил лишь отложить время его предоставления. Отказав им в этом, суд лишил их права на последнее слово [8].

Подсудимый вправе в последнем слове сказать то, что, по его мнению, важно для дела: личное отношение к предъявленному об-

винению, его доказанности, просить суд об оправдании и снисхождении к нему с учетом смягчающих обстоятельств и назначении наказания ниже низшего предела, о применении условного осуждения и др. Произнесение последнего слова для подсудимого не является обязанностью. Он вправе отказаться от него без объяснения причины. Об отказе подсудимого от последнего слова должна быть сделана запись в протоколе судебного заседания. Кроме того, последнее слово подсудимому предоставляется и в том случае, если он принял участие в судебных прениях либо в ходе судебного следствия отказывался давать свои показания, либо вовсе не принимал участия в исследовании доказательств в какой-либо форме.

Подсудимого нельзя лишать последнего слова за неправильное поведение в судебном заседании, даже если он удалялся из зала судебного заседания до окончания прений сторон (ч. 3 ст. 258 УПК). И в этом случае ему должно быть предоставлено право на последнее слово. Фактическим непредоставлением возможности произнести последнее слово признается отказ в удовлетворении ходатайства подсудимого в отложении судебного разбирательства и предоставлении ему возможности произнести последнее слово в любой день, когда он не будет болен.

Из последнего слова подсудимого суд имеет возможность непосредственно перед принятием основного юридического решения по делу услышать его версию происшедшего, объяснение характера и мотивов его действий, принять последние ходатайства и просьбы. Суд должен проявить терпеливость, чуткость и внимательность, выслушать подсудимого, проанализировать предоставленную им информацию и дать ей оценку. Заслушав последнее слово подсудимого, суд удаляется в совещательную комнату для постановления приговора (ч. 1 ст. 295 УПК).

В настоящее время проблема построения защитительной речи и произнесения самозащитной речи является одной из актуальных проблем юриспруденции и судебного красноречия. В связи с этим в статье были рассмотрены правила аргументации и композиционные особенности защитительной речи. Также были отмечены нарушения этических правил в речах адвокатов и нарушения правовых норм при предоставлении последнего слова подсудимому.

Доверие общества к судебной системе и к институту адвокатуры главным образом зависит от того, насколько эффективно будет выполнена судебная миссия защиты, насколько ответственно будут относиться защитники к каждому приведенному факту, насколько внимательно отнесется суд к последнему слову подсудимого.

Список литературы

1. Крашенинникова, Е. Парадоксы в речи юриста / Е. Крашенинникова // Российская юстиция. – 2001. – № 11. – С. 72–73.
2. Тертышник, В. Искусство судебной речи / В. Тертышник, А. Тертышник // Закон и право. – 2005. – № 6. – С. 29–32.
3. Ивакина, Н. Н. Основы судебного красноречия / Н. Н. Ивакина. – М. : Юристъ, 2007. – 464 с.
4. Голованова, М. А. Судебное красноречие как основа профессионального риторического образования студентов юридического факультета / М. А. Голованова // Психология и педагогика современного образования в России : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза, 2009. – С. 50–52.
5. Еникеев, М. И. Основы общей и юридической психологии / М. И. Еникеев. – М. : Юристъ, 2008. – 521 с.
6. Кони, А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. / А. Ф. Кони. – М. : Юрид. лит., 1966 – 1969. – Т. 7. – 1969. – 567 с.
7. Обзор судебной практики по уголовным делам Пензенского областного суда за второе полугодие 1999 г. // СПС «Гарант».
8. Обзор судебной практики Пензенского областного суда за II квартал 2003 г. // СПС «Гарант».

М. В. Головушкина

*кандидат педагогических наук, доцент,
Пензенский государственный университет, г. Пенза*

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ЧТЕНИЕ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Рассматриваются вопросы необходимости профессионально-лингвистической подготовки студентов юридического факультета. Важная роль отводится обучению профессионально ориентированному чтению на иностранном языке.

Ключевые слова: иностранный язык, профессионально ориентированное чтение, аутентичные тексты, юридический перевод, юриспруденция.

В социально-политическом, экономическом и этнокультурном контексте современной жизни России владение иностранным языком становится важной частью образования будущих юристов, так как значительная часть правовых преобразований опирается на зарубежный опыт, изучение которого предполагает использование иностранных языков. Выпускники юридического вуза должны быть готовы жить и работать в постоянно меняющемся мире, «общаться с носителями чужих лингвоэтнокультур, перерабатывать в процессе этого общения информацию и принимать необходимые решения» [1, с. 28].

В современной деловой практике требуются юристы, которые могли бы легко ориентироваться в любых нюансах своей профессиональной деятельности. Поэтому главный принцип обучения на современном этапе – комплексное профессионально ориентированное изучение иностранного языка. Это ставит перед преподавателем иностранного языка ряд задач:

– развивать у студентов – будущих юристов – определенные личностные (направленность на гуманистическое общение, равноправная и дружеская позиция по отношению к партнеру и др.) и профессиональные коммуникативные качества (адекватная оценка ситуации и собеседника, значимость речевого высказывания для собеседника, проявление адекватной активности в общении и др.);

– дать представление о языке права и его отличительных особенностях;

- активизировать лексический запас и знание терминологии по обсуждаемым темам: общее право, система власти в Великобритании, британская монархия, преступление и наказание и др.;
- выработать навыки анализа и систематизации полученной информации;
- способствовать развитию навыков продуктивной устной и письменной речи на заданную тему;
- сформировать и развивать навыки аналитического, сравнительного и критического изучения юридического материала.

Е. К. Гулова выделяет следующие основные методические принципы, лежащие в основе обучения иностранному языку как обязательному компоненту профессиональной подготовки юриста: 1) профессиональная коммуникативная направленность; 2) межкультурная обусловленность; 3) аутентичность; 4) учет междисциплинарных знаний [2, с. 19].

Важнейшей стороной языковой подготовки будущих юристов, во многом определяющей качественный уровень владения языком, является обучение чтению, поскольку «изучить язык вне языковой среды можно только при условии целенаправленного, регулярного чтения специальной литературы» [3, с. 34]. Однако профессионально ориентированное чтение сложнее для студентов, чем обычное информативное чтение, так как оно предполагает одновременно с извлечением информации «профессиональное видение» текста, его юридическую интерпретацию.

В обучении иностранному языку студентов юридического факультета могут использоваться аутентичные, т.е. реальные продукты носителей языка, и учебные тексты (специально подготовленные для учебных целей). Такие тексты подвергаются адаптации, упрощению их содержания и структуры с учетом языковой подготовки учащихся. Учебные тексты должны быть построены с учетом общепринятых традиционных критериев отбора текстового материала. Среди этих критериев выделяют информативность, профессиональную направленность, значимость, целостность, связанность, смысловую завершенность, логичность, преемственность.

Практика преподавания профессионального английского языка студентам II курса юридического факультета показывает, что во время чтения аутентичных текстовых материалов студенты испытывают значительные трудности. Это связано с тем, что, во-первых, на начальном этапе обучения языку студенты читают адаптированные тексты, а в дальнейшем им приходится иметь дело

с трудными в смысловом и содержательном плане неадаптированными текстами. Во-вторых, студентам не хватает знаний о культуре, традициях, обычаях и правовых системах зарубежных стран. В-третьих, анализ учебных пособий, предлагаемых к использованию на занятиях по иностранному языку в высших учебных заведениях, позволяет сделать вывод о том, что учебные пособия не в полной мере отражают реалии современной жизни как в нашей стране, так и в стране изучаемого языка.

Концепция подбора материала учебно-методического пособия «Английский для юристов» («English for lawyers») [4] предусматривает использование адаптированных и аутентичных материалов из правовых и общественно-политических источников Великобритании и США. Тексты пособия позволяют овладеть правовой лексикой, узнать об истории и функционировании государственных, политических и судебных структур Великобритании и США, а также развить столь необходимые для юриста-профессионала навыки анализа текста и ведения дискуссии.

В материалах пособия представлены аутентичные тексты по следующим темам: история и формирование системы общего права, система власти в Великобритании, британская монархия, преступление и наказание и др. Аутентичные тексты – это тексты, заимствованные из коммуникативной практики носителей языка, отражающие естественные ситуации повседневного общения на иностранном языке. За счет насыщенности фактами иной культуры они повышают мотивацию вообще и интерес к слову с культурным компонентом значения в частности. Аутентичный контекст способствует развитию языковой догадки и чувства языка, стимулирует познавательную активность учащихся. Следует также учитывать, что аутентичный текст обладает имплицитной информацией, т.е. подтекстом. Он является отражением отношений в обществе и системы его ценностей [5, с. 14]. Таким образом, использование аутентичных текстов способствует созданию «аутентичной атмосферы» и готовит к адекватной коммуникации.

Перевод аутентичных юридических текстов – это сложная комплексная работа, которая включает сопоставление двух разных языков. Чтобы перенести смысл юридических документов при переводе с одного языка на другой, необходимо иметь ясное представление об употреблении каждого отдельного понятия.

«Юридический перевод не может быть осуществлен корректно без использования специальных познаний в соответствующей

области права, без знания специфики конкретного вида правоотношений» [6, с. 12]. Необходимо ориентироваться в действующем законодательстве, а также владеть специальной лексикой и знать об особенностях использования иностранной юридической терминологии в конкретном контексте. Юридический перевод всегда сопряжен с определенными трудностями – в частности, невозможно перевести нормативный акт, договор и иные документы, не разбираясь в тонкостях использования английской юридической терминологии. Необходимо учитывать тот факт, что правовые системы англоязычных стран (США, Канада, Англия, Австралия и др.) принадлежат к англо-саксонской (англо-американской) правовой системе (семье «общего права»), в то время как правовую систему Российской Федерации относят к романо-германской правовой системе (семье «континентального права») [3, с. 4]. Это приводит к несовпадению содержания многих юридических терминов, понятий и определений.

При переводе текста из области права нельзя забывать, что исходный текст организован в соответствии с действующей в данной стране правовой системой, что находит свое отражение в содержащихся в нем юридических формулировках. Текст перевода предназначен для использования в рамках другой правовой системы с характерной именно для нее юридической терминологией.

Обучение студентов юридической специальности иностранному языку преследует практические цели выработки навыков не только чтения специальной литературы на иностранном языке, но и умения глубоко анализировать прочитанное, извлекать существенную информацию и обобщать ее устно или письменно в зависимости от рабочей ситуации. Поэтому авторы пособия предлагают тексты, имеющие проблемный характер и коммуникативные задания (Brainstorm, Debate, Role-Play), направленные на развитие у студентов способности грамотно и аргументированно высказывать свое мнение на английском языке. Студенты должны уметь аргументировать свою точку зрения. Таких точек зрения может быть несколько. Проблемный характер предложенной ситуации может помочь студентам решить задачу выражения своих мыслей по указанному вопросу.

Преподаватель иностранного языка должен помнить, что «Юриспруденция» – сложная мультидисциплинарная наука, которая определяет специфические черты обучения иностранному языку специальности на юридическом факультете. Поэтому студенты-

юристы должны не только получить профессиональные знания и усвоить лексические, грамматические и синтаксические особенности иностранного языка, но и научиться адекватно ситуации реагировать на реплики носителей языка, использовать формулы речевого этикета и знать культурно-исторические особенности страны изучаемого языка. Необходимо помнить, что юриспруденция – первостепенная основа человеческого общежития и неотъемлемая составляющая цивилизации.

Список литературы

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингвистика и методика / Н. Д. Гальскова, Н. Н. Гез. – М. : Академия, 2008. – 336 с.

2. Гулова, Е. К. О формировании профессиональных умений будущих юристов средствами иностранного языка в вузе / Е. К. Гулова // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков : сб. науч. ст. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – Вып. 12. – С. 18–22.

3. Циммерман, Г. Н. Обучение профессионально ориентированному чтению студентов юридической специальности : дис. ... канд. пед. наук / Циммерман Г. Н. – СПб., 2007.

4. Головушкина, М. В. ENGLISH FOR LAWYERS / М. В. Головушкина, О. С. Воячек, С. В. Трякина. – Пенза : Информ.-издат. центр ПензГУ, 2010. – 197 с.

5. Киселева, З. А. Значение отбора текстов при обучении иностранному языку в экономическом вузе / З. А. Киселева // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков : сб. науч. ст. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – Вып. 12. – С. 12–18.

6. Федотова, И. Г. Юридические понятия и категории в английском языке. Legal terminology : учеб. пособие / И. Г. Федотова, Г. П. Толстопятенко. – Обнинск : Титул, 2000. – 429 с.

И. Н. Джазовская
кандидат экономических наук, доцент
А. Б. Токарева
аспирант,
Пензенский государственный университет, г. Пенза

ПОНЯТИЕ «ИННОВАЦИИ»: ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ОБЪЕКТНЫМ И ПРОЦЕССНЫМ ПОДХОДАМИ К ЕГО ТРАКТОВКЕ

В легальных определениях инноваций имеются существенные разночтения, что совершенно недопустимо, так как подобная несогласованность способна породить разного рода недоразумения в правореализационной, в частности правоприменительной, практике и, как следствие, снизить инновационную активность в стране. Противоречие в подходах к определению понятия «инновация» выливается в противоречия экономических отношений в инновационном процессе, для преодоления которых требуются дополнительные финансовые и временные затраты по созданию целого комплекса организационных и инновационных структур и методов их поддержки.

Ключевые слова: инновации, стратегия развития науки и инноваций, показатели инновационной деятельности, инновационные структуры.

В настоящее время продолжается развитие дискуссий по вопросу содержания основных понятий инновационной экономики. Федеральным законом от 21.07.2011 № 254-ФЗ дается определение ключевого термина: «Инновации – введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях».

До сих пор нет единого мнения по поводу трактовки данного термина экономистами или правоведами, хотя инновации входят в научный инструментарий тех и других. Значит, проблема нуждается в дальнейшем изучении.

При наличии законодательно закрепленных определений тех или иных понятий чисто академические споры об их содержании уходят на второй план. Усилия целесообразно сосредоточивать на теоретическом осмыслении легальных формулировок, выявлении их сильных и слабых сторон и, если в этом возникает необходимость, разработке предложений, направленных на совершенствование соответствующих законоположений.

Однако в легальных определениях инноваций имеются существенные разночтения, что совершенно недопустимо, так как по-

добная несогласованность способна породить разного рода недоразумения в правореализационной, в частности правоприменительной, практике и, как следствие, снизить инновационную активность в стране.

Анализируя содержание понятия «инновация», можно отметить существование двух подходов к трактовке этого термина:

- *процессного*, позиционирующего инновации как процесс реализации идеи и ее превращения в готовый результат (или отдельные стадии этого процесса);

- *объектного*, представляющего инновации как конечный результат, внедренный объект.

При этом очевидно, что инновациям свойственны как динамический, так и статический аспекты.

В государственных органах предпочтение отдается объектному подходу, о чем свидетельствует тот факт, что целевые показатели стратегии инновационного развития носят количественный характер (удельный вес исследователей в возрасте до 39 лет, увеличение коэффициента изобретательской, рост малых инновационных предприятий (с ежегодным приростом их числа до 85 к 2011 г. и до 120 к 2016 г. и др.)). На местном и региональном уровнях инновации измеряются чаще всего в количественных показателях (объемы затрат на технологические инновации, количество объектов интеллектуальной собственности, полученных в результате проведения исследований, количество резидентов технопарков и бизнес-инкубаторов и др.). Это упрощает схему контролирования расходования бюджетных средств, ведение статистики, предоставление отчетности и др.

Количественные показатели, безусловно, играют значительную роль в оценке уровня развития страны, но в определенной ситуации могут вводить в заблуждение относительно реального состояния экономики.

С точки зрения мотивации хозяйственной деятельности субъекта интересует, прежде всего, результат, т.е. получаемая им экономическая выгода. Процесс производства как таковой интересует его лишь в аспекте конечной результативности, доходности. Однако значение имеет не столько повышение эффективности производства товаров, оказания услуг, сколько радикальное улучшение их качественных характеристик. В таком случае доминирует процессный подход к определению понятия инновации (осуществляется реинжиниринг производственных процессов).

Согласно недавнему исследованию PricewaterhouseCoopers, почти половина первых руководителей опрошенных североамериканских частных компаний предпринимает попытки оценить инновации с помощью системы числовых показателей. Они измеряют успех своих инновационных решений, используя следующие критерии: влияние на рост доходов компании, удовлетворенность клиентов, рост доходов от новых продуктов, повышение производительности труда, динамика прибыли. В то же время организации используют разные подходы для измерения своей инновационной активности, и лишь немногие имеют в своем распоряжении целостную систему показателей инноваций, которая гармонично сочетается со стратегическими интересами компании [3].

Количественные метрики не полностью отражают инновационный потенциал компании, не показывают наличия инновационных компетенций. Это влияет на выработку стратегии развития предприятия. В масштабах государства взят курс на технологическую модернизацию экономики, повышение ее конкурентоспособности на основе передовых технологий и превращение научного потенциала в один из основных ресурсов устойчивого экономического роста. В это же время неэффективная система индикаторов не позволяет создать реальную картину инновационной активности субъектов, выявить существующие проблемы и своевременно оказать необходимую поддержку.

Отличительной чертой поддержки инновационной деятельности от какого-либо другого вида деятельности является своевременность ее оказания. При малейших временных простоях сильно возрастают риск кражи объекта интеллектуальной собственности либо зародившейся идеи, темп морального устаревания информации, что ведет к потере конкурентных преимуществ предприятия на рынке.

Недостаток объектного подхода заключается в некорректной интерпретации результативности инновационной деятельности. К учету принимаются только завершенные инновации. Не учитывается эффект от попыток реализации коммерчески невыгодных инноваций. Ценность становится инновацией в момент вкладывания ее в тот или иной объект деятельности. В момент, когда ценность (объект гражданских прав) приобретает качество инновации, необходимы финансовая поддержка для участия в конкурсах на получение грантов, патентование и др., так как субсидии предоставляются уже после регистрации изобретения. Мало видов поддержки физических лиц – авторов инновационных идей.

Состояние ценностей – объектов гражданских прав – далеко не одинаково, что надлежит учитывать в правовом регулировании инновационных отношений. Объекты гражданских прав, способные стать инновациями, порой находятся в свободном, ничем не обремененном состоянии и направляются на самые различные нужды – и на инвестирование, и, например, на личное потребление [4].

Согласно процессному подходу средства, предназначенные для инновационной деятельности, накопленные для нее, должны обладать особым статусом, обеспечиваться повышенной защитой, например, претендовать на льготное налогообложение при условии «прозрачности», т.е. не должны тратиться на другие нужды и должны быть зафиксированы и известны заинтересованным лицам.

Указанный разрыв между объектным и процессным подходами в системе государственной поддержки приводит к появлению эффекта «долины смерти» на ранних этапах реализации инновационных проектов [5]. На этой стадии неопределенность и, соответственно, риск инвестирования очень высоки, причем одновременно действует большое количество факторов как коммерческого, так и технического риска.

Для решения данной проблемы на региональном уровне предпринимаются попытки создания новых организационных структур поддержки инновационного предпринимательства.

В Пензенской области к таким структурам относятся, например, Ассоциация субъектов инновационного предпринимательства, Центр кластерного развития, Центр коммерциализации технологий, Пензенский центр коммерциализации нанотехнологий, Пензенский региональный фонд поддержки инноваций и др.

Некоторые виды государственной поддержки инновационного предпринимательства в Пензенской области представлены в табл. 1¹.

Таким образом, противоречие в подходах к определению понятия «инновация» выливается в противоречия экономических отношений в инновационном процессе, для преодоления которых требуются дополнительные финансовые и временные затраты по созданию целого комплекса организационных и инновационных структур и методов их поддержки.

¹ С полным списком можно ознакомиться на сайте [http:// www.innoterra.ru/](http://www.innoterra.ru/)

Таблица 1

**Меры государственной поддержки инновационного
предпринимательства в Пензенской области**

Гранты	Субсидии	Возмещения	Прочие
Гранты начинающим малым (средним) инновационным компаниям до 500 000 Гранты размером до 500 000 руб. малым (средним) компаниям, осуществляющим свою деятельность на территории региона от 1 до 3 лет Гранты размером до 300 000 руб. начинающим предпринимателям, осуществляющим свою деятельность на территории региона менее 1 года и др.	Субсидии действующим инновационным компаниям до 15 000 000 руб. Субсидии на реализацию инновационных проектов – победителей конкурсов (в том числе У.М.Н.И.К) Субсидии на возмещение части затрат по регистрации изобретений Субсидии на технологическое присоединение к объектам электросетевого хозяйства Субсидии по договорам лизинга и др.	Возмещение затрат на регистрацию первого бизнеса Возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам Возмещение части затрат, связанных с обучением специалистов в рамках реализации государственного плана подготовки управленческих кадров и др.	Микрофинансирование (Поручитель) Венчурное финансирование «Центр консультационной помощи и информационной поддержки предпринимательства» Университет малого бизнеса и др.

Список литературы

1. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года.
2. Федеральный закон от 21.07.2011 № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О науке и государственной научно-технической политике"».
3. URL: <http://www.cfin.ru/press/zhuk/2006-2/20.shtml>
4. Жилинский, С. С. Понятие «инвестиции» в современном российском законодательстве / С. С. Жилинский // Законодательство. – 2005. – № 3.
5. URL: <http://www.nanonewsnet.ru/articles/2010/vekselberg-skolkovo-eto-dolina-smerti>

А. Ш. Дубина

ассистент,

*Пензенский региональный центр высшей школы (филиал)
Российского государственного университета инновационных
технологий и предпринимательства, г. Пенза*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА РАБОТНИКОВ КРУПНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ г. ПЕНЗЫ

Основным источником существования для большинства людей является их труд. Именно поэтому право на труд признано одним из основных прав человека. В статье представлены примеры регулирования трудовых отношений (на примере промышленных предприятий г. Пензы).

Ключевые слова: промышленность, нормативно-правовые основы регулирования трудовых отношений, закон.

В современных социально-экономических условиях развития российского общества сложился ряд противоречий, касающихся работников промышленности: с одной стороны – все больше возрастает спрос на квалифицированных промышленных рабочих для экономического и общественного развития страны, а с другой – этот труд является достаточно низкооплачиваемым, на производстве присутствуют неблагоприятные условия труда, изношенное оборудование.

Пензенская область является дотационным регионом, имеет средние показатели по уровню социально-экономического развития. При ограниченности ресурсно-сырьевого потенциала главным стратегическим ресурсом устойчивого развития региона является интеллектуальный и рабочий потенциал. По сравнению с периодом 1990-х гг. несомненно изменились социально-экономические условия, в которых развиваются промышленные предприятия региона. В целом можно сказать, что преодолены факторы, дестабилизирующие функционирование и развитие областной системы экономики: социальная и экономическая нестабильность в обществе; острый дефицит средств вследствие кризисного состояния экономики; неполнота и противоречивость нормативно-правовой базы. Вместе с тем и в настоящее время сохраняется действие ряда негативных факторов, влияющих на работу промышленных предприятий Пензенского региона. К их числу необходимо отнести следующие:

1) высокий уровень износа машин и устаревшее технологическое оборудование;

2) объем привлекаемых инвестиций остается незначительным, а инвестиции по большинству осуществляемых проектов направляются в сырьевой или топливно-энергетический комплекс или реализуются в отраслях, продукция которых характеризуется низкой добавленной стоимостью;

3) наблюдается тенденция «старения» квалифицированных промышленных работников кадров, отток квалифицированных и молодых рабочих в другие сферы деятельности вследствие низкой оплаты труда¹.

Важнейшая отрасль экономики города Пензы – это промышленность, оказывающая решающее воздействие на социально-экономическое развитие Пензенского региона в целом. На долю промышленности приходится свыше 60 % валового регионального продукта. Промышленными предприятиями обеспечивается около 38 % налоговых поступлений в бюджет области.

В городе Пензе на период 2012 г. зарегистрировано более 1790 крупных, средних и малых промышленных предприятий. Промышленность области представлена практически всеми основными видами деятельности: машиностроение, приборостроение, пищевая промышленность, производство электроэнергии, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, химико-фармацевтическая промышленность, промышленность строительных материалов.

Наибольший удельный вес промышленной продукции от ее общего объема приходится на предприятия машиностроения и приборостроения, занимающиеся производством пищевых продуктов, а также производством, передачей и распределением электроэнергии, газа и воды. Производство машин и оборудования является одним из значимых секторов экономики города Пензы и составляет более четверти всех объемов отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг. Темп роста данного сектора экономики в первом полугодии 2012 г. составил – 130,7 %. Также наиболее высокими темпами развиваются обрабатывающие производства – 119,4 %.

В существовании и развитии промышленности определяющую роль играют труд и трудовые отношения между работниками и работодателями.

¹ Официальный отчет Правительства Пензенской области

Нормативно-правовую основу регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений на крупных промышленных предприятиях составляют:

- Конституция Российской Федерации (ст. 37 и др.);
- общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, являющиеся составной частью правовой системы Российской Федерации (ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации). В частности, Всеобщая декларация прав человека (ст. 23), Международный пакт ООН «Об экономических, социальных и культурных правах», конвенции МОТ, конвенции Совета Европы, соглашения СНГ;
- Трудовой кодекс Российской Федерации;
- иные федеральные законы, содержащие нормы трудового права, и др.

Вместе с тем в современных условиях все в большей мере основой правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений становятся не столько федеральные законы, законы субъектов Российской Федерации, подзаконные нормативные акты, содержащие нормы трудового права (федерального и регионального уровней), а локальные нормативные акты и акты социального партнерства в сфере труда (коллективные договоры и соглашения).

Реальные социально-экономические отношения, характер, условия труда и производства в промышленности достаточно специфичны (в зависимости от вида деятельности), что объективно определяет необходимость их учета в трудовом праве, т.е. отраслевой дифференциации в правовом регулировании труда.

Но, несмотря на важнейшее значение крупной промышленности для социально-экономического развития России, специфику характера и условий труда в разд. XII «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников» Трудового кодекса РФ, не предусмотрена отдельная глава, посвященная регламентации трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений в указанной отрасли, что представляется не совсем обоснованным и правильным.

Согласно ст. 251 Трудового кодекса РФ особенности правового регулирования – это нормы, частично ограничивающие применение общих правил по тем же вопросам либо предусматривающие для отдельных категорий работников дополнительные правила.

Основаниями установления особенностей правового регулирования труда являются:

- характер и условия труда;
- психофизиологические особенности организма;
- природные климатические условия;
- наличие семейных обязанностей и др.

При этом особенности правового регулирования труда, влекущие за собой снижение уровня гарантий работникам, ограничение их прав, повышение их дисциплинарной и/или материальной ответственности, могут устанавливаться исключительно Трудовым кодексом РФ либо в случаях и порядке, им предусмотренных (ст. 252 Кодекса).

К основаниям (критериям) отраслевой дифференциации в правовом регулировании трудовых отношений необходимо отнести:

- условия труда (тяжесть, вредность, опасность) в отрасли;
- характер выполнения отдельных видов работ;
- значение отрасли (производственной или непроизводственной сферы) для государства.

Нормы российского трудового права, закрепляющие отраслевую дифференциацию, можно классифицировать (подразделить) на межотраслевые, отраслевые и внутриотраслевые.

Межотраслевые правовые нормы устанавливают правила поведения работников и работодателей отраслей экономики либо непроизводственной сферы. Так, Типовые нормы бесплатной выдачи специальной одежды, специальной обуви и других средств индивидуальной защиты работникам сквозных профессий и должностей всех отраслей экономики утверждены Постановлением Минтруда России от 30 декабря 1997 г. (с изменениями и дополнениями), и распространяет оно свое действие на определенные категории работников отраслей экономики.

Отраслевые правовые нормы регулируют трудовые отношения и иные непосредственно связанные с ними отношения в определенной отрасли (с акцентом на профилирующие специальности, профессии и/или должности), которые дополняют межотраслевые. Например, Типовые отраслевые нормы бесплатной выдачи специальной одежды, специальной обуви и других средств индивидуальной защиты работникам промышленности от 26 декабря 1997 г., Типовые отраслевые нормы бесплатной выдачи специальной одежды, специальной обуви и других средств индивидуальной защиты

работникам промышленности от 26 декабря 1997 г. (отдельное издание).

Внутриотраслевые правовые нормы регламентируют указанные отношения с учетом специфики (особенностей) подотраслей, входящих в отрасль экономики либо в непроеизводственную сферу деятельности.

Следует подчеркнуть принципиально важное обстоятельство, что отраслевая дифференциация правового регулирования труда в промышленности обязательно должна отражать:

- особое значение отрасли для страны;
- условия труда, характерные именно для определенной отрасли (специальные правовые нормы устанавливаются для ведущих, профилирующих работ, профессий, специальностей и должностей).

Анализ указанных трех групп правовых норм позволяет отметить их возможные сочетания и соотношения, а именно:

- отраслевые нормы дополняют межотраслевые;
- отраслевые нормы исключают действие межотраслевых норм права;
- внутриотраслевые нормы дополняют межотраслевые и/или отраслевые;
- внутриотраслевые нормы исключают действие межотраслевых и/или отраслевых норм права.

Изучение и обобщение практики показывают, что в промышленности города Пензы существенную роль играет регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в договорном порядке (ст. 9 Трудового кодекса РФ). В соответствии с трудовым законодательством регулирование данных отношений осуществляется путем заключения, изменения, дополнения работниками и работодателями (их представителями) коллективных договоров, соглашений.

Наряду с традиционным правовым регулированием условий труда и его оплаты в договорном порядке решаются и другие важные вопросы социальной защищенности работников организаций отрасли (предоставление беспроцентных потребительских кредитов, оказание денежной помощи, в организации и обеспечении реабилитации, восстановительного лечения работников).

В соответствии со ст. 8 Трудового кодекса РФ работодатели, за исключением работодателей – физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, принимают локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права, в пределах

своей компетенции в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективными договорами, соглашениями.

Согласно ст. 91 ТК РФ, нормальная продолжительность рабочего времени не может превышать 40 ч в неделю. Это принципиальное положение Кодекса не может быть применено ко всем работникам крупных промышленных предприятий города Пензы. Это объективно обусловлено отраслевой спецификой труда и производства (технологического процесса). Большинство работ отрасли являются вредными и/или опасными, и, как следствие, для работников устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени. Его сокращение составляет 4 ч и более.

В отличие от межотраслевого отраслевой список предусматривает не только вредные, но и опасные, а также тяжелые работы. В соответствии с этим нормативным правовым актом работодатели отрасли составляют перечни работников, которым устанавливается сокращенное рабочее время. На непрерывных работах запрещается оставлять работу до прихода сменщика.

Согласно ст. 108 Трудового кодекса РФ в течение рабочего дня (смены) работнику должен быть предоставлен перерыв для отдыха и питания продолжительностью не более двух часов и не менее 30 мин.

Время предоставления указанного перерыва и его конкретная продолжительность устанавливаются правилами внутреннего трудового распорядка или по соглашению между работником и работодателем. Предоставление перерывов для отдыха и питания определенным работникам по общему правилу производится в соответствии с графиком, установленным в структурных подразделениях предприятия работодателем с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации.

На работах, где по условиям производства (работы) предоставление перерыва для отдыха и питания невозможно, работодатель обязан обеспечить работнику возможность отдыха и приема пищи в рабочее время; перечень таких работ, а также места для отдыха и приема пищи устанавливаются правилами внутреннего трудового распорядка.

Статья 111 Трудового кодекса предусматривает, что всем работникам предоставляются выходные дни (еженедельный непрерывный отдых). При пятидневной рабочей неделе работникам предоставляются два выходных дня в неделю, при шестидневной рабочей неделе – один выходной день. Общим выходным днем явля-

ется воскресенье. Второй выходной день при пятидневной рабочей неделе устанавливается коллективным договором или правилами внутреннего трудового распорядка. Оба выходных дня предоставляются, как правило, подряд.

У работодателей, приостановка работы у которых в выходные дни невозможна по производственно-техническим и организационным условиям, выходные дни предоставляются в различные дни недели поочередно каждой группе работников согласно правилам внутреннего трудового распорядка.

Работа в нерабочие праздничные дни (ст. 112 Трудового кодекса РФ) в организациях нефтегазового комплекса производится только в исключительных случаях, предусмотренных ст. 113 Кодекса.

В отрасли праздничным является День работников той отрасли, на которой трудятся работники. В некоторых организациях отрасли этот праздник объявляется нерабочим днем в порядке коллективно-договорного регулирования.

Работникам предоставляются ежегодные оплачиваемые отпуска.

Ежегодные дополнительные оплачиваемые отпуска предоставляются работникам, занятым на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, работникам, имеющим особый характер работы, работникам с ненормированным рабочим днем, работникам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также в других случаях, предусмотренных Трудовым кодексом РФ и иными федеральными законами.

Таким образом, в соответствии с нормами Трудового кодекса РФ, иными нормативными правовыми актами, содержащими общие нормы трудового права, отраслевыми и локальными правовыми нормами регулируется рабочее время и время отдыха работников, носящими в основном характер норм-дополнений.

Заработная плата (оплата труда работников) в организациях выплачивается в соответствии с тарифной системой, с помощью которой осуществляется дифференциация оплаты труда работников различных категорий с учетом их квалификации, сложности и условий труда, особенностей производства.

Положения о премировании в организациях предусматривают премирование работников за результаты их производственной деятельности в пределах премиальной части фонда заработной платы, скорректированной в отчетном месяце, в зависимости от степени выполнения плана и использования лимита эксплуатационных за-

трат. Показатели премирования, включенные работодателем в указанные положения, в основном отражают правила о размере премии в зависимости от качества работы, недопущении прогулов и других нарушений трудовой дисциплины работников.

Большинство работников нефтегазовой отрасли экономики трудятся на вредных и/или опасных, а также тяжелых работах. Поэтому охрана труда таких работников имеет исключительно важное значение. Государственные нормативные требования по охране труда, содержащиеся в ст. 7, 37, 41 Конституции Российской Федерации, Трудовом кодексе РФ, указах Президента РФ, постановлениях Правительства РФ и других формах трудового права общего характера, конкретизируются в специальных нормативных правовых актах (например, в Приказе Минтопэнерго России от 04.06.1995 «О введении в действие нормативных документов по охране труда для организаций топливно-энергетического комплекса Российской Федерации»).

В промышленном комплексе действуют отраслевые:

- правила и инструкции по охране труда;
- нормативные правовые акты, регулирующие отношения по организации охраны труда;
- нормативные правовые акты об охране труда отдельных категорий работников (женщин, несовершеннолетних, лиц с пониженной трудоспособностью);
- нормативные правовые акты о компенсациях и льготах для лиц, работающих во вредных и/или опасных условиях труда, на тяжелых работах;
- нормативные правовые акты об обеспечении средствами защиты от производственных факторов, оказывающих вредное воздействие на организм работника.

Основным направлением в охране жизни и здоровья работников в промышленности является выдача им технических средств для предотвращения или уменьшения воздействия на них вредных и/или опасных производственных факторов, а также от загрязнения.

Итак, ситуация в правовом регулировании труда работников промышленных предприятий обуславливает необходимость дальнейшего его совершенствования, в частности систематизации нормативных правовых актов и норм в целях создания завершенной целостной системы.

Т. В. Дубровская

доктор филологических наук, доцент

С. О. Гуляйкина

кандидат филологических наук, доцент,

Пензенский государственный университет, г. Пенза

О РОЛИ ПЕЧАТНЫХ СМИ В СОЗДАНИИ ИМИДЖА РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Авторы статьи обращаются к проблеме формирования образа власти средствами СМИ. В статье на материале проправительственной и оппозиционной прессы анализируются жанры и специфические языковые средства и их манипулятивный потенциал влияния на общественное мнение о судебной власти.

Ключевые слова: СМИ, судебная власть, манипуляция, общественное мнение.

В настоящее время в российском обществе сложилась несколько противоречивая ситуация, связанная с массовым восприятием института правосудия и судебной власти. В ходе проводимых в России в 2000-е гг. реформ в сфере правосудия были публично провозглашены такие основополагающие ценности судебной системы, как справедливость, открытость, доступность, прозрачность. Провозглашение этих ценностей и следование им на практике были призваны повысить авторитет судебной власти и создать положительный имидж судейского сообщества среди населения. Однако этого не произошло. В современном российском обществе в целом доминирует негативное представление о судебной власти и ее представителях, что находит отражение в проводимых социологических опросах. В то же время, несмотря на критическое восприятие российского института правосудия, все большее число граждан обращается за защитой своих прав в суд. Такая парадоксальная ситуация требует анализа. Нам представляется, что большая доля ответственности за отрицательный имидж судебной власти лежит на СМИ, а существующее в обществе недоверие к судебной системе отражает не столько реальную действительность, сколько картину действительности, представленную через призму СМИ. Таким образом, целью исследования мы видим верификацию гипотезы о зависимости общественного мнения о судебной власти от доминирующих в СМИ способов репрезентации института правосудия.

Представленное исследование является пилотным и призвано выделить некоторые аспекты обозначенной выше проблемы. На примере 30 статей о судебной власти в отечественной прессе – проправительственной «Российской газете» и оппозиционной «Новой газете», – датированных 2012–2013 гг., мы проследим доминирующие тенденции в репрезентации института правосудия, а также определим, какими прагматическими средствами реализуются данные тенденции. Методологию исследования можно обозначить в целом как дискурсивный анализ, который сочетает собственно текстовый анализ с анализом внеязыковых факторов (например, намерения коммуникантов, особенности коммуникативной ситуации) и широкого социального контекста.

Проблема отрицательного влияния СМИ на массовое сознание рассматривалась и продолжает рассматриваться в большом количестве лингвистических и социологических исследований. Попытки объяснить механизмы воздействия СМИ на мнения и взгляды людей в разных сферах жизни предпринимались отечественными и западными учеными, как лингвистами [1–4 и др.], так и социологами [5–8 и др.]. Исследователи подробно описали механизмы массового манипулирования сознанием, подтверждая существование данного феномена в политической жизни разных стран многочисленными примерами.

По словам Г. Г. Почепцова, любое сообщение «можно представить как сосредоточие ряда факторов, например, содержание (факт) и конкретная техника воздействия» [9, с. 39]. Причем техника воздействия чаще всего носит манипулятивный характер, поскольку манипулирование предоставляет практически неограниченные возможности тому, кто управляет сознанием и деятельностью реципиента, в частности – читательской аудиторией. Совершенно справедливым в этой связи представляется суждение психолингвиста Е. Ф. Тарасова о том, что «передача речевых сообщений никогда не является конечной целью общения, эта передача всегда есть только средство достижения других целей, конечная из которых – управление деятельностью собеседника» [10, с. 7].

В лингвистике такая передача речевого сообщения получила название речевой (вербальной) манипуляции. Под манипулятивным воздействием, или манипуляцией, нами понимается особый вид психологического воздействия, направленный на получение определенной выгоды субъектом-манипулятором за счет выполнения объектом (т.е. манипулируемым) инспирированных ему дейст-

вий. Рассматриваемые статьи анализируются нами с позиции лингвиста, выявляющего те речевые структуры и явления, которые способствуют оказанию определенного психологического воздействия и закреплению того или иного имиджа судебной власти в сознании читателей.

Исходя из предположения, что направленность газеты определяет характер репрезентации института правосудия, мы ожидаем найти принципиально разные образы судебной власти на страницах «Российской газеты», органа Правительства РФ, и оппозиционной «Новой газеты». Подтверждение предположения о драматических различиях между картинami действительности в газетах разной направленности будет свидетельствовать о том, что эти картины в значительной мере субъективизированы авторами-журналистами и не могут претендовать на беспристрастное, объективное освещение событий.

Обратимся к текстам «Российской газеты» (далее – РГ). Предварительный анализ показывает, что доминирующей тенденцией в данном издании является положительная репрезентация судебной власти, которая, очевидно, соответствует интересам государственной власти.

Ярким примером текста, создающего положительный имидж судебной власти, представляется нам статья, озаглавленная «Миллионы дел. Президент поздравил Верховный суд» (РГ. – 21.02.2013). Журналист в своем репортаже воспроизводит дословно и вольно пересказывает фрагменты речи, которую произнес президент В. Путин на торжественном мероприятии, посвященном 90-летию Верховного суда. В статье формируются две смысловые доминанты, определяющие портрет судейского сообщества: сложная работа и ее достойный результат, – а лексические средства являются ведущими в создании этих доминант. Так, картина тяжелого труда Верховного суда создается посредством следующих слов и словосочетаний: *загружен работой; миллионы уголовных и гражданских дел; жизнь связана с конфликтом; большая моральная и психологическая нагрузка; наиболее сложные споры* и др. С другой стороны, результат этой работы представлен как эффективный с помощью лексики, несущей положительную семантику: *создание беспристрастной, компетентной и справедливой судейской системы; восстановление правосудия и законности; для блага человека; хорошие, плодотворные международные контакты; укрепление законности; защита прав и интересов граждан; улучшение материально-технического обеспечения судов* и др.

В рассматриваемом тексте важную роль играют вводные выражения, маркирующие ссылки на слова президента как авторитетного лица: *по словам Путина; глава государства подчеркнул; глава государства назвал; отметил президент; оценил президент; подытожил президент; Путин похвалил* и др. Только часть из этих комментариев представляется нам нейтральной с точки зрения их оценочности, тогда как журналистские маркеры *отметил, оценил, похвалил* имеют явную положительно-оценочную направленность и, как мы считаем, обладают манипулятивным потенциалом, поскольку приписывают автору цитаты (в данном случае – президенту В. Путину) конкретные коммуникативные намерения похвалить представителей судейского корпуса.

Безусловно, описываемое торжественное событие предполагает положительный настрой и акцент на достоинствах представителей судейского корпуса. Любопытно, однако, что даже в тех ситуациях, когда поведение судей заслуживает осуждения и резкие высказывания со стороны журналистов были бы вполне естественны, авторы «Российской газеты» воздерживаются от резких комментариев. Так, сообщая о новом месте работы заснувшего во время процесса экс-судьи, журналист приводит слова одного из руководителей компании:

«Он очень хороший специалист. Мы специалистов оцениваем не по тому, что о них пишут на форумах, а по их профессионализму. Евгений Махно – юрист высокого класса, и именно это позволило ему занять должность в юридической службе компании “Петропавловск”». (РГ. – 27.02.2013)

Поскольку автор статьи никак не выражает своего отношения к происходящему, читателю остается только догадываться, является ли приведенная цитата ироничным фрагментом или использована журналистом с целью частичной реабилитации «спящего» экс-судьи.

Рассмотрим для сравнения тексты оппозиционной «Новой газеты» (далее – НГ). Поскольку заголовки и подзаголовки статей заключают в себе значительный воздействующий потенциал, приведем в качестве демонстрации оппозиционного настроения газеты некоторые из них: *«В Москве незаметно началось третье “дело ЮКОСа”»* (НГ. – 18.03.2013), *«Замаятая “халатность”»* (НГ. – 10.10.2012), *«Закат “Рассвета”»* (НГ. – 10.10.2012), *«Судья Распопов не захотел снова пачкаться в “деле ЮКОСа” и постановил: Платон Лебедев должен выйти на свободу летом 2013 года»* (НГ. –

07.11.2012). Употребление лексики с отрицательной коннотацией *незаметно, халатность, не захотел, пачкаться* создает у читателя впечатление бездействия суда, непрозрачности его работы и нежелания доводить судебное дело до конца.

Особого внимания заслуживает статья «Кирпич – основа правосудия» (НГ. – 10.10.2012). Обвиняя судью в некорректном поведении, автор статьи использует следующие эмоционально окрашенные глаголы: *орала, грозились посадить*. Делая вывод о том, что *«судьи явно смешивают закон и что-то личное»*, журналистка задает риторический вопрос *«И с какой стороны здесь право?»*. Как известно, риторический вопрос не требует ответа, поэтому в сознании читателя формулируется единственно правильный в данной ситуации вывод – права нет.

Подобное впечатление складывается при прочтении следующих строк «Новой газеты»:

«Мы были в суде, и нам нанесен серьезный моральный ущерб, мы потеряли веру в правосудие, мы страдаем, что делать?» (НГ. – 07.11.2012).

Оценочная лексика (*серьезный моральный ущерб, потеряли веру, страдаем*) с явно отрицательной коннотацией, усиленная стилистическим приемом градации (*нанесен ущерб – потеряли веру – страдаем*), также представляется нам весьма действенным вербальным способом создания оппозиционного судебной системе настроения у читательской аудитории.

Кроме того что издания с разной политической направленностью выбирают в соответствии со своими задачами различные языковые средства, они опираются на разные жанры. Эта особенность также имеет прагматическое основание. Суть в том, что аналитическая статья предоставляет автору-журналисту гораздо большую свободу, чем репортаж или интервью. «Российская газета» делает выбор в пользу репортажей и интервью с высокопоставленными судьями. Интервью как жанр СМИ представляет интервьюируемому достаточно широкие возможности заявить о себе и своей позиции по тем проблемам, которые ему представляются актуальными. Анализируя интервью с представителями власти, Э. М. Ножкина отмечает: «Чиновник высокого ранга стремится быть услышанным и признанным обществом, быть открытым для него, поэтому достаточно часто соглашается давать интервью в СМИ» [11, с. 39]. Нам представляется, что данное замечание можно отнести и к представителям судебной власти, которые в той или иной степени прибе-

гают к политехнологиям, чтобы создать впечатление справедливой, прозрачной и доступной судебной власти. Интервью с судьями являются одним из средств создания такого имиджа. Конечно, интервьюер может вести себя враждебно и агрессивно, загоняя интервьюируемого в угол, но примеры из «Российской газеты» иллюстрируют корректное поведение интервьюеров, в задачи которых, очевидно, не входит дискредитация интервьюируемого судьи. Вопросы: *«Какие новации ожидают нашу судебную систему? Какие категории дел сегодня преобладают в судах? Зачем понадобилось такое нововведение?»* нельзя назвать провокационными или имеющими обвинительный уклон. Напротив, они предоставляют судье возможность позиционировать себя как компетентного представителя судебной власти.

В аналитических публикациях, характерных для оппозиционной прессы, напротив, просматривается тенденция к дискредитации судебной власти. Например, *«С первого же дня суд, как и следствие, проходит с обвинительным уклоном. Отвергаются все просьбы обвиняемых...»* (НГ. – 10.10.2012); *«И вышло также, что вместе с этим сроком [срок полномочий губернатора] истек и срок давности. За растрату денежных средств никто не ответит»* (НГ. – 10.10.2012); *«Подобную нелепость... затвердил и Конституционный суд»* (НГ. – 10.10.2012). Вновь наблюдаем употребление негативно окрашенной лексики: *обвинительный уклон, отвергаются, растрата, никто не ответит, нелепость*, формирующей недоверие к институту судебной власти. Кроме того, в представленных контекстах отмечаем использование в качестве лингвистических приемов усилительных частиц *же, также, и (=даже)*, повтор союза *и...и*, двойное отрицание *никто не ответит*, способствующих успешному осуществлению психологического воздействия.

Таким образом, различие в выборе журналистских жанров, а также различие между картинками мира, представленными в проправительственной и оппозиционной прессе, не подлежат сомнению. Это свидетельствует, по меньшей мере, о стратегическом подходе к проблеме репрезентации судебной власти в СМИ. Можно ли говорить о тенденциозности изданий и фактическом отсутствии объективного представления в них судебной власти, покажут дальнейшие исследования. Перспективой развития этой исследовательской темы являются выявление специфики отношений между судебной властью и СМИ в Англии и кросскультурное сопоставле-

ние результатов, которое позволит с большей степенью достоверности утверждать о степени и характере влияния СМИ на имидж судебной власти в двух странах.

Список литературы

1. Баскова, Ю. С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук / Баскова Ю. С. – Краснодар, 2006. – 162 с.
2. Дубровская, Т. В. Образ судьи и судебной власти с дискурсе английских СМИ / Т. В. Дубровская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 3 (7). – С. 72–81.
3. Метакова, З. Ф. Манипулятивные возможности информационной власти в современной культуре : дис. ... канд. филол. наук / Метакова З. Ф. – Томск, 2006. – 140 с.
4. Ikeo, R. Misleading speech report in the media with a special reference to an Australian defamation case / R. Ikeo // Journal of Pragmatics. – 2012. – Vol. 44. – P. 1183–1205.
5. Елева, В. И. Манипулирование массовым политическим сознанием: Анализ репрезентации проявлений, разновидностей и технологий : дис. ... канд. полит. наук / Елева В. И. – Ростов н/Д, 2003. – 176 с.
6. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием в России сегодня / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2001. – 544 с. – (Серия История России. Современный взгляд).
7. Котечникова, А. П. Манипулирование мнением и поведением Российского электората: Политологический анализ : дис. ... канд. политол. наук / Котечникова А. П. – М., 2005. – 184 с.
8. Seal, C. How the mass media report social statistics: A case study concerning research on end-of-life decisions / C. Seal // Social Science & Medicine. – 2010. – Vol. 71. – P. 861–868.
9. Почепцов, Г. Г. Паблик рилейшнз / Г. Г. Почепцов. – М. : Ваклер, 2001. – 284 с.
10. Тарасов, Е. Ф. Речевое воздействие / Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Наука, 1990. – С. 5–18.
11. Ножкина, Э. М. Языковая личность в структуре интервью / Э. М. Ножкина // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. ; под ред. М. А. Кормилицыной. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – Вып. 2. – С. 39–50.

А. С. Дудкин

кандидат философских наук, доцент

А. Б. Тугаров

доктор философских наук, профессор,

Пензенский государственный университет, г. Пенза

РЕЧЕВОЙ ИМИДЖ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ¹

Авторами предлагается тезис о связи между речевым имиджем специалиста по социальному сопровождению и эффективностью патронажной социальной работы с семьей и детьми. Тезис рассматривается на примере конкретной социальной услуги, рекомендованной экспертами к оказанию в российских социальных службах. Авторы предлагают использовать онлайн-ресурс, призванный аккумулировать методики развития навыков специалистов социального сопровождения.

Ключевые слова: социальное сопровождение, дети, семья, речевой имидж специалиста, социальная работа.

Возрастание сложности социальных проблем и вытекающих из них трудных жизненных ситуаций вынуждает поставщиков социальных и медицинских услуг осознавать важность координации и целесообразности организации предоставляемых ими услуг. Технология кейс-менеджмента позволяет решить эти задачи максимально эффективно.

Когда говорят о кейс-менеджменте в социальной, психологической и педагогической работе, подразумевают координацию специалистов, реабилитацию и поддержку людей с комплексом нужд, которые способны удовлетворить разные социальные институты и учреждения. Общая цель кейс-менеджмента заключается в содействии независимости клиентов и улучшении качества их жизни в процессе социального сопровождения.

Как отмечают американские эксперты, «кейс-менеджмент – это сложный процесс, с участием нескольких сторон, изменяющийся с течением времени, процесс, который недостаточно исследовать только строгими классическими социологическими методами» [1].

¹ Работа выполнена в рамках НИР по проекту «Кейс-менеджмент социально-педагогического сопровождения детей с отклоняющимся поведением» (номер государственной регистрации НИР: 01201256139).

Использование слабоструктурированных интервью с ближайшим социальным окружением является одним из способов контроля за объективностью диагностических выводов и выступает необходимой процедурой в социальном сопровождении несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Оценка качества ситуации и эффективности действий – важнейшая составляющая работы в управлении случаем, угрожающим нормальной жизнедеятельности ребенка. Определение эффективности через общение с потребителями социальных услуг показывает влияние тех или иных мероприятий на социальное благополучие, выявляет пробелы нынешней и направления будущей социальной работы.

Определенные ограничения в возможностях измерения эффективности связаны с тем, что информацию по некоторым деликатным проблемам (например, информацию о сексуальном поведении, насилии) собирать не всегда легко. Кроме того, с осторожностью следует интерпретировать определенные результаты и показатели, связанные с родительскими оценками.

Оценка потребностей социально патронируемого специалистами социальной службы ребенка включает процесс определения:

- 1) запросов ребенка;
- 2) запросов родителей, опекунов, попечителей и других законных представителей ребенка;
- 3) различных факторов, влияющих на поведение и отношение детей с девиантными отклонениями в определенных условиях;
- 4) пробелов в имеющейся информации о ребенке, его семье и ситуации;
- 5) услуг и видов вмешательства, способных ликвидировать эти пробелы.

Выполнение перечисленных задач и учет названных особенностей социальной работы обуславливает важность речевого имиджа специалиста по социальному сопровождению несовершеннолетних в деловой беседе. Главные факторы речевого имиджа, определяющие его успешность, включают:

- 1) умение наладить обратную связь с клиентом, включая невербальные способы коммуникации;
- 2) умение наладить и поддерживать активное слушание;
- 3) умение проявлять эмпатию, а не симпатию;

4) умение быстро распознавать тип собеседника и настраиваться на данный тип;

5) умение постоянно поддерживать правильный внутренний настрой в сочетании с внешним обликом.

В ходе общения с ребенком и его семьей в целях определения эффективности осуществленных мероприятий используются следующие общие вопросы:

1. Удалось ли после вмешательства социальных служб предотвратить проблему ребенка?

2. Привело ли вмешательство к повышению качества жизни конкретного ребенка и его семьи?

3. Увеличил ли социальный патронаж количество правонарушений и иных девиаций в данном районе, населенном пункте?

4. Какой план проведения патронажа был бы оптимальным?

5. Как будут участвовать заинтересованные лица в социальном сопровождении?

6. Сколько ресурсов понадобится на осуществление сопровождения в течение определенного количества времени?

Речевой имидж – это не просто образ, в котором предстает специалист, это активный инструмент налаживания рабочих отношений. Потребители социальных услуг, основываясь на своем восприятии слов, манер и действий представителя социальной службы, делают выводы о том, стоит ли довериться этому человеку и общаться с ним дальше. Таким образом, впечатление, которое патронажный работник оставляет после себя – это часть самого патронажа.

Рассмотрим данное положение на примере формализованного описания услуги, рекомендуемой к оказанию специалистами Национального фонда защиты детей от жестокого обращения (по результатам эмпирических исследований, проведенных в 2010–2011 г. по программе «Компас для детства»; подробнее см.: [2]).

Услуга «Координация работы со случаем нарушения прав ребенка в кровной семье» направлена на восстановление нарушенных в кровной семье прав и законных интересов ребенка через выявление причин возникновения нарушения, планирование и мониторинг мер по восстановлению прав и интересов ребенка, профилактику повторных нарушений. Целевая группа услуги – семьи с детьми, признанными нуждающимися в государственной защите.

Суть услуги заключается в назначении для каждого установленного случая нарушения прав и интересов ребенка в его кровной семье ответственного специалиста-куратора, обязанности которого заключаются:

- 1) в установлении доверительных отношений с членами семьи;
- 2) в проведении диагностики причин нарушения прав ребенка;
- 3) в разработке комплекса мер, направленных на восстановление способности семьи самостоятельно преодолевать кризисные ситуации без ущемления прав и интересов ребенка; на восстановление родительских функций;
- 4) в координации деятельности междисциплинарной команды по реализации запланированных мер по защите прав и интересов ребенка.

Обязательным в процессе оказания услуги являются:

- 1) вовлечение семьи в активное участие на всех этапах реализации мероприятий услуги;
- 2) соблюдение принципов семейно-ориентированного подхода и правил технологии работы со случаем;
- 3) супервизорское сопровождение кураторов случая;
- 4) регулярный мониторинг эффективности достижения целей, поставленных в плане защиты прав ребенка.

Таким образом, две из четырех функций специалиста-куратора осуществляются через беседу, а выполнение процедуры вовлечения семьи в патронажный процесс вообще невозможно без создания благоприятного образа.

Отличие формирования речевого имиджа специалиста по социальному сопровождению от иных специалистов заключается в том, что успешность приемов публичного выступления, исходя из психотипа семьи и ребенка, играет решающую роль в налаживании длительных конструктивных отношений.

В полной мере выполнить свою профессиональную задачу куратор может лишь после того, как наладит наиболее выгодным для своих задатков способом собственный темп речи, повысит ее четкость, избавится от слов-паразитов, научится слушать как профессиональный слушатель, а не как постороннее лицо, случайно ставшее очевидцем трудной жизненной ситуации.

Для тренировки этих и других навыков мы предлагаем использовать созданный нами сайт в Интернете, главная цель которого заключается в оказании методической помощи специалистам в

использовании технологий управления случаем для социально-педагогического сопровождения несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации (www.socialwork.ru).

Список литературы

1. Progress and Issues in Case Management. NIDA Research Monograph, Rockville. – 1992. – № 127. – 234 с.
2. Расширенные описания профилактических услуг по предупреждению социального сиротства и жестокого обращения с детьми. Профилактика социального сиротства в России. Информационный проект Национального фонда защиты детей от жестокого обращения. – URL: <http://sirotstvo.ru/compass/services/index.shtml> (дата обращения: 24.03.2013).

В. И. Дунаева

*кандидат социологических наук, доцент,
Пензенский государственный университет, г. Пенза*

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Рассматриваются вопросы использования государственного языка в современном российском законодательстве и государственных (либо официальных) языков субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: государственный язык, национальные языки, «языковый суверенитет», языковая политика, законодательство о языке, правовой режим языков.

В современном российском законодательстве термин «государственный язык» появился сравнительно недавно – в конце 1980-х гг. До того времени в течение всего советского периода отношение к «государственному языку» носило явно выраженный негативный характер, а использование данного понятия в конституциях трех советских республик – Азербайджана, Армении и Грузии – воспринималось как некий государственно-правовой атавизм. Основы такого подхода были заложены В. И. Лениным, который резко отрицательно относился к введению обязательного государственного языка как противоречащего пролетарскому интернационализму и не обеспечивающего полное равноправие всех наций и языков.

В советский период в союзном и республиканском законодательстве, в том числе и в законодательстве РСФСР, сложилась следующая терминологическая «иерархия»: «язык союзной республики», «язык автономной республики», «язык автономной области», «язык автономного округа», «язык большинства населения данной местности» [1].

Из всех перечисленных терминов только последний обладал некоторой определенностью, остальные же не давали никакого представления о содержании, вкладываемом в данные понятия. Безусловно, в подобной ситуации нельзя говорить об их совпадении в полном объеме с понятием «государственный язык», но нельзя не отметить совпадения в сферах их использования: опубликование законодательных актов, судопроизводство, государственная символика.

В Законе СССР 1990 г. «О языках народов СССР» был употреблен термин «официальный язык». До недавнего времени в советской российской юридической литературе не делалось различий между «государственным языком» и «официальным языком». Используемый в практике советского государственного строительства термин «государственный язык» (в конституциях Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Грузинской ССР) понимался только как наиболее распространенный в республике язык, при этом отмечалось, что он не предполагает каких-либо ограничений использования других языков.

Такое же определение государственного и официального языков содержится в современном издании Большого юридического словаря, где понятия официальный язык и государственный совпадают.

Государственный язык (national language) определяется также как язык большинства или значительной части населения государства, который конституирован в данном государстве в качестве государственного языка. При этом подчеркивается, что государственный язык является официальным языком [2]. Официальный язык понимается как основной язык, используемый в деятельности государственных органов, в том числе в законотворчестве, судопроизводстве, работе нотариата, обучении и т.д., в некоторых странах с многонациональным составом населения.

Как правило, понятие «официальный язык» совпадает с понятием «государственный язык». Современное российское законодательство для сферы официального общения использует оба понятия «государственный язык» и «официальный язык».

Федеральные конституция и законодательство используют только первое из них; в республиках иногда используются оба понятия, причем второе – в отношении языков национальных меньшинств или коренных малочисленных народов. При этом отмечается, что в масштабе Российской Федерации имеется только один государственный язык – русский, язык самой многочисленной нации, для изучения которого всеми гражданами России государство создает условия. По своему содержанию понятия «государственный язык» и «официальный язык» являются близкими, но не тождественными.

Экспертами ЮНЕСКО еще в 1953 г. было предложено разграничение этих понятий и выработаны их определения. Так, «государственный язык» (national language) – язык, выполняющий ин-

тегративную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства; «официальный язык» (official language) – язык государственного управления, законодательства, судопроизводства [3].

Главное же, что отличает «государственный язык», – это его положение как символа государства (наряду с флагом, гербом, гимном), подчеркивающим его связь с определенной национальной государственностью, с конкретным этносом, и отношение к нему как национальному достоянию, требующему охраны и поддержки. Его положение предполагает приоритетное развитие и использование данного языка возможно более в широком спектре, включающем, помимо официальной, сферы образования и массовой коммуникации [4].

По сферам использования и набору выполняемых функций «официальный язык» в отличие от «государственного» является более узким понятием, но устанавливать его может большее число субъектов права. Помимо государства, в их число входят государственные образования, административно-территориальные единицы, муниципальные образования в местах компактного проживания национальных меньшинств, малочисленных коренных народов – все те субъекты, которые нуждаются в конкретизации используемого в официальном общении какого-либо иного национального языка, помимо государственного [1].

Государственный, или официальный, язык не может быть установлен произвольно, его выбор всегда обусловлен рядом объективных причин. Прежде всего это касается требований, предъявляемых к самому языку. Безусловно, должна существовать литературная, письменная форма национального языка. Языковеды насчитывают более 20 функций языка в сфере общественных отношений и для их выполнения язык должен обладать функциональными стилями, лексической базой, литературной нормой [4].

При выборе государственного языка немаловажное значение имеет численность его носителей и степень распространения. Причем они не всегда обязательно совпадают. На распространение какого-либо языка влияет и субъективное отношение к нему говорящих на нем людей. А они по-разному оценивают складывающуюся этнолингвистическую ситуацию в зависимости от социально-политических перемен, состояния национальной культуры, экономических и идеологических причин.

Поэтому принцип свободного развития национальных языков должен тщательно соблюдаться, опираясь на законодательно закрепленное равноправие языков и создание оптимальных условий для развития всех бытующих на территории данного государства национальных языков. Придание языку положения государственного или официального часто рассматривается как наиболее эффективное средство его защиты, поскольку создает условия для преимущественного использования и развития [3].

Нельзя не учитывать также того, что наиболее эффективная поддержка и защита языка возможна с помощью специальных государственных программ развития и охраны национальных языков, законов о защите языков, их литературной формы и фольклора как культурной ценности и культурного достояния, что сегодня особенно актуально для всех народов Российской Федерации.

Во многом положение национальных языков зависит от общего состояния культуры и образования и прямо пропорционально финансовым и материальным затратам государства на их развитие. Российская Федерация является не только сложно построенным, федеративным государством, но и государством многонациональным. Его конституционно-правовой статус, безусловно, включает и такой необходимый элемент как единый государственный язык [5]. Им является русский язык – самый распространенный язык среди населения страны. К тому же это национальный язык самой многочисленной этнической общности России – русские составляют 80 % всего ее населения.

Сохранение единства языкового пространства – залога сохранения единства страны через укрепление позиций русского языка как некой скрепы многонационального единства. Забота о русском языке как о языке общегосударственном возлагается на федеральные власти [6], что само по себе кажется логичным и оправданным. Обеспечить использование и защитить русский язык как средство официального общения на всей территории федерации можно, охраняя его, прежде всего как национальное достояние.

Эти нормы должны быть раскрыты в специальном федеральном законе и в других федеральных правовых актах – в законе «Об образовании», в Основных законах РФ о культуре, в законе «О средствах массовой информации».

В сфере правового регулирования национально-языковых отношений задача охраны национальных языков как культурного достояния народов РФ должна стать первостепенной, ее решение

является необходимым условием совершенствования законодательства об использовании национальных языков в сфере официального общения и русского языка как общегосударственного [7].

Список литературы

1. Голев, Н. Д. Постановка проблем на стыке языка и права / Н. Д. Голев. – Барнаул, 2004. – 254 с.
2. Додонов, В. Н. Большой юридический словарь / В. Н. Додонов. – М. : Инфра, 2001. – 596 с.
3. Дудко, И. Г. Правовые понятия в законодательстве субъектов Российской Федерации / И. Г. Дудко. – Н. Новгород, 2001. – 214 с.
4. Губарева, Т. В. Язык и право / Т. В. Губарева. – М. : Норма, 2010. – 316 с.
5. Конституция Российской Федерации, принята 1993 г.
6. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ.
7. Валадес, Д. Язык права и право языка / Д. Валадес. – М. : Идея-Пресс, 2008. – 275 с.

А. С. Жуков
*кандидат филологических наук, доцент,
Пензенский государственный университет, г. Пенза*

ФОРМЫ ИНТЕРАКТИВНОСТИ В ТРАДИЦИОННЫХ И ИНТЕРНЕТ-СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В настоящее время большинство изданий, теле- и радиопрограмм работают не только в традиционном для себя формате (печатного или эфирного СМИ), но и активно осваивают новые информационные площадки, каковой является Интернет, где важным критерием успешности и эффективности работы СМИ выступает правильное выстраивание коммуникации с аудиторией.

Ключевые слова: СМИ, Интернет, интерактивность, целевая аудитория.

В последние несколько лет стремительно растет количество СМИ, работающих и в режиме традиционного (печатного, бумажного, или аудиовизуального, эфирного) информационного канала, и в качестве дублирующего его интернет-представительства.

Это объясняется тем, насколько велика роль Интернета как носителя информации, доступной широкой аудитории. К тому же в Интернете появляется большое количество СМИ, которые рассчитывают только на интернет-аудиторию, и не имеют бумажного (эфирного) аналога.

Однако интернет-СМИ (как представительства традиционных СМИ, так и новых, онлайн-изданий) без такого оригинального свойства как интерактивность в современных условиях не смогут добиться успеха у аудитории в глобальной сети.

В работах М. М. Лукиной и И. Д. Фомичевой, а также А. А. Калмыкова, посвященных особенностям работы издания, работающим в пространстве Интернета, интерактивность рассматривается в ряду сущностных характеристик интернет-СМИ. Исследователи отмечают, что интерактивность как принцип двустороннего взаимодействия изначально присущ интернет-технологиям, и при характеристике ее типологической реализации они рассматривают этот признак как связь между редакцией сетевых масс-медиа и их потенциальной аудиторией [1, 2].

Интерактивность (от англ. interaction – «взаимодействие») – это понятие, которое определяет характер и степень взаимодействия между объектами коммуникационного процесса, в част-

ности, коммуникацию редакции СМИ с аудиторией. Этот вопрос представляется очень важным, поскольку от того, насколько разнообразно редакция сумеет выстроить контакты со своей аудиторией, насколько редакция будет доступной для обсуждения тем и проблем, о которых пишут журналисты в этом СМИ, зависит эффективность работы издания или программы.

В традиционных СМИ интерактивность также имеет место. Например, в форме писем в редакцию издания для последующей публикации либо ответ на вопрос читателя или звонок в прямой эфир на радио или телевидении. Однако такую интерактивность можно назвать отложенной, пассивной. Тогда как Интернет дает возможность полноценному взаимодействию аудитории и СМИ. Это выражается в использовании многочисленных форм организации коммуникации, которые в настоящее время не ограничиваются лишь электронной почтой, форумами (веб-приложение для организации общения посетителей сайта), чатами (средство обмена сообщениями в режиме реального времени) и гостевыми книгами (упрощенный вариант форума, когда человек оставляет сообщения, адресованные редакции или посетителям), как это было еще несколько лет назад.

К этим формам в настоящее время добавляются такие, как блог, сообщение на странице материала издания, голосования, sms-сервисы и др.

Работа современных интернет-СМИ немыслима без их представительств в социальных сетях (онлайн-сервис, позволяющий организовывать коммуникацию между большими группами людей, связанными общими целями), блогах (своего рода интернет-дневниках, позволяющих регулярно добавлять текстовую или аудиовизуальную информацию и вступать в диалог с читателем блога) и видеохостингах (сайт, позволяющий загружать и просматривать видео в браузере).

Самыми популярными социальными сетями, в которых есть представительства интернет-СМИ, являются Facebook, Twitter, ВКонтакте, Одноклассники. Создавая свои аккаунты в социальных сетях, редакции, во-первых, получают уникальную возможность привлечь к своему СМИ большую аудиторию. Во-вторых, представительство в социальных сетях создает дополнительную площадку для обсуждения не только публикаций журналистов и актуальных проблем, входящих в сферу интересов СМИ, но и для обсуждения работы самого СМИ.

Многие издания до сих пор считают необходимым свое присутствие в блогосфере. Популярным ресурсом здесь выступает сайт livejournal.com.

Наконец, для организации дополнительного взаимодействия с аудиторией, но прежде всего для освоения новых для интернет-изданий форм работы, активно используют видеохостинги, самыми востребованными из которых являются youtube.com и rutube.ru.

Отметим особо, что в настоящее время это уже не дань моде, а необходимость. Так, сайт издания «Комсомольская правда» использует многочисленные средства интерактивности, организации взаимодействия, диалога со своими читателями.

«Комсомольская правда», во-первых, предоставляет возможность читателям оставить комментарий, реплику на сайте в специальном комментарийном блоке, который расположен на странице материалов газеты. Эта форма коммуникации достаточно популярна. Ее используют многие интернет-издания («Новая газета», «Коммерсантъ», «Русский репортер» и др.). Однако отсутствие премодерации (т.е. осуществления контроля контента перед публикацией) на многих интернет-ресурсах часто приводит к тому, что раздел с комментариями пользователей к материалу оказывается «захламлен», к примеру, обценной лексикой, хаотичным построением предложений, туманными фразами, часто разжигающими порой неадекватные диалоги между самими пользователями, что, безусловно, снижает авторитетность, серьезность ресурса. «Комсомольская правда» предлагает своим читателям писать реплики в комментарийных блоках от имени своего профиля в социальных сетях: Одноклассники, ВКонтакте, Facebook, Twitter, Мой мир. Это, безусловно, более эффективно, поскольку снижается риск спам-сообщений, и человек, который пишет не анонимно, старается более вдумчиво и ответственно формулировать публикуемые комментарии и реплики.

Обозначим способы контроля контента. Во-первых, многие интернет-СМИ используют систему премодерации или постмодерации. В первом случае – перед публикацией комментария пользователя сообщение проверяется модератором и только после этого публикуется на странице материала. Во втором случае – контроль качества сообщения осуществляется после публикации сообщения пользователя. И первый, и второй способы модерирования имеют свои достоинства и недостатки, однако необходимость проверки публикуемых сообщений, безусловно, должна присутствовать. «Комсомольская правда» использует форму премодерации, преду-

преждая читателей сообщением: «Уважаемые читатели! Ваши сообщения будут опубликованы только после проверки их модератором. Модерация осуществляется круглосуточно без выходных». При этом редакция оговаривает несколько важных моментов: во-первых, о том, каким критериям должны соответствовать комментарии и реплики, чтобы они были опубликованы («Комментарии могут быть опубликованы, если они не содержат: 1) призывов к насилию, межнациональной розни и прочим нарушениям закона; 2) оскорбление или уничижение России, ее символов и первых лиц; 3) ненормативной лексики; 4) личных оскорблений или проявлений неуважения в адрес авторов материала, других посетителей форума, иных лиц, а также «Комсомольской правды»; 5) ссылок на какие-либо страницы в Интернете; 6) рекламы товаров или услуг, адресов или телефонов» и т.д.); во-вторых, администрация сайта предупреждает, что «оставляет за собой право удалять любые сообщения с форума без объяснения причин», «не несет ответственности за содержание сообщений», а также, что «мнение автора сообщения может не совпадать с мнением редакции». Такие методологические правила позволяют избегать разного рода недоразумений, возникающих в результате публикации комментария читателя на сайте издания.

Во-вторых, самый распространенный способ – вступить в переписку с редакцией по электронной почте. Для этого на сайте «Комсомольской правды» есть специальная вкладка «Связь с редакцией». Однако здесь следует отметить, что этот способ для коммуникации интернет-СМИ–аудитория в рейтинге средств интерактивности занимает совсем не первое место, что объясняется преобладанием новых форм интерактивности.

В-третьих, «Комсомольская правда» имеет свой блог на популярном интернет-ресурсе livejournal.com. Здесь издание представляет вниманию многочисленных пользователей дайджест лучших материалов газеты (блог обновляется ежедневно) и приглашает к обсуждению самых острых и актуальных вопросов политической, экономической, культурной жизни страны и мира.

В-четвертых, представительство в социальных сетях. Это, пожалуй, самый важный на современном этапе способ интерактивности. Страница интернет-СМИ в социальной сети представляет собой так называемую «стену», на которой в хронологическом порядке публикуются новости. По большому счету, это привычная многим лента новостей на главной странице интернет-СМИ. Принципиальное отличие состоит в том, что на страницу в социальную

сеть попадают новости, специально отобранные редакцией. Пользователи социальной сети могут рекомендовать новости своим друзьям (которые, возможно, даже не имеют подписки на страницу «Комсомольской правды» в социальной сети. Таким образом, заинтересовавшись публикацией, они подписываются на обновления газеты, включаясь в число читателей и, следовательно, расширяя аудиторию издания) и писать к ним комментарии.

Благодаря интеграции интернет-СМИ и социальных сетей появляется новое информационное пространство – интерактивные социальные медиа.

С помощью социальных сетей СМИ получили уникальную возможность, во-первых, значительно увеличить количество своей аудитории; во-вторых, начать лучше понимать свою аудиторию, ориентируясь на комментарии, оценки, отклики, пожелания пользователей, подписанных на страничку издания в социальной сети. Существуют достаточно простые механизмы для распространения ссылок на материалы – «поделиться», «мне нравится», «рекомендую» и т.п.

Одной из популярных социальных сетей является сеть Facebook. Она стала первой социальной сетью, предлагающей сторонним сайтам, в том числе новостным, интеграцию в виде социальных плагинов – пользователь на внешнем сайте имеет возможность нажать кнопку Like (Мне нравится), Recommend (Я рекомендую), Comment (Комментировать) и другие, тем самым получая возможность оставлять отклик на внешнем сайте или отправлять информацию о посещенном сайте на свою страничку в Facebook. Twitter – система микроблогов, которая позволяет пользователям отправлять короткие текстовые сообщения (до 140 символов), используя веб-интерфейс, SMS, службы мгновенных сообщений или сторонние программы-клиенты. Twitter построен по принципу последователей, когда один пользователь Twitter следует за другим, его сообщения отображаются в обратном хронологическом порядке на главной странице. Эта платформа идеально подходит для передачи коротких новостей аудитории этой социальной сети и используется практически всеми основными интернет-СМИ.

Так, «Комсомольская правда» имеет представительства практически во всех популярных социальных сетях Интернета: ВКонтакте, Facebook, Twitter. На «стене» своего аккаунта издание предлагает читателям информационную повестку дня, а также своего рода хэдлины статей со ссылкой, призванные заинтересовать чи-

тателя, побудить его перейти на страницу материала на сайте газеты и прокомментировать новость.

Таким образом, современные СМИ, прочно закрепившие свои позиции в Интернете, имеют уникальные возможности для организации коммуникации с аудиторией, используя широкий спектр способов интерактивности: от традиционных электронных писем и публикации материалов в блогосфере до взаимодействия с социальными сетями, позволяющими не только включить читателей в активный online процесс обсуждения важнейших событий страны и мира, но и расширить аудиторию своего издания. С другой стороны, перед всеми интернет-СМИ должна стоять задача модерирования (проверки) публикуемых пользователями сообщений. Это необходимо прежде всего для того, чтобы избежать различного рода конфликтных ситуаций, которые могут вылиться из обсуждения той или иной темы.

Список литературы

1. Калмыков, А. А. Интернет-журналистика : учеб. пособие для студентов вузов / А. А. Калмыков, Л. А. Коханова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 383 с.

2. Лукина, М. М. СМИ в пространстве Интернета / М. М. Лукина, И. Д. Фомичева. – М. : Факультет журналистики МГУ, 2005. – 124 с.

И. А. Иващенко
кандидат педагогических наук, доцент

Н. В. Антропова
доцент,
Пензенский государственный университет, г. Пенза

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

Рассмотрено понятие «лингвопрофессиональная компетенция», ее компоненты, структура учебника для дистанционного обучения будущих юристов, подробно описываются системы лексических и грамматических упражнений.

Ключевые слова: лингвистическая компетенция, коммуникативная компетенция, лингвопрофессиональная компетенция, система лексических упражнений, система грамматических упражнений.

Современные условия жизни общества, стремительное развитие науки и техники определили появление новых форм получения высшего образования. Теперь студенты имеют возможность обучаться дистанционно. Несмотря на то, что дистанционное образование возникло относительно недавно, оно начинает пользоваться все большей популярностью среди потенциальных студентов благодаря своей доступности, гибкости, которая обеспечивается за счет того, что обучаемые могут выбирать темп и интенсивность, время и продолжительность обучения, также место работы над учебным материалом.

Большие возможности, предоставляемые дистанционным образованием, с другой стороны, безусловно, имеют свои ограничения. Оно предполагает полностью самостоятельное обучение, что затрудняет формирование требуемого согласно образовательным стандартам уровня иноязычной коммуникативной компетенции будущих юристов, необходимого для решения социально-коммуникативных задач в различных областях профессиональной, научной, культурной и бытовой сфер деятельности, при общении с зарубежными партнерами, а также для дальнейшего самообразования.

В нашей статье мы решаем проблему формирования лингвопрофессиональной иноязычной компетенции будущих юристов

возможностями дистанционного образования. В связи с этим считаем, что необходимо разграничить дефиниции «лингвистическая компетенция» и «коммуникативная компетенция» и дать определение «лингвопрофессиональной компетенции».

В словаре методических терминов языковая (лингвистическая) компетенция определяется как «владение системой сведений об изучаемом языке по его уровням: фонетика, лексика, состав слова и словообразование, морфология, синтаксис простого и сложного предложения, основы стилистики текста. Учащийся обладает языковой компетенцией, если он имеет представление о системе изучаемого языка и может пользоваться этой системой на практике» [1]. Зарубежные и российские ученые подчеркивают, что для формирования навыков речевой деятельности недостаточно только овладения лингвистической компетенцией.

Понятие коммуникативной компетенции впервые ввел Д. Хаймс, он говорит о сумме «знание языка, понимаемое как умение выбирать варианты, обусловленные ситуативными, социальными или другими внеязыковыми факторами, изучаемые ситуативной грамматикой» [1].

По утверждению Ватютнева М. В. [2], для того, чтобы овладеть языком наряду с лингвистической компетентностью, необходимо сформировать коммуникативную компетенцию.

Подводя итоги вышесказанному, можно утверждать, что: 1) для овладения языком необходимо сформировать «коммуникативную компетенцию», 2) «лингвистическая компетенция» является первичным компонентом «коммуникативной компетенции», на основе которой она формируется.

Далее нам представляется необходимым изучить структуры лингвистической компетенции, затем лингвопрофессиональной, определить ее компоненты для того, чтобы иметь представление о содержательной стороне дистанционного обучения английскому языку будущих юристов.

Анализ работ И. Л. Бим, Е. В. Тихомировой, Д. И. Изаренкова позволил нам определить структуру лингвистической компетенции: знания единиц языка всех уровней (фонетического, лексического, словообразовательного, морфологического, синтаксического), умение и навыки использовать языковые знания в иноязычной речевой деятельности (И. Л. Бим, В. В. Сафонова). Учитывая тот факт, что речь идет о формировании компетенции, необходимой будущим юристам для выполнения профессиональных задач и са-

мообразования, возможности общаться с зарубежными коллегами, то речь должна идти о формировании лингвопрофессиональной компетенции, компонентами которой, по-нашему мнению, являются: знание профессиональной лексики, умение ее использовать в профессиональной речевой деятельности, способность воспринимать иноязычную профессиональную речь.

Исходя из вышесказанного процесс дистанционного обучения следует организовать таким образом, чтобы сформировать все из перечисленных компонентов лингвопрофессиональной компетенции будущих юристов.

Особенностью дистанционного обучения является изучение дисциплины в ходе самостоятельной работы, поэтому учебный материал, предоставленный обучаемым, должен:

- содержать лексический материал, отражающий всю базовую профессиональную тематику. (Лексика должна быть тщательно отобрана на основе принципов частотности и релевантности), а также систему тренировочных упражнений;
- содержать информацию о сочетаемости лексических единиц, также определенные профессиональные клише;
- грамматический материал должен быть актуальным и практически значимым. Освоение грамматического материала должно обеспечиваться системой упражнений;
- поэтапные (после каждого модуля) и контрольные тесты после всего курса обучения, направленные на проверку уровня усвоения;
- ссылки на интернет-ресурсы, содержащие дополнительную информацию;
- дополнительный материал, учебники, учебно-методические разработки по изучаемому курсу.

Подробнее остановимся на каждом пункте. Для составления курса дистанционного обучения для юристов нами предварительно был проведен частотный анализ юридических текстов с целью отбора наиболее часто употребляемого лексико-грамматического материала. В нашем случае источниками отбора профессиональной лексики для юристов стали частотные словари, а также список часто употребляемой лексики с образовательного сайта [3]. Затем мы классифицировали и объединили лексику по тематическому принципу. Тематика текстов отражала основные понятия по юриспруденции, содержала средства выражения типичных профессиональ-

ных коммуникативных намерений. Итак, мы остановились на следующих темах: «Основные понятия в юриспруденции», «Судебные дела», «Торговое право», «Составление контрактов». На следующем этапе решалась задача по подбору аутентичных аудио- или видеозаписей, отвечающих нашим требованиям. Мы использовали видеоматериалы предлагаемые в открытом доступе [4].

Формирование лексических навыков обеспечивается посредством системы упражнений: в ходе семантизации новой лексики, закрепления и тренировки.

1 этап – презентация новой лексики, где раскрывается ее значение посредством перевода и/или описания; языковые упражнения на словообразование.

Например:

1. Образовать новые существительные (прилагательные, глаголы, наречия) с определенными суффиксами (приставками).
2. Образовать антонимичные термины с помощью соответствующих суффиксов и приставок.

2 этап – закрепление лексики осуществляется через систему условно-речевых упражнений. Его цель автоматизировать операции извлечения из памяти специальных лексических единиц и сформировать навыки использования их в речевых высказываниях.

Например:

1. Составить словосочетания из предложенных слов.
2. Найти синонимы/антонимы.
3. Найти в тексте английские эквиваленты словосочетаний.
4. Вставить пропущенные слова в предложения, выбрав из предложенных.
5. Соотнесите слово с его определением.

3 этап – овладение лексикой, практика использования лексики в собственных высказываниях. Учитывая ограниченные возможности компьютерной реализации речевых упражнений, мы используем такой вид работы, как перевод предложений с русского на английский, а в качестве проверки предлагаем ключи с вариантами перевода.

Формирование грамматических навыков включает ознакомление, автоматизацию, применение.

1 этап – ознакомление с новым грамматическим явлением, где вводятся признаки грамматической формы с помощью правил, раскрывается содержание, упражнения по воспроизведению и распознаванию новых структур.

Например:

1. Образуйте Participle II от следующих глаголов.
2. Просмотрите текст и выберите глаголы (1–10) в пассивном залоге.

2 этап – автоматизация предполагает выполнение подстановочных и трансформационных упражнений.

Например:

1. Преобразуйте предложения в соответствии с моделью, поставив глаголы в пассивный залог. Ответы проверьте по ключу.
2. Заполните пропуски в предложениях глаголами в скобках, выбрав правильный вариант.
3. Определите функцию герундия в предложении. Предложения переведите всевозможными способами, проверив себя по ключу.

3 этап – применение.

1. Выберите правильный вариант перевода предложений.
2. Задайте вопросы к предложениям с использованием вопросительных слов, данных в скобках. Проверьте ответы по ключу.
3. Переведите, используя подстановочную таблицу. Проверьте себя по ключу.

Итак, формирование лингвопрофессиональной компетенции будущих юристов в процессе дистанционного обучения достигается в ходе самостоятельной работы обучаемых, причем главная задача преподавателя заключается в предоставлении методически грамотного учебного материала, включающего целевой, содержательный, оценочно-результативный и коррекционный блоки. Учебные тексты должны отражать актуальную профессиональную тематику, отражающие основные понятия, овладение которыми позволит обучаемым практически использовать полученные знания в ходе профессиональной деятельности и для самообразования [5].

Список литературы

1. URL: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/1549/коммуникативная_компетенция
2. Ватютнева, М. В. Понятие языковой компетенции в лингвистике и методике преподавания иностранных языков / М. В. Ватютнева // Иностранный язык в школе. – 1975. – № 6. – С. 55–64.
3. URL: <http://lingvotutor.ru/juridical-terms-en-ru>
4. URL: <http://www.videovocab.tv/esl-business-english-vocabulary>.
5. Азимов, Э. Г. Словарь методических терминов / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – СПб. : Златоуст, 1999. – 472 с.

Г. И. Канакина
*кандидат педагогических наук, профессор,
Пензенский государственный университет, г. Пенза*

ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЕРТИЗЫ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ НА ПРЕДМЕТ ИХ СХОДСТВА ДО СТЕПЕНИ СМЕШЕНИЯ

Рассматриваются проблемы экспертизы словесных обозначений товарных знаков. Приводятся примеры противоречивой оценки сходства/различия товарных обозначений экспертами различных ведомств. Обосновывается необходимость уточнения отдельных критериев сходства товарных знаков до степени смешения и расширенного комментария к ним. Определяется важность лингвистической экспертизы в установлении сходства/различия словесных обозначений товарных знаков.

Ключевые слова: экспертиза, товарный знак, сходство словесных обозначений товара до степени смешения, лингвистическая экспертиза.

Товарный знак – обозначение, служащее для индивидуализации товара. Это важнейший элемент имиджа производителя, средство продвижения товара на потребительском рынке. Потребитель при выборе продукта ориентируется прежде всего на его название, указанное на упаковке или самом товаре. При всем многообразии функций товарного знака (отличительной, информативной, психологической, рекламной, охранной, гарантийной) основной функцией является отличительная. Она позволяет отличить товар одного производителя от аналогичного товара другого.

Предметом нашего рассмотрения является один из аспектов лингвистической экспертизы коммерческих обозначений – выявление сходства товарных знаков до степени смешения. Поскольку товарный знак является результатом творческой деятельности, то на него распространяются авторские права, а следовательно, и их защита. Выявление сходства/несходства товарных обозначений – наиболее проблемный вопрос, рассматриваемый в арбитражных судах.

Большая часть случаев не требует проведения экспертизы и решается судом. Для установления сходства товарных обозначений до степени смешения привлекаются критерии, которые подробно представлены Роспатентом и используются при регистрации товарных знаков и знаков обслуживания [1]. Экспертиза при решении спорных вопросов назначается только в том случае, когда для сравнения обозначений требуются специальные знания. Эксперта-

ми по вопросу о сходстве словесных обозначений товаров до степени смешения обычно выступают патентоведы, специалисты торгово-промышленной палаты, лингвисты.

В ряде случаев их заключения могут иметь прямо противоположный характер. И причины такого положения отнюдь не в том, что заключение специалиста-эксперта в определенной степени отражает субъективное мнение по поставленному вопросу. Безусловно, человеческий фактор имеет место в формулировке выводов заключения.

Практика разрешения дел в арбитражных судах показала, что в большинстве случаев предпочтение отдается патентоведческой экспертизе, основанной на критериях, представленных в Правилах: «Сходство словесных обозначений может быть звуковым (фонетическим), графическим (визуальным) и смысловым (семантическим):

а) звуковое сходство определяется на основании следующих признаков:

- наличие близких и совпадающих звуков в сравниваемых обозначениях;
- близость звуков, составляющих обозначения;
- расположение близких звуков и звукосочетаний по отношению друг к другу;
- наличие совпадающих слогов и их расположение;
- число слогов в обозначениях;
- место совпадающих звукосочетаний в составе обозначений;
- близость состава гласных;
- близость состава согласных ;
- характер совпадающих частей обозначений;
- вхождение одного обозначения в другое;
- ударение;

б) графическое сходство определяется на основании следующих признаков:

- общее зрительное впечатление;
- вид шрифта;
- графическое написание с учетом характера букв (например, печатные или письменные, заглавные или строчные);
- расположение букв по отношению друг к другу;
- алфавит, буквами которого написано слово;
- цвет или цветовое сочетание;

в) смысловое (семантическое) сходство определяется на основании следующих признаков:

- подобие заложенных в обозначениях понятий, идей;

- совпадение одного из элементов обозначений, на который падает логическое ударение и который имеет самостоятельное значение;
- противоположность заложенных в обозначениях понятий, идей» [1, разд. 14].

К сожалению, в Правилах нет расширенного комментария к этим критериям, а самого набора критериев бывает недостаточно для квалифицированного исследования сходства товарных знаков до степени смешения. Кроме того, нет четкости в вопросе о том, какой признак (звуковой, графический или смысловой) считать основным при определении сходства/различия словесных обозначений. Правила, регламентирующие критерии сходства товарных обозначений, представляются нам достаточно общими, неконкретными, не отражающими иерархию признаков сходства товарных обозначений по их значимости. Не проясняют ситуацию и примеры, приведенные для иллюстрации отдельных критериев в Методических рекомендациях [2]. Отсюда, на наш взгляд, расхождение экспертных заключений, неоднозначность толкования словесных компонентов товарных знаков патентными поверенными и экспертами-лингвистами в спорных случаях, что подтверждается практикой арбитражных судов.

Так, товарные знаки мини-саун «Сибирская здравница» и «Кедровая здравница» признаны сходными до степени смешения, так как в них включен тождественный по фонетическому звучанию и графическому исполнению элемент «здравница», который выступает в качестве доминирующего; слова «сибирская» и «кедровая» имеют одинаковое количество слогов, согласных букв, идентичный род (постановление Арбитражного суда Красноярского края от 08.09.2009 г. по делу № А33–64/2009).

В то время как Девятый арбитражный апелляционный суд РФ вынес решение об отсутствии сходства товарных обозначений до степени смешения лекарственных препаратов «ЭРОЛИН» и «ЭФОЛИН» на основе заключения специалистов «Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам» (ГЛЭДИС). Выводы экспертов базировались на основе фонетического (звукового) и графемного (буквенного) различия [3]. Хотя для рядового покупателя столь подробные характеристики звуков [р] и [ф] вряд ли будут служить основанием для различения названия лекарств.

Завершающая перечень критериев фраза «Признаки, перечисленные в подпунктах а) –в), могут учитываться как каждый в от-

дельности, так и в различных сочетаниях» [1, п. 14.4.2.2.] также не способствует устранению неопределенности в отношении толкования отдельных критериев сходства товарных обозначений до степени смешения и установлению их приоритета при составлении заключения.

Размытость указанного положения и возможность его свободной интерпретации, безусловно, ведет к субъективизму экспертных оценок и может привести к противоречиям. Так, Арбитражный суд Владимирской области принял решение об отсутствии сходства товарных знаков «Витязь» и «ВИТЯЗЬ», помещенных на сыре, только на основании отсутствия их графического сходства. В решении суда записано, что спорные товарные знаки имеют звуковое (фонетическое) и смысловое (семантическое) сходство. При этом графическое сходство в двух словесных обозначениях отсутствует: товарный знак «ВИТЯЗЬ» содержит печатные заглавные буквы, под прямым углом, буквы русского алфавита, товарный знак «Витязь» написан другим шрифтом, с определенным углом наклона, строчными буквами, с выделением заглавной буквы «В» (постановление от 24 апреля 2007 г. по делу № А11–1068; 2007–К2–2396).

Возможность избежать субъективного мнения экспертов и добиться объективного подхода к решению вопроса о спорных товарных обозначениях может дать не формальный перечень критериев сходства/несходства словесных компонентов товарных знаков, а их глубокий лингвистический анализ.

О важности проведения лингвистических экспертиз неоднократно заявляла Е. И. Галяшина, доктор филологических и юридических наук, действительный член ГЛЭДИС: «Значение заключения эксперта-лингвиста трудно переоценить... И хотя в соответствии с процессуальным законодательством экспертное заключение не имеет никаких преимуществ перед другими доказательствами и по общему правилу должно оцениваться в совокупности с ними, роль его в установлении истины по делам, связанным с нарушением прав интеллектуальной собственности, как показывает судебная и экспертная практика, значительна» [4]. Автор отмечает, что по ряду объектов интеллектуальной собственности, в отношении которых все чаще возникают споры и конфликты (товарные знаки, коммерческие обозначения, фирменные наименования), направления экспертной деятельности еще только формируются. Подобное положение дел отмечается и в случаях с привлечением лингвистической экспертизы для решения споров о товарных знаках: «...если

фоноскопическая, почерковедческая, автороведческая экспертизы к началу XXI в. методологически, организационно и методически давно устоялись и прочно заняли свои ниши в классификации судебных экспертиз, то лингвистическая экспертиза, возникнув в конце 90-х гг. прошлого столетия, продолжает активно развиваться и сегодня за счет экспансии лингвистических знаний в «новые направления экспертной деятельности»... Традиционные методики и методы патентной экспертизы товарных знаков и иных средств индивидуализации товаров и услуг уже не позволяют решать многие задачи, связанные с защитой прав правообладателей» [4].

В основе создания товарного знака лежит общий инструмент – русский язык. С позиции лингвиста сходство товарных знаков до степени смешения должно определяться с опорой на нормы и правила современного русского языка, с помощью которого осуществляется коммуникация: «То, что русская речь во всем своем многообразии выступает в качестве одного из важнейших источников доказательств в судах общей юриспруденции и в арбитражных судах России, объективная реальность» [5].

Фактически при выявлении сходства товарных знаков до степени смешения исходят из двух взаимосвязанных критериев: объективного сходства и возможности смешения товарных знаков в сознании потребителей. В Методических рекомендациях сказано: «...одно обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия» [2, п. 14.4.2]. Таким образом, сходный до степени смешения товарный знак – это знак, который может ввести потребителей в заблуждение относительно производителя товара. Следовательно, определить сходство товарных знаков можно, выяснив целостные впечатления, которые испытывают потребители товаров. Мнение потребителей можно выявить в ходе опроса. Отсюда довольно часто решающим в исходе спора является опрос общественного мнения. Однако обращение к сознанию рядовых покупателей не всегда дает объективный результат, так как зависит от ряда факторов:

- количества опрашиваемых;
- социально-профессиональной принадлежности респондентов;
- их пола, возраста, образования, общей культуры и т.д.

Кроме того, нет точного определения количества опрашиваемых для того, чтобы выборка была репрезентативной. Нет установленного процентного соотношения тех, кого спорные знаки вводят в заблуждение, а кого – нет. В результате опроса можно получить

большое разнообразие реакций на товарный знак и не получить достоверных данных. Поэтому необходимо глубокое социологическое исследование. В настоящее время уже разработана методика определения ассоциативного сходства товарных знаков [6]. Однако социологические экспертизы при решении споров по поводу сходства товарных обозначений до степени смешения используются редко, так как является дорогостоящими.

Поскольку лингвистическая экспертиза товарных знаков выявляет степень предполагаемого сходства, а социологическое исследование позволяет выявить фактическое восприятие товарных знаков потребителями, то желательно, чтобы оба вида экспертизы проводились в комплексе. К лингвистическому же консультированию лучше прибегнуть не при решении спора о сходстве товарных знаков в суде, а на этапе их регистрации.

Список литературы

1. Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания (утв. приказом Роспатента от 5 марта 2003 г. № 32). – URL: www.tovarnieznaki.ru/netcat_files/118/119/h, свободный.
2. Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство (утв. приказом Роспатента от 31 декабря 2009 г. №197). – URL: www.Dokum/D_170532.html, свободный.
3. Заключение комиссии экспертов ГЛЭДИС по определению Деятого арбитражного апелляционного суда РФ (по словесным товарным знакам ЭРОЛИН и ЭФОЛИН). – URL: www.rusexpert.ru/index.php, свободный.
4. Галяшина, Е. И. Развитие судебных речеведческих экспертиз в России / Е. И. Галяшина. – URL: [guristlieb.ru/\(2010\)book_10321.html](http://guristlieb.ru/(2010)book_10321.html), свободный.
5. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М. : Юридический мир, 2006. – С. 5.
6. Дударева, Я. А. Методика определения ассоциативного сходства товарных знаков: полипропозициональный анализ / Я. А. Дударева // Вестник КемГУ. – 2012. – № 1. – С. 143–148.

ПРОБЛЕМА ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРАВОВЫХ АКТОВ¹

Рассматриваются вопросы установления юридико-лингвистической неопределенности при проведении антикоррупционной экспертизы правовых актов.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, юридико-лингвистическая неопределенность.

Требования очищения российского законодательства от норм (и дефектов норм), которые могут быть использованы и используются в коррупционных целях, стали активно выдвигаться несколько лет назад, в том числе российскими парламентариями, представителями экспертного и журналистского сообщества. Сегодня, как правило, не вызывает возражений утверждение о том, что значительная часть коррупционных деяний становится возможной благодаря дефектам российских законов и подзаконных нормативных правовых актов. Некоторые из этих дефектов появляются в законодательстве по недосмотру. Другие – встраиваются в него с заранее определенными коррупционными целями. Однако до последнего времени это внимание к проблеме снижения коррупционных рисков российского законодательства не имело законодательной и методической поддержки. Эта проблема воспринималась и воспринимается скорее в рамках общей озабоченности качеством принимаемых и действующих законов. В настоящее время проблема коррупции весьма остро стоит в нашей стране, и решить ее можно только с помощью взаимосвязанного и взаимозависимого комплекса последовательно проводимых мероприятий, направленных не столько на искоренение, но и на недопущение появления способствующих коррупции факторов. Таким образом, для достижения наилучшего результата возникает необходимость проверки

¹ Данное исследование проводится в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (гос. контракт № 16.740.11.0708).

каждой нормы акта в отдельности и изложение ее результатов единообразно, с учетом состава и последовательности коррупционных факторов. В этой связи одним из наиболее коллизионных коррупциогенных факторов, связанных с реализацией полномочий органа государственной власти или органа местного самоуправления, является юридико-лингвистическая неопределенность, т.е. употребление не устоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера. Поэтому методика проведения антикоррупционной экспертизы предусматривает такой коррупциогенный фактор как юридико-лингвистическая неопределенность.

Следовательно, антикоррупционная экспертиза выступает не только разновидностью правовой, но и лингвистической экспертизы проектов нормативных правовых актов. По мнению автора, в практике проведения антикоррупционной экспертизы не в полной мере используется потенциал именно лингвистической экспертизы. Считается целесообразным проводить ее на начальных этапах работы с проектами нормативных правовых актов – одновременно с правовой и соответственно антикоррупционной экспертизой. Это позволит повысить эффективность антикоррупционной экспертизы и выработать более действенные приемы и способы выявления коррупциогенных факторов; при проведении антикоррупционной экспертизы есть значительные возможности реализации другого принципа Национальной стратегии противодействия коррупции – взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества. В этом направлении важно обеспечить координацию и взаимодействие всех субъектов антикоррупционной экспертизы в существующих формах и путем внедрения инструментов саморегулирования. Рассмотрев основные аспекты проблемы юридико-лингвистической экспертизы в нормативных правовых актах, можно констатировать, что юридико-лингвистическая неопределенность, нарушающая ясность и простоту понимания положений нормативного правового акта, приводит к дефектам правоприменения, устранить которые зачастую весьма сложно – только посредством изменения законодательства. Примечательным является вывод и о том, что любой нормативный правовой акт должен строиться с позиций общепризнанных правил юридической техники, четкости и ясности языка. Условия же, порождающие коррупциогенность текста закона, создают состояние злоупотребления законами, слабое владение юридическим языком, неумелое обращение с ним при конструировании нормативных предписаний.

Следующее положение касается того, что современное закрепление процедуры проведения антикоррупционной экспертизы, в частности, на уровне определения юридико-лингвистических коллизий, недостаточно разработано – нет структурированной методологической базы осуществления такого процесса, что, в свою очередь, наводит мысль о далеко не максимальной эффективности рационального выявления коррупционных факторов и коррупционных норм. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов является относительно новым процессом антикоррупционных инициатив. Она призвана повсеместно изменить природу юридических служб российских органов власти, для того, чтобы отныне обращалось особое внимание на профилактику коррупции, начиная с исходного этапа – выработки государственно-властного решения.

Одним из актуальнейших и одновременно недостаточно проработанных вопросов остается проблема применения синтезированных знаний в области науки о языке и правовых наук с опорой на правовую лингвистику. Значит, одной из причин слабой изученности языка законодательства в аспекте антикоррупционной юридико-лингвистической экспертизы является фактическое неприменение техники юридического языка и стилистики. Юрико-лингвистическая неопределенность создает использование двусмысленных терминов, понятий и формулировок, категорий оценочного характера с неясным, неопределенным содержанием, не используемых в российском законодательстве, допускающих различные трактовки. Обозначение различными терминами одного явления может искажать смысл положений законов и даже Конституции РФ. Ряд ученых-юристов комментируют вопрос оценочного характера юридико-лингвистического фактора с неясным содержанием его сути следующим образом: «Нормативные правовые акты, которые содержат категории оценочного характера, устанавливая абсолютную или относительную ценность события в правовой сфере, должны быть целесообразными, разумными и эффективными» [1]. Высказывая свою позицию относительно этого вопроса, автор утверждает, что двойственный характер таких явлений способен породить как противоправную практику, так и негативную социально закрепленную оценку со стороны общества. Действительно, такие дефекты нормативного правового акта могут обусловить произвольное применение его норм, в том числе связанное с коррупционными проявлениями. Также источником коррупционных проявлений могут стать положения нормативного правового

акта, допускающие расширительное толкование компетенции уполномоченного органа (будь то должностным лицом или же руководителем коммерческой организации) при наличии формулировок: «принимает решения по отдельным вопросам», «по ряду вопросов вправе принимать решения единолично», «обладает иными полномочиями».

Одной из фактических реалий юридико-лингвистической коррупционной неопределенности в нормативных правовых актах является Положение о порядке предоставления средств областного и федерального бюджета на государственную поддержку сельскохозяйственного производства в Липецкой области. Согласно п. 6.1 Положения должностным лицом департамента агропромышленного комплекса Липецкой области, курирующим направление государственной поддержки (специалистом), не подлежат приему документы, представляемые для получения субсидий, с серьезными повреждениями, не позволяющими однозначно истолковать их содержание. При наличии таких повреждений специалист возвращает представленные документы и уведомляет получателя субсидии об их возврате без передачи данных документов на рассмотрение комиссии департамента [2]. Данный пример свидетельствует о юридико-лингвистической неопределенности: в тексте Положения используется оценочное понятие «серьезные повреждения», однако критерии для признания повреждений таковыми не установлены.

Не менее ярким примером юридико-лингвистической неопределенности служит п. 3.3.2 Порядка направления инвалидов и граждан пожилого возраста в социально-реабилитационные и социально-оздоровительные центры, подведомственные министерству социального развития и труда Рязанской области. Путевки предоставляются неработающим пенсионерам из числа «лиц, имеющих трудовой стаж не менее 40 лет для мужчин и 35 лет для женщин, почетные грамоты, благодарности, звание «Ударник коммунистического труда» и другие виды поощрений» [3]. Данная часть пункта выделена в самостоятельный абзац, но сформулирована таким образом, что создается юридико-лингвистическая неопределенность, обусловленная структурой предложения. Не ясно, будет ли соответствовать данному абзацу лицо, имеющее необходимый трудовой стаж, но не имеющее поощрений, и наоборот – лицо без требуемого стажа, но с поощрениями. Еще одной немаловажной проблемой проведения юридико-лингвистической экспертизы текста нормативного правового документа либо его акта на коррупциогенность служит недостаточная разработанность методологиче-

ской базы ее осуществления. По мнению автора, отсутствие регламентирующих предписаний выполнения юридико-лингвистической экспертизы, а также основных подходов к ее анализу, заметно тормозят и без того нелегкий процесс проведения экспертами выявления совокупности юридико-лингвистических ошибок в актах национального законодательства, а именно: включение в методологические разработки таких положений, как обеспеченность в тексте нормативного акта четкости и понятий и терминов, а также содержания правовых норм; отказ от аббревиатур; не устоявшихся терминов, понятий и формулировок; обеспечение языковым выражением правовой нормы однозначности толкования ее формально-логической структуры. Ввиду этого перед экспертом юридико-лингвистической экспертизы стоит сложная задача оценивания качества правовых норм с точки зрения соответствия правилам юридической техники, а также выявления наличия не устоявшихся либо обладающих двойственным значением формулировок, включая различные трактовки категорий оценочного характера, терминов, не имеющих аналогов в действующем законодательстве, в том числе с учетом искажения смысла положений.

Таким образом, недостаточная проработанность рекомендательной базы предоставляет эксперту неопределенные возможности вариаций для их интерпретации. Ведь формирование целостного подхода к осуществлению экспертизы, создания единых принципов правового регулирования экспертной деятельности в юридико-лингвистической области сыграло бы важную роль для еще более эффективного, планомерного проведения юридико-лингвистической антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов.

Список литературы

1. Барзилова, И. С. К вопросу о логико-гносеологических средствах проведения антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов / И. С. Барзилова, Е. А. Романова // Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов : сб. ст. / сост. Е. Р. Россинская. – М. : Проспект, 2010. – С. 12.
2. Постановление Правительства Липецкой области от 5 марта 2012 г. № 76-п // Парламентская газета «Липецкий вестник». – 2011. – № 48.
3. Постановление Министерства социального развития и труда Рязанской области от 3 мая 2011 г. № 29 в ред. постановлений минсоцразвития Рязанской области от 14.03.2012 № 11, от 23.03.2012 № 13.

В. А. Катомина

кандидат юридических наук, доцент

Н. А. Санисалова

кандидат юридических наук, доцент,

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Проводится анализ законодательных формулировок КоАП РФ, неоднозначность и противоречивость которых нередко вызывает трудности в правоприменительной деятельности органов государственной власти.

Ключевые слова: административное наказание, административный арест, административное выдворение, обязательные работы.

Эффективность закона во многом зависит не только от его содержания, т.е. соответствия нормативного правового акта высшим идеалам права (демократичности, справедливости, гуманизма и др.), но и четкости, логичности и грамотности языка закона. Напротив, недооценка требований логики и стиля изложения ведет к декларативности, противоречивости, неясности правовых актов, что неизбежно создает благоприятные возможности для различного рода манипуляций с ними и в конечном счете для снижения уровня законности и правопорядка в стране.

В настоящее время многие государственные органы сталкиваются с трудностями при применении некоторых норм КоАП РФ. Причем эти затруднения связаны не только с отсутствием практики применения ряда новых по сравнению с ранее действовавшим законодательством положений КоАП РФ, сколько с неточностью и неопределенностью его формулировок.

Так, согласно ч. 1 ст. 3.9 КоАП РФ административный арест устанавливается и применяется в исключительных случаях за отдельные виды наиболее общественно опасных административных правонарушений и заключается в содержании нарушителя в условиях изоляции от общества. И если категорию «отдельные виды» можно определить методом от противного, проанализировав санкции статей Особенной части КоАП РФ, предусматривающих административное наказание в виде административного ареста, то вот критерии «исключительности» тех самых случаев, когда следует

применять административное наказание именно в виде административного ареста, следовало бы, по нашему мнению, формализовать, поскольку санкции всех статей КоАП РФ, предусматривающих административное наказание в виде административного ареста, за исключением ч. 2 ст. 20.25 КоАП РФ, являются альтернативными.

В то же время необходимо отметить, что в некоторых случаях законодатель не соблюдает принцип соразмерности административного наказания конституционно значимым целям его установления и применения. Например, ст. 20.21 КоАП РФ, предусматривающая административную ответственность за появление в общественных местах в состоянии опьянения, допускает наложение административного ареста до 15 суток, в то время как распитие алкогольной и спиртосодержащей продукции в общественных местах по ч. 1 и 2 ст. 20.20 КоАП РФ влечет лишь наложение административного штрафа до 300 и 700 рублей соответственно. В этой связи следует согласиться с мнением И. В. Максимова о том, что законодателю следует обратить внимание на необходимость обеспечения строгой и последовательной дифференциации административного ареста, широко используя разнообразие способов формулирования, прежде всего количественных пределов санкций в конкретных статьях Особенной части КоАП РФ [1].

Кроме того, анализ норм, регулирующих исполнение постановлений об административном аресте, позволяет сделать вывод об определенном несоответствии их Основному закону нашего государства – Конституции Российской Федерации.

Согласно ч. 2 ст. 31.2 КоАП РФ исполнение постановления по делу о назначении административного наказания начинается с этапа вступления постановления в законную силу, которое завершает стадию рассмотрения дела. И только после этого начинается стадия исполнения постановления. Возникает вопрос: как исполнить постановление о назначении наказания в виде административного ареста немедленно без вступления постановления в законную силу? Ответ на него дает ст. 32.8 КоАП, где оговаривается исключение, при котором постановление по делу об административном правонарушении исполняется немедленно после его вынесения. Аналогичная ситуация обстоит и с административным выдворением, дисквалификацией и административным приостановлением деятельности.

Но насколько это исключение оправданно? Ведь институт обжалования служит надежной системой сдержек и противовесов

практически на всех стадиях производства по делам об административных правонарушениях. Правонарушитель фактически лишается конституционного права защиты своих прав и свобод (ст. 46 Конституции Российской Федерации).

В этой связи представляется целесообразным предложение В. Головки и В. Бражникова изменить ч. 2 ст. 31.2 КоАП и сформулировать ее следующим образом: «Постановление по делу об административном правонарушении подлежит исполнению с момента его вступления в законную силу, за исключением случаев немедленного исполнения, предусмотренных законом, в случае если лицо, подлежащее административной ответственности, согласно с принятым решением. Если указанное лицо оспаривает принятое решение и ходатайствует о его пересмотре, судья, орган, должностное лицо, вынесшие постановление о назначении административного наказания, приостанавливают немедленное исполнение наказания в виде административного ареста, выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации, дисквалификации, административного приостановления деятельности» [2]. Соответственно следует внести определенные поправки в ст. 32.11 и 32.12 КоАП РФ.

Административное выдворение за пределы РФ иностранного гражданина или лица без гражданства согласно ст. 3.10 КоАП РФ заключается в принудительном и контролируемом перемещении указанных граждан и лиц через Государственную границу Российской Федерации за пределы Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, – в контролируемом самостоятельном выезде иностранных граждан и лиц без гражданства из Российской Федерации.

Выдворение следует отличать от депортации, так как, несмотря на формальную схожесть, данные понятия отличаются по юридической природе и основаниям применения. Так, согласно ст. 2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в РФ» депортация применяется в случаях утраты или прекращения у иностранца законных оснований для дальнейшего пребывания (проживания) в Российской Федерации, т.е. если выражаться языком обывателя, является основанием для сотрудников миграционной службы либо работодателя вручить иностранцу билет «домой», а при необходимости – сопроводить до транспортного средства заграничного следования. При этом сама по себе депортация не приводит к каким-либо правовым последствиям, по крайней мере исходя из ее сущности не должна к ним приводить. Исключе-

нием служит отказ иностранца от выезда, в случае которого он может быть привлечен к административной ответственности за нарушение режима пребывания.

Вместе с тем категория депортации недостаточно осмыслена как учеными, так и законодателем, в связи с чем в действующем законодательстве депортация «наделяется» свойствами административной ответственности. Так, например, п. 2 ст. 27 ФЗ от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [3] устанавливает возможность ограничения въезда в РФ как выдворяемым, так и депортируемым. Данное обстоятельство вносит определенную смуту в понятийный аппарат, наделяя «выдворение» и «депортацию» сходными юридическими свойствами, в то время как «выдворение» – мера юридической ответственности, а «депортация» – мера управленческого воздействия в сфере обеспечения режима пребывания иностранных граждан. Состояние наказанности, которое влечет за собой депортация, противоречит принципу законности, так как, по существу, лицо привлекается к ответственности за рамки какого-либо процессуального порядка, а сама мера ответственности не предусмотрена ни нормами КоАП РФ, ни нормами УК РФ.

Как известно, административное выдворение затрагивает экстерриториальные аспекты межгосударственных отношений.

В п. 12 Приказа ФСБ РФ от 23 декабря 2008 г. № 631 «Об утверждении Инструкции об организации деятельности пограничных органов по административному выдворению за пределы Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства» [4] установлено, что исполнение постановления об административном выдворении иностранного гражданина (иностранного гражданина или лица без гражданства), вынесенного должностным лицом пограничного органа, в соответствии со ст. 32.10 КоАП России производится путем:

- официальной передачи иностранного гражданина представителю властей сопредельного государства, на территорию которого указанный гражданин выдворяется;

- контролируемого самостоятельного выезда иностранного гражданина, подлежащего административному выдворению, из пункта пропуска через государственную границу Российской Федерации на территорию государства, откуда он прибыл в Российскую Федерацию, либо в государство, гражданином которого он является.

В случае если передача иностранного гражданина, подлежащего административному выдворению, представителю властей сопредельного государства не предусмотрена международным договором Российской Федерации с указанным государством, административное выдворение указанного гражданина осуществляется в месте, определяемом пограничным органом.

С гражданином иностранного государства все ясно, он выдворяется на территорию своего государства. А как быть с апатридом? Куда его выдворять? Точного ответа нет на данный вопрос. Но судя по приведенному выше положению должен быть договор с тем или иным государством по вопросам выдворения лиц на его территорию. На наш взгляд, такими можно считать договоры реадмиссии. Это достаточно распространенная практика в европейских странах, и сейчас данный вид договоров появляется и в России.

А что делать, если такого договора нет, и не доказан факт пребывания лица без гражданства на территории другого государства? Как к такому лицу применять административное наказание в виде выдворения? На данные вопросы действующее законодательство РФ не дает ответа. Из-за такого халатного отношения наших законодателей возникают проблемы в практике применения административного выдворения.

Статья 3.11 КоАП РФ закрепляет еще один вид административного наказания – дисквалификацию, под которой понимается лишение физического лица права замещать должности федеральной государственной гражданской службы, должности государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации, должности муниципальной службы, занимать должности в исполнительном органе управления юридического лица, входить в совет директоров (наблюдательный совет), осуществлять предпринимательскую деятельность по управлению юридическим лицом, осуществлять управление юридическим лицом в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, либо осуществлять деятельность по предоставлению государственных и муниципальных услуг либо деятельность в сфере подготовки спортсменов (включая их медицинское обеспечение) и организации и проведения спортивных мероприятий.

Необходимо подчеркнуть, что несмотря на широкое применение понятия «должность», в российском законодательстве нет до сих пор точного определения данного термина. Безусловно, Федеральные законы от 27 мая 2003 г. «О системе государственной службы Российской Федерации» [5] и от 2 марта 2007 г. «О муни-

ципальной службе в Российской Федерации» [6] оперируют данными категориями, но, к сожалению, только закрепляют перечень соответствующих должностей.

Что же касается понятия «должность» применительно к юридическим лицам, не являющимся государственными органами, то его также нет в законодательстве. Так, в Трудовом кодексе РФ понятие «должность» не раскрывается, хотя ему придается весьма существенное значение. Согласно ст. 15, 57 ТК выполнение работником обязанностей по должности в соответствии со штатным расписанием относится к видам трудовой функции, что в свою очередь представляет собой объект трудовых правоотношений.

Понятие «деятельность» используется в ст. 3.11 КоАП применительно к двум ее видам:

- деятельность по управлению юридическим лицом, которая в свою очередь может либо являться предпринимательской, либо осуществляться на иных основаниях, предусмотренных законодательством РФ;

- деятельность в сфере подготовки спортсменов (включая их медицинское обеспечение) и организации и проведения спортивных мероприятий.

И если содержание первого вида деятельности может быть установлено в соответствии с положениями гражданского законодательства, в том числе законов об отдельных видах юридических лиц, то сущность второго вида деятельности, напротив, является узко специализированной и раскрывается в ст. 2, 20, 32, 39 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [7].

Вместе с тем, по мнению А. Соловьевой и А. Стуканова такой подход законодателя представляется не вполне верным, так как в дальнейшем при распространении дисквалификации на иные специальные виды деятельности потребуются внесение их в перечень ст. 3.11 КоАП. Причем более четкой формулировки потребуют положения Особенной части КоАП, где в каждой конкретной статье будет необходимо точно указывать специального субъекта административного правонарушения [8].

Относительно круга лиц, к которым может быть применена дисквалификация, тоже существуют определенные проблемы исполнения.

Дисквалификация государственного или муниципального служащего является основанием для прекращения с ним соответ-

венно государственно-служебных или муниципально-служебных отношений и увольнения с публичной службы. Так, в п. 5 ч. 2 ст. 39 Федерального закона от 27 июля 2004 г. «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [9] применение к гражданскому служащему административного наказания в виде дисквалификации отнесено к основаниям прекращения служебного контракта по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 2 марта 2007 г. «О муниципальной службе в Российской Федерации» применение к муниципальному служащему административного наказания в виде дисквалификации является основанием для расторжения трудового договора с муниципальным служащим по инициативе представителя нанимателя (работодателя).

Сложнее применять дисквалификацию к лицам, осуществляющим управление юридическим лицом.

Так, согласно ст. 32.11 КоАП оно производится путем прекращения договора (контракта) с дисквалифицированным лицом. Если такая деятельность осуществляется на основе трудового договора, то это просто – ведь ТК рассматривает дисквалификацию как административное наказание, исключающее возможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору, а значит, выступающее основанием для его прекращения по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон (п. 8 ч. 1 ст. 83).

Если же в основе взаимоотношений юридического лица и его руководителя лежат гражданско-правовые отношения, основанные на договоре, то реализовать ст. 32.11 КоАП практически невозможно, так как нет соответствующего исполнительного механизма.

Кроме того, по КоАП постановление о дисквалификации должно быть немедленно, после вступления его в законную силу, исполнено лицом, привлеченным к административной ответственности, т.е. исполнение постановления возлагается на правонарушителя, но при этом, однако, не установлены ни сроки, ни порядок его действий для реализации положений КоАП, а также нет ни слова о государственном контроле за исполнением постановления о дисквалификации. Особого порядка реализации требует дисквалификация при совпадении в одном лице учредителя и генерального директора юридического лица [10].

По общему правилу назначение административного наказания не освобождает лицо от исполнения обязанности, за неисполнение которой административное наказание было назначено.

Природа дисквалификации несопоставима с общим назначением ч. 4 ст. 4.1 КоАП РФ в той части, в какой ею предусматрива-

ется необходимость надлежащего выполнения именно того обязательства, нарушение которого повлекло применение указанной меры административной ответственности, причем уже после того, как лицо ее претерпело. В результате дисквалификации правонарушитель утрачивает всякую правовую связь с теми должностными полномочиями (правами и обязанностями), ненадлежащая реализация которых привела к наказуемым последствиям.

Как уже отмечалось, дисквалификация означает объявление кого-либо недостойным или неспособным занимать определенную должность или исполнять определенную работу (вид деятельности). Реализация же требований ч. 4 ст. 4.1 КоАП РФ дисквалифицированным лицом в принципе недопустима в силу самой природы дисквалификации как вида административного наказания. Невозможность исполнения предписаний ч. 4 ст. 4.1 КоАП РФ обусловлена как отсутствием у него всякой легальной возможности реализовать нарушенную обязанность, так и интересами соответствующей корпорации.

Исполнение обязанности каким-либо иным путем не отвечает целям административного принуждения, поскольку вне должностных рамок обретает лишь противоправный характер. С учетом изложенного правоприменителю следовало бы исходить из разумного проецирования нормы ч. 4 ст. 4.1 КоАП РФ лишь на те положения закона, которые не порождают ситуацию их взаимоисключенности и формально-содержательной несовместимости [11].

Согласно ст. 3.13 КоАП РФ обязательные работы заключаются в выполнении физическим лицом, совершившим административное правонарушение, в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных общественно полезных работ.

В пояснительной записке к законопроекту, представленной ответственным Комитетом Государственной Думы РФ по конституционному законодательству и государственному строительству, было указано, что обязательные работы предлагается использовать за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования и за организацию массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка, соответственно в качестве «мягкого» вида наказания.

Однако, на взгляд С. Е. Чаннова, обязательные работы представляют собой недобровольную трудовую деятельность админи-

стративно наказанных лиц, по своим признакам подпадающую под понятие принудительного труда, который в соответствии с ч. 2 ст. 37 Конституции РФ запрещен [12].

Правда, ст. 4 ТК РФ содержит перечень случаев, не являющихся принудительным трудом (несмотря на то, что они подпадают под определение принудительного труда). Вместе с тем обязательные работы как мера административного наказания не находятся в приведенном перечне, а следовательно, не подпадают под исключение. В свое время на такое «несоответствие» обращалось внимание противниками закона при его обсуждении в Государственной Думе РФ, но, к сожалению, эти аргументы остались не услышанными.

Поэтому на сегодняшний день действующая редакция КоАП РФ прямо противоречит Основному закону страны. В связи с этим стоит согласиться с предложением С. Е. Чаннова о том, что видится необходимым внести изменения в ст. 3.13 КоАП РФ (а также в соответствующие статьи Особенной части КоАП РФ), указав в них, что административное наказание в виде обязательных работ может быть назначено в качестве альтернативы административному штрафу только с согласия лица, привлекаемого к административной ответственности. В таком случае при привлечении к административной ответственности в случаях, если санкция конкретной статьи КоАП РФ будет предусматривать возможность назначения обязательных работ, у привлекаемого к ответственности лица будет реальный выбор: подвергнуться наказанию в виде обязательных работ либо уплатить административный штраф. Разумеется, по тяжести в таком случае эти наказания должны быть сопоставимы [12].

Кроме того, согласно ч. 7 ст. 32.13 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание в виде обязательных работ, вправе обратиться в суд с ходатайством об освобождении от дальнейшего отбывания обязательных работ в случае признания его инвалидом I или II группы, наступления беременности либо тяжелой болезни, препятствующей отбыванию обязательных работ. Об удовлетворении данного ходатайства судья выносит постановление о прекращении исполнения постановления о назначении административного наказания в виде обязательных работ.

Однако ч. 2 ст. 3.13 КоАП РФ предусматривает более широкий перечень лиц, которым не может быть назначено подобное наказание. Возникает вопрос: а что делать, если лицо, которому назначено наказание в виде обязательных работ, призвано на воен-

ную службу или на военные сборы? Продолжать отбывать наказание в виде обязательных работ оно не сможет, однако и освобождение от дальнейшего отбывания такого наказания (либо приостановление отбывания наказания) в данном случае не предусмотрено. Получается, что такой гражданин волей-неволей вновь станет правонарушителем.

Подводя итог всему вышесказанному, следует подчеркнуть, что в настоящее время законодательная формулировка содержания большинства административных наказаний далека от совершенства, требует определенной доработки и корректировки.

Список литературы

1. Максимов, И. В. Административные наказания в системе мер административного принуждения: концептуальные проблемы : автореф. дис... д-ра. юрид. наук / Максимов И. В. – Саратов, 2004. – 54 с.
2. Головкин, В. Исполнении е административного наказания / В. Головкин, В. Бражников // Законность. – 2008. – № 2. – С. 38–41.
3. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 34. – Ст. 4029.
4. Приказ ФСБ РФ от 23 декабря 2008 г. № 631 «Об утверждении Инструкции об организации деятельности пограничных органов по административному выдворению за пределы Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 11.02.2009 № 13294) // Российская газета. – 2009. – 20 фев. – № 30.
5. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 22. – Ст. 2063.
6. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 10. – Ст. 1152.
7. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.
8. Соловьева, А. Административное наказание в виде дисквалификации: проблемы применения / А. Соловьева, А. Стуканов // Законность. – 2012. – № 7. – С. 33–38.
9. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

10. Соловьева, А. Административное наказание в виде дисквалификации: проблемы применения / А. Соловьева, А. Стуканов // Законность. – 2012. – № 7. – С. 33–38.

11. Максимов, И. В. Административные наказания / И. В. Максимов. – М. : Норма, 2009. – 464 с.

12. Чаннов, С. Е. Обязательные работы как новое административное наказание / С. Е. Чаннов // Гражданин и право. – 2012. – № 10. – С. 36–43.

Г. М. Кириллов

*кандидат философских наук, доцент,
Пензенский государственный университет, г. Пенза*

МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ И ПРОБЛЕМА ИХ НОРМАТИВНОСТИ

Представлена проблема использования манипулятивных технологий в коммуникативном пространстве современного информационного общества; дан анализ особенностей рекламного дискурса. Рассмотрен вопрос о нормативности коммуникации и в качестве возможной нормативной основы предложена модель равноправного диалога между участниками медийной коммуникации.

Ключевые слова: массовая коммуникация, рекламный дискурс, коммуникативная мимикрия, консенсусное поле, диалог, деструкция диалога.

Слово «манипулирование», или «манипуляция», ведет свое происхождение от латинского слова «manipulare». В своем первоначальном значении оно означало «управлять» в позитивном смысле: управлять с сознанием дела, оказывать помощь и т.д. В современном языке это слово мы часто употребляем в разных значениях: в позитивном смысле, имея в виду произведение неких сложных действий, и в негативном значении, когда подразумеваем какие-либо проделки, махинации. В эпоху информатизации проблема информационной безопасности, защита от манипуляционного воздействия оказывается особенно острой. Дополнительную сложность в решение этой проблемы вносит историческое прошлое нашей страны, когда существовал жесткий идеологический контроль со стороны государства за информацией и ее распространением. Одним из завоеваний последних десятилетий стало обретение свободы слова, возможность открыто высказывать свое мнение. Но, как выясняется, все имеет свою оборотную сторону. В современном обществе и сам журналист является поставщиком социально значимой информации, и его продукция становится ходовым товаром. В результате большинство работников СМИ уверены, что журналистика – это бизнес. Причиной и следствием такого положения дел является потеря профессией и ее отдельными представителями своей идентичности [1].

Традиционная теория массмедиа, базирующаяся на социологии социального действия, рассматривает коммуникацию как соци-

альный процесс. Социолог Д. Томпсон выделяет три вида коммуникационного взаимодействия: 1) лицом-к-лицу (аналогично непосредственному общению); 2) медиативное взаимодействие (общение посредством технических средств – письма, телефона и т.п.); 3) квазимедиативное взаимодействие (коммуникация посредством книг, кино, массмедиа или с помощью средств массовой информации, и т.п.) [2]. Взаимодействие лицом-к-лицу, по Д. Томпсону, строится на непосредственном присутствии субъектов в едином социальном и пространственно-временном контексте, при этом используется полный комплекс символических знаков (способов выражения), обращено это взаимодействие к конкретному «другому», по характеру диалогично. Медиативное взаимодействие уже разделяет субъекты пространственно или во времени (например, письмо), они существуют в различных социальных контекстах; используется ограниченный набор символических знаков. В то же время с непосредственным общением этот вид взаимодействия схож тем, что направлен на конкретного «другого» и по характеру диалогичен. Квазимедиативное взаимодействие в принципе сходно с медиативным, однако отлично от него и от взаимодействия лицом-к-лицу тем, что направлено на неопределенный ряд потенциальных субъектов и соответственно по характеру – монологично. Одной из разновидностей «квазимедиативного взаимодействия» является массовая коммуникация. Исходя из такого понимания уровней коммуникации, западные теоретики выделяют три исторически сложившихся вида коммуникационного взаимодействия: 1) управленческое; 2) обслуживающее; 3) партнерское (отношение общения). Каждому из этих видов исторически соответствуют свой тип общества, свое направление в теории. В первом случае имеется в виду массовое общество с манипулятивными технологиями; во втором – речь идет об информационном обществе, которое формируется через рынок, в третьем варианте подразумевается социальное фрагментирование общества по интересам аудитории, группирующейся вокруг своих медиа. В теории массовых коммуникаций наблюдается повышенное внимание к первому и третьему направлениям, как правило, первое критикуется, а третье рассматривается как идеально-нормативное.

Уже сам процесс преобразования общения лицом-к-лицу в коммуникацию объективно содержит в себе факторы, отчуждающие самость. Это отчуждение усиливается, когда коммуникация становится массовой. В этом качестве она встраивается в массовое производство, предлагая на общественном рынке свой символиче-

ский товар в виде культурной продукции, включая сообщения СМИ, эфирное время, рекламные блоки и т.д.

В этой связи особый интерес представляют международные стандарты, правовые и этические документы, PR-институты, фиксирующие нормативные требования, которые предъявляются специалистам по связям с общественностью.

Правовых документов, касающихся PR-технологий, нет, однако существует закон, регламентирующий эту сферу деятельности. Например, Закон о СМИ от 27.12.1991 г. № 2124-1, где в ст. 4 речь идет «о недопустимости злоупотребления свободной массовой информацией». В Федеральном законе «О рекламе» подчеркивается, что «запрещается использование информации, воздействующей на подсознание людей и (или) оказывающей вредное влияние на их здоровье». Кроме того, отмечается, что реклама должна быть достоверной и не содержать сведений, «не соответствующих действительности». В этом же Законе есть указание на то, что «не допускается реклама, в которой отсутствует часть существенной информации о рекламном товаре, об условиях его приобретения или использования, если при этом искажается смысл информации и вводится в заблуждение потребитель рекламы».

Возникает вопрос, насколько юридический дискурс может перекрыть дискурс рекламы. Обратимся еще раз к понятию «реклама». Существует достаточно много определений этого слова. На наш взгляд, особенно удачными являются следующие: 1. Реклама (от лат. *reclamere* – утверждать, выкрикивать, протестовать) – информация, распространенная любым способом, с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке. 2. Реклама – это оплаченная, неперсонализированная коммуникация, осуществляемая идентифицированным спонсором и использующая средства массовой информации с целью склонить к чему-то или повлиять как-то на аудиторию.

Главной целью рекламы является продажа любого товара. Реклама носит максимально деперсонализированный характер. Она не предполагает обращения к конкретной личности и не предусматривает диалога. Очевидно, что всякая реклама включает в себя элемент манипуляции. Не могут же все товары быть лучшими, а информация о них исчерпывающе достоверной и беспристрастной. Как правило, реклама обращена ко всем сразу и ни к кому в от-

дельности. Всякий субъект отсутствует в рекламе, происходит обезличивание. Исторический процесс, представляющийся как стремление к свободе, породил новую форму несвободы и отчуждения. Культура, в основе которой лежит диалог, пришла к бес-субъектному общению. Информация обособилась от субъекта. Вот почему мы можем констатировать смерть субъекта, смерть автора. В то же время человечество озабочено не только созданием ценностей, но и сохранением и передачей их от поколения к поколению, а это возможно лишь только в процессе общения, в процессе диалога. Немецкий философ Э. Кассирер писал, что культура представляет собой «межсубъектный» мир, в котором субъекты объединяются в общем деле [3]. Совместно осуществляя это дело, они познают друг друга в среде различных миров, из которых строится культура. Массовая коммуникация сыграла злую шутку с диалогом: расширилось количество участников коммуникации, образовался неконтролируемый поток информации, что лишило диалог его ключевой сущности. А сущность диалога заключается в том, чтобы ставить вопросы, отвечать на них и тем самым познавать истину. Современные СМИ все больше превращаются из средства информирования, актуализации социальных проблем и поисков их решений в средство прямого влияния на общество. Общим местом в исследованиях ученых разных специальностей стало заявление о деструкции личности, деструкции диалога и диалогических отношений. Т. А. Миронова, в частности, отмечает, что причиной дистанцирования говорящего и слушающего являются как манипулятивный характер речи, доминирующий в СМИ, так и языковая агрессия [2].

Коммуникативная картина современного общества становится все более сложной и противоречивой. Показательный пример фальсификации диалога получил в коммуникативистике название «коммуникативной мимикрии» (термин В. Б. Кашкина). Это явление наблюдается во всех случаях, когда коммуникант имеет намерение скрыть свои цели полностью или частично. В этом случае сообщение часто имеет маркеры одной функции, а на деле выполняет совсем другую. Таким образом, функция мимикрирует, представляется другой, более безобидной (в отличие от природы, где все происходит с точностью до наоборот) [4].

Можно выделить следующие типы мимикрии коммуникации:

— мимикрия участников (коммуникант выдает себя за кого-то другого);

- мимикрия функций коммуникации (основная цель скрывается за другой);
- мимикрия элементов коммуникации (выбирается не прямое выражение идеи: эвфемизмы, риторические вопросы и др.).

В первом случае (мимикрия участников) имеет место подмена автора. Показательным в этом отношении является период новогодней распродажи. В эти предпраздничные дни, когда все люди замерли в ожидании чуда, предприимчивые рекламодатели и юркие рекламные агенты принимают облик сказочных волшебников и дедов морозов и легко опустошают семейный бюджет с помощью нехитрых технологий. Появляются некие «семейные операторы семейного праздника» с призывами воспользоваться новым «семейным тарифом». К примеру, компания SMARTC-GSM приглашает обеспечить стабильность, обещает «теплую зиму» и «теплое общение», утверждает, что всем присоединившимся к новому тарифному плану «общаться легко». Подмена автора осуществляется незаметно. Вначале он вообще как будто отсутствует, идут общие фразы: «Новый год – это время общения. Это семейный праздник». Затем автор сливается с аудиторией: «В эти дни мы стараемся вспомнить обо всех своих родных, близких и друзьях». После этого уже от третьего лица начинается непосредственно реклама: «Огромную помощь в этом оказывает Первый семейный оператор». Таким образом, многоликий автор с успехом выступает за обе стороны участников диалога: как в роли коммуникатора, так и в роли его многочисленной аудитории.

Еще один вид мимикрии – это мимикрия функций коммуникации. Очевидно, что главной задачей СМИ является информационная функция, но очень часто «в экстазе коммуникации», по выражению Ж. Бодрийера, представители «второй древнейшей профессии» об этом забывают [5]. Излюбленной темой «желтой» прессы является информация о магах и чародеях, интерес к которым возрастает в период кризиса экономики. В газете «Комсомольская правда» от 10–17 сентября 2009 г. № 36 публикуется сага о Вольфе Мессинге в связи с 110-летием со дня его рождения. Знакомство с ним массового читателя начинается с анонса: «Вольф Мессинг: великий маг или великий мошенник». Первая страница – обычное место встречи со «звездами», которые становятся необходимыми членами многомиллионной «семьи» читателей. На сей раз это Кристина Орбакайте с жалобой о своем якобы зомбированном отцом сыне. В. Мессинг органично вписался в эту большую «семью».

Ведь маг в такой сложной ситуации не помешает. Фактическая функция коммуникации сработала. Контакт есть! В последующих номерах еженедельника появляются материалы о легендарных похождениях мага. При этом читателям предлагается принять участие в обсуждении. Затем появляется серия статей с «разоблачением» того же героя при помощи специалиста – следователя по особо важным делам Николая Китаева. Конечно, большинство читателей будут неумолимо следовать за журналистами, которые, используя человеческое любопытство и тягу к сверхъестественному и мистическому, повторяют приемы своих персонажей. Информационная сторона коммуникации приносится здесь в жертву ее эмоциональной стороне.

Третий тип – мимикрия элементов – связан с составом текста и использованием языковых и невербальных средств. Эти приемы во многом унаследованы от эпохи жесткого идеологического контроля за работой СМИ. Одним из таких приемов является агрессивное навязывание лексики и фразеологии мировоззренческого блока, в частности таких эвфемизмов, как «антитеррористическая операция», «гуманитарная интервенция», «принуждение к миру», и соответственно табу на слова, звучащие «неполиткорректно». Мимикрия в коммуникации связана с ее делимитативной функцией, а также механизмом распределения власти. Зачастую смысл заключается не в том, что передается, а в том, что происходит в результате с получателем. Помимо передачи информации, язык устанавливает между коммуникантами консенсуальную сферу (поле) взаимодействия на основе взаимно разделяемой референции (узнавания). Таким образом, убедить человека можно лишь в том, во что он сам готов поверить.

Насколько же понятие «диалог» адекватно отражает сложившуюся в обществе коммуникативную ситуацию? Если античный диалог был порождением древнегреческой трагедии, то нынешний, «медийный», есть порождение телевидения и нового жанра искусства – кино, а также с некоторых пор и новой виртуальной реальности – Интернета. Итак, манипулятивное воздействие в его разнообразных и все более изощренных формах является неотъемлемой чертой современного рекламного дискурса. Рекламная ситуация становится все более распространенной, имея беспрецедентные возможности для самовоспроизводства и тиражирования благодаря современным коммуникационным технологиям. В этой агрессивной среде происходит постоянная подмена имен, смыслов и функ-

ций. Эффект сравним с воздействием наркотического дурмана. Результатом такого воздействия становится формирование у ее потребителей ложного сознания и даже их «погружение» в ложную виртуальную реальность. В такой ситуации в пору задуматься об экологии коммуникационной среды. Испытанным средством и противоядием может стать диалог как возможность для его участников общаться на равных и надежный способ совместного отыскания истины, однако в нынешних условиях оказывается важным отделить его от многочисленных мимикрирующих подобию.

Несмотря на то что слово «диалог» одно из самых ходовых в СМИ, на деле диалог переживает невиданную деструкцию и деформацию. Для того чтобы ситуация начала меняться, должен измениться характер общения между людьми. Возможности для подлинного, непосредственного общения между людьми есть и сегодня, более того, интернет-пространство открывает для этого новые горизонты. Разумеется, должны меняться и отношения в связке журналист – читатель, нужно вспомнить об ответственности их друг перед другом и обществом в целом. Тема, кстати, завещана нам классиками, вспомним одноименные произведения М. Ю. Лермонтова и Н. А. Некрасова «Журналист, читатель и писатель». Безусловно, для реализации такого равноправного диалога нужны и правовые гарантии – неотъемлемый вариант общества, называющего себя гражданским. Законы уже есть, нужны лишь добрая воля и желание их соблюдать у всех заинтересованных сторон.

Список литературы

1. Гречихин, В. Г. Управление социальными коммуникациями / В. Г. Гречихин, П. В. Агапов. – М. : Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009.
2. Шайхитдинова, С. К. Информационное общество и «ситуация человека» / С. К. Шайхитдинова. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2004.
3. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. – М. : Гардарика, 1998.
4. Кашкин, В. Б. Основы теории коммуникации / В. Б. Кашкин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007.
5. Новейший философский словарь. Постмодернизм. – Минск : Современный литератор, 2007.

В. П. Кошарный
доктор философских наук, профессор,
Пензенский государственный университет, г. Пенза

ФИЛОСОФИЯ И ЯЗЫК (К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ)

Рассмотрены взаимоотношения между языком и образом мира. Сделан вывод, что картина мира создаваемая языком, входит в мировоззрение человека, усвоившего язык, в том числе и философское. Различия в ментальности и естественных языках приводят к образованию разных образов мира, что делает правомерным понятие национальной философии.

Ключевые слова: универсальный язык, физикализм, лингвистическая относительность, этноментальность, национальная философия, русская философия.

Не будет преувеличением сказать, что весь двадцатый век прошел под знаком философии языка. Больше того, существует мнение, что вся история западной цивилизации ознаменовалась стремлением создать универсальный язык, единый для всех народов «всеобщий язык», выработать единые цивилизационные смыслы и ценности, которые также имеют отношение к языку в широком смысле слова. Начиная с рубежа XVI–XVII вв. таковыми стали считаться основные жизненные ценности техногенной цивилизации, составляющие ее культурный код. Что касается последних, то задача их универсализации более или менее успешно была решена и решается в рамках процесса глобализации. Но идея всеобщего языка в лингвистическом смысле слова не была реализована, если не считать языка математики, языков естественных наук, картографии и т.д., выполняющих специальные задачи. И в науке оказалось не все просто. Попытка сконструировать идеальный универсальный язык, предпринятая логическим позитивизмом, также потерпела неудачу. Ни идеал феноменалистического языка, описывающего чувственные впечатления, или физикалистского эмпирического языка, а затем и «вещного» языка наблюдения не могли быть реализованы в силу ряда причин. Все это было данью определенной интеллектуальной традиции, характерной для всего научного мышления, – традиции, выражавшейся в стремлении максимально упростить все качественное многообразие отношений мира

и познания, свести эти отношения к самым простым и элементарным.

Следствием фундаментального для традиции логического эмпиризма принципа подобия структуры языка и структуры мира стала идея о том, что границы языка человека очерчивают и границы его мира. Эту мысль высказал еще Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» [1, с. 180].

Отталкиваясь от этого фундаментального положения, укажем на выводы, полученные многими исследователями: ни один естественный язык, как бы широко он ни распространялся, не способен стать языком действительно всеобщим – «поскольку всякий язык есть продукт ментальности конкретного народа» [2, с. 550]. Здесь мы вплотную подошли к мысли, которая была и остается близкой многим представителям европейского и отечественного языкознания XIX–XX вв., а у многих она была ведущей. Наиболее четкую формулировку данная мысль приобрела у американских лингвистов Э. Сепира (1884–1939) и Б. Уорфа (1897–1941) и известна под именем гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Суть гипотезы в том, что отдельные языки не только по-разному отображают содержание культурного опыта, но и предоставляют своим носителям неоригинальные пути осмысления действительности и способы ее восприятия.

В статье «Статус лингвистики как науки» Э. Сепир отмечает: «Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире по существу без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, – это всего лишь иллюзия. В действительности же "реальный мир" в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками... Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [3, с. 261]. Б. Уорф, говоря об отношении между культурой и познавательными процессами, также подчеркивал, что группы людей, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают и по-

стигают мир и что в познавательных процессах существуют различия, причиной которых является язык. Фактически Б. Уорф утверждал, что человек живет в лингвистически детерминированном мыслительном мире, который, в свою очередь, детерминирует и его поведение [4].

Заметим, что учения о лингвистической относительности разрабатывались в языкознании в рамках неогумбольдтианства. Схожие идеи высказывались А. Кожибским, К. Айдукевичем, Л. В. Щербой, У. В. О. Куайном (гипотеза онтологической относительности). Влияние этих идей можно увидеть в ряде современных работ, посвященных культурам народов мира [5, 6].

Эта тема волновала русских мыслителей уже в XIX в. В 1856 г. Ю. Ф. Самарин в статье «Два слова о народности в науке» противопоставил позитивистскому убеждению в объективности науки восходящее представление о познании как результате взаимодействия познающего субъекта с познаваемым объектом. Всякий акт познания, по Самарину, отражает в себе не только свойства объекта, но и свойства познающего субъекта – в первую очередь его «народность», т.е. особый склад ума и способ воззрения на предметы, воспитанные в условиях определенной среды и определенной культурной традиции [7, с. 120]. К. Аксаков в трактате «О русских глаголах» (1855) ставил вопрос о различии между внешней, рационалистической отвлеченностью категорий жизненного опыта, составляющих, по мнению славянофилов, сердцевину западной ментальности, и органическим подходом, стремящимся проникнуть в жизненную суть явлений – что составляет ядро русской культурной традиции, включая и русский язык [8]. Трактовка языка как выражения духовного мира народа, отказ рассматривать формы языка сами по себе, безотносительно к духовной энергии, отпечатком которой эти формы являются, – основа, на которой строилось учение о «русском глаголе». Отсюда вытекала мысль об уникальности каждого языка в силу уникальности воплощенного в нем духа народа. Концепция К. Аксакова ставила под сомнение утвердившуюся в европейской мысли XVII–XVIII вв. веру в универсальность и безличную объективность познавательного процесса. Познавательным установкам позитивистского объективизма было противопоставлено представление о познании как результате взаимодействия познающего субъекта с познаваемым объектом. Познавательный субъект рассматривался через призму категории «народность», т.е. особенного склада ума, способа воззрения на предмет, воспитанных в определенной социально-исторической среде и культурной

традиции. Такой подход в общем совпадал с тенденциями в науке XIX в., где утверждался новый, неклассический идеал научности.

Теперь обратимся к теме национальной философии. В современных публикациях, посвященных истории отечественной философии, время от времени поднимаются вопросы: существует ли «русская философия» и правомерно ли говорить о национальной философии вообще? Если вынести за скобки второстепенные детали, то можно выделить две основные точки зрения. Для некоторых авторов само существование идеи русской (равно, как и другой национальной) философии – «неприятный факт», так как мешает им позиционироваться в качестве «универсального человека». Русские философы, полагают они, – это некая группа лиц, маргинализированных мировым философским развитием и оторванных в область провинциального, локального. Нет ни русской, ни западной философии. Есть лишь одна, универсальная философия, «универсальные техники анализа», а «русскость», «немецкость», «французскость» и т.д. – это характеристики, относящиеся к сфере идеологии. С другой стороны, большинство современных историков отечественной философии, продолжая традицию Н. Бердяева, В. Зеньковского, Н. Лосского, С. Франка, отмечают специфические черты и особенности русской философии. Итак, можно ли говорить о русской философии и в каком смысле? Являются ли определения «русская», «французская», «немецкая», «испанская» лишь указанием на топос развития философии или эти понятия в своем объективном содержании имеют нечто, выводящее их за пределы географии. Вопрос, как представляется, требует детального историко-философского анализа с использованием результатов этнографии, культурологии, этнической психологии, лингвистики и других дисциплин. Справедливости ради, нужно отметить, что чрезмерное увлечение поисками и обоснованием «особости», исключительной самобытности русской философии, а иногда и стремление представить ее в качестве единственно истинной и чуждой философии Запада и Востока приводят к отрыву русской мысли от мировой философской традиции.

Другая крайность, на наш взгляд, – полное отрицание своеобразия русской философии. Ни с первой, ни со второй точкой зрения согласиться нельзя, так как обе не позволяют достичь сколь-нибудь целостного понимания национальной философской традиции.

Известный русский философ, деятель русского послеоктябрьского зарубежья Б. П. Вышеславцев развивал в работе «Вечное

в русской философии» несколько иной, но все же близкий к Г. Шпету взгляд, подчеркивая, что основные проблемы мировой философии являются проблемами и русской философии. «В этом смысле, – писал он, – не существует никакой специальной русской философии. Но существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения» [9, с. 54]. В качестве особенностей часто выделяют и предпочтительную проблематику русской философии: тема кризиса западной цивилизации, культуры, философии, борьба против абстрактности классической мысли, антиутилитаризм, духовность, интерес к глубинам человеческих переживаний и страданий, к поиску Бога, Правды и Спасения и т.д. Ответ на вопрос о существовании национальной философии, ее особенностях во многом зависит от понимания природы философии, ее предмета. Истолкование философии в духе исключительного как знания, науки, методологии создает условия для заключений о неправомерности понятия национальной философии, о существовании лишь универсальной философии, универсальных техник философского анализа. Учет того обстоятельства, что философия – это и форма мировоззрения, включающая в себя, кроме знания, и ценностно-оценочный компонент, опирающаяся и на интуиции, открывает дорогу к обоснованию правомерности понятия «национальная философия», выявлению специфики национальной философской традиции.

Наиболее сильное влияние оказывает на философию этноментальность, в частности через стиль мышления, язык, различное использование отдельных образов и категорий мышления. Общее знакомство с ними позволяет определять принадлежность «анонимных текстов» к определенным направлениям и школам, культурным традициям, этническим общностям. Особые этнические стили мировосприятия, запечатленные в концепциях и доктринах, отражают состояние «народного духа». Мы говорим об английском эмпиризме, немецкой классике, конфуцианской морали, французском рационализме, американском прагматизме и т.д. Философия как тип мировоззрения основывается на этнически окрашенной картине мира, но уже теоретически оформленной и упорядоченной. Этнический менталитет существенно влияет на формирование уникальных собственных и корректирует заимствованные философские воззрения.

Г. Д. Гачев предложил интересную концепцию национального космопсихологоса. Он показал, что его попытки обнаружить признаки национальной ментальности и национальных *логик* при

изучении произведений Аристотеля, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Бердяева путем прямого сравнения логик этих философов не удалось. Не удалось внутри логики обнаружить национальные различия. Но сравнение *интуиций, созерцаний*, лежащих в основе выкладок философов, привело исследователя к обнаружению такой глубинной структуры, как *образный априоризм*, который, как считает исследователь, лежит в основе рассудочного априоризма, который, в свою очередь, есть выражение национального космопсихологоса как единства национальной природы (Космос), национального характера (Психея) и склада мышления (Логос). Подтверждение обоснованности таких выводов можно обнаружить в результатах современных исследований в области эволюционной теории познания и лингвистики, о чем речь шла выше. Таким образом, идея национальной философии, в том числе и русской, возникла не на пустом месте. Структура нашего языка и значения его слов задают определенную структуру мира. Картина мира, создаваемая языком, входит в философское мировоззрение человека.

Список литературы

1. Витгенштейн, Л. Избранные работы / Л. Витгенштейн. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2005. – 440 с.
2. Королев, К. Универсальный язык и универсальная письменность: в погоне за мечтой / К. Королев // Языки как образ мира. – М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – С. 549–565.
3. Сепир, Э. Статус лингвистики как науки // Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс; Универс, 1993. – 656 с.
4. Уорф, Б. Отношение норм поведения к мышлению и языку / Б. Уорф // Языки как образ мира. – М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – С. 157–201.
5. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. – М. : КомКнига, 2006. – 280 с.
6. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г. Д. Гачев. – М. : Академический Проект, 2007. – 512 с.
7. Самарин, Ю. Ф. Два слова о народности в науке / Ю. Ф. Самарин // Соч. – М. : Типография А. И. Мамонтова и К^о, 1877. – Т. 1. – С. 109–121.
8. Гаспаров, Б. Лингвистика национального самосознания (Значение споров 1860–1870 гг. о природе русской грамматики в истории философской и филологической мысли) / Б. Гаспаров // Логос. – М., 1999. – № 4. – С. 48–67.
9. Вышеславцев, Б. П. Вечное в русской философии / Б. П. Вышеславцев // Этика преображенного Эроса. – М. : Республика, 1999. – 368 с.

О. С. Кошевой

*доктор технических наук, профессор,
Пензенский государственный университет, г. Пенза*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА И ДИНАМИКА ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Представлена современная нормативная база формирования прожиточного минимума как в целом по Российской Федерации, так и по Пензенской области. Приведены официальные статистические данные за ряд лет по величине прожиточного минимума и среднедушевым денежным доходам населения Пензенской области. Выполнена прогнозная оценка соотношения величины среднедушевых доходов и величины прожиточного минимума.

Ключевые слова: социальная защита, социальные гарантии, социальные стандарты, прожиточный минимум, потребительская корзина, среднедушевые денежные доходы.

Социальная защита населения Российской Федерации распространяется на все население и действует через систему социальных гарантий. При этом основу социальных гарантий составляют установленные Правительством Российской Федерации социальные стандарты, которые распространяются на оплаты труда и пенсионное обеспечение работников, образование, здравоохранение, культуру, социальное обслуживание и другие аспекты социальной сферы.

При этом одним из определяющих стандартов, от которого прямым и косвенным образом зависят практически все социальные стандарты, является минимальный размер оплат труда, который напрямую зависит от величины прожиточного минимума [1, 2, 3]. Величина прожиточного минимума должна соответствовать величине минимальной заработной платы, и если такого соответствия не наблюдается, то это свидетельствует о застойных явлениях в экономике страны.

Величина прожиточного минимума на душу населения по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации и в субъектах Российской Федерации определяется ежеквартально на основании потребительской корзины [4, 5]

и данных официальной статистики. При этом величина прожиточного минимума, в случае если обязательные платежи и сборы за рассматриваемый период существенно не изменились, практически совпадает со стоимостной оценкой потребительской корзины.

Динамика изменения величины прожиточного минимума для Пензенской области по данным Пензастата представлена в таблице.

**Динамика изменения величины прожиточного минимума
для Пензенской области**

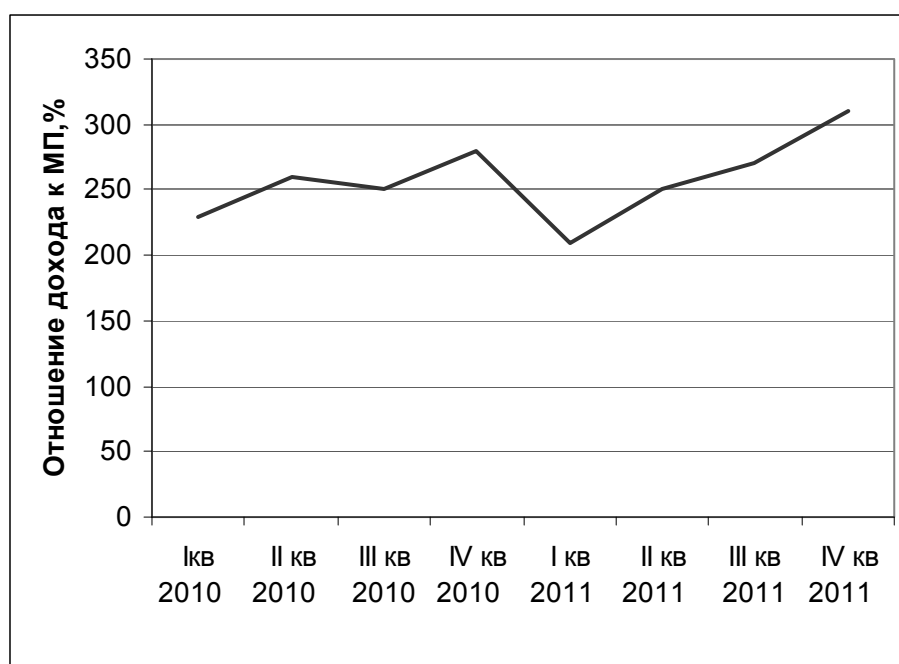
Период, за который исчислена величина прожиточного минимума	Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения, руб.	Документ, установивший величину прожиточного минимума
1	2	3
I квартал 2010 года	4722	Постановление Правительства Пензенской обл. от 19.04.2010 № 224-пП
II квартал 2010 года	4800	Постановление Правительства Пензенской обл. от 30.07.2010 № 434-пП
III квартал 2010 года	5006	Постановление Правительства Пензенской обл. от 27.10.2010 № 662-пП
IV квартал 2010 года	5163	Постановление Правительства Пензенской обл. от 01.03.2011 № 117-пП
I квартал 2011 года	5590	Постановление Правительства Пензенской обл. от 19.04.2011 № 245-пП
II квартал 2011 года	5598	Постановление Правительства Пензенской обл. от 20.07.2011 № 475-пП
III квартал 2011 года	5420	Постановление Правительства Пензенской обл. от 20.10.2011 № 745-пП
IV квартал 2011 года	5338	Постановление Правительства Пензенской обл. от 02.02.2012 № 56-пП
I квартал 2012 года	5371	Постановление Правительства Пензенской обл. от 25.04.2012 № 304-пП

Окончание таблицы

1	2	3
II квартал 2012 года	5466	Постановление Правительства Пензенской обл. от 18.07.2012 № 518-пП
III квартал 2012 года	5625	Постановление Правительства Пензенской обл. от 26.10.2012 № 765-пП
IV квартал 2012 года	5589	Постановление Правительства Пензенской обл. от 8.02.2013 № 51-пП

Анализ данных, приведенных в таблице, показывает, что за период с 2010 по 2012 г. средний темп роста величины прожиточного минимума составляет чуть более полутора процентов. Полученная величина среднего темпа роста является достаточно малой. Однако для обоснованных выводов о состоянии социально-экономического положения в Пензенской области следует рассмотреть соотношение величины прожиточного минимума с величиной среднедушевых денежных доходов. Исходя из того, что на момент подготовки данного материала Пезастат не располагал статистическими данными о соотношении прожиточного минимума и величины среднедушевых денежных доходов за 2012 г. с разбивкой их по кварталам, анализ выполним для 2010 и 2011 гг.

Результаты анализа представлены на рисунке.



Соотношение величины среднедушевых доходов
и величины прожиточного минимума

За период с 2010 по 2011 г. средний темп роста соотношения среднедушевых доходов населения к величине прожиточного минимума составил около 4,5 %, при этом за этот же период средний темп роста величины прожиточного минимума составил 1,76 %. Следовательно, можно сделать вывод о том, что наблюдается четкая тенденция опережающего роста среднедушевых доходов над величиной прожиточного минимума.

Аппроксимируя кривую, показанную на рисунке кубическим полиномом, получим аналитическую зависимость тренда вида

$$y = 1,8x^3 - 22,4x^2 + 80,8x + 170,7, \quad (1)$$

где y – величина соотношения среднедушевых доходов и прожиточного минимума, %; x – временной период.

Выполняя расчеты по зависимости (1) для первого квартала 2012 г. ($x = 9$), получим прогнозное значение величины соотношения среднедушевых доходов и прожиточного минимума, которое составит около 400 %. Таким образом, в первом квартале 2012 г. следует ожидать превышение среднедушевых доходов населения Пензенской области над величиной прожиточного минимума в четыре раза.

Список литературы

1. Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» : [принят Государственной Думой 10 октября 1997 г.; одобрен Советом Федерации 15 октября 1997 г.] (в ред. Федеральных законов от 27.05.2000 № 75-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 24.07.2009 № 213-ФЗ, от 30.11.2011 № 363-ФЗ, от 03.12.2012 № 233-ФЗ).

2. Правила исчисления величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации : [утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 января 2013 г. № 56].

3. Закон Пензенской области о прожиточном минимуме в Пензенской области : [принят Законодательным Собранием Пензенской области 20 мая 2002 г.] (в ред. Законов Пензенской обл. от 07.06.2002 № 369-ЗПО, от 18.09.2002 № 394-ЗПО, от 02.11.2004 № 675-ЗПО, от 09.03.2005 № 765-ЗПО, от 22.12.2005 № 931-ЗПО, от 20.05.2008 № 1523-ЗПО, от 7.02.2010 № 1864-ЗПО, от 28.02.2011 № 2037-ЗПО).

4. Об утверждении методических рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в субъектах Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2013 г. № 54.

5. Закон Пензенской области о потребительской корзине в Пензенской области : [принят Законодательным Собранием Пензенской области 23 июня 2006 г.].

ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ, ЦЕРКОВНОГО БРАКА И РАЗВОДА В ДИСКУССИЯХ ЮРИСТОВ И БОГОСЛОВОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Представлена важная юридическая проблема семьи, брака и развода. Рассмотрен ход общественной дискуссии по поводу бракоразводной процедуры, которая развернулась во второй половине XIX в. в среде юристов, богословов и других общественных сил.

Ключевые слова: брак, развод, мировой судья, церковь, священник.

Понятие «брак» менялось на протяжении всего хода исторического развития человечества, и русского общества в частности. Вот и сейчас существует путаница в определении отношений между мужчиной и женщиной. Столь распространенный в настоящее время «гражданский брак» имеет совершенно противоположный юридический смысл тому, что в него вкладывается на обывательско-бытовом уровне.

В XIX в. общественное развитие России привело к тому, что вопрос о семье и браке вылился в серьезнейшую дискуссию юристов и богословов. Эта проблема с середины XIX в. становится особенно актуальной для русского общества.

О проблеме брака и развода со страниц публицистической периодической печати впервые заговорили мировые судьи (как известно, эту выборную должность занимали люди, пользовавшиеся несомненным авторитетом в обществе).

Статья мирового судьи Я. Лудмера в журнале «Юридический вестник» получила широкий отклик. По суди дела, он выступал с требованием допустить развод с целью предотвратить «бытовые преступления».

«Ни одно судебное учреждение не может в пределах нашего законодательства оградить женщину от дурного и жестокого обращения с нею [...].

И только тогда, когда "терпеть нет уже моченьки", когда уже на ней, как говорится, нет ни одного живого места, она, избитая и изможденная, нередко с вырванной мужем косой в руках, плетется

к мировому судье в надежде, что он защитит ее если не формально, то хоть своим авторитетом» [1, с. 446–447].

К Лудмеру обращались женщины, чьи мужья зверски их избивали, но единственное, что мог сделать мировой судья, приговорить супруга к нескольким дням ареста. Но после такого ареста муж, как правило, еще сильнее избивал свою жену. Лудмер приводит случай с женщиной, которую муж-сифилитик избивал со словами:

«"Иссушу тебя, буду сушить, пока в землю не вколочу, из моей власти не выбьешься..." Я объяснил ей всю безысходность ее положения, в смысле абсолютной невозможности развода».

Судья все же сделал попытку спасти женщину, взяв с мужа подписку оставить жену в покое вплоть до излечения, однако вышестоящая судебная инстанция признала такую подписку незаконной. «Другими словами, дан был полный простор насильственному и притом сознательному заражению одного лица другим во имя "святости брака"» [1, с. 464].

Именно страшный быт русской деревни заставил Лудмера поставить вопрос о разводе:

«Приведенных фактов, не подкрашенных и взятых прямо из жизни, вполне достаточно, чтобы доказать, что "бабьи стоны" имеют право претендовать на самое серьезное внимание к ним законодательства. Необходимо прибегнуть к паллиативу – к допущению в подобных случаях развода, необходимость этой меры стала уже достоянием общественного, даже более общенародного сознания, и санкционирования ее русская женщина имеет право ожидать от законодателя».

На статью Лудмера откликнулся Д. Бобров, имевший 15-летний опыт работы судебным следователем. Он писал об отсутствии у женщин, да и у судей, к которым они обращаются за помощью, законных возможностей для борьбы с жестокостью мужей.

«Я состою с 1870 года исполняющим должность судебного следователя, и первое время своей служебной деятельности употреблял много усилий к тому, чтобы поддержать женщину в борьбе с извергом-мужем. Но что значит усилие подобных мне деятелей против условий жизни! Сама жизнь поставила женщину в зависимое положение, и мать семейства вынуждена переносить самый грубейший деспотизм ради сохранения главного добытчика, хотя бы и изверга-супруга [...]» [2, с. 687–689].

Множество фактов, когда мужья забивали своих жен до смерти, приведено и в статье Верещагина «О бабьих стонах» [3, с. 2]. Автор отмечал, что такое отношение к женам характерно исключительно для русских крестьян:

«Посмотрите теперь, как татарин холит свою жену: в доме – лучшее ей помещение и всегда ей перина, почему и не валяется она на полу на чем пришлось; чистота везде и почет, а не то чтоб бить с утра до утра. Едут в гости – муж усадит жену на подушки и не позволит встать отворить полевые ворота. Подобное же отношение между супругами и у чуваш и черемис (только живут они очень грязно). Процессов или жалоб на жестокое обращение, по крайней мере, я не слыхал. Не то у русского. Баба паши, баба коси, баба сгребай сено, баба жни, баба правь все женские работы и убирай все по хозяйству, даже дрова руби. Едут в гости, – баба отвори ворота, поправь лошадь, пьяного спать уложи... Хорошее и гуманное отношение с женой у русского – исключение, а у иноверцев наоборот».

Две противоположные позиции по вопросу семьи и брака представлены в диалоге юриста и священника, который был опубликован еще в 1888 г. в «Руководстве для сельских пастырей»:

Юрист: «До какой бы степени ни обострились взаимоотношения супругов, каким бы адом не являлась для них их безотрадная жизнь, – они налагают на себя руки из-за этой жизни, – но наше брачное право утверждает им одно: "А вы все-таки не смейте искать развода! Топитесь, вешайтесь, стреляйтесь, но не помышляйте о получении другой руки, которая могла бы восстановить ваше разбитое сердце"» [4].

Священник обращал внимание на высокое понятие брака, он считал невозможной ситуацию, при которой «наши церковные законы допустили развод кроме вины любодеяния» [3, с. 1].

Юрист: «Я не знаю ваших богословских тонкостей; со своей стороны я могу лишь констатировать факт, что там, где развод допускается легко, и семейные нравы чище, и бесчеловечных тиранств не так уж много».

Священнику и юристу не удалось найти общий язык. Главной бедой священник называл то, что в обществе забыли о важности и святости браков.

Известно, что до революционного кризиса в России, в так называемый синодальный период своей истории, церковь находилась в зависимом положении от самодержавной власти, которая, порой,

поручала церкви идеологически-полицейские функции, однако лишала ее многих пастырских возможностей.

Так и в решении вопросов семьи и брака церковь вместе с духовным попечением брала на себя, по сути, еще и полицейские функции, которые, однако, в силу различных причин не могли выполнять в полной мере.

Судебный следователь Д. Бобров, имевший пятнадцатилетний опыт работы, приводит следующий пример. В расследовании по делу одной крестьянки, якобы умершей от простуды, «лишь по настоятельным жалобам ее снохи было произведено вскрытие могилы. И обнаружилось, что у умершей была выдрана со скальпом половина косы, которая лежала рядом, крестец в нескольких местах был проломлен тяжелым острым предметом, переломаны ребра». Выяснилось, что «священник, чтобы не иметь лишних хлопот, похоронил замученную мужем женщину, не возбуждая никакого дела против мужа-убийцы» [4, с. 116].

Согласно законодательству, в России до второй половины XIX в. признавался действительным только брак, заключенный в православной церкви, а также других признанных государством конфессиях; браки старообрядцев, которые составляли в некоторые периоды истории до 30 % населения, не признавались из-за их статуса «раскольников» и считались «любодейным сопряжением», а дети от этих браков – «незаконнорожденными». Только в 1874 г. браки староверов были признаны законом, их стали регистрировать в полицейских участках: впервые был признан так называемый «гражданский брак» в России. Это позволило русским юристам поставить вопрос о возможности введения «гражданского брака» для всех остальных подданных России.

Манифест 17 апреля 1905 г. об укреплении начал веротерпимости значительно изменил положение Русской православной церкви. Были сняты ограничения на вступление в брак с христианами других конфессий. «Лицам православного исповедания не возбранно дозволяется вступать в брак с лицами всех вообще христианских вероисповеданий» [3, с. 4]. Но по закону единственной признаваемой формой брака для православных оставался церковный брак, следовательно, от священника можно было требовать венчания с сектантами и раскольниками.

Законодательство о разводе в России было намного строже, чем в других странах. Государство признавало лишь развод, совершенный церковным судом, и только с разрешения Св. Синода

по строго ограниченному перечню поводов. Практика разводов по взаимному согласию супругов была известна еще в Византии и в допетровской Руси, но при Петре I разводы по взаимному согласию были запрещены, был ограничен и список оснований к разводу.

На протяжении всего XIX в. происходило ужесточение этих ограничений, и законодательство часто ставило священнослужителей в неудобные и двусмысленные ситуации. В прессе, а позже и на Поместном соборе РПЦ 1917–1918 гг., обсуждалась процедура духовного суда.

В русском обществе широко обсуждалась возможность введения гражданского брака. В Европе его основой были философия «естественного права» и образование множества конфессий и сект. В России у гражданского брака было множество непримиримых противников, которые рассматривали его как узаконенное блудодеяние, противоречащее здоровому религиозному чувству, как искусственное учреждение, чуждое простому быту русского народа. Утверждалось, что «народная совесть» не поймет «раздвоения» брака на церковный и светский. Попытки силой привести реальную, во многом языческую жизнь народа в соответствие с идеалом (точнее, с идеологией) «с треском» провалились.

Н. С. Лесков в статье, не пропущенной церковной цензурой, писал: «На нашей блудодействующей земле создается новый вид брака, который будет идти бок о бок с браком законным и, разумеется, будет терпеться обществом, которое знает, что людям нет другого выхода, и поэтому прощает им всевозможные суррогаты брака. <...> Что же может сделать здесь церковь? Одни говорят: поосвободить узы, а другие настаивают, что надо затянуть ремень еще потуже и даже грянуть анафемою» [3, с. 120].

Так писатель со свойственной ему проницательностью обозначил два подхода к решению проблем семьи и брака.

В 1906 г. было созвано Предсоборное Присутствие. Были выявлены и проблемы церковного брака. Выяснилось, что их разрешение во многом зависит от общецерковных реформ, в частности, решения проблем церковного суда.

Мнения по одним и тем же вопросам звучали порой совершенно противоположные. Так, архиепископ Антоний (Храповицкий) занял совершенно непримиримую позицию по вопросу о смешанных браках: «Если смешанный брак оказался заключенным, нужно отлучить от церкви всех: и венчавшего, и венчавшихся, и присутствовавших при браковенчании, ибо правила св. апостола

воспрепятствуют молиться с еретиками» [4, с. 121]. Другие участники Присутствия занимали менее категоричную позицию и говорили, что смешанные браки возможны по усмотрению священника. Об этом, в частности, говорил профессор Московской духовной академии Н. А. Заозерский [4, с. 122]

В этой полемике выработалось два подхода к решению проблем семьи и брака, на которые указывал Н. С. Лесков: путь ужесточения мер наказания и пастырский личностный подход.

Диалог этих двух направлений длился до революционных событий 1917 г., которые показали, что первый путь как в политике государства, так и в церкви не может принести добрых плодов.

До Поместного собора РПЦ 1917–1918 гг. список поводов к разводу включал четыре следующих пункта:

- доказанное тремя очевидцами прелюбодеяние супруга;
- добрачная неспособность супруга к брачному сожитию;
- один из супругов приговорен к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния, или сослан на жительство в Сибирь с лишением всех прав и преимуществ;
- безвестное отсутствие супруга, продолжающееся не менее 5 лет.

Отделом о церковном суде в Предсоборном Присутствии список был расширен. Было принято единогласно, что поводом к расторжению брака могут быть также:

- болезненное состояние, устраняющее возможность супружеского сожития и вредно отражающееся на потомстве (проказа, сифилис, сумасшествие послебрачное);
- жестокое обращение с супругой и детьми при установлении виновности судом [3, с. 244].

В 1916 г. при Синоде была создана Межведомственная комиссия для рассмотрения Устава о расторжении браков и признании их незаконными и недействительными. Комиссия выработала проект Устава о расторжении браков, где список был расширен и уточнен. В этом списке предусматривалось право супруга просить о расторжении брака в случаях:

- покушения супруга на убийство супруга-истца;
- умышленного нанесения тяжких увечий, ведущих к обезображиванию лица;
- сводничества мужем жены [3, с. 256].

Обсуждение данного проекта на Поместном соборе, встретив сильное противодействие, растянулось на десять заседаний. Наиболее резко выступали против проекта депутаты из крестьян, увидевшие в расширении списка поводов к разводу угрозу семье.

Благодаря выступлениям митрополита Сергия (Страгородского) соборным решением были приняты определения «О поводах к расторжению брачного союза, освященного церковью» от 7 (20 апреля) 1918 г. и «О дополнении соборного определения о поводах к расторжению брачного союза, освященного церковью», в которых содержался расширенный список поводов к разводу [3, с. 5].

Однако решение Собора было вынесено уже тогда, когда большевики не только ввели гражданский брак и развод, но также запретили консисториям заниматься бракоразводными делами. Были опубликованы декреты Совнаркома от 16/29 декабря 1917 г. «О расторжении брака» и от 18/31 декабря «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния». Гражданский суд расторгал брак на основании простого заявления одного из супругов.

На смену признания государством только церковного брака пришла политика последовательной борьбы с церковью и ее правом заниматься социально значимыми задачами.

И все же опыт обсуждения вопросов брака, которое произошло в начале XX в., трудно переоценить. На Соборе неоднократно звучало напоминание о принципе личностности в решении церковных вопросов, о пастырской ответственности, о том, что власть церкви – это власть любви, которой не соответствует формальное слепое подчинение.

Список литературы

1. Лудмер, Я. Бабы стоны (Из заметок мирового судьи) / Я. Лудмер // Юридический вестник. – 1884. – Ноябрь–декабрь. – С. 687–679.
2. Титов, Г. Разговор между священником и юристом по вопросу о расторжении браков / Г. Титов // Руководство для сельских пастырей. – 1888. – Т. 2, № 18. – С. 2.
3. Белякова Е. Бабы стоны / Е. Белякова. – URL: <http://istrodina.com>
4. Архангельский, А. Проблемы семьи, церковного брака и развода в истории Российской православной церкви до Поместного собора 1917–1918 гг. / А. Архангельский. – URL: <http://SFI.ru>

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ НОРМАТИВНО-ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ АРХИВНОГО ДЕЛА

Рассмотрены проблемы изучения и преподавания нормативно-законодательной базы архивного дела. Перечислены объективные трудности, с которыми сталкиваются преподаватель и студенты при изучении этой темы: затруднения в своевременном поиске информации об изменении в законодательных актах регионального уровня; проблемы усвоения перечневых нормативных дефиниций, недостаточная унификация нормативных дефиниций; Выявлена и обоснована необходимость разработки специальных методов и приемов работы по освоению нормативно-законодательной базы.

Ключевые слова: нормативно-законодательная база, архивное дело, поиск информации, дефиниция, тестовое задание, структура нормативного акта, законодательный стиль, унификация.

Важной частью процесса обучения студентов архивному делу является изучение нормативно-законодательных актов данной дисциплины. В ходе работы участники образовательного процесса испытывают объективные трудности. Совсем недавно как преподаватели, так и студенты сталкивались с проблемой, связанной с поиском текстов документов, с невозможностью вовремя отреагировать на внесенные в них изменения. В настоящее время эта проблема решена: работает портал Федерального архивного агентства «Архивы России», где есть постоянно обновляющаяся рубрика «Архивное законодательство. Законы и иные нормативные правовые акты», здесь же представлены проекты документов и утратившие силу акты. На кафедре ИнОУП ПГУ эта проблема получила решение и за счет подключения каждого рабочего места будущего специалиста к системе «КонсультантПлюс», являющейся надежным источником правовой информации. Вопрос, связанный с поиском информации о правовых актах федерального уровня, снят, но найти информацию об изменениях в нормативных актах регионального уровня в полном объеме и своевременно по-прежнему трудно.

Анализ ошибок, допускаемых студентами на практических и лабораторных занятиях при изучении дисциплины «Архивоведение» во время устного и письменного ответов, позволил выявить

ряд проблем, связанных с освоением нормативно-законодательной базы, наметить пути их решения.

Наибольшую трудность вызывает процесс освоения новой терминологии, нормативных дефиниций, экспликаций. Эти термины зародились в Древней Греции. В классической риторической традиции определение (*definition*, дефиниция, или *explication*, экспликация) занимает в структуре речи одно из почетных первых мест, следуя после вступления (*praemium*) или после вступления и повествования (*narratio*). Это общее место, «расхожая истина», топ, служащий изобретению содержания речи и непереносимое условие ее ясности, непротиворечивости [1]. Структура определения в риторике: общий род – видовые отличия. В наши дни дефиниция – «краткое логическое определение какого-либо понятия, содержащее наиболее существенные его признаки» [2], один из инструментов правовой коммуникации. Опыт прочтения законов последних лет как федерального, так и регионального уровней показал, что в структуре правового акта дефиниции размещаются обособленно, в отдельной статье, как правило, в начале текста в разделе «Общие положения». Дефиниции традиционно подразделяются на описательные (казуистические), перечневые (казуальные) и родовидовые [3].

В Федеральном законе «Об архивном деле в Российской Федерации» в главе 1 «Общие положения» есть ст. 3 «Основные понятия, применяемые в настоящем Федеральном законе», в которой содержится 19 дефиниций. Среди них выделяются перечневые (казуальные) и родовидовые. Описательных нормативных дефиниций в законе нет. Приведем примеры перечневых (в них термин определяется при помощи перечня лиц, действий, условий): *владелец архивных документов* – государственный орган, орган местного самоуправления либо юридическое или физическое лицо, осуществляющие владение и пользование архивными документами и реализующие полномочия по распоряжению ими в пределах, установленных законом или договором (условно перечень лиц). Трудно усваиваются и смешанные дефиниции. Их структура такова: общий род, видовые отличия представлены перечнем. Например: *архивный фонд Российской Федерации* – исторически сложившаяся и постоянно пополняющаяся совокупность архивных документов, отражающих материальную и духовную жизнь общества, имеющих историческое, научное, социальное, экономическое, политическое и культурное значение, являющихся неотъемлемой частью истори-

ко-культурного наследия народов Российской Федерации, относящихся к информационным ресурсам и подлежащих постоянному хранению (перечень условий). Результаты наблюдения за усвоением студентами нормативных документов показали, что именно перечневые, смешанные дефиниции вызывают трудность в осмыслении и запоминании. Гораздо быстрее студенты ориентируются в родовидовых дефинициях. Это объясняется тем, что использование топа «род-вид» при определении более традиционно, чаще употребляемо. Преимущество родовидовых дефиниций в том, что они обладают достаточно объемным содержанием при компактной форме: *архивный документ* – материальный носитель с зафиксированной на нем информацией, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и подлежит хранению в силу значимости указанных носителя и информации для граждан, общества и государства; *архивный фонд* – совокупность архивных документов, исторически или логически связанных между собой.

Продуктивному запоминанию перечневых, смешанных дефиниций способствуют решение тестовых заданий, связанных с нахождением недостающего звена из перечня, приведение перечневого списка в нужную последовательность, выделение из списка терминов по перечневым признакам и, наоборот, определение перечневых признаков по названию определения, включение пропущенного слова-определения в связный текст. Переформулирование заданий, связанных с одним и тем же термином, способствует успешному усвоению терминов. Приведем примеры тестовых заданий на усвоение перечневых, смешанных дефиниций.

1. Укажите правильное продолжение определения.

Архивный фонд Российской Федерации – исторически сложившаяся и постоянно пополняющаяся совокупность архивных документов, отражающих материальную и духовную жизнь общества; имеющих историческое, научное, социальное, экономическое, политическое и культурное значение; ...

- 1) представляющих интересы заинтересованных сторон;
- 2) относящихся к информационным ресурсам и подлежащих постоянному хранению;
- 3) являющихся собственностью частного лица;
- 4) являющихся неотъемлемой частью историко-культурного наследия народов Российской Федерации.

Ключ: 2, 4.

2. Определите последовательность условий. Запишите цифры в том порядке, в котором они даны в определении.

Архивный фонд Российской Федерации – исторически сложившаяся и постоянно пополняющаяся совокупность архивных документов, ...

- 1) являющихся неотъемлемой частью историко-культурного наследия народов Российской Федерации;
- 2) отражающих материальную и духовную жизнь общества;
- 3) имеющих историческое, научное, социальное, экономическое, политическое и культурное значение;
- 4) относящихся к информационным ресурсам и подлежащих постоянному хранению.

Ключ: 2, 3, 1, 4.

3. Найдите правильное продолжение предложения.

Исторически сложившаяся и постоянно пополняющаяся совокупность архивных документов, отражающих материальную и духовную жизнь общества, имеющих историческое, научное, социальное, экономическое, политическое и культурное значение, являющихся неотъемлемой частью историко-культурного наследия народов Российской Федерации, относящихся к информационным ресурсам и подлежащих постоянному хранению – это...

- 1) личный фонд;
- 2) объединенный фонд;
- 3) архивный фонд;
- 4) Архивный фонд Российской Федерации.

Ключ: 4.

4. Какое слово должно стоять на месте пропуска?

Решение вопросов о включении в состав _____ конкретных документов осуществляется экспертно-проверочными комиссиями федеральных государственных архивов и уполномоченных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области архивного дела в пределах их компетенции.

Ключ: Архивного фонда Российской Федерации.

Для закрепления родовидовых дефиниций используются похожие задания, а также задания, связанные с подбором ключевых синонимичных (родовых) слов и словосочетаний (можно без указания видовых отличий): архивное дело – деятельность; архивный фонд – совокупность документов; архив – учреждение, структурное подразделение; документ – материальный носитель; экспертиза ценности – изучение документов и т.п. Самыми легкими в осмыслении оказались дефиниции, в которых толкование дается путем лексического повтора: *документы по личному составу* – архивные

документы, отражающие трудовые отношения работника с работодателем; *постоянное хранение документов Архивного фонда Российской Федерации* – хранение документов Архивного фонда Российской Федерации без определения срока (бессрочное).

Анализ нормативных актов свидетельствует о том, что нормативные дефиниции не унифицированы: приводятся разные определения одного и того же предмета. Например, определение *архив* в ГОСТ Р 51141–98 дается через родовое слово *организация*, а в законе «Об архивном деле в Российской Федерации» через *учреждение*; в ГОСТ Р 51141–98 в видовых отличиях отсутствует функция учета, которая упоминается в законе. Это осложняет осмысление, усвоение дефиниций.

Важным этапом работы является усвоение содержания законодательного акта. Оно неразрывно связано с формированием стойкого знания о форме представления информации в том или ином виде нормативного документа (техника и логика изложения) [4]. Изложение должно быть последовательным и непротиворечивым, логика изложения должна соответствовать структуре, при изложении нужно обеспечивать полноту и детализированность правового регулирования; изложение однотипных вопросов должно быть единообразным. Типичная схема логики изложения закона: общая (вводная), основная и заключительная части. Усвоить технику и логику законов об архивном деле помогает такой вид работы, как составление сопоставительной таблицы. Студентам предлагается сравнить закон «Об архивном деле в Российской Федерации» и закон «Об архивном деле в Пензенской области» по следующим направлениям: структура, название, содержание глав – и дать сопоставительный комментарий.

Закон «Об архивном деле в Российской Федерации»	Закон «Об архивном деле в Пензенской области» (ЗПО)	Сопоставительный комментарий
<i>1. Сопоставление структуры, названия глав</i>		

Вот к каким выводам пришли студенты. Много внимания в том и другом законе уделено основным составляющим архивного хранения документов: организации хранения, учета, комплектования; использованию архивных документов. Этому посвящены главы 4–6. ЗПО повторяет структуру, названия глав федерального закона, кроме глав 7, 8, 9, что закономерно и соответствует принципу

унификации законодательных актов, а значит, расценивается как положительное явление. В ЗПО отсутствует глава «Международное сотрудничество». Это связано с тем, что все вопросы международного сотрудничества в архивном деле решаются на уровне федерации, а не субъекта федерации. Этим же объяснено название главы 7 ЗПО «Вывоз и ввоз архивных документов». В ЗПО сужен предмет регулирования, состав архивного фонда до масштаба области, что соответствует иерархическому принципу: федерация – субъект федерации – муниципалитет; конкретизировано управление архивным делом – Законодательное Собрание Пензенской области, Правительство Пензенской области, уполномоченный орган исполнительной власти Пензенской области в сфере архивного дела.

Наряду с анализом структуры нормативного акта рассматривается лингвистическая структура текста, его основные элементы: предложение, слово (совокупность слов), знаки препинания; стиль, присущий нормативным актам как письменным литературным произведениям, – его можно назвать законодательный стиль (в стилистике используется термин официально-деловой стиль). Отличительными чертами законодательного стиля являются документальность, нейтральность (неэкспрессивность), безличный характер, логичность и точность, предписывающий характер, стандартизированность, структурированность, частое использование клише, терминов, профессиональной лексики, аббревиатур, отглагольных существительных, отыменных предлогов, использование номинативных предложений с однородными членами, прямой порядок слов, частое употребление сложных предложений. К сожалению, в рамках дисциплины «Архивоведение» нет времени на изучение данных явлений, поэтому ограничиваемся повторением сведений, полученных при изучении дисциплин «Нормы правописания в деловом стиле» и «Документная лингвистика».

В ходе подготовки студентов-документоведов и архивоведов много внимания уделяется вопросам унификации и стандартизации, в частности, при изучении нормативно-законодательной базы архивного дела повторяются уже изученные вопросы, связанные с расположением, оформлением реквизитов нормативных документов, уточняется их состав.

Как видно из всего вышесказанного, чтобы занятия по изучению нормативно-законодательной базы архивного дела были продуктивными, преподавателю нужно владеть знаниями из разных областей, таких как риторика, юриспруденция, законодательство,

архивное дело, делопроизводство, лингвистика; знать основы методики преподавания.

Список литературы

1. Михальская, А. К. Основы риторики: Мысль и слово : учеб. пособие для учащихся 10–11 классов общеобразовательных учреждений / А. К. Михальская. – М. : Просвещение, 1996. – 416 с.
2. Словарь русского языка : в 4 т. – М., 1980. – Т. 1. – 394 с.
3. Берг, Е. Б. Нормативные дефиниции как инструмент правовой коммуникации / Е. Б. Берг. – URL: <http://siberia-expert@yandex.ru>
4. Апт, Л. Ф. Правовые дефиниции в законодательстве / Л. Ф. Апт // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – С. 301–315.

ОСНОВЫ ПРЕВЕНТИВНОЙ ПЕДАГОГИКИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ¹

Дан обзор основных методов, приемов и форм педагогической профилактики, используемых в рамках профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, связанной с предупреждением преступлений.

Ключевые слова: превентивная педагогика, педагогическая профилактика.

*«Мудрый законодатель предупредит преступление,
чтобы не быть вынужденным наказывать за него.
Но он сделает это не путем ограничения сферы права,
а тем путем, что в каждом правовом стремлении
уничтожит его отрицательную сторону,
предоставив праву положительную сферу деятельности»*
К. Маркс

Негативные последствия любого преступления очевидны и понятны большинству членов общества. Какое преступление ни было бы совершено, его влияние на личность, а порой, и судьбу человека, необратимо. В связи с этим вопрос о профилактике преступных деяний различного характера и тяжести выступает как один из важнейших, несущих в себе подлинно гуманную миссию.

В современной юридической науке выделяют разнообразные направления предупреждения преступлений (оперативно-розыскная работа, общая и индивидуальная профилактика, виктимологическая работа и др.) [1]. Однако ключевыми выступают два курса профилактической деятельности – общая и индивидуальная профилактика. При этом работа с конкретной личностью, с ее социально-психологическими характеристиками, должна проводиться

¹ Данное исследование проводится в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (гос. контракт № 16.740.11.0708).

на основе классических педагогических принципов, опираться на методологический инструментарий педагогической науки, включать активное использование форм, методов, приемов, и технологий в целом, дидактики и теории воспитания.

Рассматривая вопрос об общей профилактике преступлений, следует указать правовой аспект этой сферы, который представлен различными видами профилактики: уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, криминалистической, а также социальной, одним из блоков которой является и педагогическая [2, с. 90].

Педагогическая профилактика – использование педагогических средств в предупреждении преступлений. При этом следует указать, что педагогическая профилактика и ее эффективность рассматриваются в одном из разделов юридической педагогики, а именно в рамках превентивной педагогики.

Превентивная педагогика – отрасль юридической педагогики, исследующая проблемы педагогической профилактики правонарушений и преступлений и разрабатывающая эффективные педагогические меры по ее осуществлению [3, с. 860].

Один из исследователей профилактики преступлений конца XX в. А. И. Алексеев отмечал: «...есть основания говорить не о каких-то педагогических фрагментах, нюансах процесса предупреждения преступности или скоротечной моде на педагогические средства криминологической профилактики, а именно о ее педагогических основах» [4, с. 4].

Итак, педагогическая профилактика рассматривается как одно из эффективнейших направлений, позволяющих использовать педагогические средства и методы, опираться на эффективные технологии педагогической деятельности, адекватные тем деформациям в обученности, воспитанности, адаптируемости и общего личностного развития граждан, которые являются причинами асоциального, делинкветного, девиантного и отклоняющегося поведения. При этом ключевое воздействие осуществляется не путем прямого реконструирования личностных деформаций, а активизацией позитивного потенциала личности с помощью обучающих, воспитывающих и развивающих воздействий, способных вытеснить негативные проявления на различных уровнях личностного развития.

Известный ученый А. М. Столяренко выделяет основные функции педагогической профилактики в разрезе превентивной педагогики:

- *криминологическую (диагностическую)*, направленную на выявление педагогических причин и условий преступности, ее видов, распространенности в отдельных регионах, среди групп населения и ее наличия у отдельных лиц с отклоняющимся поведением;
- *прогностическую*, ориентированную на определение тенденций развития юридически значимого поведения лиц и групп, обладающих определенными особенностями педагогических свойств образованности, обученности, воспитанности и развитости;
- *экспертную*, отвечающую за оценивание планируемых и предпринимаемых правовых и организационных мер общей и индивидуальной профилактики с точки зрения их педагогической эффективности, устранения ими педагогических причин отклоняющегося поведения и преодоления педагогической запущенности отдельных лиц и групп, а также на оценивание правовоспитательного и предупредительного характера социально-педагогических влияний разных особенностей общественной жизни, среды (работы средств массовой информации, печати, массовой культуры, моды, распространяющихся привычек поведения, способов проведения досуга и др.), жизни отдельных групп населения и лиц;
- *консультативную*, отвечающую за оказание консультативной педагогической помощи в работе различных органов, организаций, лиц, при подготовке мероприятий социального и специально профилактического характера;
- *организующую*, направленную на научно- и эмпирически обоснованную разработку целенаправленных комплексов педагогических мер, ориентированных не на разовое, а на педагогически системное воздействие на профилактируемых;
- *методическую*, осуществляющую тщательную и детальную проработку порядка применения педагогических методов, приемов, средств, форм, технологий, обеспечивающих полную и правильную реализацию педагогических намерений и возможностей (образовательных, обучающих, воспитательных, развивающих) в профилактической работе;
- *побуждающую*, отвечающую за зарождение надежд, намерений, желаний у профилактируемых воспользоваться предоставляемой помощью, преодолеть свои слабости и недостатки, поверить в реальную возможность стать на путь нормальной, отвечающей моральным и правовым нормам жизни и правомерного поведения, отказаться от преступных намерений;
- *самопрофилактики*, которая является заключительной и отвечает за достижение желательного превентивного результата [2, с. 92].

Рассмотрим основные методы и приемы педагогической профилактики. Так, к основным методам и приемам обучения можно отнести объяснение, доказательство, убеждение, рассказ, пример, показ, упражнение и др.

К основным методам и приемам воспитания педагоги относят консультирование, разбор, рекомендацию, объяснение, убеждение, переубеждение, совет, требование, принуждение, включение в деятельность, изменение среды и условий, упражнение в нравственном/правильном поступке, а также поддержку, помощь, метод перспективных линий, метод «взрыва», коллективные воздействия, соперничество, одобрение, поощрение, критику, наказание, методы и приемы самоуправления.

К блоку развития следует отнести следующие приемы и методы: «пробуждение чувства личного достоинства, авансирование доверия и веры в успех, активизации понимания уникальности жизни, активизации интереса, мышления, воли, напряжения усилий, преодоления трудностей, сдерживание слабостей и проявление положительных сторон личности; разовой, а затем повторяющейся демонстрации личных возможностей, использования хотя бы мелких положительных проявлений и достижений для выражения одобрения и др.» [4, с. 90–98].

Однако важнейшим условием эффективности использования предложенных методов и приемов является их комплексное использование, предполагающее масштабный и системный анализ ситуации, в которой необходимо их применение, а также максимальную адаптацию к конкретной личности или группе.

Работнику правоохранительных органов необходимо понимать, что, несмотря на доказанность и эффективность педагогического инструментария, первоочередной задачей для него, как для профессионала в сфере правоохранения, является уважение личности профилактируемого, доброжелательное и эмпатийное отношение к человеку, подлинное стремление помочь, внушить веру в его исправление, оптимизм и принципиальность.

Описывая формы педагогической профилактики, необходимо выделить основные: лекции, практические занятия, семинары, а также обсуждения, беседы, поручения, шефства, коллективный труд, тематические вечера и диспуты, дискуссии, работу телефонов «доверия», включение в систему различных видов образования и пр.

Как отмечают юристы-практики, вся педагогическая профилактика опирается на гибкость мышления и творческий подход

специалиста, применяющего технологические наработки педагогической науки. Это особенно сложно в связи с контингентом, на который направлены все педагогические действия: это не законопослушные граждане, это люди, совершившие или планировавшие совершение какого-либо противоправного деяния. Именно поэтому педагогическая профилактика требует не стандарта или шаблона, а высочайшего педагогического мастерства.

Список литературы

1. Кириков, А. В. Понятие и значение правового обеспечения предупреждения преступлений / А. В. Кириков, Д. В. Рыбаков // Право: Теория и Практика. – URL: <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/1102/081102.html>
2. Столяренко, А. М. Юридическая педагогика. Курс лекций / А. М. Столяренко. – М. : ЭКМОС, 2000. – 496 с.
3. Юридическая педагогика : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / С. А. Беличева, Л. И. Беляева, А. В. Буданов [и др.] ; под ред. проф. В. Я. Кикотя, проф. А. М. Столяренко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2004. – 895 с.
4. Алексеев, А. И. Педагогические основы предупреждения преступлений органами внутренних дел / А. И. Алексеев. – М., 1984. – С. 4.

О. А. Мартынова
*кандидат философских наук, доцент,
Пензенский государственный университет, г. Пенза*

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА¹

Рассмотрены проблема юридического дискурса и ее философские аспекты: взаимное влияние дискурса и жизни общества, высказывание и его смысл, субъект дискурса, проблема понимания.

Ключевые слова: дискурс, высказывание, субъект, понимание, диалог.

Термин «дискурс» трактуется в современной науке достаточно широко. Так, современная французская философия приводит несколько смыслов данного понятия: любое конкретное высказывание; последовательность высказываний; воздействие высказывания на его получателя и внесение его в «высказывательную» ситуацию; беседа, рассматриваемая как основной тип высказывания; речь, «присваиваемая» говорящим, в противоположность повествованию, разворачивающемуся без вмешательства субъекта. Также термин «дискурс» часто употребляется для обозначения системы ограничений, которые накладываются на высказывания в силу определенной социальной и идеологической позиции [1, с. 26]. В этом смысле понимается и юридический дискурс. Е. А. Кожемякин дает ему следующее определение: «Под юридическим дискурсом мы понимаем регламентируемую определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующую и воспроизводящую деятельность, направленную на формулирование норм, правовое закрепление (легитимацию), регулирование и контроль общественных отношений» [2].

Предмет анализа дискурса – высказывания, под которыми подразумеваются тексты, произведенные в определенных институциональных рамках, способ структурирования которых обладает значимостью для определенного коллектива. Так, в юридическом дискурсе высказываниями считаются тексты законов, уставов, постановлений, судебные речи, тексты, подвергаемые лингвистической экспертизе и т.д.

¹ Данное исследование проводится в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (гос. контракт № 16.740.11.0708).

Э. Бенвенист, которого часто считают основоположником теории дискурса, четко делил высказывания на повествование, независимое от говорящего и его пространственно-временных координат, и речь, которая может интерпретироваться только с их учетом [1, с. 14]. Хотя Э. Серио отмечает, что эта градация проводилась с поправкой на французский язык, в котором разница между повествованием и речью заметнее, чем в русском, нам трудно безоговорочно согласиться с ней. Любое высказывание, как бы оно ни пыталось дистанцироваться от субъекта, несет отпечаток социально-экономических отношений. Это касается и права. Правовые нормы создаются под влиянием реальных отношений в обществе и функционируют лишь постольку, поскольку выражают их (здесь вспоминается мудрое высказывание, что закон должен немного отставать от жизни). Так, гражданский и трудовой кодексы отражают экономические отношения, законы о выборах – политические, семейное право и законы о образовании – социальные. Уровень правосознания граждан (знание и понимание гражданами законов, отношение к праву и правосудию, степень готовности нарушить правовые нормы) также напрямую зависит от отношений в обществе.

С одной стороны, для права характерно стремление к унификации языка (достаточно вспомнить, что законность не может быть «калужской» или «рязанской»). Кожемякин отмечает, что язык юридического дискурса характеризуется «широким использованием понятийно-смысловых языковых средств (терминов), клише и канцеляризмов, отсутствием (и даже целенаправленным вымещением) экспрессивных средств, сложностью синтаксических структур, устойчивым использованием ограниченного спектра жанрово-стилистических средств, низкой контекстуальностью» [2]. С другой стороны, право является частью общественных отношений и отражает их. Так, понятия собственности, кредитования, ипотеки и законы, регулирующие связанные с ними отношения, могут возникнуть только в буржуазном обществе, а законы о выборах – в демократическом государстве.

Право не только отражает реальные отношения, но, выражая идеал отношений, в значительной мере определяет их. Право и язык, которым оно выражено, являются частью мировоззрения людей и духовной жизни общества, его идеологии. Долгое время правовые нормы выражали лишь идеологию господствующих классов, однако в результате борьбы эксплуатируемых за свои права, работы профсоюзов и комитетов современное право представляет собой соединение идеологий разных социальных групп.

Идеология и право как ее часть во многом обеспечивают воспроизводство и изменение существующих отношений в обществе (в том числе социальных и производственных). Идеология сообщает нам о неких идеальных отношениях в обществе, к которым должны стремиться граждане. Представления об этих идеалах человек получает еще до того, как вступает в реальные общественные отношения. Так, прежде чем заключить сделку, устроиться на работу, заключить или расторгнуть брак, необходимо знать правовые нормы, регулирующие эти стороны жизни. Еще один аспект воздействия идеологии на реальную жизнь заключается в том, что именно она определяет смысл высказываний, которыми человек руководствуется в жизни. Э. Пульчинелли-Орланди назвал идеологию принуждением к выбору. По словам ученого, идеология негласно, по умолчанию принуждает субъекта к одной из многих возможных интерпретаций высказывания, представляя данную интерпретацию как единственную [3, с. 203]. Право и его язык являются наглядной иллюстрацией этого явления.

Идеология воздействует на реальную жизнь через существующие в обществе структуры. Совокупность этих структур М. Пеше называет идеологической формацией. Элементами юридической идеологической формации являются социальные институты (законодательная власть, суды, прокуратура, следственные органы, адвокатура, общественные комитеты, профсоюзы, юридические отделы на предприятиях, юридические консультации, образовательные учреждения, готовящие юристов, и др.), высказывания (законы, уставы, правила, формы документов, письменные консультации, образовательные программы) и субъекты (государство, организации, юристы, граждане).

Внутри идеологической формации существуют формации дискурсные. Под дискурсной формацией подразумевается устоявшаяся форма выражения дискурса. К юридическим дискурсным формациям можно отнести принятие законов, процедуру судопроизводства, следствие, документальное сопровождение сделок, обучение юристов, юридические консультации.

Еще одна проблема анализа дискурса – проблема субъекта высказывания. С одной стороны, исследователи дискурса отводят ему второстепенное значение по сравнению с высказыванием. С точки зрения анализа дискурса, субъект образуется в акте высказывания и существует в связи с ним. Смысл высказывания не только мало зависит от субъекта, но и во многом влияет на него. Кроме того, субъект никогда не может быть полным и абсолютным хо-

званием смысла своего высказывания, ибо, по словам Э. Серио, «история и бессознательное вносят свою непрозрачность в наивное представление о прозрачности смысла для говорящего субъекта» [1, с. 16]. Эту мысль повторяет Г. Гадамер. По его словам, ни один человек не может произвольно ввести в язык новое слово (даже когда кажется, что слово введено кем-то, на проверку выясняется, что мысль, выражаемая этим словом, существовала уже давно). «Нельзя поэтому сказать: "Я ввожу такое-то слово"... Слово само себя вводит», – писал Гадамер [4]. Эта вторичность субъекта и первичность высказывания очень заметны в юридическом дискурсе. По словам Кожемякина, «однозначность, константность использования, экспрессивная нейтральность – эти и другие качества юридической терминологии, во-первых, позволяют провести непосредственные аналогии с научными терминами и, во-вторых, позволяют закрепить за объектами дискурса определенные толкования и представления, избегая, таким образом, нежелательных интерпретаций и строго обозначая область, содержание и характер действия права» [2]. Кто бы ни был субъектом юридического высказывания: государство, профессиональный юрист или рядовой гражданин – он оперирует сложившейся терминологией и признает примат закона над личным мнением, поэтому юридические высказывания лишены авторской индивидуальности. К юридическому дискурсу применимы слова М. Фуко о том, что «описать высказывание... означает определить, какова позиция, которую может и должен занять любой индивид, чтобы быть субъектом данного высказывания» [1, с. 28]. Она обращается к человеку не как к неповторимой личности, а как к субъекту – обладателю определенного, часто довольно ограниченного набора качеств, необходимых для участия в отношениях. Субъект идентифицируется с дискурсом, в котором он создается. Так, субъектом юридических отношений могут стать любой дееспособный гражданин и любая зарегистрированная организация. По словам М. Пеше и К. Фукса, «идеология превращает индивида в субъект» [5, с. 107], как бы подвергая забвению качества, которые бесполезны или вредны для существующих отношений. Но, с другой стороны, субъект как часть общественных отношений и как мыслящая личность все же осмысливает высказывания и добровольно выбирает единственный смысл из множества возможных.

Еще одну проблему дискурса Ж. Отье-Ревю обозначает как проблему «другого» [6]. Эту проблему исследователь рассматривает в двух аспектах. Во-первых, «другой» понимается как авторитет, к которому субъект высказывания обращается как к источнику

смысла. Во-вторых, «другим» для субъекта высказывания является собеседник, которому адресована речь. Собеседник может быть реальным или предполагаемым, индивидуальным или коллективным, но в любом случае при производстве высказываний субъект включает в них образ другой речи, которую приписывает собеседнику, и ориентируется на понимание речи собеседником. Поэтому любой дискурс – диалог, а текст выступает посредником между его участниками. Это одна из самых серьезных проблем правотворчества и правотолкования. В. А. Сулов отмечает, что «законодатель изначально стремится к максимальной однозначности текста, а правоприменитель стремится к интерпретации правового текста в свою пользу. Если при толковании не правового (например, исторического) текста его интерпретация как минимум не противоречит тому смыслу, который вкладывает в текст автор, то при реализации нормы права возможно столкновение интерпретации правоприменителя и буквы закона» [7].

В связи с диалогичностью текста возникает и достаточно сложная проблема понимания юридических текстов не только профессиональными юристами, но и рядовыми гражданами, которые обязаны строить свою жизнь на их основе. Н. Д. Голев отмечает, что юридический язык во многом язык искусственный, так как, в отличие от разговорного языка, стремится к однозначному пониманию слов, их синтаксических форм и конструкций, избегает субъективной оценки описываемых явлений. Исследователь полагает, что подобная условность необходима, потому что закон – это обобщение реально существующих отношений. Однако стоит задуматься о степени этой условности. Отрыв юридического языка от общеупотребительного может отрицательно повлиять на правосознание граждан. Как отмечает И. А. Ильин, «нелеп и опасен такой порядок жизни, при котором народу недоступно знание его права: когда, например, среди народа есть неграмотные люди, или когда право начертано на чуждом языке, или когда текст законов остается недоступным для народа, или же смысл права выражается слишком сложно, запутанно и непонятно. Тогда в лучшем случае между народом и правом воздвигается иерархия корыстных посредников, взимающих особую дань за «отыскание» правоты и обслуживающих народную темноту в свою пользу; им выгодно затемнить ясное дело, а не уяснить темное, спасти «безнадежное» дело и внести кривду в суд; и под их «опытными» руками толкование закона быстро превращается в профессиональный кривотолк» [8]. Эта проблема особенно актуальна в условиях формирования гражданского

общества, основанного на знании и осознанном исполнении требований закона каждым гражданином.

Таким образом, проблема юридического дискурса является частью проблемы дискурса, включающей сложные философские проблемы высказывания, понимания, субъекта, взаимоопределенности общественного бытия и общественного сознания.

Список литературы

1. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999.
2. Кожемякин, Е. А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование / Е. А. Кожемякин. – URL: <http://konference.siberia-expert.com/>
3. Пульчинелли-Орланди, Э. К вопросу о методе и объекте анализа дискурса / Э. Пульчинелли-Орланди // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999.
4. Гадамер, Г.-Г. Язык и понимание / Г.-Г. Гадамер // Актуальность прекрасного. – URL: <http://lib.rus.ec/b/347841/read>
5. Пеше, М. Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса / М. Пеше, К. Фукс // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999.
6. Отье-Ревю, Ж. Явная и конструктивная неоднородность: к проблеме «другого» в дискурсе / Ж. Отье-Ревю // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999.
7. Суслов, В. А. Герменевтика права / В. А. Суслов // Правоведение. – 2001. – № 5. – URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=173404>
8. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин. – URL: <http://www.philosophy.ru/library/il/02/01.html>

О. В. Мещерякова
*кандидат педагогических наук, доцент,
Пензенский государственный университет, г. Пенза*

АНГЛИЙСКИЙ МНОГОКОМПОНЕНТНЫЙ ТЕРМИН: ЛОВУШКА ДЛЯ НАЧИНАЮЩЕГО ЮРИСТА- ПЕРЕВОДЧИКА (АНГЛИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕРМИН: СТРУКТУРА И ПЕРЕВОД)¹

Статья посвящена вопросу изучения терминологического словосочетания в английских юридических текстах. В работе рассматривается структура многокомпонентных юридических терминов, отслеживаются способы их перевода на русский язык.

Ключевые слова: термин, терминологическое словосочетание, перевод.

В настоящее время терминологические исследования осуществляются во многих направлениях и характеризуются продуктивностью. Это говорит об актуальности проблем, связанных с изучением терминов. Данная актуальность обусловлена все большей степенью проникновения специальной лексики в общеупотребительный язык, многоаспектностью терминологических проблем и усилением их влияния на язык в целом. Как отмечает С. В. Гринев, изучение проблем специальной лексики становится все более важным для понимания специфики языковой структуры [1, с. 53].

В научных трудах К. Я. Авербуха, Л. М. Алексеевой, Г. О. Винокура, М. Н. Володиной, Б. Н. Головина, С. В. Гринева, Т. Л. Кандаки, Л. А. Капанадзе, Р. Ю. Кобрин, В. М. Лейчика, Д. С. Лотте, С. П. Хижняка, Г. Т. Чернобел, посвященных специальной лексике, рассматриваются такие вопросы, как соотношение слова и термина, его свойства, структура, функции и семантические характеристики.

В настоящее время также отмечается исследовательский интерес к различным проблемам теории и практики перевода, в том числе и переводческим аспектам юридических терминов, что объясняется качественными изменениями переводческой деятельности, необходимостью изучения приемов перевода и методики ис-

¹ Данное исследование проводится в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (гос. контракт № 16.740.11.0708).

следования. От того, насколько правильно и умело переводчик использует приемы перевода с ИЯ на ПЯ, будет зависеть наше понимание текста перевода, что особенно важно для текстов специального характера.

Большинство лингвистов-терминоведов (О. С. Ахманова, Б. Л. Головин, Р. Ю. Кобрин, Р. Ф. Пронина, Ф. А. Циткина и др.) считают термином не только слова (непроизводные, производные, сложные, аббревиатуры), но и словосочетания, называя их терминами-словосочетаниями, терминологическими словосочетаниями, многословными, многоэлементными или многокомпонентными терминами.

Формальный признак термина прослеживается в многочисленных дефинициях, используемых в научной литературе:

- термин – это специальное слово или словосочетание, принятое в профессиональной среде и употребляющееся в особых условиях (А. В. Суперанская) [2];

- термин – это слово или словосочетание для выражения понятий и обозначения предметов, обладающее, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, четкими семантическими границами и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы (М. М. Глушко) [3];

- термин – это слово или словосочетание определенного подъязыка, взятое в фиксированном узусальном значении, для которого существует в более или менее явном виде сознательно выработанная дефиниция в рамках конкретного вида человеческой деятельности, причем носители подъязыка при использовании термина сознательно ориентируются на эту дефиницию (Б. Ю. Городецкий) [4].

Одноэлементные и многоэлементные термины существуют в любых подъязыках, в том числе и в подъязыке права.

Если придерживаться классификации Л. Б. Ткачевой [5, с. 128], то все юридические термины можно подразделить на простые однокомпонентные термины, образованные путем аффиксации или переосмысления общелитературных слов, или индивидуального терминотворчества из элементов классических языков, или заимствования из другой терминологической сферы (*accept* (акцент), *auction* (аукцион), *exchequer* (казначейство), *taxation* (налогообложение), *lawfully* (законно)); сложные двухкомпонентные термины, характеризующиеся цельнооформленностью и образованные путем сложения или переосмысления общеупотребитель-

ного сложного слова, или заимствования из другой терминологической сферы, или результат индивидуального терминотворчества из элементов классических языков *taxpayer* (налогоплательщик), *chairman* (председатель судебного заседания), *ombudsman* (уполномоченный по правам человека); терминологические сочетания – многокомпонентные, отдельно оформленные, семантически целостные сочетания, образованные путем соединения двух, трех или более элементов – *natural person* (физическое лицо), *safety precautions* (правила техники безопасности), *Financial Fraud institute* (институт по борьбе с финансово-экономическими преступлениями), *driving under the influence* (вождение автотранспортного средства в состоянии алкогольного опьянения), *the United Nations High Commission for Human Rights* (комиссия ООН по правам человека).

Терминологические словосочетания многообразны и неоднородны. Некоторые из них тяготеют к группе свободных словосочетаний, в то время, как другие схожи с фразеологическими единицами (*Caesar is wife* (человек вне подозрений), *the unwritten law* (неписанный закон), *the Home Office* (Министерство внутренних дел), *common law damages* (нарушения общего права), *old offender* (рецидивист)), что указывает на такую характеристику многокомпонентных терминов, как семантическая целостность.

В связи с этой особенностью многокомпонентных терминов Д. С. Лотте кладет в основу своей типологии степень смысловой разложимости, выделяя четыре типа сочетаний: разложимые, где обе части употребляются в неискаженном значении; условно разложимые, где одна часть – термин, а другая – нетермин; полуразложимые, где обе части термины, но одна из них применена в искаженном значении; неразложимые, где либо обе части не являются терминами, либо одна часть – термин в искаженном значении. [6, с. 79].

Семантическая целостность терминологических сочетаний обусловлена не только их разложимостью, но и синтаксической связью. Известно, что между компонентами словосочетаний существует сочинительная, например, как в традиционных для юридического языка дублетах и синонимах (*terms and conditions, aid and abet, due and payable, tall or charge, rank or rate, repeal or revoke*) и подчинительная связь (*limited divorce* (раздельное проживание супругов по решению суда), *intermediate sentence* (приговор суда с неопределенным сроком тюремного заключения), *rules of evidence*

(правила сбора, хранения и представления вещественных доказательств), *to render on-the-spot advice* (предоставить совет на месте)), с преобладанием последней среди терминов. При этом в структуре словосочетания разграничивают стержневое и зависимое слово. В зависимости от стержневого слова принято выделять:

- именные (субстантивные и адъективные словосочетания): *absentee owner* (длительно отсутствующий собственник недвижимости), *actual possession* (фактическое владение), *strike warning* (предупреждение о забастовке), *sudden policy change* (внезапное изменение политики), *combined operation headquarters* (штаб совместных действий);

- глагольные словосочетания (*to uphold the decision* (оставить решение в силе), *to allow the appeal* (удовлетворить апелляцию), *to upset the discretion of* (ставить под сомнение/оспаривать правомочность), *to recover treble damages* (возместить убытки в тройном размере)).

Несомненно, что эта информация о структурно-семантических особенностях англоязычных словосочетаний должна учитываться начинающим юристом-переводчиком при работе с юридическими текстами, являющимися основной сферой функционирования для многокомпонентных терминов.

В этой статье также проанализированы наиболее распространенные в современном английском языке препозитивные атрибутивные термины-словосочетания, образованные при помощи соположения ряда существительных, которые, однако, представляют особые трудности при переводе.

Проблемы перевода терминологических словосочетаний связаны:

- с большой степенью обобщения, присущей определению, образованному путем соположения;

- с многообразием семантических связей между элементами словосочетания, вследствие чего, эта синтаксическая конструкция может выражать различные отношения между определением и определяемым (принадлежности, времени, места, причины, следствия);

- с многозначностью терминологической единицы.

В ходе исследования нами произведена выборка терминологических словосочетаний из Большого англо-русского юридического словаря под редакцией А. Г. Пивовара [7], которые мы подразделили на двучленные и многочленные.

Следует отметить, что при работе с многокомпонентными терминами важно всегда помнить о том, что в так называемой ат-

рибутивной группе-цепочке определяемым словом, выступающим в роли родового понятия по отношению ко всему термину, всегда является последнее. Оно, как правило, выражает главное значение термина.

Анализ двучленных терминологических словосочетаний показывает, что их первый элемент может переводиться на русский язык:

а) прилагательным (*book value* – балансовая стоимость, *class action* – групповой иск, *condition precedent* – предварительное условие);

б) существительным в родительном падеже (*claim preclusion* – пресечение подачи иска, *court reporter* – секретарь суда);

в) существительным с предлогом (*bankruptcy court* – суд по делам о банкротстве, *bearer bill* – вексель на предъявителя, *credit sale* – продажа в кредит);

г) причастным оборотом или придаточным предложением (*casualty loss* – убыток, вызванный непредсказуемым событием, *facility bonds* – облигации муниципального займа, доходы от которых не включаются в налогооблагаемую базу).

Особую трудность при переводе вызывают многозначные термины словосочетания. Так, например термин «*business corporation*» может переводиться не только как «предпринимательская корпорация», но и как «акционерное общество». Термин «*life office*» имеет два соответствия: 1) контора по страхованию жизни; 2) пожизненная должность. В этом случае поможет широкий контекст, либо осведомленность переводчика о ситуации.

Для правильного перевода многокомпонентных терминов необходимо придерживаться ряда правил: 1) определить частеречную и функционально-стилевую принадлежность компонентов термина; 2) выделить определяемое слово (последнее слово атрибутивной цепочки); 3) проанализировать смысловые связи между элементами словосочетания и разбить их на смысловые группы (анализ проводится слева направо); 4) перевести словосочетание, начиная с определяемого слова, подбирая соответствие для каждой смысловой группы (перевод смысловых групп проводится справа налево).

Так, в словосочетании *mineral supply contract* все три компонента являются терминами-существительными, где *contract* – определяемое слово, *mineral* и *supply* – определяющие слова, связанные в две смысловые группы по типу примыкания: *mineral supply* (поставка минералов – перевод с помощью родительного падежа и

изменения порядка слов), *mineral supply contract* (контракт на поставку минералов – перевод с помощью предлога).

Многокомпонентный термин может начинаться с имени собственного, обозначающего географическое название, которое может переводиться на русский язык прилагательным, существительным с предлогом или существительным в родительном падеже: *London Bar Association* (ассоциация адвокатов Лондона), *York-Antwerpen Rules* (Йорк-Антверпенские правила – свод правил, регулирующих отношения сторон, возникающие из общей аварии), *Paris peace talks* (мирные переговоры в Париже).

В юридическом английском языке распространены терминологические словосочетания, начинающиеся с прилагательного или причастия. В этом случае целесообразно определить смысловую принадлежность такого определения: *declaratory judgment action* (деклараторный установительный иск), *court-annexed settlement devices* (разрешенные судом средства урегулирования споров).

Если прилагательное инкорпорировано в словосочетание, оно переводится прилагательным-определением к существительному в постпозиции: *adult criminal prosecution* (уголовное преследование совершеннолетнего), *bar final examination* (заключительный допрос защитой), *Western Hemisphere Industrial Property Organization* (организация по промышленной собственности стран западного полушария).

В состав атрибутивной группы могут входить другие части речи, например, глаголы, причастия и числительные. Такие смысловые группы могут переводиться причастным оборотом или придаточным предложением: *defendant pending appeal* (подсудимый, ожидающий результатов рассмотрения апелляционной жалобы на вынесенный по его делу приговор), *one man company* (компания, состоящая из одного лица), *take care clause* (пункт конституции США, обязывающий заботиться о точном исполнении законов).

Таким образом, перевод юридических текстов с английского языка на русский требует особого внимания к многокомпонентным терминам, которые не всегда имеют регулярные соответствия. Опираясь на изложенные выше факты, можно констатировать, что построение перевода терминологического словосочетания – это сложный и многосторонний процесс. Чаще всего он сводится к описательному переводу, который должен осуществляться в соответствии с определенными правилами, способствующими систематизации знаний и умений начинающего юриста-переводчика.

Список литературы

1. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М. : Московский лицей, 1993. – 309 с.
2. Суперанская, А. В. Общая терминология: вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М. : Наука, 2012. – 247 с.
3. Глушко, М. М. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования / М. М. Глушко. – М., 1974. – 120 с.
4. Городецкий, Б. Ю. Термин как семантический феномен (в контексте переводческой лексикографии) / Б. Ю. Городецкий. – URL: www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/pdf/GorodetskiyB.pdf свободный/
5. Ткачева, Л. Б. Основные закономерности английской терминологии / Л. Б. Ткачева ; под ред И. В. Арнольд. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. – 200 с.
6. Лоте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии / Д. С. Лотте. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 159 с.
7. Пивовар, А. Г. Большой англо-русский юридический словарь / А. Г. Пивовар. – М. : Экзамен, 2003. – 864 с.

О. В. Милаева

кандидат исторических наук, доцент

А. Е. Сиушкин

кандидат социологических наук, доцент,

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ЯЗЫК РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Рассматривается проблема нормативности языка рекламы с точки зрения требований, предъявляемых законодательством. Выявляются направления лингвистической экспертизы рекламного текста, аналитические процедуры лингвистической экспертизы, рассматривается пример экспертной оценки рекламного текста.

Ключевые слова: язык рекламы, юрислингвистика, лингвоправовая экспертиза, рекламный текст.

Современная языковая коммуникация и способы формирования языковой культуры в обществе претерпели масштабные изменения, связанные со снижением значимости и пространства влияния традиционных средств формирования языковой культуры (литературного языка, классического искусства, образовательных учреждений) в пользу средств массовой коммуникации, к которым принадлежит и реклама.

Рекламная коммуникация по своей природе является очень агрессивной, а, поскольку является видом дискурсивных практик, т. е. непременно включает в себя набор социальных, культурных и прагматических факторов, лежащих за пределами собственно лингвистической материи, оказывает непосредственное влияние не только на трансформацию языка и речевое поведение, но и социальные стереотипы в целом. Вследствие этого актуальным становится проведение различных видов экспертиз рекламных текстов (от лингвистических до правовых) с целью ограничения доступа к массовой аудитории текстов, которые имеют явные или скрытые признаки нарушения нормативности.

Заметим, что принципом рекламной деятельности в целом и рекламного текста в частности, всегда является в определенной степени нарушение нормативности, в том числе и языковой, с целью выделения в общем нормативном пространстве, что усиливает мнемические свойства рекламного текста и является его характеристикой как дискурсивной практики.

Лингвистическая экспертиза представляет собой один из типов прикладных исследований, осуществляемых в рамках судебной лингвоэкспертной деятельности по оценке соответствия конкретного текста законодательным, этическим и языковым нормам. Теоретическое обоснование этой деятельности в отечественной науке предложено в ряде направлений, новейшие из которых – юрислингвистика [1, 2] и судебное речеведение [3–6]. По определению Е. И. Галяшиной, лингвистическая экспертиза – это процессуально регламентированное лингвистическое исследование устного и/или письменного текста, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует специальных познаний в языкознании и судебном речеведении [1]. Объектами экспертиз данного вида являются единицы языка и речи, тексты, представленные на любом материальном носителе [6]. Лингвистическая экспертиза направлена на работу с так называемыми конфликтогенными текстами. Большинство «лингвистических» конфликтов язык «решает» внутренними средствами, прежде всего своей естественной «нормативной базой», которая регулирует речевое поведение носителей языка, обеспечивая взаимопонимание между ними. В первую очередь это конфликты, возникающие при социальном функционировании языка, как часто случается в рамках рекламной коммуникации, например, те из них, которые связаны с разной интерпретацией речевых произведений их автором и адресатом. Некоторая часть таких конфликтов выходит за рамки внутренних регулятивных возможностей языка, и их разрешение требует правового регулирования [5, 6].

Объектом исследования в рамках лингвистической экспертизы является конкретный текст во всем богатстве лингвистических и экстралингвистических параметров, от дискурсивной специфики деятельностной области до особенности профессиональных или человеческих отношений коммуникантов и их личностных характеристик, – текст, в котором материализуется конфликт интересов или принципов в определенной деятельностной области и который, в свою очередь, провоцирует дальнейшее развитие конфликта – уже в правовом пространстве. Предметом лингвистической экспертизы конфликтогенных текстов являются лингвистические признаки определенных речевых деликтов [1, 2].

Помимо собственно языкового нормирования, нарушения, допускаемые в рекламных текстах, связанные с языковыми, стилистическими и этическими нормами, являются объектом правового

регулирования посредством ограничений, прописанных в Федеральном «Законе о рекламе» (от 13.03.2006), «Законе о защите прав потребителей» (от 07.02.1992), а также в Российском рекламном кодексе и ряде других законодательных и корпоративных документов, регулирующих сферу массовой коммуникации. Принципы организации, проведения и направления экспертной деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве регламентируются ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (от 31.05 2001).

При лингвистической экспертизе происходит истолкование текстов со стороны лингвистов. Посредством специальных методик определяются текстовые параметры, коррелирующие с признаками разных речевых преступлений. Для каждого из них существуют достаточно определенные лингвоправовые показатели, сформулированные или в самих статьях закона, или в комментариях юристов. Чтобы стать объектом судебного рассмотрения в диффамационном процессе, а потом быть признанным в качестве деликта, инкриминируемый текст должен отвечать ряду содержательных и формальных требований. Терминология лингвистической экспертизы заимствуется из разных языковедческих областей, из общеупотребительной лексики (негативная/позитивная информация, факт, истинность, мнения, оценки, предположения, слухи). Многие лингвоправовые характеристики также представляют собой юридизировавшиеся слова «наивного речеведения» (клевета, оскорбление, утверждение, порочащие сведения, унижение чести и достоинства, недостоверные сведения).

Помимо собственно лингвистических характеристик при лингвистической экспертизе употребляются так называемые фоновые знания (особенно, когда речь идет об инвективной, табуированной лексике) [7].

При этом подвергаемая экспертной оценке информация трактуется в двух направлениях: как знание (которая автором трактуется как истинная или которую он хочет преподать как истинную) и как мнение (высказываемая как предположение, не обладающая параметрами истинности). Наиболее сложна оценка мнения, поскольку оно не подпадает ни под одну из статей о защите чести, достоинства и деловой репутации от распространения порочащей информации: ни под уголовную статью о клевете, ни под гражданскую статью о диффамации. Для контекста мнения специалисты выявляют комплекс показателей, прежде всего, вводно-модальные

слова и конструкции со значениями вероятности, а также сложно-подчиненные изъяснительные предложения, главная часть которых представляет собой эксплицитный эпистемический модус и содержит глаголы пропозитивной установки (думать, полагать и проч.).

Задача экспертов указать суду на фрагменты текста, которые оформлены как:

- знание, подаваемое как факт (такие фрагменты могут быть доказательствами по соответствующим делам и потому подлежат верификации);
- знание, подаваемое как мнение (верификации не поддаются, а, следовательно, не могут быть вменены как состав клеветы и диффамации).

Рассмотрению в диффамационном процессе подлежат фразы с прямой иллюзией утверждения, когда инкриминируемое выражение находится в предикативном центре как в информационном фокусе предложения. Согласно распространенному лингвоэкспертному мнению не подлежат рассмотрению образно-метафорические и стилистически окрашенные номинации как проявления мнения, субъективного восприятия автора, потому что они не верифицируемы.

Рассмотрим пример рекламы, имеющей явные признаки конфликтогенности. Примером может служить реклама ТЦ «Высшая лига» в г. Пензе (2011 г.), размещаемая на столбах, тумбах, остановках города со следующим слоганом «Видели этот свитер? Он ох!енный».

Основанием для обращения в ФАС является очевидное использование в рекламном слогане недопустимых (бренных) выражений. Брань – по определению русского академического словаря – это «оскорбительные, бранные слова; ругань» [8, с. 166]. Обсценный – неприличный, непристойный (ср. вульгарный, сальный, скабресный [9, с. 481]. К бранным относят табуированную, нецензурную, обсценную лексику и матерщинную брань: собственно просторечные грубые и бранные экспрессивы, снабженные пометой «грубое», «бранное», низкая маргинальная лексика и вульгарное «физиологическое» сквернословие, включая матизмы (единицы русского мата) и многочисленные их производные и их переосмысления. Это наиболее грубые единицы, отсюда жесткое ограничение или полный запрет на публичное и особенно печатное (отсюда и характерный эпитет «непечатное») их употребление. Под матерной лексикой принято подразумевать общеупотребительную

лексику (точнее, общеизвестную, – большинство людей ею обычно не пользуется, но знает). Ядро русской матерщины составляет ее наиболее частотная общеизвестная триада, включающая слово «х...» и его многочисленные производные [10, с. 27–28]. Именно эта производная и была употреблена в рекламе ТЦ «Высшая лига», «замаскированная» восклицательным знаком на третьей букве употребленного в рекламном слогане слова. Современная молодежь – а именно она является целевой аудиторией как ТЦ «Высшая лига», так и представленного рекламного слогана – имеет определенные (более того – однозначные) ассоциации с этим словом (фоновые знания) и ни в какой другой словообразовательной трансформации, а также и лексическом значении, помимо явствующего из рекламного текста восприятия у потребителей быть не может. То есть данная реклама имеет все признаки речевого деликта и нарушает нормы, прописанные в «Законе о рекламе» (ст. 5, п. 5, подпункт 6): «В рекламе не допускается использование **бранных слов**, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений...».

В данном примере явно выражается сущность рекламы и ее языка как дискурсивной практики, но в негативном ключе. С одной стороны она закрепляет социальный стереотип легковесного отношения к базовым нормам и ценностям общества и языка, инъецируя в сознание молодежи позволительность нарушения морально-этических норм (публичное употребление нецензурной лексики). С другой стороны – нарушает правовые нормы в соответствии с указанной выше статьей, что и послужило основанием для возбуждения дела.

Вследствие этого язык рекламных текстов нуждается в особом рассмотрении в качестве формы языкового освоения мира и определенного способа формирования мировоззрения современного человека, выявлении динамики нормативных языковых изменений, детерминированных агрессивным влиянием рекламной коммуникации.

Список литературы

1. Галяшина, Е. И. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз / Е. И. Галяшина, М. В. Горбаневский, И. А. Стернин // Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. – 2005. – № 1 (6).
2. Голев, Н. Д. Самоопределение юридической лингвистики в России / Н. Д. Голев // Юрислингвистика VIII: Русский язык и современное российское право. – Барнаул, 2007.

3. Голев, Н. Д. Юрислингвистика: на стыке языка и права / Н. Д. Голев // Юрислингвистика 1: Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999.

4. Голев, Н. Д. Лингвистическая экспертиза: на стыке языка и права / Н. Д. Голев, О. Н. Матвеева // Юрислингвистика VII: Язык как феномен правовой коммуникации. – Барнаул, 2006.

5. Голев, Н. Д. Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики / Н. Д. Голев, О. Н. Матвеева // Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. – М., 2002.

6. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / под ред. проф. М. В. Горбаневского. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2006. – 110 с.

7. Бринев, К. И. Юридическая лингвистика и лингвистическая семантика (на материале категорий сведение и мнение, оценка, факт) / К. И. Бринев // Юрислингвистика IX. Истина в языке и праве. – Барнаул, 2008.

8. Большой академический словарь русского языка. – М., СПб. : Наука, 2005.

9. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Рус. яз., 1998.

10. Мокиенко, В. М. Словарь русской брани (матизмы, обценнизмы, эвфемизмы) / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб., 2003. – 448 с.

Г. И. Молев

кандидат юридических наук, доцент

Г. В. Молева

кандидат юридических наук, доцент,

Пензенский государственный университет, г. Пенза

МАТЕРИАЛЬНЫЙ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Рассматриваются актуальные вопросы установления административного надзора в судебном порядке; исследуется его содержание применительно к различным отраслям материального и процессуального права.

Ключевые слова: административный надзор, лица, освобожденные из мест лишения свободы, производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, ресоциализация осужденных.

Новая концепция реформирования уголовно-исполнительной системы предусматривает более широкое внедрение в законодательство и практику альтернативных наказаний, создание государственной службы пробации, тюрем особого режима и т.д.

Реформа предполагает такое изменение современной пенитенциарной и постпенитенциарной систем России, в которых административный надзор должен занять свое собственное важное место.

Ученые определяют понятие персонифицированного полицейского (административного) надзора как протекающее в установленной правовой форме, специально организованное наблюдение органов внутренних дел, уголовно-исполнительных инспекций и иных субъектов полицейской деятельности за поведением лиц, которые стали им известны своей противоправной деятельностью и, согласно закону, на основании судебного решения должны находиться под контролем в целях недопущения с их стороны возможных правонарушений [1].

Состояние административного надзора не всегда соответствует предлагаемому стандарту, поэтому вполне очевидно, что в современных условиях он должен быть коренным образом реформирован, в том числе и посредством усиления роли суда.

Определенные шаги в этом направлении были сделаны с принятием Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

В указанном законе определены как важнейшие дефиниции, определяющие сущность и содержание административного надзора, так и раскрыт механизм его установления, изменения и прекращения.

Под административным надзором законодатель понимает осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с законом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им своих обязанностей (п. 1 ст. 1 Закона).

К основаниям установления административного надзора законом отнесены следующие:

- лицо в период отбывания наказания в местах лишения свободы признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания;

- лицо, отбывшее уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющее непогашенную либо неснятую судимость, совершает в течение одного года два и более административных правонарушений против порядка управления и (или) административных правонарушения, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность (ч. 3 ст. 3 Закона).

Определен законом и перечень поднадзорных субъектов.

Административный надзор может быть установлен судом в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость, за совершение:

- 1) тяжкого или особо тяжкого преступления;
- 2) преступления при рецидиве преступлений;
- 3) умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего.

В отношении совершеннолетних лиц, освобождаемых или освобожденных из мест лишения свободы и имеющих непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолет-

него, а также за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений, административный надзор устанавливается независимо от наличия указанных оснований.

Важной гарантией является установление возможности для поднадзорного лица:

1) обращаться в суд с заявлением о досрочном прекращении административного надзора, а также о частичной отмене установленных судом административных ограничений;

2) обжаловать решения суда об установлении или о продлении административного надзора либо об установлении связанных с ним административных ограничений;

3) обращаться в орган внутренних дел с заявлением о получении разрешения на пребывание вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания, и (или) на краткосрочный выезд за установленные судом пределы территории в связи с исключительными личными обстоятельствами;

4) право обжаловать действия (бездействие) органа внутренних дел при осуществлении административного надзора.

Безусловной новеллой Федерального закона об административном надзоре и Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», явилось отнесение рассмотрения дел об административном надзоре к ведению суда общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства.

Дела об административном надзоре были включены законодателем в состав дел, возникающих из публичных правоотношений (глава 26.2 подраздела 3 раздела 2 ГПК РФ).

Ранее установление административного надзора происходило на основании решений несудебных (административных) органов, что не способствовало детализации процессуальных аспектов рассматриваемой процедуры, а они играют важнейшую роль в обеспечении охраны прав и интересов субъектов, в отношении которых принимаются данные решения.

При рассмотрении дел об административном надзоре осуществляется применение норм, содержащих ограничения субъективных гражданских прав лиц, поэтому логичнее относить указанные дела к гражданскому, но не уголовному судопроизводству.

Анализ федерального закона об административном надзоре позволяет оценить его не только как акт уголовно-исполнительного законодательства, но и в качестве акта гражданского законодательства.

По делам об административном надзоре суд устанавливает наличие оснований для ограничения гражданских прав, а для этого наиболее приемлемой является гражданская процессуальная форма, одной из основных черт которой является детальный характер процессуального регламента и оптимальное соотношение процессуальных прав и обязанностей участников судопроизводства.

В данном направлении формировалась и судебная практика.

Так, в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2007 г. на вопрос о том, в каком порядке – исковом или производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, – должно рассматриваться судом заявление осужденного об оспаривании применения к нему администрацией исправительного учреждения мер взыскания, была сформулирована следующая правовая позиция: «За нарушение установленного порядка отбывания наказания к осужденным к ограничению или лишению свободы могут применяться такие меры взыскания, как выговор, водворение в штрафной изолятор и другие (ст. 58, 115 УИК РФ). Согласно ч. 3 ст. 59 и ч. 2 ст. 117 УИК РФ наложение предусмотренных Кодексом мер взыскания осуществляется начальником исправительного учреждения или лицом, его замещающим. Следовательно, оспаривая действия администрации исправительного учреждения, осужденный фактически оспаривает действия должностного лица [2]. Поэтому заявление осужденного об оспаривании применения к нему администрацией исправительного учреждения мер взыскания должно рассматриваться в порядке, предусмотренном ГПК РФ для дел, вытекающих из публичных правоотношений.

Позднее в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» Верховный Суд РФ конкретизировал свою позицию, придав ей характер общего правила.

В частности, в Постановлении указано, что на основании гл. 25 ГПК РФ суды не вправе рассматривать дела об оспаривании определенных решений, действий (бездействия), связанных с применением норм уголовного и уголовно-процессуального права, но

дела по жалобам содержащихся под стражей подозреваемых и обвиняемых, а также лиц, осужденных к лишению свободы, на действия администрации следственных изоляторов или исправительных учреждений, связанные с ненадлежащими условиями содержания (например, необеспечение осужденных надлежащей медицинской помощью), а также на решения о применении администрацией следственных изоляторов или исправительных учреждений мер дисциплинарного взыскания рассматриваются по правилам главы 25 ГПК РФ [3].

Таким образом, было определено, что признак отраслевой принадлежности норм не может являться решающим для окончательного определения вида судебного процесса, в рамках которого должно происходить рассмотрение дел об административном надзоре.

Анализ механизма его установления, продления, отмены также позволяет сделать вывод об особом подходе законодателя к интересам лица, в отношении которого подается заявление.

Так, по делу об установлении административного надзора в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы, заявление подается в суд по месту нахождения исправительного учреждения; в отношении лица, освобожденного из мест лишения свободы – в суд по месту жительства или пребывания этого лица (ч. 2 ст. 261.5 ГПК РФ).

Рассмотрение дела происходит с обязательным участием лица, в отношении которого подано заявление (ч.1 ст. 261.7 ГПК РФ), что также подчеркивает обеспечительный и охранительный аспект данного правила, установленного в первую очередь, в интересах лица, в отношении которого подано заявление. Законом также предусмотрено привлечение в процесс представителей исправительного учреждения или органа внутренних дел, которыми подано заявление, и прокурора (ч. 1 ст. 261.7 ГПК).

К одной из важнейших гарантий охраны прав лиц можно отнести и возложение обязанности по доказыванию обстоятельств, подтверждающих необходимость установления надзора, на заявителя.

По делам об административном надзоре суд определяет меры по ограничению гражданских прав лица, но не назначает наказания субъекту и не применяет иных мер уголовно-правового воздействия. В свою очередь, гражданское судопроизводство по делам об административном надзоре подкреплено административно-право-

выми и уголовно-правовыми санкциями на случай нарушения установленных судом ограничений или установленных законом обязанностей. Нарушение правил административного надзора является самостоятельным основанием для привлечения поднадзорного лица к административной или уголовной ответственности.

Эти меры реализуются в самостоятельных юрисдикционных процедурах, предусмотренных УПК РФ и КоАП РФ, и выполняют по отношению к производству по делам об установлении административного надзора обеспечительную и охранительную функции, поскольку способствуют властной реализации судебного решения на тот случай, если лицо проигнорирует меры административного надзора, которые ему предписаны.

Список литературы

1. Бекетов, О. И. Полицейский надзор: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Бекетов О. И. – Челябинск, 2010. – С. 17.

2. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2007 //Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 10.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» от 10 февраля 2009 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 4.

А. Г. Мясников

доктор философских наук, профессор

А. Е. Петропавловский

аспирант,

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ЭВОЛЮЦИЯ ПАТРИОТИЗМА КАК ТРАДИЦИОННОЙ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

Традиционное понимание патриотизма как жертвенного служения своему государству перестает соответствовать вызовам современной буржуазно-демократической цивилизации. Рассматривается эволюция понимания патриотизма от жертвенной любви к разумному уважению своего отечества.

Ключевые слова: традиционные ценности, стереотип, патриотизм, родина, отечество, государство, жертвенное служение, уважение

Патриотизм как моральная и политическая ценность является основополагающим принципом организации и функционирования традиционного, добуржуазного общества, нацеленного прежде всего на физическое самосохранение. В условиях жесткой борьбы за ограниченные жизненные ресурсы патриотизм оказывался необходимой моральной ценностью и политическим принципом, с помощью которого происходила мобилизация всех сил общества ради выживания [1]. При этом любовь к родине как естественная привязанность к родному месту и людям была не отделима от любви к отечеству (отчизне), т.е. к политической организации общества. Это особенно характерно для российского социума, долгое время находящегося в феодально-крепостном состоянии, и вынужденного тратить огромные средства и усилия на защиту и сохранение огромной территории.

Традиционное понимание патриотизма основано на иррациональном чувстве преданности человека той общности, в которой он родился и получил воспитание. Чувство благодарности родителям, давшим жизнь и подготовившим к самостоятельной жизнедеятельности, переносится на весь социум, в том числе и на его политиче-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Распад матрицы традиционного сознания в России: этико-философский анализ» № 12-03-00153.

скую (властную) организацию и культивируется в качестве высшей добродетели. Так, например, известный русский адмирал и публицист начала XIX в. А. С. Шишков пытался обосновать необходимость жертвенной любви к отечеству, используя следующие аргументы.

Во-первых, *аргумент веры* (что вполне характерно для того времени и личного мировоззрения Шишкова), согласно которому Бог создал этот мир по своей благой воле, создал человека со всеми его силами и способностями и «даровал людям возможность жить сообща, каждому народу в своем государстве и под своим правлением». Интересен тот факт, что А. Шишков ни разу не употребляет слово государство. Вместо него речь идет об «обществе» или «Отечестве», которые представляются ему большим «семейством», имеющим «едино тѣло и едину душу» [2]. Религиозный аргумент имеет большое значение для предпринятого «рассуждения» А. Шишкова, так как по своему высокому религиозному статусу и непререкаемой авторитетности предназначен поднять тему Отечества и любви к нему на высший, небесный уровень. Из чего следует, что Отечество дано нам самим богом, и мы вовсе не случайно родились на этой земле, в свое время, и в этой конкретной семье.

После *аргумента веры* он переходит к *природному аргументу*. С точки зрения второго аргумента Шишкова, «Отечество» – страна, земля, место, где мы родились, это отец и мать, которые дали нам жизнь и многие другие люди – «единоземцы», с которыми мы выросли и воспитывались. Все это родное, привычное для нас нами любимо и должно быть любимым до конца жизни. Ненавидеть свое «Отечество» противостоит естеству, – утверждает адмирал. Естественная привязанность ко всему родному приобретает у Шишкова моральное и религиозное значение доброго и святого, и эта привязанность должна превратиться в привычку любить все родное и вместе с тем не доверять иному, чужеродному и в особенности, космополитам. Он резко осуждает «граждан света» (космополитов), так как они не ценят привязанности к своей родине, государству, земле, на которой они родились и выросли; ведь они живут там, где хотят, где им нравится, где им лучше; они делают то, что хотят сами, а не то, что требует от них родное Отечество. Космополиты для Шишкова – это индивидуалисты, которые ставят личный интерес выше государственного («отеческого»). Своим индивидуалистическим образом жизни они ставят под сомнение абсолютную ценность «любви к Отечеству».

Итак, что же такое «любовь к Отечеству»? Шишков дает несколько определений-описаний этого сильного чувства с помощью разных сравнений. Например, российский адмирал по-военному прямолинейно заявляет: «сила любви къ отечеству препобѣждаетъ силу любви ко всему, что намъ драгоцѣнно и мило, къ женамъ, къ дѣтямъ нашимъ и къ самимъ себѣ» [2]. По сути, это сверхъестественная, а точнее, *противоестественная сила*, которая **должна побороть** естественный эгоизм, природное себялюбие человека, а также должна преодолеть моральные обязанности человека перед самим собой и своей семьей. Мы можем назвать эту силу *иррациональной*, так как она основана не на знании, а на вере в то, что мое Отечество самое лучшее, единственное, дарованное нам Богом на вечные времена, и мы обязаны его хранить пуще зеницы ока и защищать от врагов, не жалея живота своего. Такая беззаветная, «пристрастная» любовь обычно внушается с самого детства, воспитывается как форма нравственно-религиозного служения.

Иррациональное чувство любви пренебрегает доводами рассудка, оно не замечает реальности, оно полностью захвачено предметом своего страстного влечения, в нашем случае – «Отечеством», за (над) которым стоят – «Царь» (единоличный правитель, Отец народа), Церковь (хранительница божественных истин и благодати) и сам Господь Бог (создатель мира). Согласно Шишкову, получается, что не любя свое Отечество, ты не любишь ни Царя, ни Церковь, ни Бога. А это уже страшный грех, и даже преступление.

Таким образом, традиционное понимание патриотизма неразрывно связано с понятием о жертвенном служении человека своему социуму ради его сохранения в настоящем и будущем. Это порождает культ жертвенного героизма и расточительности жизненных сил, и вместе с тем формирует общественную неприязнь к индивидуализму и потребительству как асоциальным типам поведения, подрывающим монолитное мировоззренческое единство традиционного общества.

Но в современных условиях буржуазно-демократических трансформаций традиционные представления о назначении человека, и в том числе о патриотических обязанностях, начинают пересматриваться. Современная социально-экономическая модернизация российского общества сталкивается с большими трудностями в виде традиционных консервативных установок массового сознания. Еще в 2009 г. президент Д. Медведев в своей программной

статье «Россия, вперед!» отметил, что патернализм является одним из социальных недугов российского общества, так как желание большинства россиян перекладывать на государство решение своих проблем тормозит развитие гражданской инициативы, экономической самостоятельности и личной морально-правовой ответственности [3].

Традиционный патриотизм как жертвенная преданность своему отечеству и народу также является устаревшим стереотипом общественного сознания и поведения. При этом значительная часть россиян (по опросам ВЦИОМ в 2012 г. – до 40 %) считают его необходимым условием общественной жизни. Другой важной социальной тенденцией современной России является языковое и смысловое различие понятий «родина» и «отечество» как обозначающих разные социальные реалии. Если под «родиной» понимается место рождения, воспитания и взросления, к которому человек испытывает естественную привязанность, иррациональное чувство любви, то под «отечеством» все больше подразумевается государство, политическая система управления, т.е. система власти, которая организует общественный порядок (режим). Этот порядок, основанный на законах, часто нам не нравится, как и многое, что навязывается извне, другими людьми [4]. Все чаще наши современники говорят, что любят свою «родину», но при этом им не нравится «отечество». Такое противоречивое отношение говорит о многом; оно явно контрастирует с официальными призывами «любить Отечество», защищать его до последней капли крови, как это делали наши предки. Официально пропагандируемый патриотизм требует «любить Отечество» как свою родину-мать, т.е. безрассудно, иррационально, только за то, что мы родились и живем на этой земле.

Такая прямолинейная пропаганда уже не вдохновляет и не убеждает, россияне стали слишком много знать правды о своем «Отечестве» – государстве, и не хотят его слепо любить. Как же быть? Пока мы видим два рациональных варианта: уезжать в другие страны (что и делают десятки тысяч россиян) или выстраивать новые отношения со своим родным «Отечеством». Принудить любить свое государство уже не получится, так как наивной любви становится все меньше и меньше. Остается предположить осмысленное, рассудочное позитивное отношение, которое обычно называют «уважением». «Уважение к Отечеству» не возникает ни естественным образом, ни автоматически, оно постепенно формирует-

ся, складывается в сознании большинства граждан в ходе реальной жизни. Уважение – это морально-правовое отношение, как писал И. Кант, «разумное чувство», которое предполагает признание значимости, ценности, достоинств другого лица. Чтобы сформировать это разумное чувство требуется большая кропотливая работа, которая должна начаться с сомнения в правильности традиционного патриотизма как слепого жертвенного служения государству. После разоблачения этого стереотипа можно переходить к утверждению современного патриотизма, основанного на разумном уважении своего отечества.

Список литературы

1. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М. : Новое издательство, 2011. – 464 с.
2. Шишковъ, А. Разсужденіе о любви къ Отечеству / А. Шишковъ // Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей Рускаго слова. Книжка пятая. – СПб. : Въ Медицинской Типографіи, 1812. – С. 3–54. URL: http://lib.russportal.ru/index.php?id=authors.shishkov.shishkov1812_05_0001
3. Медведев, Д. Россия, вперед! / Д. Медведев. – URL: <http://президент.рф/news/5413>
4. Мясников, А. Г. Любовь к родине и уважение к отечеству / А. Г. Мясников // Улица Московская. – 2012. – № 41 (462). – 2 ноября. – С. 14.

М. В. Нефедова

учитель русского языка и литературы,

МБОУ СОШ № 31, г. Пенза

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Анализируются особенности формирования коммуникативной и лингвистической компетенций на уроках русского языка в общеобразовательной школе, а также рассматриваются те аспекты курса русского языка, которые могут быть наиболее важными при подготовке будущих юристов.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, лингвистическая компетенция, юрислингвистическая компетенция.

«Русский язык – это родной язык русского народа, государственный язык Российской Федерации; средство межнационального общения, консолидации и единения народов России; основа формирования гражданской идентичности и толерантности в поликультурном обществе.

Метапредметные образовательные функции родного языка определяют универсальный, обобщающий характер воздействия предмета «Русский (родной) язык» на формирование личности ребенка в процессе его обучения в школе. Русский (родной) язык является основой развития мышления, воображения, интеллектуальных и творческих способностей учащихся; основой самореализации личности, развития способности к самостоятельному усвоению новых знаний и умений, включая организацию учебной деятельности.

Родной язык является средством приобщения к духовному богатству русской культуры и литературы, основным каналом социализации личности, приобщения ее к культурно-историческому опыту человечества. Будучи формой хранения и усвоения различных знаний, русский язык неразрывно связан со всеми школьными предметами, влияет на качество их усвоения, а в дальнейшем на качество овладения профессиональными навыками. Умение общаться, добиваться успеха в процессе коммуникации, высокая социальная и профессиональная активность являются теми характеристиками личности, которые во многом определяют достижения человека практически во всех областях жизни, способствуют его

социальной адаптации к изменяющимся условиям современного мира. Родной язык является основой формирования этических норм поведения ребенка в разных жизненных ситуациях, развития способности давать аргументированную оценку поступкам с позиций моральных норм» [1, с. 2].

Эти слова в той или иной форме предваряют все программы по русскому языку для общеобразовательных школ, подводя к целям изучения данного предмета, формированию компетенций – коммуникативной, лингвистической, культуроведческой, аргументированию специфики конкретной авторской программы. Ни в одной из программ не указывается специально, что цель курса русского языка – подготовить грамотного юриста или экономиста. Любая программа должна создаваться с учетом принципа преемственности между ступенями обучения (между полной средней и высшей школой в том числе), удовлетворять потребностям будущего абитуриента независимо от выбора будущей специальности.

Курс русского языка в школе довольно насыщен теоретическими сведениями. Другое дело, что именно из-за обилия материала составителям программ и учителям приходится делать нелегкий выбор: какой именно теме, отработке каких навыков и умений отдать больше учебных часов. Чаще всего такой выбор делается не в пользу разделов, связанных с культурой речи. Тот факт, что основное внимание на уроках уделяется отработке орфографических и пунктуационных умений и закреплению знаний по морфологии и синтаксису, объясняется в том числе и необходимостью подготовить учащихся к успешной сдаче экзаменов по окончании 9 и 11 классов.

Так, в демонстрационной версии КИМов по русскому языку для 9 класса [2] из 16 заданий к тексту только 3 задания (18,8 % от всех тестовых заданий варианта) имеют отношение к разделу «Культура речи»:

- А2: укажите, в каком значении употребляется в тексте слово «...»;
- А3: укажите предложение, в котором средством выразительности является метафора;
- В1: замените разговорное слово «...» в предложении стилистически нейтральным синонимом.

В демонстрационной версии ЕГЭ-2013 по русскому языку [3] таких заданий уже больше – 9 из 38 (23,7 % от всех тестовых заданий варианта):

- А1: в каком слове допущена ошибка в постановке ударения;
- А2: в каком варианте ответа выделенное слово употреблено неверно;
- А3: укажите пример с ошибкой в образовании формы слова;
- А4: укажите грамматически правильное продолжение предложения (далее идет деепричастный оборот);
- А5: укажите предложение с грамматической ошибкой (с нарушением синтаксической нормы);
- А8: какое из приведенных ниже слов должно быть на месте пропуска в предложении;
- А12: укажите значение слова «...»;
- А30: какое слово использовано в тексте в переносном значении;
- В8: определите, какие лингвистические термины пропущены в тексте.

Некоторое увеличение подобных заданий в КИМах 11 класса отражает содержание программ по русскому языку: именно в старших классах «на базовом уровне центральным разделом практически ориентированного курса становится культура речи, вооружающая основными способами организации языковых средств и закономерностями их употребления для достижения максимальной эффективности общения. Конечная цель курса состоит в освоении приемов оптимального построения высказываний и стратегий и тактик успешного понимания чужой речи – устной и письменной» [4, с. 114].

В целом же программы общеобразовательных школ по русскому языку ориентированы на реализацию в практике преподавания единства процесса усвоения основ лингвистики и процесса формирования коммуникативных умений и навыков, обеспечивающих свободное владение русским языком в разных сферах и ситуациях общения.

Коммуникативная направленность обучения «достигается путем ввода необходимых элементов современной теории речевого общения, теории речевой деятельности. Кроме того, новый стандарт усиливает внимание к многоаспектному языковому анализу речевого высказывания и предусматривает отработку всех типов норм современного русского литературного языка (общезыковых, коммуникативных и этических), нацеливает на формирование умений опознавать, анализировать, классифицировать языковые фак-

ты, оценивать их с точки зрения нормативности, целесообразности употребления в речи. Таким образом, предметные цели курса русского (родного) языка максимально приближаются к жизненным потребностям выпускника, отражают жизненные ориентиры учащихся и дают им возможность научиться различать функциональные разновидности языка и моделировать речевое поведение в соответствии с задачами общения; дают возможность овладеть секретами эффективного общения, научиться осознанному отбору и организации языковых средств с целью достижения коммуникативного совершенства» [4, с. 112].

Такую радужную картину рисуют нам авторы государственного образовательного стандарта и методических рекомендаций к нему. На деле же получается, что выпускникам с особым трудом даются как раз коммуникативные умения. В готовых текстах учащиеся более или менее успешно находят основные признаки того или иного функционального стиля, идентифицируют речевую ошибку, но при необходимости создать собственный текст по заданным параметрам сталкиваются с затруднениями. Дело, видимо, в том, что в школьном курсе русского языка все-таки не отводится нужное именно для отработки на практике количество часов.

Обратимся к Примерным программам по русскому языку. Это три документа, которые описывают рекомендуемое содержание курсов русского языка для общеобразовательных школ и являются основой для создания авторских и рабочих программ:

- Примерная программа основного общего образования (ООО) по русскому языку [5, с. 70];
- Примерная программа среднего (полного) общего образования (СПОО) по русскому языку (Базовый уровень) [6, с. 88];
- Примерная программа среднего (полного) общего образования (СПОО) по русскому языку (Профильный уровень) [7, с. 97].

Посмотрим на распределение часов.

Как видим, основное внимание в школьном образовании уделяется формированию языковой и лингвистической компетенции, на формирование коммуникативной отводится лишь пятая часть курса. Это не представляется нерациональным: ведь именно на базе лингвистических знаний происходит развитие коммуникативных умений и совершенствование культуры речи.

Почему же именно юристы оказываются не в полной мере удовлетворены качеством школьного образования по русскому языку? Почему приходится говорить о формировании не лингвистической компетенции, а *юрислингвистической*?

Содержание, обеспечивающее формирование:	Количество часов (% от общего кол-ва часов) в Примерной программе			Итого за курс 5–11 классов	
	ООО	СПОО (баз.ур.)	СПОО (проф.ур.)	ООО+СПОО (баз.ур)	ООО+СПОО (проф.ур)
коммуникативной компетенции	118 (17,9 %)	21 (33,3 %)	60 (31,7 %)	139 (19,2 %)	178 (20,9 %)
языковой и лингвистической компетенций	533 (80,6 %)	39 (61,9 %)	119 (63,0 %)	572 (79,0 %)	652 (76,7 %)
культуроведческой компетенции	10 (1,5 %)	3 (4,8 %)	10 (5,3 %)	13 (1,8 %)	20 (2,4 %)
Итого:	661	63	189	724	850

Очевиден тот факт, что именно для юриста в большей степени, чем для многих других профессий, важны широкие лингвистические знания и речевые умения, потому что в круг его обязанностей входит и грамотное толкование и составление различной нормативно-правовой документации, и участие в разработке законопроектов, выступления в судах, консультирование населения. Речь юриста – важнейший инструмент его профессиональной деятельности, и если «заметить юридическую неточность способны лишь юристы-профессионалы», то «пропущенную букву или даже слово увидит каждый. В результате из-за «безобидных» ошибок страдает авторитет судебной системы. Более того, ошибки в тексте официальных документов могут послужить и основой для отмены судебного решения, и поводом для нового судебного разбирательства» [8, с. 5].

Тем не менее в стандарте по русскому языку для общеобразовательных учреждений нет такого понятия, как юрислингвистическая компетенция (в научный оборот оно было введено О. В. Барабаш в статье «Преимственность в системе формирования юрислингвистической компетенции» в значении «способность эффективно применять языковые средства в правовой деятельности» [9, с. 209]). Учителя средней школы затрудняются с определением данного термина: при опросе выяснилось, что чаще всего преподаватели русского языка не слышали и не знают, как трактовать данное понятие; более творческие учителя попытались объяснить этот термин через

семантику корня «юрис», сделав вывод о связи языка и юриспруденции и расшифровав слово «юрислингвистика» как «функционирование специальных юридических терминов, язык законов». Однако на второй вопрос: «Какие темы и разделы курса русского языка в школе наиболее важны для изучения будущими юристами» – большинство школьных учителей ответили, что при подготовке любого специалиста необходимы глубокие знания всех аспектов русского языка, и лишь часть преподавателей отметили, что особое внимание нужно уделять изучению орфоэпических норм, функционирования официально-делового стиля.

Таким образом, школьные учителя имеют весьма приблизительное представление о специфике изучения русского языка будущими юристами, считая, что знаний, получаемых в школе (при условии добросовестного подхода к учебе), должно быть достаточно.

Какие же темы и разделы школьного курса русского языка наиболее важны для формирования коммуникативной и лингвистической компетенций будущих юристов? Обратимся к Примерным программам по русскому языку для общеобразовательных школ [5–7] и сравним их содержание с содержанием, например, «Учебного пособия для юристов» [8].

Авторы данного пособия предлагают акцентировать внимание на следующих разделах:

- официально-деловой стиль речи;
- лексические нормы деловой речи;
- морфологические нормы;
- синтаксические нормы;
- нормы пунктуации;
- нормы орфографии;
- орфоэпические нормы;
- коммуникативные качества деловой речи [8, с. 2].

Материал по всем этим разделам представлен и в школьной программе в достаточном объеме. Но главной отличительной чертой пособия является то, что в качестве практических заданий представлены «упражнения, составленные на основе анализа существующих судебных документов» [8, с. 3], т.е. студенты изучают языковые и речевые нормы, опираясь на фактический материал, имеющий узкоспециальную направленность.

Также, по сравнению с программой школьного курса, в преподавании русского языка для студентов юридических факультетов особое внимание должно быть уделено изучению функциональных

стилей языка в целом и официально-делового стиля в частности, анализу его лингвистических особенностей и тех нюансов, которые для общего образования не играют значительной роли. Недостаток изучения этой темы в школе заключается как раз в том, что рассмотрение ее происходит лишь в общих чертах: дается характеристика стилей, сфера их употребления, основные жанры и некоторые, наиболее яркие, языковые особенности. Так, Примерной программой ООО [5, с. 73] предлагаются к изучению лишь следующие жанры официально-делового стиля: расписка, доверенность, заявление, резюме, – что для будущего юриста недостаточно.

Не рассматриваются в школьной программе подстили официально-делового стиля, не акцентируется внимание на таких лингвистических особенностях, как предпочтение родовых понятий видовым, частое употребление инфинитивов, сложных слов, словосочетаний с составными отыменными предлогами, а данные знания являются необходимыми при подготовке будущего юриста.

Лексические же нормы в школе рассматриваются довольно подробно. К особенностям формирования юрислингвистической компетенции можно отнести следующие аспекты:

- изучение функционирования юридических терминов, в том числе терминов иноязычного происхождения, явления синонимии и антонимии терминов;
- обогащение лексикона будущих юристов специальными словами и словосочетаниями;
- формирование умения кратко, но в то же время полно излагать мысли и факты во избежание неясностей и даже комичности речи (необъяснимая любовь работников следственных органов к «раздутым» конструкциям зачастую становится темой для анекдотов, а шедевры типа «деятельность по осуществлению мероприятий по розыску преступников, совершивших преступление закона» регулярно пополняют банк отрицательного материала преподавателей русского языка).

Из особенностей изучения норм морфологии особое внимание будущих юристов может быть обращено на такие темы, как:

- функционирование собственных имен существительных (склонение фамилий, род собственных наименований, род сложносокращенных слов и аббревиатур);
- нюансы лексического значения полных и кратких имен прилагательных;
- употребление собирательных имен числительных и склонение числительных;

- ошибки в употреблении местоимений;
- нюансы лексического значения глаголов совершенного и несовершенного вида.

Все данные темы изучаются в курсе русского языка в школе, однако в процессе подготовки юристов эти же вопросы рассматриваются и в другом аспекте – с точки зрения точности и однозначности передаваемой информации, так как даже малейшая неясность или двусмысленность может повлиять на исход дела в суде, например.

Важно отметить, что в школе не изучается такая тема, как употребление отглагольных существительных вместо однокоренных глаголов [8, с. 50], а также детально не рассматриваются способы написания дат и чисел [8, с. 44].

Синтаксическим, пунктуационным и орфографическим нормам на уроках русского языка в школе уделяется достаточно внимания, к тому же сейчас получают распространение именно электронные версии документов, а значит на помощь пишущим приходят различные компьютерные программы, помогающие грамотно оформить текст.

Наибольшее же затруднение и у школьников, и у студентов обычно вызывают орфоэпические нормы. Причина кроется в том, что, например, ударение в русском языке свободное, т.е. нельзя выучить раз и навсегда какие-то унифицированные правила, зачастую даже формы одного и того же слова имеют разные ударные слоги. Выбор твердого или мягкого произношения согласных также носит традиционный характер и не регулируется правилами. Особое внимание будущих юристов должно быть уделено ставшим уже почти профессиональными ошибкам в ударениях: возбУждено, осУжден, прИговор.

Очень поверхностно в курсе русского языка в школе рассматриваются качества хорошей речи: такие понятия, как точность, логичность, полнота, краткость и чистота речи не раскрываются ясно и подробно, не анализируются и образцы ораторской речи.

Важным умением, формируемым на уроках, является умение пользоваться справочной литературой и словарями. Несомненно, данное умение пригодится и юристам, другое дело, что зачастую одно и то же слово в разных источниках может получить и разную трактовку, а потому должен быть, видимо, единый перечень словарей и справочников, рекомендованных для использования в работе госслужащих.

Конечно, школьные программы по русскому языку не могут полностью удовлетворять потребностям всех специальностей, перед ними и цели такой нет. Однако при добросовестном отношении к процессу обучения, как со стороны школьников, так и со стороны преподавателей, результаты будут вполне успешными.

К тому же необходимо отметить, что в общеобразовательных учреждениях вариативность обучения обеспечивается с помощью школьного компонента. Это целая система факультативов и элективов. При достаточном количестве желающих в 9–11 классах могут быть организованы спецкурсы с ориентировочным названием «Русский язык для юриста», «Культура речи юриста», в рамках которых более широко и на базе примеров из специальной литературы могут рассматриваться те аспекты русского языка, которые входят в понятие юрислингвистической компетенции. Более узко подобные темы могут быть проанализированы в рамках проектной деятельности школьников, при подготовке к научно-практическим конференциям и, наконец, на индивидуальных консультациях.

Таким образом, в формировании коммуникативной и лингвистической компетенции будущих юристов именно школьное образование играет основополагающую роль, все последующее обучение – в вузе или средне-специальном учреждении – способствует углублению полученных знаний и совершенствованию умений и навыков.

Список литературы

1. Примерные программы по учебным предметам. Русский язык. 5–9 классы. (Серия «Стандарты второго поколения»). – 3-е изд., до-
раб. – М. : Просвещение, 2011. – 112 с.
2. URL: <http://egeigia.ru/all-gia/demoversii-gia/russkiy-yazyk> (Демон-
страционные варианты ГИА)
3. URL: [http://egeigia.ru/all-ege/demoversii-ege/russkiy-yazyk/783-de-
mo-ege-2013-russkiy](http://egeigia.ru/all-ege/demoversii-ege/russkiy-yazyk/783-de-
mo-ege-2013-russkiy) (Демонстрационные варианты ЕГЭ)
4. Методическое письмо о преподавании учебного предмета «Рус-
ский (родной) язык» в условиях введения федерального компонента го-
сударственного стандарта общего образования / авт.-сост.: Т. Е. Василь-
ева, И. Н. Иванова // Русский язык. Содержание образования : сб. нор-
мативно-правовых документов и методических материалов. – М. : Вен-
тана-Граф, 2007. – 144 с.
5. Примерная программа основного общего образования по рус-
скому языку / авт.-сост.: Т. Е. Васильева, И. Н. Иванова // Русский язык.
Содержание образования : сб. нормативно-правовых документов и ме-
тодических материалов. – М. : Вентана-Граф, 2007. – 144 с.

6. Примерная программа среднего (полного) общего образования по русскому языку. Базовый уровень / авт.-сост.: Т. Е. Васильева, И. Н. Иванова // Русский язык. Содержание образования : сб. нормативно-правовых документов и методических материалов. – М. : Вентана-Граф, 2007. – 144 с.

7. Примерная программа среднего (полного) общего образования по русскому языку. Профильный уровень / авт.-сост.: Т. Е. Васильева, И. Н. Иванова // Русский язык. Содержание образования : сб. нормативно-правовых документов и методических материалов. – М. : Вентана-Граф, 2007. – 144 с.

8. Мещерякова, О. В. Основы деловой речи : учеб. пособие для юристов / О. В. Мещерякова, О. В. Барабаш, М. А. Голованова. – Пенза : ИИЦ ПГУ, 2010. – 130 с.

9. Барабаш, О. В. Преемственность в системе формирования юрислингвистической компетенции / О. В. Барабаш // Вестник ПГЛУ. – Пятигорск, 2012. – № 4. – С. 209–213.

Я. А. Осмоловская
*старший преподаватель,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск*

ЗНАЧЕНИЕ УЧАСТИЯ НОТАРИАТА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ТОЛКОВАНИЯ ДОГОВОРОВ

Исследуются проблемы, которые возникают при толковании сделок. В частности, обращается внимание на роль нотариата в процессе толкования сделок. Делается вывод, что буквальное значение условий договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. Вместе с этим указывается, что воля сама по себе, пока она не выражена определенным образом, доступным для третьих лиц способом путем волеизъявления, не рассматривается и не может рассматриваться в качестве юридического факта, имеющего значение. Нотариус, на наш взгляд, является своего рода гарантом правомерности юридического оформления волеизъявления того или иного лица.

Ключевые слова: воля, волеизъявление, толкование сделки, гарантия сделок с недвижимостью, нотариат.

Очень часто текст сделки не дает возможность однозначно определить действительную волю сторон. Как бы подробно и внимательно ни определяли контрагенты условия своего договора, они все же не в состоянии предусмотреть всех вопросов и сомнений, которые могут позднее возникнуть, соответственно, многие договоры вызывают потребность в разъяснении их смысла. В связи с этим следует особо обратить на институт толкования сделок.

Толкование условий сделки имеет очень важное значение не только при рассмотрении споров в суде, но и при определении истинной воли субъекта, заключающего сделку с недвижимостью.

Толкование договора необходимо не только для уяснения содержания его условий, но оно требуется, в частности, для правильного решения всех правовых вопросов, связанных с заключением и исполнением договора, например таких, как действительность договора и срок его действия, определение вида договора, значение последующих его изменений и их влияние на первоначальные обязательства сторон.

Д. И. Мейер, например, указывал, что при толковании сделки следует руководствоваться ее буквальным смыслом, что не всегда возможно, поскольку «сделки заключает всякий гражданин: и образованный, у которого развит дар слова, и необразованный» [1, с. 210].

После первичного выявления воли лица, основанного на его волеизъявлении, нотариус должен разрешить одну из самых главных проблем – установить: является ли волеизъявление истинным, т.е. соответствует ли то, что изложило лицо, тому, что оно на самом деле намеревалось сделать, имело в виду и т.д.

Главными руководящими правилами при толковании сделки, по мнению Д. И. Мейера, должны быть следующие: «а) при неясности буквального смысла сделки следует толковать ее согласно ее существу, по намерению и доброй совести участников сделки, т.е. необходимо раскрыть истинную волю сторон, недостаточно выраженную словами; б) при неясности части сделки следует объяснить эту часть посредством другой, ясной части, следовательно, одна часть сделки поясняется другой; в) необходимо придавать сделке такой смысл, при котором она оказывается законной, действительной: предполагается, что участники сделки желают постановить нечто законное, действительное, нарушение закона не предполагается; г) когда из самой сделки нельзя понять ее смысл из-за недостаточного подробного определения юридических отношений, устанавливаемых сделкой, то следует обратиться к законодательству: оно дает очень много определений о различных сделках на случай, если граждане не вполне определили свои взаимоотношения по сделке; д) когда сделка двусмысленна, так что по одному значению влечет для лица, обязанного по сделке, более тяжкие последствия, нежели по другому, то сделка толкуется в пользу лица обязанного. Это правило основывается на том соображении, что лицо, обязанное по сделке, находится в худшем положении, нежели лицо, приобретающее право, и поэтому нуждается в большем внимании к себе. Кроме того, имеется еще в виду, что лицо, приобретающее право по сделке, само должно позаботиться о точном определении права; в противном случае пусть пеняет на себя. Если же все усилия определить смысл сделки оказываются безуспешными, сделка считается недействительной; значит, воля участников не выражена достаточно ясно и невозможно установить между ними какие-либо юридические отношения. Например, законодательство определяет, что духовное завещание недействительно, если оно не указывает ясно лицо наследника или не определяет ясно имущество, о котором делается завещательное распоряжение» [1, с. 210–211].

В дореволюционном гражданском праве закон, так же как и в настоящий момент, устанавливал буквальное толкование, утверждая, что договоры должны быть изъясняемы по словесному смыслу.

Например, Г. Ф. Шершеневич указывал: «Если с внешней стороны текст договора не возбуждает важных сомнений, то суд обязан придерживаться буквального смысла, хотя бы из всех обстоятельств дела обнаруживалось несоответствие его истинному намерению контрагентов. Только в случае важных сомнений, возбуждаемых словесным смыслом, закон предлагает изъяснить договоры по намерению сторон и доброй совести, тем самым допуская, что словесное толкование может привести к выводам, несовместимым с доброй совестью. Очевидно, важность сомнения, которая давала бы право суду перейти от буквального толкования к толкованию намерений, составляет вопрос каждого отдельного случая. Суд, конечно, охотно будет признавать ее наличие, но следует иметь в виду, что обстоятельство это может послужить поводом к кассации, так как Сенат хотя и относит толкование договоров к существу дела, однако под предлогом явного извращения смысла договоров весьма часто принимает к своему ведению толкование договоров» [2, с. 310].

При толковании по намерению дореволюционный закон указывал на следующие правила:

1. Слова двусмысленные должны быть изъясняемы в смысле, наиболее соответствующем существу главного предмета в договорах.

2. Не следует обращать внимания, если в договоре упущено такое слово или выражение, которое вообще и обыкновенно в договорах употребляется и которое потому само собой разумеется.

3. Неясные статьи договора объясняются по тем, которые не возбуждают сомнения.

4. Когда выражения, в договоре помещаемые, не определяют предмета во всех его частях с точностью, тогда следует обращаться к заведенному порядку.

5. Ввиду того, что от верителя, как наиболее в том заинтересованного, зависело определить содержание обязательства с большей точностью, сомнение в договоре следует толковать в пользу должника [2, с. 311].

В настоящее время, когда заключение различных сделок и в частности сделок, предметом которых является недвижимое имущество становится основным правовым документом, определяющим права и обязанности сторон, проблема толкования условий договора приобретает важное значение.

В действующей редакции Гражданского кодекса РФ в ст. 431 ГК РФ «Толкование договора», законодатель обращает внимание на действия суда, которые необходимо осуществить при толкова-

нии условий договора. Так, в указанной статье говорится о том, что судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений, т.е. их семантическое (смысловое) значение в общепринятом в русскоговорящем обществе словопотреблении.

Буквальное значение условий договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом. При этом п. 2 ст. 431 Гражданского кодекса РФ гласит: «...если правила, содержащиеся в части первой настоящей статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора».

Как и любая сделка, договор представляет собой волевой акт. Так, согласно п. 1 ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Следовательно, решение вопроса о том, заключать или не заключать договор, зависит от воли потенциальных контрагентов.

Однако этот волевой акт обладает присущими ему специфическими особенностями. Он представляет собой не разрозненные волевые действия двух или более лиц, а единое волеизъявление, выражающее их общую волю. Для того чтобы эта общая воля могла быть сформирована и закреплена в договоре, она должна быть свободна от какого-либо внешнего воздействия.

Следовательно, воля занимает в гражданском праве особое значение, так как является основой для формирования, прежде всего, свободных гражданско-правовых отношений.

При этом, остается дискуссионным вопрос относительно того, что является первичным по отношению друг к другу свобода или воля.

В. И. Даль в Толковом словаре определяет свободу как свою волю, простор, возможность действовать по-своему [3, с. 251].

П. Я. Черных в своем труде «Историко-этимологический словарь современного русского языка» также определяет свободу как синоним слов «независимость» и «воля» [4, с. 164].

В словаре Брокгауза и Эфрона свобода воли уравнивается со свободой выбора и отмечается, что вопрос этот сводится к общему вопросу о степени и способе зависимости деятельности человека от внешних и внутренних причин, ее определяющих» [5, с. 156].

Из указанных источников мы видим, что свобода определяется именно через волю, т.е. действовать свободно – это значит действовать согласно своей воле.

Следовательно, употребляя понятие «свобода воли» мы обозначаем, прежде всего, осуществление различных действий в рамках закона, но без какого-либо принуждения.

Следует отметить, что свобода воли – это, прежде всего, внутреннее намерение лица, направленное на реализацию конкретной правовой цели. При этом посредством выражения вовне оно становится понятным другим лицам и именуется волеизъявлением.

До сих пор в цивилистике среди правоведов и ученых нет единого мнения относительно определения и соотношения понятий воли и волеизъявления.

Во многом это связано с тем, что понятия «воля» и «волеизъявление» не имеют однозначного юридического толкования, так как заимствованы из психологии, медицины, философии.

По нашему мнению, понятия «воля» и «волеизъявление» необходимо рассматривать комплексно, изучая различные позиции ученых по данным категориям. Обратим внимание, прежде всего на точки зрения специалистов психологии и философии.

С точки зрения психологии, воля – сторона сознания, его деятельное и регулирующее начало, призванное создать усилие и удерживать его так долго, как это надобно. Способность человека достигать поставленных целей в условиях преодоления препятствий, поставляемая в самой детерминации и придать этим предположениям юридически обязательную силу, с другой стороны, объективное право не порождает никаких реальных последствий, а устанавливает только абстрактные критерии, на основании которых производится оценка силы и значения конкретных волевых актов, облеченных в форму сделки [6].

В. А. Ойгензихт считает, что «воля – психическое регулирование поведения, заключающееся в детерминированном и мотивированном желании достижения поставленной цели, в выборе решения, разработке путей, средств и применение усилий для их осуществления. Таким образом, это единый, комплексный процесс психического регулирования поведения субъекта» [7, с. 24].

Л. Д. Столяренко понимает волю следующим образом: «Воля есть сознательное регулирование человеком своего поведения и деятельности, связанное с преодолением внутренних и внешних препятствий» [8, с. 71].

Философы рассматривают волю как независимое от внешних воздействий и обстоятельств и не связанное с объективной необходимостью свойство, а действия и поступки человека – как проявление «свободной воли».

Надо заметить, что общим моментом в рассмотрении воли, как для психологии и философии, так и для юриспруденции является рассмотрение воли в «динамике», выделении, так называемых этапов.

Например, Ф. Энгельс выделяет такие этапы воли, как: 1) постановка и осознание цели; 2) принятие решения действовать; 3) выбор наиболее целесообразных способов осуществления действия; 4) исполнение решения [9, с. 72].

Л. Д. Столяренко, говоря о сложном волевом действии, выделяет следующие этапы: 1) осознание цели и стремление достичь ее; 2) осознание ряда возможностей достижения цели; 3) появление мотивов, утверждающих или отрицающих эти возможности; 4) борьба мотивов и выбор; 5) принятие одной из возможностей в качестве решения; 6) осуществление принятого решения; 7) преодоление внешних препятствий, объективных трудностей самого дела, всевозможных помех до тех пор, пока принятое решение и поставленная цель не будут достигнуты, реализованы.

Таким образом, внутреннюю часть волевого процесса образуют взятые в совокупности и во взаимодействии мотив, субъективное представление о правовой цели и о соответствии совершаемого субъектом действия требованиям норм и принципов права.

Однако воля сама по себе не способна породить юридические последствия. Для этого она должна быть выражена вовне.

По этому поводу Ф. С. Хейфец указывает, что, несмотря на то, что воля имеет большое значение для права и составляет необходимую предпосылку возникновения права, являясь только внутренней волей лица, она не способна влиять на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав или обязанностей. Для этого внутренняя воля должна стать достоянием других лиц, она должна быть проявлена вовне, ибо воля, не проявленная вовне, не имеет юридического значения.

Д. И. Мейер также говорит о том, что не достаточно одного существования воли: область права обнимает только внешние действия, подлежащие наружному определению [1, с. 150].

А. В. Кашанин справедливо замечает, что воля имеет сугубо субъективный характер и относится к области внутреннего, психического состояния, что не позволяет воспринимать ее непосредственно. О содержании воли можно судить лишь по волеизъявлению.

В связи с этим в науке гражданского права сформировалось три основных подхода к вопросу о соотношении воли и волеизъявления:

- 1) приоритет имеет воля;
- 2) приоритет имеет волеизъявление;
- 3) значение воли и волеизъявление равнозначны.

К сторонникам первого подхода можно отнести И. А. Покровского, В. П. Шахматову, а также Н. В. Рабинович.

И. А. Покровский, изучая проблему соотношения воли и волеизъявления, признавал приоритет принципа воли над волеизъявлением [10, с. 246].

Н. В. Рабинович полагает, что при расхождении волеизъявления и воли, при распознаваемости последней предпочтение должно быть отдано воле, а не волеизъявлению, причем, «коль скоро действительная воля нашла внешнее выражение, необходимо с нею считаться всегда, а не только в случаях, указанных в законе» [11, с. 7].

Сторонников той точки зрения, что приоритет имеет волеизъявление, можно разделить еще на две группы: в первую можно отнести тех, кто отдает предпочтение волеизъявлению однозначно, а во вторую – с оговоркой, что воля также имеет значение, однако в том случае, если волеизъявление не позволяет сделать вывод о намерении сторон.

Поскольку в сделках «юридические последствия связываются именно с волеизъявлением, благодаря чему и достигается устойчивость сделок и всего гражданского оборота в целом, И. Б. Новицкий считает приоритетным именно волеизъявление [12, с. 66].

Так, В. И. Сергеев говорит о том, что «определяющим элементом сделки является волеизъявление сторон. Если нет волеизъявления на ту или иную сделку или ее отдельный элемент, то не существует и самой сделки или, соответственно ее части» [13, с. 58].

С. В. Занковская также в качестве общего правила предлагает руководствоваться выражением воли, придавая ему юридическое значение [14, с. 7].

О. С. Иоффе обозначил указанные выше позиции как «теорию воли» и как «теорию волеизъявления» [15, с. 100].

Третью позицию – о равнозначности воли и волеизъявления занимает большинство цивилистов. Данное мнение было высказано такими цивилистами, как М. М. Агарков, О. А. Красавчиков, О. С. Иоффе, Ф. С. Хейфец. Учеными отмечается, что условием действительности сделки закон признает совпадающие волю и волеизъявление, следовательно, в случаях несоответствия воли и волеизъявления возникает неизбежность признания сделки недействительной. «Оба эти элемента совершенно необходимы и равнознач-

ны. Только в их единстве заложена сущность сделки. Отсутствие любого из этих элементов означает отсутствие сделки» [16, с. 8].

При этом отмечается, что нельзя противопоставлять внутреннюю волю и способ ее проявления вовне. Намерения лица должны получить выражение в содержании действия и его форме. Именно в этом значении закон говорит о волеизъявлении, но исходит он из безусловного единства воли и волеизъявления, не отдавая предпочтения ни одному, ни другому.

В качестве примера можно привести следующее утверждение Ф. С. Хейфеца: «В сделке следует различать два элемента: волю (субъективный) и волеизъявление (объективный). Оба эти элемента совершенно необходимы и равнозначны».

Такой же точки зрения придерживается В. В. Кудашкин, который говорит о том, что «любая сделка – это волевой акт, состоящий из неразрывного единства двух элементов: воли – субъективный элемент и волеизъявления – объективный элемент. Отсутствие любого из этих элементов не приводит к совершению сделки» [17, с. 19].

Интересно отметить вывод, к которому приходит М. И. Брагинский. Он пишет, что именно воля составляет основу сделок, а с другой стороны, сделка, поскольку она является действием, есть результат воли, другими словами, сделка это ни что иное, как волеизъявление. Кроме того, как считает М. И. Брагинский, нельзя «ставить впереди изъявления волю», так как «всякий раз, заключив договор, до полного его прекращения сторона должна опасаться поступления от контрагента требования признать договор недействительным, ссылаясь на то, что "сделал не то, что хотел (хотел и мог сделать)"», но, с другой стороны, нельзя говорить о примате волеизъявления, «ибо следствие не может быть поставлено впереди причины» [18, с. 172].

Таким образом, свободная воля лица означает, прежде всего, свободу выбора. Выбор его выражается в волеизъявлении. Выбрав нечто, мы изъявляем этот выбор всему обществу и себе. Это изъявление выражается в конкретном деянии (действии или бездействии). Поэтому только деяние как таковое, понятое в целом, может рассматриваться как волеизъявление.

Однако воля сама по себе, пока она не выражена определенным образом, доступным для третьих лиц способом путем волеизъявления, не рассматривается и не может рассматриваться в качестве юридического факта, имеющего значение.

Решение лица совершить сделку доводится до сведения других лиц посредством волеизъявления. Естественно, что воля, про-

явленная вовне, не перестает быть волей, но только таким способом она становится известной другим участникам гражданского оборота и может порождать правовые последствия.

Несомненно, основополагающим требованием к волевому процессу выступает соответствие волеизъявления лица его намерению совершить сделку. В ином случае нарушается должный порядок формирования сделки, не соблюдается единство воли и ее изъявления. Однако далеко не всегда в такой ситуации возникает необходимость признания сделки недействительной, поскольку более правильным будет установление истинной воли субъекта, если она была выражена вовне и ее подлинный смысл может быть выявлен впоследствии.

Волеизъявление – это выражение, внешнее проявление воли. Именно волеизъявление как внешне выраженная воля может быть подвергнуто правовой оценке, однако, будучи изъявленной, воля сохраняет свое правовое значение. Это проявляется в необходимости учитывать волю лица наряду с существующим волеизъявлением либо даже, несмотря на него.

Тот факт, что на поверхности находится волеизъявление, не означает, что закон ему придает решающее значение в противовес внутренней воле. Волеизъявление – это единственный способ сообщения о действительной внутренней воле субъекта другим участникам гражданского оборота. Поэтому волеизъявление – следствие свободной воли субъекта сделки и должно выражать ее действительное содержание.

Для действительности сделки необходимо соответствие воли и волеизъявления лица. Такое соответствие презюмируется гражданским законодательством, поэтому обратное должно быть доказано сторонами.

Говоря о соотношении воли и волеизъявления, очевидно, что лишь совпадение воли и содержания волеизъявления, оформленного соответствующим образом, может рассматриваться как «истинное» и «беспорное».

На наш взгляд, одной из важнейших гарантий того, чтобы воля субъекта при реализации правовых норм соответствовала его волеизъявлению является деятельность нотариата по удостоверению сделок.

Следует обратить внимание на то, что одной из важнейших целей нотариата является обеспечение защиты прав и законных интересов путем совершения предусмотренных законодательством нотариальных действий, придавая волеизъявлению субъектов юридическую силу.

Нотариус, на наш взгляд, является своего рода гарантом законности сделки или правомерности юридического оформления волеизъявления того или иного лица. Он проверяет сделки на соответствие их закону.

Так, по мнению З. Мамишева, нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью предусматривалось для того, чтобы с помощью представителя государства и квалифицированного юриста - нотариуса устранить все возможные противоречия между сторонами, внести ясность в их взаимоотношения, обеспечить соответствие формы и условий договора требованиям закона во избежание имущественных споров, предоставить сторонам квалифицированную помощь [19, с. 17–18].

Изложенное выше, на наш взгляд, позволяет признать, что нотариальная форма придает сделке достоверность, вносит ясность во взаимоотношения сторон по вопросу ее содержания и факта ее совершения. Нотариальное удостоверение сделки обеспечивает возможность доказывания определенных фактов в суде, в том числе при толковании сделок.

Таким образом, нотариальное удостоверение сделок с недвижимым имуществом является серьезной гарантией защиты прав граждан и юридических лиц, участвующих в сделке.

Список литературы

1. Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – 10-е изд. – Пг., 1915. – С. 106.
2. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Спарк, 1995. – С. 310.
3. Даль, В. Толковый словарь живого русского языка / В. Даль. – М., 1996. – Т. 3. – С. 251.
4. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М., 1999. – Т. I. – С. 164.
5. Малый энциклопедический словарь : в 4 т. // Репринтное воспроизведение издания Брокгауза–Эфрона. – М., 1994. – Т. 4.
6. Гримм, Д. Д. Лекции по догме римского права / Д. Д. Гримм. – Воспроизводится по пятому изданию. – М. : Зерцало, 2003. – СПб., 1916 // Справочная система ГАРАНТ.
7. Ойгензихт, В. А. Воля и волеизъявление / В. А. Ойгензихт. – Душанбе, 1983. – 24 с.
8. Столяренко Л. Д. Основы психологии / Л. Д. Столяренко. – Ростов н/Д, 1997. – 71 с.
9. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М., 1987. – 73 с.

10. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – М., 1998. – С. 246.
11. Рабинович, Н. В. Недействительность сделок и ее последствия / Н. В. Рабинович. – Л., 1960. – С. 7.
12. Новицкий, И. Б. Сделки. Исковая давность / И. Б. Новицкий. – М. : Юридическая литература, 1954. – С. 66.
13. Сергеев, В. И. Лжесделки: распознавание и способы предупреждения / В. И. Сергеев // Право и экономика. – 2001. – № 7. – С. 58–64.
14. Занковская, С. В. Существенное заблуждение в сделке в советском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Занковская С. В. – М., 1950. – С. 7.
15. Иоффе, О. С. Избранные труды про гражданскому праву / О. С. Иоффе. – М. : Статут, 2000. – 105 с.
16. Хейфец, Ф. С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву / Ф. С. Хейфец. – М. : Юрайт-М, 2001. – С. 8.
17. Кудашкин, В. В. Коллизионные аспекты недействительности сделок в области экспорта продукции военного назначения и последствия признания их недействительными / В. В. Кудашкин // Юрист. – 2000. – № 2. – С. 19–28.
18. Брагинский, М. И. Договорное право. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М., 2002. – Кн. первая. – С. 169–172.
19. Мамишев, З. Нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью обязательно / З. Мамишев // Российская юстиция. – 1996. – № 8. – С. 17.

Ю. Е. Паулова

*кандидат юридических наук, доцент,
Мордовский государственный педагогический
институт им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ И СВОБОД

Требования юридической техники особое значение приобретают в сфере реализации прав и свобод, так как от четкости и логичности изложения содержания нормативно-правового акта зависит эффективность его применения. В данной статье раскрываются основные способы законодательного закрепления ограничений прав и свобод в текстах нормативно-правовых актов различных отраслей права, а также указывается на трудности выявления и устранения неправомерных ограничений.

Ключевые слова: ограничение, права и свободы, законодательство, юридическая техника, способ законодательного закрепления, нормативно-правовой акт.

Правотворчество – сфера воплощения воли законодателя в определенную юридическую форму, которая становится способом доведения данной воли до адресата. От того, насколько четко и логично изложено содержание того или иного нормативно-правового акта, зависит не только уровень восприятия текста данного акта, но и эффективность его применения. Особое значение требования юридической техники приобретают в сфере реализации прав и свобод граждан.

Представляется очевидным, что нормы, ограничивающие права и свободы, должны быть предельно ясными, четкими, точными, не допускающими расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, их произвольного применения. Анализ практики Конституционного суда РФ по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан позволил сделать вывод о том, что данное требование устанавливается посредством применения принципа прямого и недвусмысленного установления законодательством ограничения прав и свобод.

Так, в Постановлении от 30 января 2001 г. Конституционный суд РФ указал со ссылкой на п. 6 и 7 ст. 3 Налогового кодекса, что акты законодательства о налогах и сборах должны быть сформулированы таким образом, чтобы каждый точно знал, какие налоги (сборы), когда и в каком порядке он должен платить, причем все

неустранимые сомнения, противоречия и неясности таких актов должны толковаться в пользу плательщика налога и сбора [1].

Категория «ограничение» может по-разному закрепляться в законодательстве. В некоторых случаях установление ограничений прав и свобод осуществляется посредством самого термина «ограничение». Причем данный термин может употребляться как в названиях самих нормативно-правовых актов (например, Федеральный закон от 7 марта 2005 г. № 11-ФЗ «Об ограничениях розничной продажи и потребления (распития) пива и напитков, изготавливаемых на его основе», Федеральный закон от 10 июля 2001 г. № 87-ФЗ «Об ограничении курения табака»), так и в их текстах (например, ст. 56 Земельного кодекса называется «Ограничение прав на землю»; п. 2 ст. 49 Гражданского кодекса устанавливает: «Юридическое лицо может быть ограничено в правах лишь в случаях и в порядке, предусмотренных законом»; ст. 413 Трудового кодекса гласит: «Право на забастовку может быть ограничено федеральным законом»).

Для законодательного закрепления отдельных ограничений прав и свобод в различных отраслях права используется множество способов их выражения в текстах нормативно-правовых актов.

Одним из распространенных способов является запрет. Запрет как способ законодательного закрепления ограничения прав и свобод выражается в лишении субъекта возможности пользования определенным правом. Свое юридическое выражение запрет находит с помощью таких конструкций, как: «не вправе», «не может», «запрещено» и т.д. Запреты могут быть общие и специальные. Общие запреты распространяются на всех субъектов права, например, ч. 2 ст. 35 Конституции РФ запрещает экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию. Специальные запреты касаются возможностей пользования правами и свободами отдельных категорий субъектов. Так, например, ст. 17 Федерального закона РФ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2] устанавливает, что гражданский служащий не может участвовать на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организации, за исключением случаев, установленных федеральным законом, осуществлять предпринимательскую деятельность, приобретать ценные бумаги, по которым может быть получен доход.

К способам законодательного закрепления ограничения прав и свобод относятся юридические факты-ограничения, которые со-

держатся в гипотезе правовых норм. Примером фактов-ограничений прав и свобод является факт состояния в одних правоотношениях, который препятствует возникновению других. Например, выполнение определенных профессиональных функций влечет недопустимость занятия иной оплачиваемой деятельностью. Так, законодательством Российской Федерации ограничивается право на занятие предпринимательской деятельностью для лиц, осуществляющих властные функции: членов Правительства России, Уполномоченного по правам человека в РФ, судей Конституционного суда РФ, депутатов, работающих на постоянной основе, выборных должностных лиц, членов Центральной избирательной комиссии РФ, членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы, депутатов законодательного (представительного) органа субъекта РФ, осуществляющих деятельность на профессиональной основе; прокурорских работников, мировых судей, военнослужащих, муниципальных служащих, сотрудников таможенных органов, сотрудников органов ФСБ и т.д.

Ограничением прав и свобод является возложение обязанности. Юридические обязанности направлены на сдерживание обязанного лица от совершения действий в собственных интересах и устанавливают необходимость совершения действий в интересах управомоченного лица. Обязанности, предусмотренные законом, устанавливают способ поведения обязанного лица и тем самым ограничивают его действия от иных поступков. С. С. Алексеев указывает, что позитивные обязывания выражаются «в возложении на лиц юридических обязанностей активного содержания, т.е. в обязанностях конкретизированного характера – обязанностях тех или иных лиц построить свое активное поведение так, как это предусмотрено в юридических нормах» [3].

Способом закрепления ограничений прав и свобод в нормативно-правовых актах также является ответственность. Ответственность в данном понимании заключается в претерпевании лицом, совершившим правонарушение, определенных, установленных законодательством мер личного, имущественного или организационного характера. Например, ст. 47 Уголовного кодекса РФ предусматривает в качестве наказания лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, что включает в себя запрещение занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью.

Способом законодательного закрепления ограничений прав и свобод является установление дополнительных требований к субъектам для того, чтобы воспользоваться принадлежащим ему правом. Например, п. 2 ст. 20 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4] устанавливает перечень требований, которым должен соответствовать гражданин РФ, чтобы быть арбитражным управляющим. К их числу, в частности, относятся: наличие высшего профессионального образования; стаж руководящей работы не менее чем год; сдача теоретического экзамена; отсутствие судимости за умышленные преступления и др.

Специфические способы законодательного закрепления ограничения прав и свобод можно выявить в отраслевом законодательстве. Так, ст. 1 Федерального закона РФ от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [5] устанавливает ограничения путем закрепления лимитов: «Лимиты на выбросы и сбросы загрязняющих веществ и микроорганизмов – ограничения выбросов и сбросов загрязняющих веществ и микроорганизмов в окружающую среду, установленные на период проведения мероприятий по охране окружающей среды, в том числе внедрения наилучших существующих технологий, в целях достижения нормативов в области охраны окружающей среды».

Земельный кодекс РФ закрепляет ограничение прав на землю посредством установления: 1) необходимости соблюдения правового режима земель, т.е. принадлежности к определенной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий; 2) оборотоспособности земельных участков путем перечисления земельных участков, изъятых из оборота или ограниченных в обороте.

Статья 213 Гражданского кодекса предусматривает две разновидности ограничения объектов права собственности граждан и юридических лиц: в зависимости от вида имущества (существует перечень имущества, которое может находиться только в государственной или муниципальной собственности (ядерные материалы, радиоактивные отходы, содержащие ядерные материалы, имеющие оборонное значение ядерные установки, радиационные источники и пункты хранения; животный мир; значительная часть водных объектов и др.) и по стоимости и количеству имущества (например, законом может быть установлен предельный размер земельного участка, находящего в собственности граждан или юридических лиц).

Законодатель может закрепить ограничение прав и свобод в нормативном акте не прямо, а косвенно. Это в основном характерно для управомочивающих норм, где ограничения как бы дополняют их, создают условия для более законного и справедливого воплощения в жизнь. В данном случае правовое ограничение выражается не прямыми, так сказать, операторами типа «запрещено», «обязан», «усилить ответственность», а операторами своего рода «оговорного плана»: «после», «только», «кроме», «но», «за исключением», «с условием» и т.п. [6].

Так, в ст. 28 Федерального закона РФ от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [7] сказано, что «ежемесячное денежное вознаграждение депутата Государственной Думы выплачивается ему со дня избрания, но не ранее даты увольнения с предыдущего места работы или временного приостановления его службы».

Закрепление ограничений прав человека возможно посредством технико-юридических приемов, которые имеют скрытый, неочевидный характер. М. Н. Козюк выделяет следующие скрытые, неочевидные ограничения: неадекватное определение субъекта отношений; установление правового режима объекта; отсылка в определении статуса субъекта [8]. Данные скрытые неочевидные ограничения, как правило, являются результатом технико-юридических недоработок законодателя.

Итак, под технико-юридическими способами законодательного закрепления ограничения прав и свобод следует понимать используемые в нормативных правовых актах юридические средства и конструкции, направленные на выражение сужения возможностей пользования правами и свободами. Многообразие существующих технико-юридических способов законодательного закрепления прав и свобод (запрет, обязанность, ответственность, установление дополнительных требований к субъекту и др.) зачастую приводит к появлению скрытых, неочевидных способов закрепления ограничений, в том числе неправомерных, что затрудняет деятельность соответствующих органов по их выявлению и устранению.

Список литературы

1. Постановление Конституционного суда РФ от 30 января 2001 г. № 2-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 7. – Ст. 701.

2. Федеральный закон РФ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

3. Алексеев, С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 1999. – 712 с.

4. Федеральный закон РФ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

5. Федеральный закон РФ от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

6. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект / А. В. Малько. – Саратов : Изд-во СГУ, 1994. – 362 с.

7. Федеральный закон РФ от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 2. – Ст. 74.

8. Козюк, М. Н. Выступление на круглом столе «Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву» / М. Н. Козюк // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 53.

Л. П. Перепелкина

*кандидат педагогических наук, доцент,
Пензенский государственный университет, г. Пенза*

КОНТЕКСТНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРЕ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА

В статье предлагаются методические подходы к формированию общего представления будущих юристов о судебной риторике на примере изучения рассказов А. П. Чехова «Случай из судебной практики» и Н. А. Тэффи «Модный адвокат».

Ключевые слова: защитительная речь адвоката, приемы создания комического, речевая деятельность обучающихся, профессиональное самоопределение студентов.

Становление квалифицированного специалиста требует активного привлечения всей системы профессиональной подготовки. Необходимо создание условий для трансформации учебно-познавательной деятельности в профессиональную. Эта трансформация происходит в ходе контекстного обучения, при котором «на языке наук и с помощью всей системы форм, методов и средств обучения, традиционных и новых, в учебной деятельности студентов последовательно моделируется предметное и социальное содержание их будущей профессиональной деятельности» [1].

Рассмотрим реализацию контекстного подхода в обучении литературе студентов юридического колледжа.

Так, на одном из занятий целесообразно рассмотреть произведения русской классической литературы, в которых иллюстрируются примеры судебного красноречия. Обращение к подобным произведениям способствует профессиональному становлению студентов, расширению их кругозора, совершенствованию коммуникативно-речевых умений, постижению нравственных основ жизни. Предлагаем для анализа рассказы А. П. Чехова «Случай из судебной практики» и Н. А. Тэффи «Модный адвокат».

Судебная речь – это публичное выступление, которое представляет собой изложение выводов оратора по конкретному делу и его возражения оппоненту. Судебная речь адресуется определенной аудитории: суду, другим участникам процесса и всем присутствующим в зале судебного заседания, формирует внутреннее убе-

ждение судей, помогает им глубже разобраться во всех обстоятельствах дела, всесторонне, полно и объективно исследовать эти обстоятельства, установить истину по делу и принять правильное решение.

Жанровыми разновидностями судебной речи являются речь обвинительная и речь защитительная.

Рассказ Чехова «Случай из судебной практики» – «вариант насмешек над риторикой, случай непредвиденного и даже обратного воздействия речи по отношению к желаемому оратором» [2]: под влиянием виртуозной защитительной речи знаменитого адвоката подсудимый признается в совершении преступления.

После чтения произведения Чехова предлагаем студентам определить тему рассказа и его пафос (юмористический, сатирический, иронический), сформулировать идею произведения, выявить, что в рассказе является объектом для смеха.

Объектом для смеха в рассказе является защитительная речь адвоката. Предлагаем обучающимся перечитать данный фрагмент произведения и проанализировать защитительную речь в соответствии с основными требованиями к речи адвоката:

- 1) ответственность выступления;
- 2) целевая направленность речи;
- 3) структура высказывания (вступление, главная часть, заключение);
- 4) доказательства в речи. Виды доказательств (естественные – свидетельства, показания, документы; искусственные – логические, этические, чувственные);
- 5) освещение в речи причин и условий содеянного;
- 6) характеристика личности подсудимого;
- 7) произнесение речи:
 - а) изобразительность и эмоциональность высказывания (лексика и фразеология, тропы, стилистические фигуры);
 - б) приемы управления вниманием аудитории: риторические вопросы, риторические восклицания, вопросно-ответное изложение материала и др.;
 - в) невербальные (неязыковые, неречевые) средства общения: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм, мимика, жесты, поза и др.

«Почему защитительная речь адвоката вызвала "обратный эффект"?» – вопрос, который подведет студентов к осмыслению че-

ховского приема комического в данном произведении – гиперболического выражения черты характера и поведения человека.

Работу над рассказом Н. А. Тэффи «Модный адвокат» предлагаем начать с «прогнозирования» сюжета произведения по его названию. Использование такого приема поможет обучающимся постичь особенности творческой манеры писательницы – «неожиданное употребление слова, его семантическое преобразование, переосмысление, создающее эффект комического шока и передающее парадоксальность обстоятельств и ситуаций, в которых оказываются герои ее рассказов» [3].

После чтения произведения предлагаем следующий блок вопросов и заданий, позволяющий студентам постичь природу комического рассказа Тэффи: О чем рассказ писательницы? Определите пафос произведения. В чем обвинялся Семен Рубашкин? Каков характер этого обвинения? Как адвокат объясняет причину того, что он взялся за это дело? Перечитайте фрагмент текста, представляющий собой «защитительное» слово адвоката. Каков результат адвокатской «защиты» и причины такого результата? Почему же адвокат Рубашкина назван «модным»? Докажите, что герой произведения Тэффи – «рядовой человек, в чью жизнь вторгается политика – грозная сила, перемалывающая всех и вся» [4]. Согласны ли вы с мнением литературоведа Л. А. Смирновой, считающей, что несоответствие является основным приемом создания комического в данном произведении? Какой смысл вкладывает писательница в заключительные слова: «Кошмар русской действительности!..»?

Так обучающиеся приходят к выводу, что в рассказе «Модный адвокат» писательница показывает, как безобидный журналист Семен Рубашкин, привлеченный к судебной ответственности «за распространение волнующих слухов о роспуске первой Думы», стараниями защитника, взявшегося за дело «из принципа», превращается в опаснейшего политического преступника, чуть ли не члена Боевой организации эсеров. В результате публика встречает адвоката, произнесшего пламенную революционную речь, овацией, а ничего не понимающий Рубашкин приговаривается судом к смертной казни.

Адвокат называется «модным» потому, что он отзывается «на злобу дня»: куда почетнее защищать «скрытую силу революционного движения», чем рядового журналиста, написавшего небольшую крамолу. Адвокат раздул свою значимость, представив дело Рубашкина так, что у суда оставался единственный выход – приговорить журналиста к смерти.

Несоответствие – основной приём создания комического в рассказе: сущность человека не совпадает с избранной им ролью.

На заключительном этапе занятия предлагаем обучающимся провести сравнительный анализ защитительных речей адвокатов, героя чеховского рассказа и героя рассказа Тэффи, в соответствии с планом риторического анализа судебной речи, предложенным Г. В. Пранцовой [5]:

1. Тема судебной речи (или фрагмента из нее).
2. Авторский замысел (с какой целью произносится речь?).
3. Тип речи (повествование; описание; рассуждение; сочетание разных типов речи).
4. Доказательства, аргументы, виды умозаключений.
5. Особенности плана и композиции.
6. Риторические фигуры.
7. Тропы и другие средства художественной выразительности.
8. Внутритекстовые связи (логические, лексические) [4].

Результатом занятия может стать творческая работа – создание защитительной речи на основе текста рассказа Чехова «Случай из судебной практики» или произведения Тэффи «Модный адвокат».

Таким образом, предложенные подходы дают обучающимся возможность получить общее представление о судебной риторике, совершенствовать собственные речевые умения, тем самым способствуя профессиональному становлению будущих юристов.

Список литературы

1. Вербицкий, А. А. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции / А. А. Вербицкий, О. Г. Ларионов. – М. : Логос, 2009. – С. 129.
2. Степанов, А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова / А. Д. Степанов. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 176.
3. Щербакова, А. В. Лексико-фразеологические средства создания языковой игры в художественной прозе авторов «Сатирикона» (на материале произведений А. Аверченко, Н. Тэффи, С. Чёрного) / А. В. Щербакова. – URL: <http://www.lib.ua-ru.net>
4. Николаев, Д. Д. Жемчужина русского юмора / Д. Д. Николаев. – URL: <http://www.bibliofond.ru>
5. Пранцова, Г. В. «Словом можно убить, словом можно спасти...»: азы судебной риторики // Г. В. Пранцова // Элективные курсы по литературе: 10–11 классы: Программы. Тематические планы. Методические рекомендации : хрестоматия. – М. : Вербум-М, 2006. – С. 113–114.

ТРУДНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ ЭРОТИЧЕСКОГО И ПОРНОГРАФИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Рассматриваются особенности правового регулирования информации эротического и порнографического содержания в современной российской журналистике.

Ключевые слова: эротика, порнография, правовое регулирование, журналистика.

Споры о сущности эротики и порнографии, о разграничении этих понятий остро ведутся в нашей стране. Это происходит потому, что на сегодняшний день нет закона, который бы четко формулировал, что в нашей стране понимается под порнографической информацией. Из-за этого у многих возникает негативное отношение к любому проявлению сексуальности (даже к совсем легкой эротике) в искусстве, литературе, журналистике. Кроме того, происходит размывание, смешивание и субъективизация терминов «эротика» и «порнография», придание негативного смысла изображению интимной сферы.

Существующие в России законы о порнографии слишком абстрактны в определениях и слишком категоричны и жестки в запретах, что дает повод либерально настроенным людям выступать с их критикой.

Одним из основных способов распространения эротической (порнографической) информации, несомненно, является журналистика. В ст. 4 действующего Закона РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 г. сказано: «Не допускается использование средств массовой информации... для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости» [1].

Здесь распространение порнографической информации стоит рядом с пропагандой насилия и жестокости и даже с призывами к

терроризму, что, конечно же, вызывает недоумение у большей части граждан. Однако законодательство опирается пока на другую часть – консерваторов, традиционалистов.

Но что же такое сегодня порнография? Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010, вступивший в силу с 1 сентября 2012 г., дает следующее определение информации порнографического характера: «...информация, представляемая в виде натуралистических изображения или описания половых органов человека и (или) полового сношения либо сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера, в том числе такого действия, совершаемого в отношении животного» [2]. В этой же статье поясняется, что натуралистическое изображение или описание – это «изображение или описание в любой форме и с использованием любых средств человека, животного, отдельных частей тела человека и (или) животного, действия (бездействия), события, явления, их последствий с фиксированием внимания на деталях, анатомических подробностях и (или) физиологических процессах» [2].

Такие определения очень размыты. Одно и то же изображение или описание разные люди могут воспринимать и как ярко натуралистические, и как недостаточно натуралистические. Кроме того, непонятно, что понимается под «сопоставимым с половым сношением действием сексуального характера». Точно так же невозможно из данного текста четко понять, что же считать «фиксированием внимания на деталях, анатомических подробностях и (или) физиологических процессах».

Наказание же за то, что кто-либо может признать ту или иную информацию недопустимой, слишком сурово. Статья 242 УК РФ предусматривает штраф или тюремное заключение за «незаконные изготовление в целях распространения или рекламирования, распространение, рекламирование порнографических материалов или предметов, а равно незаконная торговля печатными изданиями, кино- или видеоматериалами, изображениями или иными предметами порнографического характера» [3].

Еще понятной кажется ст. 242.1. «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» [3], так как речь там идет об информации, связанной с людьми, не достигшими установленного законом зрелого самостоятельного возраста. Но вот ст. 242 остается не до конца понятной в силу того, что в нашей стране не существует законного,

законодательно заверенного способа изготовления и распространения информации порнографического содержания. Из этого следует, что любое средство распространения и любой товар легкого эротического содержания может быть признан не соответствующим данному закону.

Получается, в области правового регулирования эротической и порнографической информации сегодня существует широкий простор для субъективных мнений, что недопустимо для зрелой правовой системы.

Такая ситуация может служить тормозом для развития науки и культуры, поскольку нет ни четко построенных законов, ни устоявшегося опыта экспертной оценки комиссии по разрешению вопросов, связанных с интимной сферой. В результате произведение, которое имеет все шансы стать ценным для будущих поколений, сегодня может сойти за непристойность и не получить должного признания современников. Вспомним хотя бы известный роман В. В. Набокова «Лолита», который был запрещен советской цензурой, а после распада СССР вошел в школьную программу по литературе. Кстати, на сегодняшний момент этот роман снова находится в списке запрещенных, как опасный для нравственного здоровья продукт.

Такие произведения могут быть и в журналистике: тексты, фотографии, телепередачи.

Многие скажут, что данный запрет не относится к признанным произведениям искусства и к научной литературе. Но кто и по каким критериям будет определять их научность или художественность? Снова мы натываемся на субъективизм. К тому же причисление произведений к достояниям науки и искусства без законодательного закрепления не предполагает их свободного хранения и распространения. Достаточно вспомнить эпоху Средних веков, когда доминирующая в обществе религиозная мораль приводила к запретам и даже уничтожению многих признанных ранее произведений искусства и философской мысли. Многие из них были осуждены, говоря современным языком, за пропаганду культа телесности.

Современная ситуация видится не более прочной. Постоянные выступления традиционалистов, церковников и воспитанных на советских идеалах людей против информации интимного содержания пока приводят лишь к новым запретам. Так, за последнее время в нашей стране появились новые правовые барьеры против свободного проявления сексуальных потребностей некоторых со-

циальных групп, а также против сексуального просвещения граждан. Однако такая ситуация, скорее всего, приведет не к духовному оздоровлению общества, на что якобы надеются авторы этих запретов, а к росту гомофобии и другого рода нетерпимости, к порождению конфликтов в обществе и отставанию в культурном прогрессе от стран наиболее просвещенного западного мира, строящегося на принципах толерантности.

Стоит отметить, что до сих пор, к сожалению, многие наши сограждане мыслят стереотипами советских времен и даже более ранними, когда все инородное, особенно западное, представлялось вражеским, разрушающим.

Однако «ситуация с отечественной культурой нередко преувеличивается. У этого явления разные аспекты. Но думающим людям нужно избегать крайности и не допускать ущемления свободы слова из опасения «интервенции» со стороны Запада. Любую культурную интервенцию можно свести к нулю, если заработают внутренние механизмы развития. Необходимо помнить, что истинная свобода слова предполагает постоянную работу по повышению языковой культуры. Эта работа без всякой цензуры извне может направлять журналистов на творческий поиск форм и способов совершенствования слова и идеи в соответствии с требованиями времени» [4, с. 85].

Однако некоторые современные законы все же дают надежду на жизнь, над которой не властна бездумная цензура. Так, например, видятся разумными требования об обязательном указании возрастных ограничений на сайтах эротического и порнографического содержания в сети Интернет.

С прессой гораздо проще. Газеты и журналы подобного характера могут продаваться в плотной упаковке по предъявлении покупателем документа, удостоверяющего его возраст (что и делается во многих случаях).

Однако, несмотря на все опасения моралистов, эротическая журналистика в России не оказывает масштабного разрушающего влияния, поскольку почти отсутствует в нашей стране. Что касается печатных изданий, то в нашей стране наиболее развиты лишь несколько мужских и женских развлекательных журналов, в которых затрагивается тема секса, эротики (Playboy, MAXIM, Cosmopolitan, OOPS). В большинстве случаев это версии популярных зарубежных журналов. Кстати, по существующим законам их тоже очень просто обвинить в развращающем действии. Однако этого по каким-то причинам пока не происходит.

Важной причиной неразвитости российской эротической журналистики видится непродуманная правовая база, регулирующая эту сферу. Неясность критериев оценки эротической информации не дает молодым, да и опытным журналистам сделать важный шаг в создании качественного эротического издания. А между тем такая необходимость появилась. Современный мир требует серьезного публичного обсуждения вопросов, связанных с эротической культурой. И что, если не журналистика, сможет стать платформой для таких обсуждений?

Современной правовой системе надо не столько порождать запреты, сколько создавать условия для развития и защиты настоящей эротической журналистики, которая станет альтернативой для многих существующих сейчас продуктов СМИ, часто дискредитирующих истинные смыслы эротической культуры.

Если мы будем чаще обращаться к зарубежному опыту, а также научному мышлению (а не к обыденной или религиозной морали), у нас появится шанс в недалеком будущем построить мощную правовую базу для свободного и справедливого регулирования эротической журналистики и эротической культуры в целом.

Список литературы

1. Закон РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.1991. – URL: http://www.consultant.ru/popular/smi/42_1.html#p78
2. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010. – URL: <http://graph-kremlin.consultant.ru/page.aspx?1;1538732>
3. Уголовный кодекс РФ. – URL: http://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_Российской_Федерации/Глава_25#242
4. Петропавловский, А. Е. Отечественная журналистика, словесность, культура в условиях многополярного мира (история и современность) / А. Е. Петропавловский // Двенадцатый год в столетиях: отечественная журналистика, словесность и культура : сб. науч. работ. – Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, «Лермонтовское общество», 2012. – 144 с.

ФРЕЙМ «НЕПОВИНОВЕНИЕ» В РУССКОМ ЛИНГВОПРАВОВОМ СОЗНАНИИ XVII в.

Представлены результаты моделирования фрейма «неповиновение» на материале «Уложения» 1649 г. Проанализированы вербально-семантический и лингвокогнитивный уровни лингвоправового сознания XVII в., сделаны выводы о тенденциях его развития.

Ключевые слова: коллективная языковая личность, лингвоправовое сознание, правовой фрейм.

Лингвоправовое (правовое языковое) сознание рассматривается нами как совокупность образов правового сознания, обеспечивающего механизмы профессиональной речевой деятельности, результаты которой отражены в языке письменной юридической коммуникации. «Уложение» 1649 г. [1], первый печатный памятник русского права, является продуктом профессиональной речевой деятельности коллективного субъекта. Коллективная языковая личность, создавшая текст «Уложения», воплощает характерные черты русского лингвоправового сознания XVII в., которое может быть реконструировано путем описания входящих в него образов. Для изучения образа незаконопослушного субъекта был проведен пропозиционально-фреймовый анализ ряда номинативных единиц и получена модель фрейма «неповиновение». Фрейм традиционно понимается как структура данных для представления стереотипной ситуации [2, с. 187].

При моделировании, во-первых, был проанализирован вербально-семантический уровень лингвоправового сознания. Установлено, что в юридической коммуникации использовались родственные в деривационном отношении лексемы *непослушникъ*, *непослушанье*, *непослушень*, *ослушникъ*, *ослушаніе*. Они выполняли функцию профессиональной номинации незаконопослушного субъекта (синонимичные субстантивные единицы *непослушникъ*, *ослушникъ*, адъективная единица *непослушень*) и его поведения (синонимичные субстантивные единицы *непослушанье*, *ослушаніе*).

Лексикографическая информация демонстрирует общеупотребительный характер данных лексем. С помощью семантического

обобщения можно выделить инвариантный смысл лексем: *непослушникъ, ослушникъ* – «тот, кто не подчиняется авторитетному/вышестоящему субъекту» [3, с. 229; 4, с. 110; 5, с. 568, 571; 6, с. 445; 7, с. 83]; *непослушный* – «качество того, кто не подчиняется авторитетному/вышестоящему субъекту» [3, с. 230; 6, с. 445]; *непослушаніе, ослушаніе* – «деятельность, поведение того, кто не подчиняется авторитетному/вышестоящему субъекту» [3, с. 229; 4, с. 109; 5, с. 568; 6, с. 445; 7, с. 83]. Интегральный семантический признак лексем «неповиновение» указывает на их отношение к лексико-семантическому полю «покорность». К этому же полю относятся лексемы *послушникъ* – «тот, кто подчиняется авторитетному/вышестоящему субъекту» [5, с. 570], *послушный* – «качество того, кто подчиняется авторитетному/вышестоящему субъекту» [5, с. 571], *послушаніе* – «деятельность, поведение того, кто не подчиняется авторитетному/вышестоящему субъекту» [5, с. 570], объединенные семантическим признаком «повиновение».

Производные номинации *послушникъ, послушный, послушаніе*, с одной стороны, и *непослушникъ, ослушникъ, непослушный, непослушаніе, ослушаніе*, с другой стороны, характеризуются оценочной семантикой. Первый ряд лексем выражает положительное отношение номинатора к денотату, второй ряд лексем – отрицательное отношение. Категория оценочности лежит в основе структуры лексико-семантического поля «покорность», которое имеет полюсную структуру. Оценочная шкала сформирована в этической сфере и выражает стереотипное представление о социально одобряемом и неодобряемом поведении человека. Покорность воспринимается как правильная, необходимая стратегия поведения (оценка «хорошо»), непокорность – как неправильная, nereкомендуемая, порицаемая (оценка «плохо»).

Субъективный компонент значения исследуемых номинаций повлиял на их адаптацию в юридической сфере. Профессиональный характер коммуникации, отраженный в юридическом тексте, обусловил необходимость ограничения семантического объема языковых единиц, используемых для обозначения неправомерного поведения и его субъекта. Специализация общеупотребительных номинативных единиц произведена путем сужения, конкретизации сигнификата: *непослушникъ, ослушникъ* – «незаконнопослушный субъект, препятствующий проведению следственных и судебных мероприятий»; *непослушный* – «правовое качество незаконнопослушного субъекта, препятствующего проведению следственных и судебных

мероприятий»; *непослушанье, ослушаніе* – «неправомерное поведение рядового субъекта правоотношений, не выполняющего требование вышестоящего субъекта правоотношений». Вторичным интегральным семантическим признаком становится «неподчинение юридической норме». Выполняемая данными лексемами функция профессиональной номинации юридически значимого явления подтверждается результатами контекстуального и дистрибутивного анализа. Анализируемые языковые единицы непосредственно коррелируют с другими профессиональными номинативными единицами из сферы права, например: *иск, истец, наказание, пристав, суд, тюрьма*.

Приведем примеры из текста: «А будетъ по которыхъ отвѣтчиковъ кому даны будутъ Государевы зазывныя три грамоты, а они въ городѣхъ учинятся сильны, по Государевымъ по тремъ грамотамъ поруки по себѣ не дадутъ, и о томъ ихъ **непослушаньѣ** къ Государю Воеводы отпишутъ противъ всѣхъ трехъ грамотъ, и подѣ отписками своими пришлютъ доѣздныя памяти за руками тѣхъ людей, которые по нихъ изъ городовъ посланы будутъ, и за руками же стороннихъ людей, которые сторонніе люди будутъ въ понятыхъ, и сыщется про то допряма, что тѣ отвѣтчики впрямъ по тремъ Государевымъ грамотамъ учинилися **не послушны**, на поруки не давалися: и по такихъ отвѣтчиковъ съ Москвы посылати приставовъ, и велѣть ихъ изъ городовъ привозить къ Москвѣ и на Москвѣ тѣмъ ихъ винити, истцовы иски и недѣльщиковъ ѣздѣ правити на нихъ безъ суда» (*Здесь и далее выделено нами.* – Л. П.) [1, с. 31]. «А будетъ тотъ отвѣтчикъ у пристава и въ деревнѣ ухоронится, или учинится силенъ: и пристава въ его мѣсто привести съ собою человѣка, или его крестьянина за поруками же. А будетъ у кого людей и крестьянъ нѣтъ и взяти ему съ собою будетъ нѣкого, и пристава о томъ въ приказѣ подати доѣздъ свой за своею рукою. А судьямъ по той доѣздной памяти по того **ослушника** послати въ другіе иного пристава; а къ Воеводѣ въ тотъ городъ, гдѣ тотъ **ослушникъ** живетъ, послати Государева грамота, чтобы Воевода на того **ослушника** пристава далъ стрѣльцовъ и пушкарей и затинщиковъ, сколько человѣкъ пригоже, чтобы пристава было съ кѣмъ такова **ослушника** изымати. Да какъ приставъ того **ослушника** изымавъ, къ Москвѣ приведетъ: и тому **ослушнику** за его **ослушаніе** учинити наказаніе, бити батоги, да на немъ же доправити истцу проѣсть и волокита по указу и недѣльщиковъ ѣздѣ безъ суда, и отдати истцу; а въ иску на него истцу дати судъ, и по

суду указъ учинити, до чего доведется. А будетъ такой **непослушникъ** учинить также и въ третьёе у пристава ухоронится, или учинится приставу силенъ, а послѣ того онъ сыщется: и на немъ истцовъ искъ и проѣсть и волокита по указу, и приставу ѣздъ доправити безъ суда, и отдати истцу, да его же бити батоги, и вкинути на мѣсяць въ тюрьму» [1, с. 36–37].

Степень специализации семантики номинативных единиц *непослушникъ*, *ослушникъ*, *непослушный*, *непослушаніе*, *ослушаніе* в тексте «Уложения» не может быть названа высокой. Есть основания утверждать, что, несмотря на собственно юридический контекст, осмысление неправомерного поведения опиралось преимущественно на рассмотренную выше оценочную шкалу этической сферы. Сохранение субъективного компонента значения лексем косвенно подтверждается, во-первых, наличием в языковой системе лексемы *законопослушник* («тот, кто повинуется закону» [8]), входящей в лексико-семантическое поле «закон», и нереализованной возможностью продуцирования лексем *закононепослушник*, *законоослушник*, *закононепослушный*, *закононепослушание*, *законоослушание* (базовая лексема *закон* зафиксирована в тексте «Уложения»). Последние, напрямую соотносимые с лексико-семантическим полем «закон», могли иметь необходимую степень специализации. Номинации типа *непослушникъ*, *непослушаніе* соотносятся с лексико-семантическим полем «закон» косвенно, подвергаясь воздействию юридического контекста. Юридическая шкала «законно – незаконно» осознается как вторичная по отношению к первичной этической шкале «хорошо – плохо».

Во-вторых, хотя лексемы *послушник*, *послушный*, *послушание* в тексте «Уложения» не функционируют, о значительной роли оценочной семантики, ориентированной на этическую систему ценностей, свидетельствует активность функционирования номинаций *человек добрый* для обозначения законопослушного субъекта, *человек лихой* – для обозначения незаконопослушного субъекта («А на котораго челоѣка въ розбоѣ языкъ говорить, а въ обыску его назовутъ половина *добрымъ челоѣкомъ*, а другая половина назовутъ *лихимъ челоѣкомъ*: и того челоѣка пытатъ, а не учнетъ на себя съ пытки въ розбоѣ говорити, и того челоѣка дати на чистую поруку съ записью обыскнымъ людемъ, которые его въ обыскѣхъ добили, а по язычной молкѣ взятии на немъ выть» [1, с. 142]). Парадигматические отношения синонимии *непослушник/ослушник* – *человек лихой* и антонимии *непослушник/ослушник* – *человек доб-*

рый отражают модальную рамку «это хорошо/плохо». Номинация *человек добрый* находится на положительном полюсе, *человек лихой* – на отрицательном полюсе шкалы «добро – зло».

Построение модели фрейма «неповиновение» на лингвокогнитивном уровне лингвоправового сознания произведено с опорой на результаты вербально-семантического моделирования. Установлено, что группы лексем: 1) *послушник, послушный, послушание*; 2) *непослушникъ, ослушникъ, непослушный, непослушание, ослушание* в языковой системе связаны с антонимичными глаголами 1) *послушаться* – «подчиниться» [5, с. 570]; 2) *ослушаться (не послушаться)* – «не подчиниться» [4, с. 110; 5, с. 568; 7, с. 83]. Таким образом, характеристика поведения незаконопослушного субъекта основана на актантной пропозиции: 1) подчиняющийся субъект, подчиняющий субъект, действие подчиняющегося субъекта; 2) неподчиняющийся субъект, подчиняющий субъект, действие неподчиняющегося субъекта. Структуру фрейма можно описать следующим образом: рядовой субъект правоотношений <слот 1> поступает так <слот 2>, что не выполняет требование <слот 3> вышестоящего субъекта, обладающего юридической властью <слот 4>; данный поступок оценивается отрицательно (вина рядового субъекта) <слот 5> и карается (санкция вышестоящего субъекта) <слот 6>.

Структура данного фрейма раскрывается, например, в следующих отрывках: «А которые люди въ городѢхъ учнутъ чинитися сильны, на поруки даватися не учнутъ, и Воеводы о томъ учнутъ на нихъ писати къ Государю: и по тѢмъ Воеводскимъ отпискамъ посылати въ города Государевы грамоты къ Воеводамъ и велѣтъ по тѢхъ **слушниковъ** посылать стрѣльцовъ и пушкарей и затинщиковъ многихъ людей изъ ѣзду, и велѣтъ ихъ сыскивая приводити въ городъ; да какъ такихъ **ослушниковъ** сыскавъ въ городъ приведутъ: и на нихъ велѣти тѢмъ людямъ, которые по нихъ посланы будутъ, правити ѣздъ, и съ городовъ высылать ихъ за поруками къ МосквѢ, а какъ они на МосквѢ въ приказѢ объявятся: и имъ за **ослушание** чинить наказаніе, бити батоги <...>» [1, с. 31]; «<...> А будетъ онъ [ответчик] не объявится долгое время, хотя тѢмъ истца своего изволочити, а истецъ учнетъ бити челомъ, чтобы по него въ помѣстье его или въ вотчину послати пристава и велѣти его пристава привести къ отвѣту къ МосквѢ съ собою вмѣстѣ за поруками, а какъ приставъ къ МосквѢ его привезетъ: и ему за **ослушание** учинити наказаніе, что Государь укажетъ <...>» [1, с. 36].

В структуре фрейма отсутствует слот «юридическая норма» (ср. с рассмотренными выше потенциальными номинациями *законнепослушник*, *законнепослушание*), замещаемый слотом «вышестоящий субъект, обладающий юридической властью». Это говорит о том, что образ правонарушителя напрямую не связан с представлением о системе юридических норм. Правонарушитель концептуализируется не столько в пространстве правоотношений, сколько в общем социальном пространстве, где существует стереотип покорности. Ценность правовой нормы замещается ценностью создающего ее субъекта.

В рамках данного фрейма вышестоящий субъект реализует стратегию инициативного поведения, предполагающего активное, динамичное действие: устанавливает нормы, побуждает к их исполнению, карает за нарушение норм. Рядовой субъект правоотношений осмыслен как исполнитель – член иерархии, которому задана стратегия безынициативного поведения, предполагающего пассивное действие – подчинение, послушание. Покорность человека является социальным идеалом, непокорность – антиидеалом. Несмотря на актантный характер пропозиции, включающей действие подчиняющегося (*послушаться*) или неподчиняющегося (*ослушаться*) субъекта, в лингвокогнитивном аспекте само это действие не имеет признаков динамичности, целенаправленности, предполагаемой результативности. Такой тип социальной деятельности был назван М. Вебером ценностно-рациональным, основанным на вере в ценность определенного поведения независимо от его последствий, в противоположность целерациональной деятельности, при которой используются определенные средства для достижения рациональной цели [9]. Ценностно-рациональная детерминация действий свойственна русскому этносу в большей степени, чем другие ее типы [10].

Итак, моделирование фрейма «неповиновение» позволяет отметить две важные тенденции в развитии русского лингвоправового сознания XVII в. Во-первых, доминирование этической шкалы «хорошо – плохо» над юридической шкалой «законно – незаконно» в концептуальном пространстве правового мышления обуславливает этическую ориентацию лингвоправового сознания. Во-вторых, в ходе эволюции профессиональное правосознание находилось в этнокультурной системе координат, в результате чего правовые категории тесно взаимодействовали с этнокультурными доминантами.

Список литературы

1. Уложение. 1649 // Полное собрание законов Российской Имперіи, повеленіем Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. Съ 1649 по 12 Декабря 1825 года. – СПб., 1830. – Т. I. – № 1.
2. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во МГУ, 1996.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. С. Г. Бархударов. – М. : Наука, 1986. – Вып. 11.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. С. Г. Бархударов. – М. : Наука, 1987. – Вып. 13.
5. Словарь Академіи Россійской. – СПб., 1794. – Ч. V.
6. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. – СПб., 1847. – Т. II.
7. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. – СПб., 1847. – Т. III.
8. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Ю. С. Сорокин. – СПб. : Наука, С.-Петербург. отд-ние, 1992– ... – Вып. 7. – ... URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>
9. Давыдов, Ю. Н. Действие социальное / Ю. Н. Давыдов // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН. – URL: <http://iph.ras.ru/elib/3640.html>
10. Касьянова, К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – М. : Ин-т национальной модели экономики, 1994.

НА ПОДСТУПАХ К ОВЛАДЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ «ПОВЫШЕННОЙ РЕЧЕВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ»

Предлагается оригинальный подход к профессиональному самоопределению старшеклассников в юридических специальностях.

Ключевые слова: элективный курс, профессиональное самоопределение, судебная риторика; жанры судебного красноречия, формы и виды деятельности старшеклассников.

Решение проблемы коммуникативного развития – одна из основных задач филологического образования учащихся. Существенную роль здесь играют элективные курсы по литературе. Именно на занятиях курсов по выбору школьники совершенствуют владение вербальными средствами общения.

Мы предлагаем ввести в классах гуманитарного профиля (ориентированных на профессию юриста) элективный курс «Словом можно убить, словом можно спасти...»: Азы судебной риторики». Главная цель курса по выбору – раскрыть некоторые особенности судебного красноречия, способствуя тем самым социализации, профессиональному самоопределению учащихся, расширению их кругозора, как общего, так и «юридического».

«Юриспруденция, – как отмечают Л. А. Введенская и Л. Г. Павлова, – относится к числу лингвоинтенсивных специальностей, юридическая деятельность принадлежит к сфере повышенной речевой ответственности. Владение устным и письменным словом становится существенным признаком деловой квалификации юриста» [1]. В этой связи конкретными задачами курса являются следующие: 1) формировать у старшеклассников отношение к слову, устной и письменной речи как инструменту воздействия и эстетическому объекту; 2) дать самое общее представление о судебной риторике как области общей риторики; 3) совершенствовать умения эффективного чтения, слушания и общериторической оценки прочитанного или прослушанного текста; 4) познакомить с общими требованиями к публичной судебной речи и законами ее построения; 5) развивать речевые умения, необходимые для создания и произнесения развернутых монологических высказываний в жан-

рах судебного красноречия; 6) способствовать постижению школьниками в процессе коммуникативной деятельности нравственных основ профессиональной деятельности, специфики выбираемой профессии.

Выбор тем, включенных в разработанную нами программу элективного курса [2], определялся их значимостью для осуществления успешной коммуникативно-речевой деятельности в предполагаемой профессиональной сфере: «Понятие о риторике и риторической деятельности»; «Судебная риторика. Выдающиеся юристы середины XIX – начала XX века»; «Изобретение речи. Расположение речи»; «Выражение речи. Исполнение речи»; «Создание речи в жанрах судебного красноречия».

Судебная риторика – это наука об убеждающем слове, с помощью которого прокурор, адвокат оказывают воздействие на адресата речи. Важна нравственная позиция человека, готовящего своей речью подвигнуть адресата (суд) на определенные действия. Показать старшеклассникам назначение профессии, которой они предполагают овладеть в будущем, разные области деятельности юриста можно разными способами: пригласить, например, уже состоявшихся специалистов (прокурора, адвоката, судью и др.); предложить познакомиться с должностной инструкцией и т.д. Все это будет верно. Но поможет ли это постичь молодым людям нюансы избранной профессии, ее глубокую нравственную основу?.. В таком случае возможно обращение к художественному слову, к литературе: школьники привыкли искать и находить в ней ответы на многие жизненно сложные вопросы.

В этой связи исходным текстовым материалом, необходимым для реализации задач курса, станет не только специальная литература по риторической теме, критические заметки, образцы речей известных юристов, но и *художественные произведения*. При этом произведения художественной литературы используется как: 1) иллюстративный материал; 2) материал для создания проблемной ситуации; 3) исходный материал для создания высказываний в жанрах судебной риторики.

Судебная речь, по мнению П. Сергеича (П. С. Пороховщикова), одного из ее теоретиков, «есть литература на лету». В этой связи отмечается, что «приемы художественной литературы должны быть внесены в уголовную защиту полностью, смело и откровенно, без всяких колебаний» (С. А. Андреевский). При ра-

боте с текстами-образцами (речами выдающихся прокуроров и адвокатов) учащихся необходимо подвести к выводу, что влияние художественной литературы на судебную речь значительно, что изобразительность и эмоциональность речи прокурора и адвоката достигаются за счет использования выразительных средств языка: различных пластов лексики (книжная; специальная – терминология судопроизводства); тропов (метафора, сравнение); фразеологизмов; фигур речи (антитеза, градация, параллелизм, инверсия, повтор) и др.

Обращение к художественным произведениям дает возможность использовать разные формы и виды деятельности, ориентированные на сотрудничество учащихся. Например:

1. *Коллективная работа* – проблемный анализ рассказа Н. Тэффи «Модный адвокат».

Познакомьтесь с высказыванием П. С. Пороховщикова (П. Сергеича): «...обвинитель может быть смел, если хочет: он играет в большинстве случаев на свои деньги; защитник обязан быть осторожным: за него расплатится подсудимый» [3]. Проиллюстрируйте его, обратившись к рассказу Тэффи.

2. *Коллективная работа* – риторический анализ речи защитника (на материале рассказа А. П. Чехова); анализ результатов деятельности групп; имитационная игра «Дело Дениса Григорьева» (по рассказу А. П. Чехова «Злоумышленник»).

3. *Работа в малых группах* – создание «обвинительной» речи на основе исходного текста – рассказа А. П. Чехова; произнесение речи. (Примерная схема обвинительной речи: 1. Вступительная часть. 2. Изложение фактических обстоятельств преступления (фабула дела). 3. Анализ и оценка собранных по делу доказательств. 4. Характеристика личности подсудимого и потерпевшего. 5. Обоснование классификации преступления. 6. Соображение о мере наказания. 7. Рассмотрение вопросов, связанных с возмещением причиненного преступлением материального ущерба. 8. Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления, и предложения по их устранению. 9. Заключение) [1, с. 427].

4. *Индивидуальная работа* – создание варианта «защитительной» речи на основе исходного текста (рассказа А. П. Чехова); произнесение речи; рефлексия – ответ на вопрос «Какие виды деятельности, необходимые для будущей профессии, мною освоены?» (или создание высказывания «Чем обогатили меня занятия элективного курса»).

Рассмотрим на примере изучения нескольких тем программы сочетание различных форм и видов деятельности старшеклассников в процессе освоения курса по выбору.

Так, при изучении темы «Особенности судебной риторики. Выдающиеся юристы середины XIX – начала XX века» содержание занятий (на освоение темы мы предлагаем отвести два часа) включает в себя:

- *мини-лекцию* учителя «Судебное красноречие как вид риторики»;

- *сообщения учащихся* «Выдающиеся юристы середины XIX – начала XX века» (сообщения о судебной деятельности двух-трех юристов по выбору учащихся и учителя);

- *коллективную работу* – анализ фрагментов из произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина «Благоденствие речи. Переписка»; ответы на вопросы: В чем причина профессионального фиаско щедринского героя? Что значит быть «излюбленным человеком закона», настоящим прокурором?;

- *мини-дискуссию* или *дебаты* по рассказу М. П. Арцыбашева «Сказка старого прокурора» (основная проблема – «Убийство как преступление и как возмездие...»);

- *работу в малых группах* – анализ фрагментов работ теоретиков судебной риторики и выявление изложенных в них основных требований к деятельности и личности юриста (работы А. Ф. Кони, М. Ф. Громницкого и др.);

- *выразительное чтение* фрагментов из речей знаменитых русских прокуроров и защитников.

На усвоение темы «Выражение речи. Произнесение речи» мы также предлагаем отвести два занятия. Содержание их может быть таковым:

- *коллективная работа* с фрагментами из книги П. Сергеича «Искусство речи на суде». Составление кластера «Приемы украшения судебной речи»; «Портрет "профессионального коммуниканта" на юридическом поприще»;

- *работа в малых группах* – анализ образцовых текстов (фрагментов речи известных юристов) с целью выявления средств украшения речи; сопоставление описаний обвиняемого в материалах хроники и в судебной речи адвоката; выявление акцентов каждого из выступлений; разбор и сравнение способов освещения одних и тех же фактов;

- *индивидуальная работа* – лингвистический эксперимент: «украшение» деформированного текста (фрагмента «защитительной»/«обвинительной» речи);

– *коллективная работа* – анализ результатов самостоятельной деятельности, сопоставление их с авторским вариантом;

– *знакомство с планом* риторического анализа. *Примерный план риторического анализа судебной речи*: 1. Тема судебной речи (или фрагмента из нее). 2. Авторский замысел (С какой целью произносится речь?). 3. Тип речи (повествование, описание, рассуждение; сочетание разных типов речи). 4. Доказательства, аргументы, виды умозаключений. 5. Особенности плана и композиции. 6. Риторические фигуры. 7. Тропы и другие средства художественной выразительности. 8. Внутритекстовые связи (логические, лексические);

– *коллективная работа* – риторический анализ речи защитника (на материале рассказа А. П. Чехова «Случай из судебной практики»); ответ на вопрос «Что стало причиной обратного эффекта речи адвоката?»;

– *работа в малых группах* – сопоставительный анализ (по плану) речи прокурора и речи адвоката по одному и тому же судебному делу (например, речи А. Ф. Кони (обвинитель) и речи В. Д. Спасовича (защитник) по «Делу о составлении подложного духовного завещания...»);

– *коллективная работа* – анализ результатов деятельности групп.

Тема «Создание речи в жанрах судебного красноречия» наиболее значима для профессионального самоопределения учащихся. Она является своего рода «пробой», помогает старшеклассникам ответить на вопросы, связанные с предполагаемой профессией: Кем стану в будущем – прокурором или адвокатом, нотариусом или криминалистом? Насколько владею словом, коммуникативными умениями, чтобы быть успешным в профессии юриста? Так ли значима для меня профессия, связанная с умением создавать и произносить речи в разных жанрах судебной риторики? Не постигнет ли меня участь арцыбашевского «старого прокурора» на избранном поприще обвинителя? и т.п. На освоение данной темы мы предлагаем отвести три занятия. Их содержание может быть таким:

– *работа в малых группах* – создание «защитительной» речи на основе исходного текста – рассказа А. П. Чехова «Беда» (или же «обвинительной» и «защитительной» речей на материале рассказа «Сильные ощущения»);

– *произнесение речей* прокурором и адвокатом в условиях состязательности импровизированного судебного процесса;

- *произнесение речи* судьи одним из членов группы;
- *коллективная работа* – анализ результатов деятельности групп; выбор лучшей «защитительной» речи, лучшего «адвоката»;
- *индивидуальная творческая работа* – создание чернового варианта «обвинительной» / «защитительной» речи на основе исходного текста (рассказ А. П. Чехова «Злоумышленник»);
- *работа в парах* – взаиморецензирование чернового варианта речи;
- *индивидуальная работа* – саморедактирование чернового варианта судебной речи.

Как видно из содержания некоторых занятий элективного курса, овладевая словом, постигая качества хорошей речи в процессе риторического анализа специальных и художественных текстов, старшеклассники овладевают навыками общения в процессе совместной речевой деятельности, усваивают демократические ценности, социальные роли, получают самые общие представления об особенностях профессии, которой они предполагают овладеть в будущем, возможность «попробовать» себя в разных «профессиональных» ролях – юридических специальностях (судья, адвокат, прокурор), оценивают свои возможности как «профессионального коммуниканта».

Список литературы

1. Введенская, Л. А. Риторика для юристов / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. – Ростов-н/Д, 2008. – С. 3.
2. Пранцова, Г. В. Элективные учебные курсы по литературе. 10–11 классы: Программы. Тематические планы. Методические рекомендации : хрестоматия / Г. В. Пранцова. – М., 2006. – С. 100–106.
3. Сергеич, П. Искусство речи на суде / П. Сергеич. – Тула, 1997. – С. 315.

И. Г. Родионова
кандидат филологических наук, доцент,
Пензенский государственный университет, г. Пенза

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СВЯЗКИ *ЕСТЬ* В ОЧЕРКЕ А. Ф. КОНИ «НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (ОБЩИЕ ЧЕРТЫ СУДЕБНОЙ ЭТИКИ)»

На материале очерка А. Ф. Кони «Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики)» рассматриваются особенности использования связки *есть* в бисубстантивных предложениях. Отмечается, что данная связка придает высказыванию особую четкость при характеристике предмета речи, делает высказывание афористичным и способствует усилению убедительности при демонстрации позиции автора. Выделяются предметы характеристики в предложениях со связкой *есть*, рассматриваются высказывания с отрицанием при связке.

Ключевые слова: связка, бисубстантивное предложение, характеристика, судебный очерк.

Анатолий Федорович Кони (1844–1927) – российский юрист, судья, государственный и общественный деятель, литератор, судебный оратор [1]. Во главу угла в своих выступлениях, как устных, так и письменных, он ставил человека, считая его высшей ценностью. Как юрист, А. Ф. Кони видел свое предназначение в пропаганде принципов уважения к человеку, и примером всей своей жизни и деятельности он демонстрировал воплощение этих принципов. Недаром за год до смерти А. Ф. Кони написал: «Я прожил жизнь так, что мне не за что краснеть...»

Юриста волновало нравственное состояние современного ему общества в целом и судебной системы в частности. Поэтому он одним из первых обратил внимание на необходимость утверждения принципа нравственности в судебной деятельности, посвятив этому вопросу очерк «Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики)». В данном очерке представлены основные суждения А. Ф. Кони, который считал, что «нравственным началам должно принадлежать видное и законное влияние в деле отправления уголовного правосудия».

Известно, что грамматической формой выражения любой законченной мысли является предложение. Так, академик В. В. Ви-

ноградов писал: «Суждение не может существовать вне предложения, которое является формой его образования и выражения» [2]. В плане демонстрации основных идей, сформулированных А. Ф. Кони, интерес представляют бисубстантивные предложения со связкой *есть*, которая выражает отношения тождества между предметом речи и его признаком. В грамматическом аспекте связка *есть* является формой настоящего времени изъявительного наклонения «идеальной» связки *быть*, выступающей «формальным служебным компонентом составного члена предложения» [3].

Вообще говоря, наиболее распространенной для выражения значения тождества между предметом речи и его признаком и грамматического значения настоящего времени изъявительного наклонения является нулевая форма связки *быть*: «*Но суд не механизм и не отвлечение от жизни, а живой и восприимчивый организм, приходящий в самое непосредственное и богатое разнообразными последствиями соприкосновение с явлениями общежития*» [4]. Однако в книжной речи широко употребляется связка *есть*, придающая высказыванию четкость, точность, безапелляционность при характеристике предмета речи и наиболее убедительно демонстрирующая позицию автора высказывания: «*Если только он (судья) убежден, что **пытка есть** спасительное средство для получения истины, – а в этом горячо убеждены в лице выдающихся юристов все судьи того времени, – то решает дело не его совесть, а физическая выносливость подсудимого*» [4]. Подобные предложения выражают суждения, принципиально важные для автора высказывания. Ср.: «Реализация автором высказывания рациональной задачи – отождествления предметов речи – причудливо переплетается с эмоциональной – выражением субъективного отношения к предмету речи» [5].

Предметом характеристики в бисубстантивных предложениях в очерке А. Ф. Кони являются:

а) судебная система в целом: «*Кроме того, деятели судебного состязания не должны забывать, что **суд**, в известном отношении, **есть школа** для народа, из которой, помимо уважения к закону, должны выноситься уроки служения правде и уважения к человеческому достоинству*» [4];

б) отдельные этапы судебного процесса и уголовного правосудия: «***Защита есть общественное служение, говорят одни***; «***Наказание есть не только правовое, но и бытовое явление, и его нельзя прилагать механически ко всякому однородному преступлению одинаково***» [4];

в) судебные деятели с профессиональной точки зрения: *«Уголовный защитник, говорят другие, есть производитель труда, составляющего известную ценность, оплачиваемую эквивалентом в зависимости от тяжести работы и способности работника»* [4];

г) нравственные качества судебных деятелей: *«То, что называется «судейской совестью», есть сила, поддерживающая судью и вносящая особый, возвышенный смысл в творимое им дело»; «Напряжение душевных сил судьи для отыскания истины в деле есть исполнение поручения государства, которое, уповая на спокойное беспристрастие его тяжелого подчас труда, вверяет ему частицу своей власти»* [4].

Анализ языкового материала показал, что позиция А. Ф. Кони может выражаться в бисубстантивных предложениях с отрицанием при связке *есть*: *«Получение пощечины не есть действие получившего ее»* [4]. Примечательно, что наряду с отрицанием недопустимых, с точки зрения автора, явлений действительности приводится утверждение нормы. По мнению А. М. Пешковского, «утверждение и отрицание взаимно обуславливают друг друга, а где нет утверждения, там нет и истины, там нет и человеческой мысли» [6]: *«Это поведение не есть простая совокупность поступков, следующих один за другим в порядке времени, т.е. систематический и последовательный ряд деяний, связанных между собою одним и тем же побуждением и одной и той же целью. Иными словами – т.е. сознательный образ действий, одинаково применимый ко всем разнообразным случаям судебной и судебно-бытовой жизни»* [4].

Использование в бисубстантивных предложениях связки *есть* придает высказыванию особый ритм, делая его (высказывание) афористичным: *«Суд есть не только судилище, но и школа»; «Доверие к судье есть необходимое условие его деятельности»* [4].

Таким образом, связка *есть* в судебном очерке А. Ф. Кони используется в бисубстантивных предложениях при характеристике предмета речи, делая высказывание афористичным и способствуя усилению убедительности при демонстрации позиции автора в вопросах утверждения принципа нравственности в правосудии.

Список литературы

1. URL: wikipedia.org.
2. Виноградов, В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – 560 с.

3. Лекант, П. А. Категориальный статус связки *быть* / П. А. Лекант // Наследие академика Ф. И. Буслаева: история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 190-летию со дня рождения ученого (Пенза, 16–18 апреля 2008 г.). – Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008. – С. 12–16.

4. Кони, А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // А. Ф. Кони. Избранные произведения. – М. : Госюриздат, 1956.

5. Южакова, Ю. А. Выражение субъективной оценки в конструкциях тождества / Ю. А. Южакова // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: модальность, эмоциональность, образность : междунар. сб. науч. тр. – М. : МГОУ – МАНПО, 2011. – С. 29–34.

6. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении : учеб. пособие. / А. М. Пешковский. – 8-е. изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 432 с.

А. Н. Русов

*кандидат юридических наук, доцент,
Приволжский филиал Российской академии правосудия,
г. Нижний Новгород*

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК: СОВЕТЫ ПЕРЕВОДЧИКАМ

Описаны десять правил, соблюдение которых позволяет повысить качество юридического перевода. На конкретных примерах показаны особенности использования юридической терминологии, важность умеренного использования пассивного залога и сокращений, правильного выбора значений терминов и соблюдения правил лексической сочетаемости.

Ключевые слова: юридический перевод, понятийно-терминологический аппарат, использование юридической терминологии, лексическая сочетаемость, аббревиатуры.

Находясь на стыке лингвистики и юриспруденции, перевод юридических текстов требует особенно высокой квалификации. Профессиональные переводчики часто незнакомы с соответствующими терминами и не умеют работать с законодательством, а профессиональные юристы порой неправильно воспринимают нюансы чужого языка или механически переносят в свой перевод синтаксические особенности исходного языка. Ниже приведены десять правил, следование которым позволит переводчику юридических текстов повысить качество своей работы.

1. Использование официальной и (или) общепринятой терминологии.

Под официальной терминологией мы понимаем совокупность терминов и словосочетаний терминологического характера, используемых в официальных текстах нормативно-правовых актов. В узком понимании официальным текстом нормативно-правового документа считается его аутентичный текст, т.е. текст на одном из тех языков, на котором он был изначально составлен. Русский язык является одним из официальных языков ООН, поэтому конвенции, заключенные в рамках этой международной организации, как правило, составляются в том числе и на русском языке. Сложнее обстоит дело с конвенциями, перевод которых на русский язык готовится МИДом России и не имеет официального статуса.

Пример: Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. изначально была составлена только на английском и французском языках (и именно эти тексты принимаются во внимание Европейским судом по правам человека при ее толковании). Впоследствии она неофициально или полуофициально была переведена на другие языки государств – членов Совета Европы. В России предлагается считать официальным ее текст, опубликованный в «Российской газете», по аналогии с официальным опубликованием российских федеральных законов.

К неофициальным переводам международно-правовых актов на русский язык следует подходить критически, так как они не всегда бывают выполнены на должном профессиональном уровне. Некачественные переводы можно встретить даже на сайте такой авторитетной международной организации, как ООН, когда речь идет о второстепенных по значению резолюциях Совета Безопасности и документах менее значимых органов (например, Комиссии международного права ООН). Использование таких переводов без предварительного редактирования может привести к нарушению терминологического единства документа.

Иногда в общедоступных источниках переводчик может найти отдельные законы иностранных государств в переводе на русский язык (особенно в области конституционного права).

Для свободного использования юридической терминологии переводчик должен пройти специальную подготовку, а в идеале – иметь высшее юридическое образование.

2. Соблюдение единства понятийно-терминологического аппарата.

В случае, если перевод имеет большой объем, нужно следить за тем, чтобы одни и те же термины исходного языка переводились одинаково.

Пример: недопустимо, чтобы словосочетание *special measures* в одном месте переводилось как «особые меры», а в другом – как «специальные меры».

В случае, если в юридическом документе выдержки из нормативно-правовых актов занимают значительное место, целесообразно заняться их переводом в первую очередь для того, чтобы выявить официальную и (или) общепризнанную терминологию соответствующей предметной области и в оставшейся части работы использовать именно ее.

3. Правильная передача имен собственных.

Начнем с названий государств. Нередко у неопытных переводчиков встречаются ошибки при передаче названий государств, в состав которых входит слово «республика».

Пример: Республика Молдова, а не Молдавская Республика, в сокращенном варианте – Молдавия.

В многосложных названиях государств не склоняется последнее слово.

Пример: в Федеративной Республике Германия.

При переводе на русский язык желательно указывать географическую категорию, к которой принадлежит название.

Пример: штат Мичиган, графство Миддлсекс, о-в Сент-Китс, г. Броды, д. Малые Баты.

Для корректной транслитерации имен и фамилий следует обращаться к правилам чтения соответствующего языка либо к специальным справочникам.

Пример: Тамаш Вашари [*Vasary*] (венгерский пианист), Абдулла Оджалан [*Ocalan*] (курдский политический деятель), братья Вачовски [*Wachowski*] (режиссеры).

4. Правильная передача на русском языке названий иностранных органов власти, в частности судебных органов.

Не всегда названия этих органов власти буквально совпадают на русском и на английском языках.

Пример: Европейский суд, стремясь к единообразию терминов, суды первой инстанции в самых разных странах называет обычно *district court*. В зависимости от страны это название может переводиться на русский язык как «суд графства» в Соединенном Королевстве, «окружной суд» в США, «районный суд» в России и т.п.

Известную сложность представляет собой передача названий судебных органов, аналоги которых в российской правовой системе отсутствуют (например, *Tribunal de Grande Instance* во Франции). Названия высших судебных органов также нуждаются в уточнении по специальным справочникам: так, в Польше орган конституционного правосудия называется не Конституционный суд, а Конституционный трибунал.

Для правильной передачи названий региональных органов власти может потребоваться уточнить особенности административно-территориального деления страны.

Пример: области в России, гмины в Польше, провинции в Турции, земли в Германии.

5. Правильная передача понятий, характерных для других правовых систем, но отсутствующих в системе российского права.

Особенно много таких понятий встречается в праве Соединенного Королевства и США.

Пример: *tariff* (минимальный срок наказания в виде лишения свободы, который должен отбыть заключенный в любом случае), *parole* (условное освобождение заключенного от отбывания наказания), *supermax prison* (тюрьма «сверхстрогого режима», или тюрьма для особо опасных преступников).

Поиск переводческих решений в данном случае целесообразно вести на основе одноязычных толковых специализированных (юридических) словарей, а также статей, написанных на исходном языке перевода, для уяснения смысла подлежащего переводу термина и контекста, в котором он используется. Нелишним будет в квадратных скобках привести термин на том языке, с которого осуществляется перевод.

6. Соблюдение правил лексической сочетаемости.

Довольно часто в английском и в русском языке правила лексической сочетаемости различаются, поэтому буквальный перевод фразы приведет к ошибкам.

Пример: *the scope of the term* – это не «объем» термина, а «диапазон значений термина»; *exception which occurs* переводится как «исключение, которое имеет место», а не «происходит»; *principle... is set out* – принцип не «изложен», а «сформулирован»; *situations covered by this exception* – «ситуации, на которые распространяется данное исключение», и т.д.

В некоторых случаях приходится искать контекстуальное, не-словарное значение того или иного слова.

Пример: в словосочетании *strength of military presence* слово *strenth* уместно перевести не как «сила», а как «интенсивность», потому что по-русски нельзя сказать «сила военного присутствия».

7. Правильный выбор значения слова.

Переводчики, работающие с юридическими текстами, часто используют многозначные слова в неверном значении, которое шире или, наоборот, уже того значения, которого требует контекст. Такая ошибка способна существенно исказить смысл перевода.

Пример: английское слово *Government* далеко не всегда переводится как «правительство». Чаще всего имеются в виду власти (органы власти) того или иного государства в целом. В контексте решений и постановлений Европейского суда по правам человека, например, его рекомендуется переводить как «государство-ответчик». Слово *effective* не во всех случаях переводится как «эф-

фективный» – иногда подойдут такие его значения, как «результативный» или «реальный», а в юридическом тексте оно может означать «вступивший в силу» или «имеющий силу (действительный)».

8. Корректное использование пассивного залога.

Очень часто пассивный залог, встречающийся в английском тексте, вполне можно передать по-русски путем использования безличных конструкций или возвратного суффикса *-ся*.

Пример: *cannot be interpreted* – «нельзя истолковать», *was exercised* – «осуществлялся».

В некоторых случаях фразу можно переделать в активный залог.

Пример: *be responsible* – «нести ответственность».

9. Осторожное использование аббревиатур и сокращенных наименований.

В случае, если в тексте много аббревиатур, имеет смысл в начале или в конце перевода привести перечень сокращений. Желательно расшифровывать в тексте аббревиатуры при первом употреблении, даже если речь идет об общеизвестных сокращениях (ООН, США, МУП и т.п.). Если переводчик самостоятельно конструирует аббревиатуру для часто используемого в тексте словосочетания, он должен следить за ее благозвучием.

Пример: МУ ДООЛ «Чайка» – муниципальное учреждение детский образовательно-оздоровительный лагерь «Чайка»; ДООЛКД – детский образовательно-оздоровительный лагерь круглогодичного действия.

10. Разбивка и объединение предложений.

Переводчик может себе позволить разбить длинное предложение на две-три части для того, чтобы облегчить его восприятие, или, наоборот, объединить два и более предложений в одно.

Пример: желательно избегать тавтологичной формулировки «некоторые из которых». Для этого можно разбить предложение на две части, а вторую фразу начать со слов «некоторые из них».

А. Н. Рыжов

*помощник начальника Управления Министерства юстиции
по Пензенской области, г. Пенза*

О. А. Рыжова

*кандидат юридических наук, доцент,
Пензенский государственный университет, г. Пенза*

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ ПО ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, СТАТИСТИКА

Рассматриваются правовые и организационные проблемы реализации антикоррупционной экспертизы, раскрывается сущность экспертизы в механизме противодействия коррупции. Определяется статус субъекта, осуществляющего антикоррупционную экспертизу.

Ключевые слова: Министерство юстиции, экспертиза, коррупция, противодействие, деятельность, нормативно-правовой акт, регистр, документ.

Разработка правовых средств и механизмов противодействия коррупции становится одной из наиболее значимых и актуальных проблем развития современного российского общества и государства. В качестве одной из основных мер по профилактике названа антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов.

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов – мера, призванная повсеместно изменить порядок работы органов власти, с тем чтобы обращалось особое внимание на профилактику коррупции начиная с этапа подготовки законопроектов [1–3].

Министерство юстиции России осуществляет функцию по проведения антикоррупционной экспертизы согласно п. 7 Положения о Минюсте России, утвержденного Указом Президента РФ от 13.10.2004 г. № 1313. Порядок проведения определяется Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 г. № 96. Оценка нормативного правового акта и его проекта проводится согласно Методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых

актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 г. № 96.

По состоянию на 01.07.2012 г. (по Пензенской области) в федеральный регистр было включено всего 9705 актов. В соответствии с Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 12 января 2004 г. № 5 «Об утверждении и введении в действие разъяснений по применению Положения о порядке ведения федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации» (в редакции от 26.08.2009 г. № 267) была проведена юридическая обработка, в результате которой 440 актов (2011 г. – 400) были признаны неподлежащими включению в федеральный регистр, а 914 нормативных правовых актов (2011 г. – 928) включены в него [4].

Антикоррупционная экспертиза не может рассматриваться только как средство выявления коррупциогенных факторов, сопряженное в том числе с технологией правового мониторинга, а должна выступать дополнительным инструментом обеспечения качества актов, их большей эффективности.

Результат экспертиз по Пензенской области: акты, включенные в федеральный регистр, прошли юридическую обработку, при которой в первую очередь определялась их нормативность, взаимосвязь с правовыми актами, ранее включенными в федеральный регистр, и принималось решение о необходимости их государственной регистрации и проведения юридической экспертизы. Подлежащим включению в федеральный регистр актам были присвоены номера государственной регистрации, произведена их классификация по отраслям законодательства, сформированы тексты в электронном виде. Таким образом, базовые акты приведены в актуальное состояние.

В федеральный регистр в качестве дополнительной информации включались все тексты экспертных заключений, как положительные, так и о выявленных несоответствиях федеральному законодательству, сведения об опубликовании нормативных правовых актов и иная дополнительная информация.

В первом полугодии 2011 г.: экспертные заключения – 661; заключения антикоррупционной экспертизы – 661; экспертные заключения Минюста России и управлений по федеральным округам – 1; письма – 158; протесты прокуратуры – 38; акты судебных органов – 1 и др.; в первом полугодии 2012 г.: экспертные заключения – 1101; заключения антикоррупционной экспертизы – 1101;

экспертные заключения Главного управления Минюста Российской Федерации по Нижегородской области – 1; письма – 149; протесты прокуратуры – 35 и др.

Систематически отслеживается соблюдение органами государственной власти Пензенской области требований Указа Президента Российской Федерации от 10.08.2000 г. № 1486 по представлению копий нормативных правовых актов, подлежащих включению в федеральный регистр, в течение семи дней после их принятия. В I полугодии 2012 г. было выявлено 46 случаев нарушений указанного срока, что составило 5 % от количества НПА, включенных в федеральный регистр (аналогичный период 2011 г. – 34 (3,7 %)).

Увеличение случаев нарушения указанного срока можно объяснить тем, что иногда из-за отсутствия понятия «нормативный правовой акт» в федеральном законодательстве органы государственной власти Пензенской области не направляют нормативные правовые акты, поскольку считают их не подлежащими направлению для включения в федеральный регистр.

Управление Министерства юстиции РФ по Пензенской области ведет работу по разъяснению федерального законодательства посредством размещения информации на сайте Управления, направления писем в органы государственной власти Пензенской области. Результатом истребования нормативного правового акта является направление его для включения в федеральный регистр.

Министерством юстиции по Пензенской области отслеживается работа по соблюдению органами государственной власти Пензенской области требования федерального законодательства по опубликованию нормативного правового акта. При оценке правил юридической техники в экспертном заключении указывается источник официального опубликования акта.

Проведение государственной регистрации уставов муниципальных образований, муниципальных правовых актов о внесении изменений в уставы муниципальных образований в Пензенской области осуществляется в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ, Федеральным законом «О государственной регистрации уставов муниципальных образований» от 21.07.2005 г. № 97-ФЗ, приказом Минюста России «Об организации работы по проведению государственной регистрации уставов муниципальных образований, муниципальных пра-

вовых актов о внесении изменений в уставы муниципальных образований» от 26.08.2005 г. № 147, приказом Минюста России от 24.08.2005 г. № 139 «Об утверждении Положения о порядке государственного реестра уставов муниципальных образований и обеспечения доступности сведений, включенных в него».

Статистические результаты деятельности Управления Министерства юстиции РФ по Пензенской области за I полугодие 2012 г. в сравнении с I полугодием 2011 г. представлены в табл. 1 [5].

Таблица 1

Показатель	2012	2011
Остаток на начало отчетного периода	81	293
Поступило на государственную регистрацию, из них :	324	410
– уставов муниципальных образований (м/о)	21	208
– МПА о внесении изменений и дополнений	303	202
Зарегистрировано, из них:	404	702
– уставов м/о	28	208
– МПА о внесении изменений и дополнений	404	494
Отказано, из них:	–	–
– уставов м/о	0	0
– МПА о внесении изменений и дополнений	0	0
Оставлено без рассмотрения, из них:	0	0
– уставов м/о	0	0
– МПА о внесении изменений и дополнений	0	0
Приведено в соответствие, из них:	0	0
– уставов м/о	0	0
– МПА о внесении изменений и дополнений	0	0
Остаток на конец отчетного периода	1	0
Количество сведений, предоставленных из госреестра уставов м/о	0	0

В Пензенской области организована работа по взаимодействию с органами местного самоуправления, регулярно направляются информационные письма главам муниципальных образований о необходимости внесения соответствующих изменений в устав муниципального образования, а также разрабатываются модельные МПА о внесении изменений в них, специалистами управления Минюста отслеживается приведение уставов муниципальных образований в соответствие с федеральным законодательством.

Если рассматривать цифровые показатели за I полугодие 2012 г. в сравнении с АППГ, то видно, что произошло уменьшение количества зарегистрированных уставов муниципальных образований Пензенской области и МПА о внесении изменений в уставы муниципальных образований.

Данное уменьшение вызвано тем, что в I полугодие 2011 г. документы поступали в основном два раза, в январе и мае, а в 2012 г. один раз – в марте месяце.

Приведенная статистика также показывает, что в 2012 г. отказов в государственной регистрации не было, что говорит о выраженной положительной динамике работы в данной направлении, поскольку начиная с 2007 г. в соответствии с указаниями Минюста России органы юстиции оказывают методическую помощь муниципальным образованиям. По предложению Управления во все муниципальные образования в начале 2007 г. было направлено информационное письмо, в котором было предложено (чтобы не допустить вмешательства регистрирующего органа в решение вопросов местного значения) до опубликования проектов МПА о внесении изменений в уставы направлять их проекты в Управление для рассмотрения на предмет соответствия федеральному законодательству.

За указанный период 2012 г. Управлением Министерства юстиции РФ по Пензенской области было рассмотрено 47 проектов МПА, по всем были высказаны замечания. Данные замечания были учтены органами местного самоуправления при принятии МПА о внесении изменений в уставы. Приказы о государственной регистрации уставов и МПА прокурорами не опротестовывались, органами государственной власти не обжаловались [6].

Проведение правовой экспертизы нормативных правовых актов является одним из неотъемлемых элементов нормотворческого процесса и направлено на обеспечение качества нормативного правового акта.

При этом основным направлением деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции провозглашено проведение единой государственной политики в области противодействия коррупции (ст. 7 Закона о противодействии коррупции), что предполагает не только унификацию законодательного регулирования противодействия коррупции в целом, но и применение единой системы критериев оценки нормативных правовых актов и иных документов в Российской Федерации.

На наш взгляд, необходимо активно осуществлять поиск эффективных моделей и механизмов проведения антикоррупционной экспертизы. Все это невозможно без постоянного мониторинга (обобщения практики) антикоррупционной экспертизы, совершенствования ее методических основ, продолжения научных изысканий в этой сфере.

Предлагается создание федеральной нормативной правовой базы, направленной на правовое регулирование проведения правовой экспертизы субъектов РФ.

Список литературы

1. О противодействии коррупции : федер. закон № 273-ФЗ : [принят 25 дек. 2008 г.].
2. Хабриева, Т. Я. Формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2009. – № 10. – С. 8.
3. Филатова, А. В. Роль экспертизы в формировании антикоррупционной политики / А. В. Филатова // Безопасность бизнеса. – 2010. – № 1. – С. 30.
4. Статистический отчет Управления Министерства юстиции РФ по Пензенской области за I полугодие 2012 г.
5. Результаты мониторинга законодательства субъекта Российской Федерации Управления Министерства юстиции РФ по Пензенской области.
6. Статистический отчет Управления Министерства юстиции РФ по Пензенской области за I полугодие 2012.

Н. А. Санисалова

кандидат юридических наук, доцент

В. А. Катомина

кандидат юридических наук, доцент,

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА И ОБХОД ЗАКОНА В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дается анализ теоретических взглядов на проблему закрепления в ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации доктрины обхода закона, проблему толкования права в аспекте применения доктрины обхода закона. Дается оценка целесообразности введения данной новеллы в гражданское законодательство. Особое внимание уделяется проблеме толкования и правоприменения указанной нормы.

Ключевые слова: обход закона, судебское усмотрение, публичные интересы, смысл и цель закона, толкование права, грамматическое, теологическое толкование.

В свете реформирования гражданского законодательства в юридическом сообществе остро обсуждается проект закона о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ, согласно которым к случаям злоупотребления правом предполагается отнести действия в обход закона.

В отношении понятия «обход закона» существуют самые разные взгляды, а для объяснения его природы выдвигались различные теории. Так, апологеты этого понятия утверждают, что оно обладает самостоятельной правовой спецификой и является весьма важным для правового регулирования, помогая нейтрализовать действия, которые с формальной точки зрения упрекнуть в незаконности нельзя, но которые тем не менее по своей сути являются противоправными: «обходом закона является образ действий, нарушающий предписание закона не прямо, но подрывающий цель, на достижение которой это предписание направлено» [1, с. 12]; «сделки, являющиеся сами по себе противозаконными, но заведомо направленными к достижению результатов, не допускаемых законом» [2]; «под обходом закона понимается осуществление поведения, нарушающего интерес, обеспечиваемый обходимым законом, намеренно без вызывания действия этого закона» [3, с. 159].

Таким образом, обход закона имеет место, когда посредством избранного юридического оформления действий лица цель правовой нормы подрывается. Теперь благодаря попытке внедрения понятия «обход закона» в ГК РФ следует отличать цели и интересы конкретных частных субъектов или же некоего круга лиц (достаточно узкого или же крайне неопределенного) от целей и интересов соответствующих законов.

В этой связи особо актуальным и обсуждаемым остается вопрос относительно ст. 10 ГК РФ, которая представляет злоупотребление правом не только в виде традиционной шиканы либо использования права во зло другим конкретным частным субъектам или же некоему кругу лиц, но и в виде «обхода закона», т.е. в виде действий, которыми хотя лицо и реализует свое основанное на законе право, но которые не отвечают цели (смыслу, интересу) такого закона [4, с. 11]. Параллельно встают и вопросы о пределах судебного усмотрения, содержания процесса толкования права, разграничении свободы и несвободы в правовом обороте, о справедливости и добросовестности.

Сторонники исходят из того, что появление института обхода закона в дополнение к нормам о притворных сделках поможет судам более эффективно блокировать целый ряд злоупотреблений, нацеленных на достижение объективно противоречащего целям закона, но формально законного результата, а также считают, что расширение инструментария судебного *ex post* контроля экономической свободы особенно актуально в условиях крайне несовершенного российского законодательства. Противники же полагают, что развитие этого института дестабилизирует оборот, суды не смогут эффективно применять такой тонкий инструмент судебной дискреции, а также что его введение умножает сущности без необходимости, в то время как соответствующие задачи можно решать за счет других институтов гражданского права (притворные сделки, расширительно телеологическое толкование норм закона и т.п.).

До настоящего момента в науке не установлена ясность в понимании сущности такой категории, как обход закона, являющейся двусмысленной и широкой по объему. Есть опасение, что введение такого понятия в законодательство способно привести к утрате многими нормами закона определенности.

Сложность представляет толкование специальных терминов, определение которых дается в законе. Их дефиниции часто несовершенны или законодатель иногда сам не придерживается данно-

го определения, особенно при внесении последующих изменений в закон. Помимо этого, постоянно происходящие изменения в обществе приводят и к изменению значения существующих терминов. Поэтому установление значения термина в каждом конкретном случае должно происходить с помощью всех допустимых методов и с учетом данного законодателем определения [5, с. 247–284].

Следует также учесть, что методики толкования, которая устранит все сомнения в полученном результате, не существует. Как и любая наука, которая работает с текстами, толкование не является идеально точным методом. Наоборот, интерпретация текстов, часто приводит к увеличению возможных вариантов понимания нормы права. С другой стороны, такое многообразие вариантов предоставляет широкие возможности не только для абстрактного уяснения смысла законодательного правила, но и для выявления стоящих за нормой интересов и преследуемых законодателем целей.

Таким образом, на основании нарастающей актуальности данной темы была осуществлена попытка разобраться, является ли запрет обхода закона очередной европейской бусиной на ткани российского законодательства или же стоит признать, что обход закона есть осознанная необходимость, оценить в целом развитие данной доктрины в российском праве.

Понятие обхода закона известно со времен римского права. Павел писал: «Поступает против закона тот, кто совершает запрещенное законом; поступает в обход закона тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл» [6]. Согласно Ульпиану обход закона присутствует, когда делается то, чего закон не желает, но и не запрещает; и как сказанное слово отличается от мысли, так обход закона отличается от того, что противозаконно [7, с. 396]. Однако трактовка древнеримских юристов представляет собой лишь теоретическое толкование, дающее возможность обыденному толкованию доктрины обхода закона. Как уже отмечалось, в современной цивилистической науке не существует единого мнения о внедрении в ст. 10 доктрины обхода закона. В частности, Александр Муранов полагает, что это понятие опасно из-за неопределенности и его излишности для российского права, а также из-за его морализаторства и дидактичности [8]. А. Муранов считает, что отождествлять публичные интересы и цели и интересы соответствующих законов в большинстве случаев возможно, однако ставить между ними знак равенства все же нельзя: не исключены случаи, когда публичный интерес может разойтись с целью и интересом какого-то закона,

с помощью которого государство может стремиться решить свои собственные задачи. При этом государство может открыто говорить о том, что эти задачи имеют приоритет над публичным интересом, либо может замаскировать свои устремления соответствующей риторикой, указывая на то, что его действия как раз и продиктованы заботой о публичном интересе, хотя на самом деле это может быть и не так [6]. Противниками введения в законодательство понятия «обход закона» указывается и на то, что его введение в российское право является лишним, поскольку там уже есть такие инструменты защиты интересов добросовестной стороны, как признание сделки недействительной, заключенной под влиянием обмана, притворной и мнимой сделки, а также злоупотребление правом, аналогия закона и права и др.

Среди сторонников внедрения и существования доктрины обхода закона стоит назвать Е. Д. Суворова. По его мнению, доктрина недопустимости обхода закона направлена на реальное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Конституции Российской Федерации. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – это обязанность государства. Указанная доктрина будет способствовать защите конституционных прав граждан там, где они нарушаются путем хитрого использования текстов законов, их пробелов и лазеек [9, с. 35–39]. Е. Д. Суворов в качестве иллюстрации правильности своих доводов приводит примеры из гражданского законодательства европейских держав. И действительно, доктрина недопустимости обхода закона получила в Германии косвенное закрепление в § 42 Закона ФРГ о налогах и сборах, в соответствии с которым налоговое законодательство не может быть обойдено посредством злоупотреблений с использованием различных правовых конструкций. В случае злоупотребления возникает то налоговое последствие, которое возникло бы при совершении сделки, отвечающей экономическим (деловым) целям сторон [10].

Явный запрет на обход закона встречается в германском праве только в некоторых специальных нормах, например: § 306а, 312g пр. 2, 475 ч. 1 пр. 2, 487 пр. 2, 511 пр. 2 (ранее § 506 ч. 1 пр. 2), 655e ч. 1 пр. 2 BGB. Таким образом, следует подчеркнуть, что германское право не содержит общего прямого запрета на обход закона.

В соответствии со ст. 1344 Гражданского кодекса Италии договор считается недействительным, если он предусматривает умышленный обход закона, т.е. является инструментом для нару-

шения запретов с целью получения результатов, нежелательных с точки зрения государства [9, с. 35–39]. Необходимо отметить, что в законодательстве одних стран норма, запрещающая обход закона, содержится прямо, в других – выводится путем толкования как подразумеваемая законом (например, в Германии). Что касается англо-американского права, то оно не склонно к использованию понятия «обход закона». Отличительным для английского права по сравнению с французским является и то, что сама идея обхода закона никогда не разрабатывалась [11, р. 53–54].

В США также «не существует доктрины обхода закона» и в законодательстве этот термин практически не используется.

Думается, принятие указанной категории в гражданское право России может повлечь возникновение параллельного контроля над бизнесом и обществом, его зависимость от власти, конкурирование полномочий судебной власти с законодательной, а также правовые противоречия внутри судебной власти, например, между ВАС РФ и КС РФ, поскольку ВАС РФ получит право давать толкование закону и определять его цель при установлении факта обхода закона (а цели закона, как известно, определяет Конституция РФ), сделает субъекты гражданских правоотношений зависимыми от судейского усмотрения. А, как известно, правоприменители сами, случается, злоупотребляют своими правами и обходят закон. Но что такое цель, смысл и интерес закона? Ответить на этот вопрос можно исключительно казуистически, причем содержание ответа будет во многом определяться целями и интересом конкретного правоприменителя, что создает для стабильности правового оборота серьезные риски. Законодательное закрепление термина «обход закона», на наш взгляд, может привести и к нестабильности гражданских правоотношений, в частности, любое рациональное решение юридической задачи в деятельности хозяйствующего субъекта может трактоваться как обход закона и составить инструмент для злоупотреблений со стороны недобросовестных контрагентов или конкурентов.

Бесспорно, что у представителей второй позиции благие цели: введением в ГК РФ запрета на обход закона пресечь использование правовых норм в противоречии с целями регулирования соответствующих отношений, принципами добросовестности и справедливости.

Юристы не должны быть «бесчувственными машинами» в процессе интерпретации норм. Они должны действовать в духе закона, вынося решение с учетом особенностей конкретного дела,

обеспечивая справедливое и разумное применение закона в данной ситуации, не ожидая разъяснений сверху или реакции законодателя по устранению возможных пробелов.

Однако в этой связи возникает ряд проблем. Памятуя о том, что старинная русская пословица, которая гласит: «Закон что дышло, куда повернул – туда и вышло», не должна становиться иллюстрацией, как уже говорилось, к самому процессу пресловутого обхода закона и к практике правоприменения. Ведь наибольшую опасность для противников внедрения данной доктрины в законодательство представляет так называемый простор для судейского усмотрения, и данная категория как раз и рождает то самое «недоверие» [6].

Как отмечает В. Сорокин, «читая текст юридического документа, отечественный юрист имеет в виду цели акта согласно преамбуле (телеологический способ толкования), обстановку его принятия и действия (исторический и функциональный способы толкования), правила русского языка (грамматический способ толкования) и приемы формальной логики (логический способ толкования). Даже если российский юрист использовал все указанные способы толкования права, до высоты духа права (уяснения смысла правового положения) он не поднимется, потому что все предлагаемые современной юриспруденцией способы толкования носят формальный характер. А при формально-поверхностном подходе и взгляд на предмет оказывается неглубоким. Торжество формализма в юриспруденции программируется уже самим инструментарием современного юриста» [12, с. 46–49].

Для краткого представления об особенностях толкования права с целью уяснения, есть ли в действиях хозяйствующих субъектов обход закона, укажем некоторые наиболее подходящие для достижения указанной цели способы толкования права. Например, грамматическое толкование. Толкование означает, прежде всего, исследование текста нормы, т.е. уяснение значения слова в соответствии с его общим или специальным употреблением, в том числе использованием данного слова в конкретном законе. При отсутствии законодательного определения термина для установления его общего значения используются словари и общие правила грамматики.

Следует подчеркнуть, что смысл одного и того же слова может варьироваться не только в законе, но и между разными людьми. К примеру, понимание того, в какое время суток начинается день или при каком минимальном количестве человек можно вести

речь о демонстрации, будет различным у каждого из нас. Для установления смысла подобных терминов в Германии используется метод смыслового ядра и смыслового поля [5, с. 250]. Смысловое ядро составляют те объекты, которые однозначно подпадают под его смысл. Те же объекты, которые могут быть, а могут и не быть частью объема нашего понятия, составляют так называемое смысловое поле или пограничную зону¹.

В качестве примера установим значение термина «здания» в ГК РФ (например, п. 1 ст. 130, 132), законодательное определение которого отсутствует. Для «зданий» таким смысловым ядром будут, условно говоря, все крупные строения из камня и дерева, например многоэтажный дом или коттедж. Принадлежность летнего домика или сарая к понятию «здания» вызывает определенные сомнения, поэтому они составят его смысловое поле. За пределами смыслового поля точно будут находиться шалаши или контейнеры. В зависимости от того, какие из представленных вариантов подпадут под действие нормы при ее толковании, в немецком праве речь ведется об ограничительном или расширительном толковании [5, с. 252]². Если в результате толкования к «зданиям» будут относиться только крупные строения из камня и дерева, то такое толкование будет ограничительным, а если охватит и все небольшие строения, т.е. все смысловое поле, то расширительным.

Таким образом, грамматический метод предоставляет нам чаще всего только первую зацепку, позволяет установить приблизительные границы толкования, которые требуют оценки и анализа с помощью других методов.

Другим методом толкования права является телеологический (греч. ΤΕΛΟΣ – «цель», «смысл»), при применении которого тол-

¹ Выбранная терминология взята из: Heck Ph. *Gesetzesauslegung und Interessenjurisprudenz* // *AcP.* – 1914. – Bd. 112. – S. 107. Терминология варьируется от автора к автору (см., например: Looschelders D., Roth W. *Juristische Methodik im Prozess der Rechtsanwendung.* – Duncker & Humblot, 1996. – S. 23; Beaucamp G., Treder L. *Methoden und Technik der Rechtsanwendung.* – 2. Aufl. – C. F. Muller, 2011. – Rn. 146 (говорят о «понятийном ядре и дворе» и т.д.)).

² Именно в таком значении понятия расширительного и ограничительного толкования чаще всего используются в советской и российской теории права (см., например: Черданцев А. Ф. *Толкование советского права. Теория и практика.* – М. : Юрид. лит., 1979. – Гл. III-3. – С. 139; *Теория государства и права : учеб. для юридических вузов и факультетов* / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 1998. – Гл. 24, § 2. – С. 368 (автор главы – А. С. Шабуров)).

кование закона происходит в соответствии с преследуемой им целью.

Наглядный пример представлен А. Шмагиным, который указал, что если цель нормы однозначно установлена, то и проверка полученного результата толкования на его соответствие цели не представляет большой сложности. Например, рассмотрим надпись на двери магазина, запрещающую вход в него с собаками. Возникает вопрос о допустимости посещения магазина с другими домашними животными. Ответ будет отрицательным, если преследуемой целью такого правила является соблюдение санитарно-гигиенических требований, которые будут нарушены при посещении магазина с другими домашними животными. Если же мы установим, что хозяин магазина повесил данное объявление с целью недопущения именно собак (например, из-за своей нелюбви к ним), то и ответ на поставленный вопрос будет утвердительным.

На этом простом примере толкования волеизъявления мы видим, что его результат полностью зависит от установления преследуемой цели, которую в рассматриваемом примере мы можем узнать непосредственно от собственника магазина. В ситуации с установлением целей закона определить адресата для подобного вопроса не так просто. Какие именно документы являются выражением воли законодателя: размышления депутатов парламента, принимающих закон, или участников, разрабатывавших его проект, или мнение профильного комитета парламента, через который проходит проект, или пояснительная записка к проекту? Зачастую закон преследует не одну, а несколько целей, что делает процесс толкования еще более сложным и требующим соответствующего обоснования [5, с. 247–284].

Что касается теорий по установлению целей закона, в немецкой теории в первую очередь выделяются два основных подхода к вопросу определения целей закона: субъективный и объективный.

Субъективная теория. Так называемая теория субъективного толкования призывает ориентироваться при установлении цели закона исключительно на историческую волю и умысел законодателя. Законодатель преследует в момент создания закона совершенно определенные цели в определенной исторической парадигме, выбирая между различными вариантами решения проблемы, поэтому данная воля законодателя должна быть определяющей при толковании права. Правоприменитель становится «думающим помощником законодателя».

Противники данной теории указывают в первую очередь на то, что адресата закона можно связать его текстом, а не какими-то другими материалами о принятии закона. Кроме того, часто просто невозможно найти соответствующие документы о том, какую именно цель преследовал законодатель при установлении данного правила, или такие документы просто недоступны, поэтому установление цели (а с ним и телеологическое толкование) невозможно будет применить.

Представители объективной теории предлагают выводить преследуемую законом цель из самого закона в момент его применения. Воля же исторического законодателя либо не должна учитываться совсем, либо должна восприниматься с учетом особенностей настоящего времени. Каждый закон после своего принятия начинает жить собственной жизнью, которая распространяется и на правоотношения, упущенные или не урегулированные в процессе законотворчества.

Основным аргументом против данной теории является, прежде всего, нарушение принципа разделения властей и принципа законности, ведь в демократическом государстве именно законодательной власти передана монополия на принятие законов, поэтому правоприменители должны быть связаны представлениями законодателя и применять нормы права в установленном законодателем порядке. Если же данную волю проигнорировать, то существует опасность, что она будет заменена волей правоприменителя. Кроме того, крайние варианты объективной теории очень либеральны в отношении текста закона и при поиске пробелов, что приводит при применении закона к непредсказуемости результатов [5, с. 247–284].

Таким образом, мы видим, что представленные методы не гарантируют получение однозначного решения правового конфликта. В процессе толкования должны учитываться и затронутые нормой закона интересы сторон, преследуемые им цели, система закона, его история. Важным фактором является изучение последствий применения возможных вариантов толкования на практике, а также их соотношения с конституционными положениями. Следовательно, судьи должны обладать очень высокой квалификацией, быть максимально объективными для правильного толкования нормы права при установлении факта обхода закона, что представляется весьма сложным и не гарантирующим принятие верного решения.

Не стоит забывать, что особенностью применения принципа добросовестности, разновидностью которого является и принцип недопустимости злоупотребления правом, также является судьей-

ское усмотрение. Здесь должна быть найдена так называемая «золотая середина», обусловленная исходными принципами гражданского законодательства, такими как принцип добросовестности и проистекающий из него принцип недопустимости злоупотребления правом.

Думается, стоит обсудить возможность совершенствования юридической техники против введения нового общего и неопределенного юридического понятия, обсудить идею с обществом, с субъектами гражданского и предпринимательского права.

Список литературы

1. Umgehung des Gesetzes ist ein Vorgehen, das nicht direkt gegen eine gesetzliche Bestimmung verstoesst, aber doch den Zweck einer solchen vereiteln // Vetsch, J. Die Umgehung des Gesetzes / J. Vetsch. – Zurich, 1917.

2. Энциклопедия государства и права / П. Стучка (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во Коммунистической Академии, 1925–1926. – Т. 1. – Ст. 1339.

3. Суворов, Е. Д. Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона / Е. Д. Суворов. – М. : Издат. дом В. Ема, 2008.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации: по состоянию на 25 сентября 2012. – М. : Кодексы. Законы. Нормы. – Ст. 10.

5. Шмагин, А. Основы немецкой методики толкования права / А. Шмагин // Вестник гражданского права. – 2012. – № 4. – С. 247–284.

6. Муранов, А. И. Инструмент недоверия / А. И. Муранов // Российская Бизнес-газета – Новое законодательство. – 2011. – № 795 (13). – URL: <http://www.rg.ru/2011/04/12/muranov.html>

7. Бартошек, М. Римское право. Понятия, термины, определения / М. Бартошек. – М. : Юрид. лит., 1989.

8. Доктрина обхода закона: защита права или спички в руках судей? – URL: <http://www.arbitr.ru/press-centr/smi/40996.html>

9. Суворов, Е. Д. К вопросу о внедрении понятия обход закона в ГК РФ / Е. Д. Суворов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 7.

10. Лесова, А. М. Злоупотребление правом в налоговой сфере: опыт Германии / А. М. Лесова, Н. Ю. Безбородов // Налоговед. – 2006. – № 6. – URL: <http://www.lawmix.ru/bux/85984>

11. Audit, La Fraude a la Loi (1974); Graveson (1963) II Hague Recueil. – P. 53–54.

12. Сорокин, В. В. Толкование современного права: поиск предмета / В. В. Сорокин // Российская юстиция. – 2010. – № 6.

О. И. Семянкова,
*кандидат филологических наук, доцент,
Пензенский государственный университет, г. Пенза*

Г. А. Красилова
*главный специалист-эксперт
организационно-протокольного отдела
по обеспечению деятельности Губернатора, г. Пенза*

ПЕРФОРМАТИВЫ В ТЕКСТАХ РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. (1917–1941 гг.)

Рассмотрена эволюция совершенствования структуры текстов распорядительных документов органов государственной власти советского государства на примере Пензенской губернии за период с 1917 по 1941 г.; показана роль перформативов в качестве основных структурообразующих элементов делового текста.

Ключевые слова: распорядительные документы, текст документа, композиция документа, перформативы, модальность.

Основной целью статьи является анализ синтаксических и семантических особенностей построения текстов распорядительных документов, определение роли перформативов в синтаксической организации делового текста первой половины XX в.

Предметом исследования послужил массив распорядительных документов органов государственной власти Пензенской области (приказы по Пензенскому штабу формирования добровольческих отрядов, приказы по Пензенскому Губернскому Управлению по делам пленных и беженцев, приказы Пензенского Губернского Военного Комиссариата, приказы Отдела Управления Пензенского Губернского исполнительного комитета, приказы по Пензенскому Гарнизону, обязательные постановления Пензенского Губернского исполнительного комитета, обязательные постановления Президиума Губернского исполнительного комитета, обязательные постановления Пензенского Окружного Исполнительного Комитета, постановления Оргкомитета Президиума Верховного Совета РСФСР по Пензенской области, постановления, решения и распоряжения Исполнительного Комитета Пензенского областного Совета депутатов трудящихся).

Роль перформативных выражений в синтаксической и семантической организации делового текста была определена в ходе проведения анализа официальных документов по материалам библиотеки ГБУ «Государственный архив Пензенской области».

Поскольку тема статьи охватывает начальный период становления советской власти в послереволюционной России, то следовало бы отметить некоторые нормативные методические документы, оказавшие немаловажное влияние на формирование системы делопроизводства и языка официальных документов в РСФСР, а позднее в СССР.

Конституция Союза Советских Социалистических республик [1]. Основным законом государства, закрепил иерархию органов государственной власти. Соответственно, была определена и иерархия управленческих документов, поскольку каждый орган государственной власти теперь имел полномочия издавать распорядительные документы определенных видов.

Декрет Совета Народных комиссаров РСФСР «О редактировании и печатании законодательных и правительственных актов» [2]. Данный нормативный документ закреплял порядок подготовки, редактирования, проверки, согласования, подписания, опубликования официальных документов распорядительного характера органов государственной власти РСФСР.

Декрет Совета Народных комиссаров РСФСР «О форме бланков государственных учреждений» [3]. В нормативном документе приводятся требования к бланкам официальных документов, изготавливаемых печатным и рукописным способом.

Декрет Народного Комиссариата по просвещению РСФСР «О введении нового правописания» [4]. Данным нормативным документом была произведена замена некоторых букв русского алфавита (алфавит приобрел привычный для настоящего времени вид), а также утверждены некоторые основные правила правописания, актуальные и для современного русского литературного языка.

Положение о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве [5]. Положение закрепило основные формы документов в военном ведомстве, а также формы изложения текста указанных документов. Также документом был утвержден порядок документооборота в военных учреждениях различных уровней. Положение содержало множество приложений, в которых были приведены, в частности, формы бланков документов, примеры оформления документов различных видов. Важно отметить, что данный нормативный методический документ продолжал использоваться в качестве основного в вопросах организации работы с

документами и после революции 1917 года во вновь образованных органах государственной власти молодой РСФСР.

Проведенный комплексный анализ архивного материала позволил проследить изменение направления совершенствования структуры текстов распорядительных документов органов государственной власти Пензенской губернии за период с 1917 по 1941 гг.

Наиболее наглядны изменения общей композиции документов. Так, распорядительные документы начала анализируемого периода (1917–1919) не отличаются четкой, строгой организацией, хотя имеет место рубрикация текста, смысловое деление его с помощью подзаголовков, нумерованных пунктов.

Основная характеристика текста распорядительных документов начала анализируемого периода – вариативность построения, в некоторых случаях – «загроможденность» табличными формами или цитатами, содержащими практически полное изложение других документов.

Уже в 1919–1920 гг. начинается преобразование текста официальных документов. Избыточность содержания пока не устраняется полностью, но существенно ее снижают появившиеся примечания и ссылки на распорядительные документы без цитирования их содержания в текущем документе.

В 1921 г. претерпевает существенные изменения композиция документов: в структуре текстов начинают выделяться смысловые части – констатирующая и распорядительная, причем были отмечены случаи логического их соединения словом-связкой, что характерно для текстов современных распорядительных документов.

В этот период также выявлены случаи (пока единичные) указания в текстах времени вступления в силу распорядительного акта, что также можно назвать характерной чертой документов современных. К 1930 г. пункт, содержащий вышеуказанные сведения, станет одним из обязательных в тексте официального документа.

К 1923 г. композиция текста приобретает стандартизированный вид и характеризуется четким логическим и графическим выделением смысловых частей с обязательным употреблением в тексте слова-связки. Вплоть до конца 1920-х гг. такая композиция текста будет основной, унифицированной для официальных распорядительных документов.

Характерно для 1925–1930 гг. появление в распорядительной части текста документа обязательного пункта, возлагающего контроль за исполнением поручений, а также указывающего меру наказания за неисполнение распорядительного акта.

Существенные преобразования произошли и в построении предложений текстов распорядительных документов.

Проведенный анализ позволил охарактеризовать предложения начального периода как единицы текста синтаксически простые, но являющиеся при этом насыщенными распространенными второстепенными членами предложения.

При анализе текстов документов 1919 года была отмечена складывающаяся тенденция к относительной устойчивости взаиморасположения главных и второстепенных членов предложения. В качестве подтверждающих фактов можно указать синтаксически параллельные конструкции, используемые при построении предложений текстов распорядительных документов 1917–1919 гг.

Как показывает гистограмма на рис. 1, уже к 1923 г. положение обособленных определений и обстоятельств становится максимально устойчивым – они указываются после определяемых слов, а к 1924 г. закрепляется взаиморасположение подлежащего и сказуемого – подлежащее теперь указывается перед сказуемым.

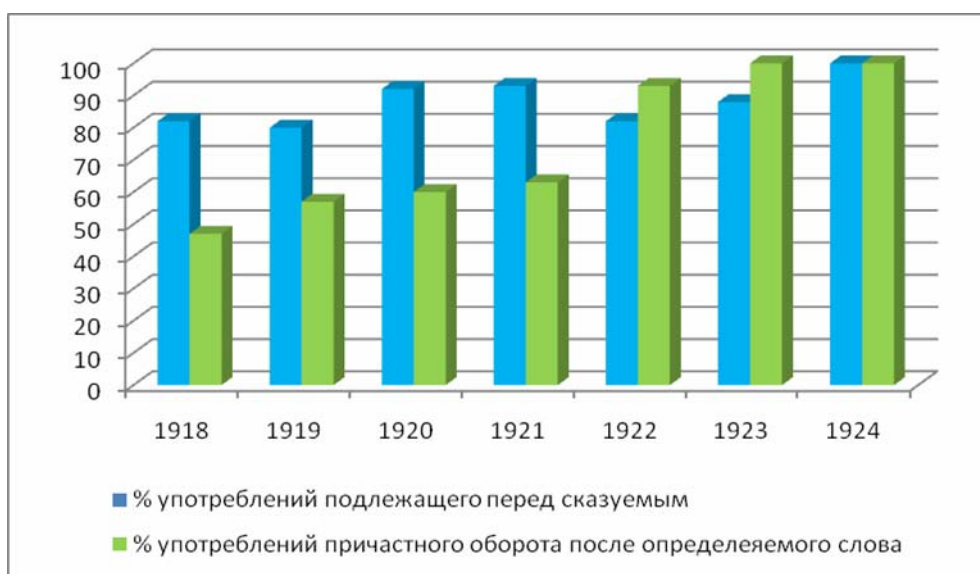


Рис. 1. Тенденция закрепления взаиморасположения главных и второстепенных членов предложения

Анализ синтаксиса текстов 1919–1920-х гг. позволил выделить также тенденцию к усложнению структуры предложений за счет однородных главных и второстепенных членов предложения либо увеличения количества простых предложений в составе сложного. Стоит отметить, что к 1924 г. предложения текстов распорядительных документов преимущественно становятся простыми (рис. 2).



Рис. 2. Тенденция употребления простых предложений в текстах распорядительных документов

Схема построения простого предложения к 1924 г. становится максимально стандартизованной и унифицированной и существует в неизменном виде в текстах распорядительных документов вплоть до 1941 года (без учета 1930-х гг.).

Конец анализируемого периода характеризуется преобразованием выведенной схемы и приведением ее к виду, актуальному в текстах современных документов (рис. 3).

Особое внимание стоит уделить употреблению в текстах распорядительных документов глаголов, выражающих действие.

Начальный период анализируемого временного интервала (1917–1920) характеризуется активным употреблением в текстах распорядительных документов максимально простых с точки зрения грамматики инфинитивных глагольных форм перформативного значения. Указанные формы перформативов ввиду своей грамматической обезличенности и преимущественного расположения в середине синтаксической конструкции модальными являются в минимальной степени и слабо реализуют в тексте волеизъявление автора сообщения, отражают степень его участия в описываемой ситуации. Внимание читателя концентрируется преимущественно на содержании предписываемых действий. Инфинитивы перестают употребляться в текстах распорядительных документов в чистом виде, по итогам анализа, к 1924 г.

Перформативы в форме 3 лица единственного/множественного числа (в чистом виде) в начале анализируемого периода упот-

ребляются в основном в возвратной форме и настоящем времени. Грамматически действие, передаваемое перформативом, осуществляется в настоящем, т.е. в момент речи, хотя в контексте предложения подобные конструкции характеризуют действие как уже совершенное к моменту его оглашения. Внимание читателя сосредотачивается на факте совершения действия, а участие в нем автора сообщения фактически отсутствует за счет использования пассивной конструкции.

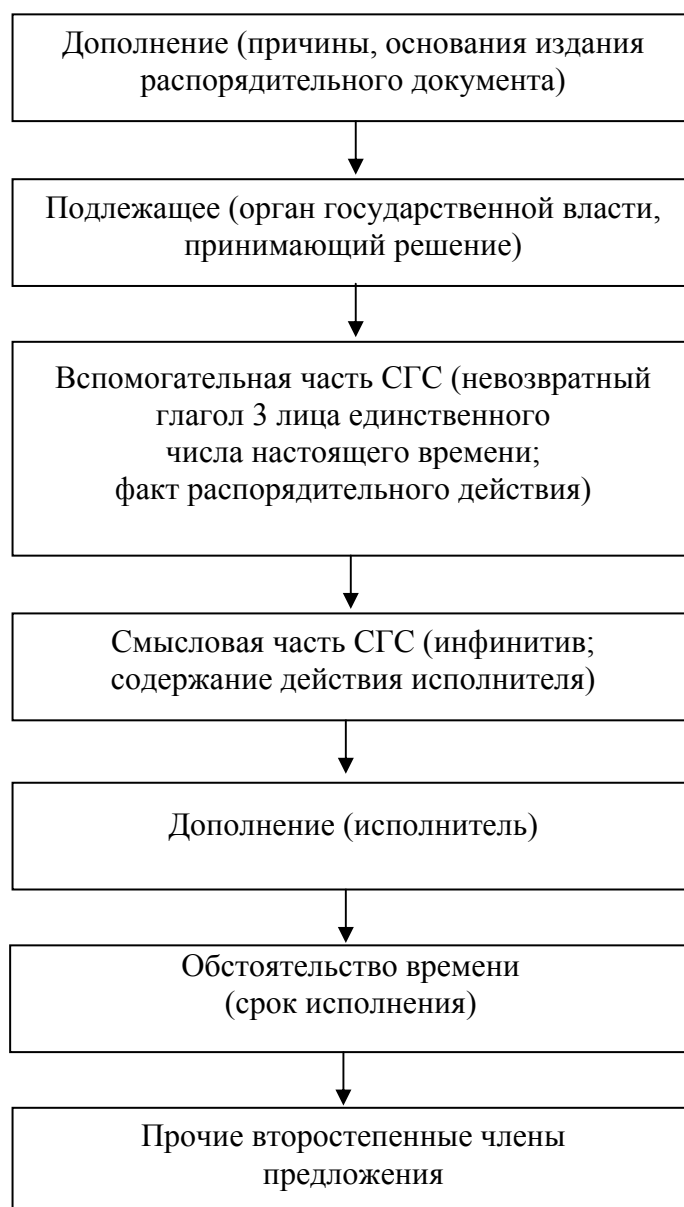


Рис. 3. Схема построения простого предложения в текстах современных документов

Дальнейший анализ показал, что постепенно возрастает процент употребления в текстах распорядительных документов со-

ставных глагольных сказуемых (далее СГС), инфинитив в которых на протяжении обозначенного периода сохраняет преимущественно форму совершенного вида. К 1924 г. употребление СГС достигло 100 %.

Максимальному проявлению в тексте долженствующей роли автора, в том числе и за счет волонкативного семантического значения, способствуют СГС со вспомогательным невозвратным перформативом в форме 1 лица единственного числа настоящего времени. Данная грамматическая конструкция присутствует, как показал анализ, лишь в текстах приказов и только до 1921 г. Грамматически подобные конструкции описывают действие, совершаемое автором сообщения, как происходящее в момент речи, результат же его относится в контексте сообщения ко времени будущему.

Для первых лет периода анализа (1917–1919) характерно то, что вспомогательная часть СГС выражается возвратным перформативом в форме 3 лица единственного числа настоящего времени. В 1925 г. становится устойчивой и сохраняется до конца анализируемого временного интервала форма вспомогательного невозвратного перформатива в той же грамматической форме.

Возвратный перформатив в составе СГС в форме настоящего времени («предлагается»), равно как и выраженный кратким прилагательным («должен», «обязан»), характеризует действия в тексте распорядительных документов как еще не осуществленные, гипотетические, но которые должны реализоваться в ближайшем будущем. Модальное долженствующее отношение автора в подобных грамматических конструкциях передается посредством семантики перформатива.

Невозвратный перформатив в форме прошедшего времени («постановил») в составе СГС ярко выражает модальность действительности в тексте распорядительного документа за счет того, что грамматически характеризует действие как уже фактически совершенное автором сообщения к моменту его озвучивания, хотя контекст употребления перформатива указывает на «будущность» совершения описываемых действий.

С 1921 г. в текстах распорядительных документов в составе СГС начинают употребляться невозвратные перформативы в форме 3 лица единственного/множественного числа будущего времени, которые грамматически и контекстуально выражают действие будущее, но достоверное, реализуемое. Модальность такой конструкции обеспечивается в основном категоричным семантическим содержанием смысловой части СГС.

Тенденции употребления форм перформативных конструкций в текстах различных видов распорядительных документов наглядно демонстрируют представленные ниже гистограммы (рис. 4, 5).

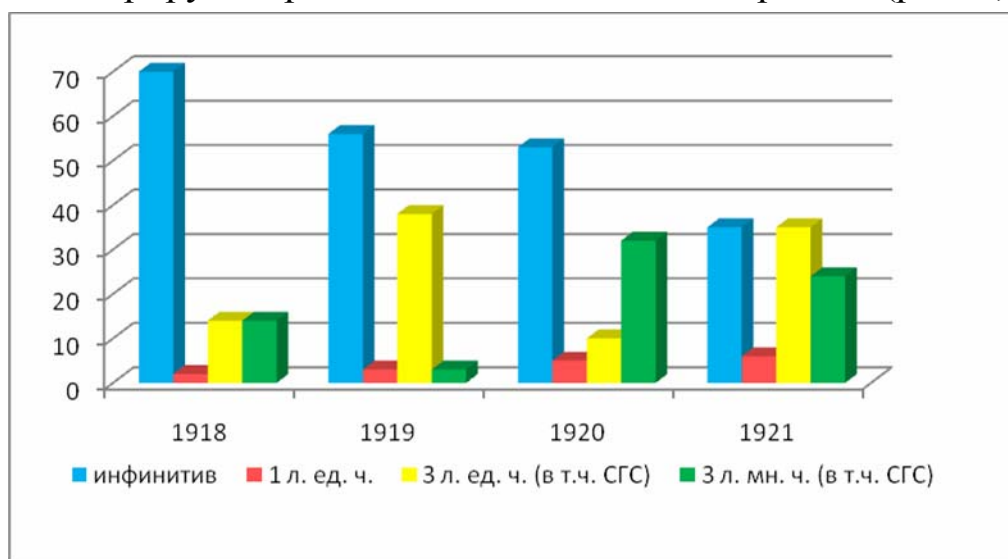


Рис. 4. Употребление форм перформативов в текстах приказов

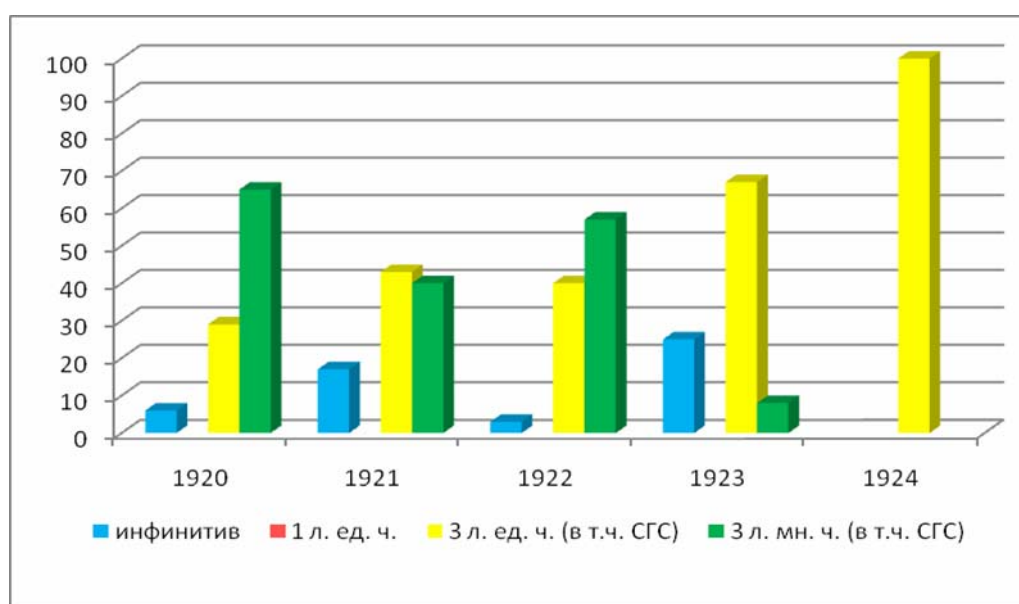


Рис. 5. Употребление форм перформативов в текстах постановлений

За последующие проанализированные годы (1925–1930 и 1939–1941) значительных изменений в употреблении перформативных конструкций не выявлено. Отмечено появление некоторых контекстуальных элементов, способствующих повышению степени долженствования документа и реализации волюнтаривной стратегии автора в нем:

– указание конкретных исполнителей поручения – обеспечивает направленность речевого воздействия;

– указание периода вступления в силу распорядительного документа – определяет момент фактического начала осуществления предписанных поручений объектом воздействия;

– возложение контроля за исполнением и указание меры ответственности за неисполнение поручения – определяет рамки, в пределах которых объект воздействия должен реализовывать предписанные поручения;

– указание сроков исполнения – определяет границы, в пределах которых объект воздействия должен реализовать предписанные поручения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к концу анализируемого периода (1941) сформировался вполне стандартный шаблон распорядительного документа, синтаксическая, семантическая составляющие которого способны в максимальной степени реализовать стратегию волеизъявления автора, выразить общий характер долженствования текста.

Это в значительной степени связано не только с унификацией делового языка в первой половине XX в., но и с государственной политикой в области стандартизованного составления документов органов государственной власти.

Список литературы

1. Конституция Союза Советских Социалистических республик. Утверждена постановлением Чрезвычайного VIII съезда Советов Союза ССР от 05.12.1936.

2. Декрет Совета Народных комиссаров РСФСР «О редактировании и печатании законодательных и правительственных актов» от 30.01.1918.

3. Декрет Совета Народных комиссаров РСФСР «О форме бланков государственных учреждений» от 02.03.1918.

4. Декрет Народного Комиссариата по просвещению РСФСР «О введении нового правописания» от 23.12.1917.

5. Положение о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве от 1916 года. – URL: http://militera.lib.ru/regulations/russr/1916_polozhenie-pismo/index.html (дата обращения: 18.03.2013).

К ВОПРОСУ ОБ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ

Коррупция признана одной из системных угроз безопасности Российской Федерации, а борьба с ней – принципиальной задачей государства и гражданского общества. Исследуется институт антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Обозначается ряд вопросов, пробелов и коллизий, требующих нормативного разрешения.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов.

Конвенция ООН против коррупции, ратифицированная Российской Федерацией в 2006 г., декларирует стремление государств-участников периодически проводить оценку соответствующих правовых документов и административных мер с целью определения их адекватности с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней (п. 3 ст. 5) [1].

Правовые и организационные основы проведения экспертизы нормативных правовых актов и их проектов на предмет наличия в них положений, создающих условия для проявления коррупции, заложены Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [2].

Законом определяются цели и принципы организации антикоррупционной экспертизы, перечень субъектов, уполномоченных на ее проведение. В то же время не установлено само понятие антикоррупционной экспертизы, хотя оно должно быть в первую очередь прописано в законе в целях унифицированного применения названного института и минимизации потенциальных практических споров и дискуссий на эту тему.

Юридическая энциклопедия трактует экспертизу как изучение специалистом (экспертом) или группой специалистов вопросов, правильное решение которых требует профессиональных исследований и специальных знаний в той или иной сфере. Практическим и документальным результатом экспертизы является заключение эксперта или группы экспертов [3, с. 499].

Российские правоведы дают свое толкование институту антикоррупционной экспертизы. По мнению Е. В. Каменской и А. А. Рождествиной, антикоррупционная экспертиза – это деятельность специально уполномоченных государственных органов и должностных лиц (Минюста РФ, Прокуратуры РФ и иных органов власти) либо физических и юридических лиц, аккредитованных в качестве независимых экспертов на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов на коррупциогенность, направленная на выявление в нормативных правовых актах и проектах нормативных правовых актов коррупциогенных факторов и выработку рекомендаций по их устранению [4]. А. Ю. Гулягин понимает исследуемый институт как «действия специально уполномоченного государством органа или лица по оценке нормативного правового акта либо его проекта (его формы, целей и задач, предмета правового регулирования, компетенции органа, принявшего акт, содержащихся в нем норм, порядка принятия и опубликования) на предмет соответствия требованиям Конституции РФ и законодательству, а также на предмет наличия либо отсутствия условий для проявления коррупции – коррупциогенных факторов» [5, с. 39].

Следует отметить, что региональный законодатель в пределах своей компетенции самостоятельно решает данный вопрос.

В соответствии с Законом Мурманской области от 26 октября 2007 г. № 898-01-ЗМО «О противодействии коррупции в Мурманской области» антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов – это «деятельность по выявлению и описанию коррупциогенных факторов, а также разработка рекомендаций, направленных на устранение таких факторов» (ст. 1) [6].

В Республиках Алтай, Саха, Тыва под антикоррупционной экспертизой понимается деятельность специалистов по выявлению и описанию коррупциогенных факторов, относящихся к нормативным актам субъекта РФ и их проектам, разработке рекомендаций, направленных на устранение или ограничение действия таких факторов [7–9]. Как видно, разработка рекомендаций имеет здесь и вторую цель – «ограничение действия коррупциогенных факторов».

В соответствии с Законом Оренбургской области от 15 сентября 2008 г. № 2369/497-IV-ОЗ «О противодействии коррупции в Оренбургской области» проводится экспертиза не только правовых актов, но и договоров и соглашений – это «деятельность по выявлению и описанию коррупционных факторов, относящихся к нормативным правовым актам Оренбургской области, к их проектам,

а также к договорам и соглашениям, с разработкой рекомендаций, направленных на устранение или ограничение действия таких факторов» (ст. 3) [10].

Напротив, в Свердловской области антикоррупционной экспертизой является только «выявление в нормативных правовых актах Свердловской области и проектах нормативных правовых актов Свердловской области коррупциогенных факторов» [11]. Соответственно цели по устранению (или ограничению) таких факторов отсутствуют.

По нашему мнению, антикоррупционная экспертиза представляет собой деятельность специально уполномоченных государственных органов и должностных лиц либо аккредитованных физических и юридических лиц, направленную на выявление в нормативных правовых актах и их проектах коррупциогенных факторов и выработку рекомендаций (направление требований, обращение в суд) по их устранению.

Для эффективной реализации Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 утверждены новые Правила и Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов [12, с. 118]. При этом установлено, что Методика и содержащийся в ней перечень коррупциогенных факторов являются едиными для всех субъектов проведения экспертизы. В то же время Правила определяют порядок проведения антикоррупционной экспертизы только Министерством юстиции РФ и применяются при проведении независимой антикоррупционной экспертизы. Иные органы, организации, их должностные лица согласно ст. 3 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ осуществляют антикоррупционную экспертизу в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления.

Обратим внимание, что как Федеральный закон «О противодействии коррупции», так и Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» используют такую формулировку, как «институты гражданского общества».

Сам термин «гражданское общество» имеет не только юридическую неопределенность, но и некоторые философско-право-

вые черты. Дифференцированные подходы наблюдаются относительно содержания и составных элементов гражданского общества: разнообразие и равенство форм собственности, свобода труда и предпринимательства, идеологическое многообразие и свобода информации, неизбежность прав и свобод человека, развитое самоуправление, цивилизованная правовая власть [13]; личность, семья, школа, церковь, собственность и предпринимательство, социальные группы, слои, классы, частная жизнь граждан и ее гарантии, институты демократии, общественные объединения, политические партии и движения, независимое правосудие, система воспитания и образования, свободные средства массовой информации, негосударственные социально-экономические отношения [14].

Таким образом, в силу неопределенности понятия «гражданское общество» всеми признаками неопределенности и неточности обладает и понятие «институты гражданского общества», сложность применения которого можно уже сейчас наблюдать в законодательстве.

Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ устанавливает, что «институты гражданского общества и граждане могут в порядке, предусмотренном нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет собственных средств проводить независимую антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов)» (ч. 1, ст. 5).

Представляется, что общественное объединение, трактуемое Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» как добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения, в полной мере является институтом гражданского общества (ст. 5). В соответствии со ст. 3 названного закона общественные объединения могут регистрироваться и приобретать права юридического лица либо функционировать без государственной регистрации и приобретения прав юридического лица [15].

Тем не менее Приказ Министерства юстиции РФ от 31 марта 2009 г. № 92 предусматривает возможность наделения статусом независимого эксперта, уполномоченного на проведение экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов на коррупциогенность, только физических и юридических лиц [16, с. 36]. Из этого следует, что общественное объединение, функционирующее без образования юридического лица, фактически лишается

права стать независимым экспертом, предоставленного ему как институту гражданского общества Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

В сфере правового регулирования статуса независимого эксперта обнаруживаются и другие пробелы.

Положение об аккредитации юридических и физических лиц в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов на коррупциогенность, утвержденное вышеназванным Приказом Минюста, предусматривает, что юридическое или физическое лицо, намеренное получить статус независимого эксперта, должно отвечать требованиям п. 6 Правил проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2009 г. № 195. Однако данный нормативный акт признан утратившим силу новым Постановлением Правительства от 26 февраля 2010 г. № 96.

Более того, как Закон об антикоррупционной экспертизе, так и новые Правила и Методика проведения антикоррупционной экспертизы предусматривают проведение независимой экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, а Приказ Минюста предполагает аккредитацию в качестве независимого эксперта для проведения экспертизы «нормативных правовых актов и иных документов». Что включает в себя понятие «иные документы», в Приказе не поясняется.

Возникает ряд вопросов и при оценке заключения независимого эксперта, например при его сравнении с заключением Министерства юстиции РФ или с заключениями других экспертов. Вполне вероятны ситуации, когда Министерство юстиции РФ выявит коррупциогенные факторы в проекте нормативного акта, а независимый эксперт не выявит их, либо наоборот. Также возможны случаи, когда заключения даются разными экспертами, и в каждом таком заключении указаны разное количество или разные виды коррупциогенных факторов.

Общий порядок разрешения таких коллизий установлен в п. 6 ст. 4 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ, согласно которому разногласия, возникающие при оценке указанных в заключении коррупциогенных факторов, разрешаются в установленном порядке. Такой порядок до сих пор законодательно не установлен.

Еще одна проблема заключается в получении ответа на заключение от органов государственной власти. Исходя из смысла ст. 5 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ мотивированный ответ на заключение эксперта дается только в случае, когда в таком заключении содержатся предложения о способе устранения выявленных коррупционных факторов, в иных же случаях дача такого ответа не обязательна.

Это означает, что заключение эксперта даже с выявленными коррупционными факторами, но без предложений по их устранению, может не рассматриваться вообще. Эксперт в свою очередь даже не узнает о рассмотрении или нерассмотрении результатов проведенной им экспертизы. В связи с этим считаем необходимым исключить из закона соответствующие ограничения. Мы также придерживаемся мнения о необходимости установления юридической ответственности за игнорирование заключения независимого эксперта [17].

Совершенствование нормативной базы проведения антикоррупционной экспертизы должно быть одной из приоритетных мер в противодействии коррупции. Устранение обозначенных правовых пробелов и коллизий антикоррупционного законодательства будет способствовать повышению эффективности противодействия коррупции и совершенствованию ее профилактической составляющей.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.). Российская Федерация ратифицировала Конвенцию Федеральным законом от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – 26 июня. – № 26. – Ст. 2780.

2. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2009. – 20 июля. – № 29. – Ст. 3609.

3. Тихомирова, Л. В. Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров ; под ред. М. Ю. Тихомирова. – М., 1997.

4. Каменская, Е. В. Независимая антикоррупционная экспертиза : науч.-практ. пособие / Е. В. Каменская, А. А. Рождествина // Система «Гарант», 2010.

5. Гулягин, А. Ю. Экспертиза нормативно-правовых актов как юридическое средство противодействия коррупции / А. Ю. Гулягин // Юридический мир. – 2009. – № 12.

6. О противодействии коррупции в Мурманской области : закон Мурманской области от 26 октября 2007 г. № 898-01-ЗМО : [с изм. от 23 нояб. 2009 г.] // Мурманский вестник. – 2007. – 1 нояб. – № 208.

7. О противодействии коррупции в Республике Алтай : закон Республики Алтай от 5 марта 2009 г. № 1-РЗ : [с изм. от 24 июня 2010 г.]. Ч. 1 ст. 7 // Сборник законодательства Республики Алтай. – 2009. – № 57(63).

8. О противодействии коррупции в Республике Саха (Якутия) : закон Республики Саха (Якутия) от 19 февраля 2009 г. 668-3 № 227-IV : [с изм. от 14 апр. 2010 г.]. Ст. 1 // Ил Тумэн. – 2009. – 29 мая. – № 20.

9. О мерах по противодействию коррупции в Республике Тыва : закон Республики Тыва от 7 июля 2008 г. № 856 ВХ-II : [с изм. от 20 дек. 2010 г.]. Ст. 3 // Тувинская правда. – 2008. – 21 авг. – № 102.

10. О противодействии коррупции в Оренбургской области : закон Оренбургской области от 15 сентября 2008 г. № 2369/497-IV-ОЗ : [с изм. от 17 нояб. 2010 г.] // Бюллетень Законодательного Собрания Оренбургской области. – 2008. – 29 авг.

11. О противодействии коррупции в Свердловской области : Закон Свердловской области от 20 февраля 2009 г. № 2-ОЗ : [с изм. от 23 мая 2011 г.]. Ст. 2 // Собрание законодательства Свердловской области. – 2009. – 7 апр. – № 2. – Ст. 84.

12. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 // Собрание законодательства РФ. – 2010. – 8 марта. – № 10. – Ст. 1084.

13. Большой юридический словарь / В. Н. Додонов [и др.]. – М. : ИНФРА-М., 2001.

14. Матузов, Н. И. Теория государства и права : учеб. / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М. : Юрист, 2004.

15. Об общественных объединениях : федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ : [с изм. от 1 июля 2011 г.] // Собрание законодательства РФ. – 1995. – 22 мая. – № 21. – Ст. 1930.

16. Об Аккредитации юридических и физических лиц в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов на коррупциогенность : приказ Минюста РФ от 31 марта 2009 г. № 92 // Российская газета. – 2009. – 24 апр. – № 73.

17. Ибачкова, Ю. С. О качестве антикоррупционных экспертиз / Ю. С. Ибачкова, К. Е. Рыбак // Культура: управление, экономика, право. – 2011. – № 1.

Н. Ю. Синячкина
*старший преподаватель,
Пензенский государственный университет, г. Пенза*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА ПРИМЕРЕ ДОГОВОРОВ КУПЛИ-ПРОДАЖИ)

Приводятся виды договоров купли-продажи и структура договора на немецком языке. Уделяется внимание эквивалентам перевода синтаксических конструкций, специфических для немецкоязычного текста договора. Приводятся англоязычные сокращения для обозначения международных условий поставки в соответствии с соглашением ООН по торговому праву.

Ключевые слова: договор купли-продажи, немецкий язык, перевод, канцелярские клише, синтаксис, сокращения ИНКОТЕРМС.

Операции по экспорту и импорту товаров осуществляются на основе договоров купли-продажи. Договор купли-продажи – это договор, по которому одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену) (п. 1. ст. 454 ГК РФ).

Заключению договора предшествует составление проекта одной из сторон и изучение его другой. Если в проекте содержатся пункты, с которыми контрагент не согласен, проходит их согласование, которое заканчивается совместной выработкой текста договора [1, с. 27].

Выделяют следующие виды договоров купли-продажи: договор розничной купли-продажи, договор поставки, договор поставки для государственных или муниципальных нужд, договор контракции, договор энергоснабжения, договор продажи недвижимости и договор продажи предприятия. Договор может быть подписан только лицами, имеющими право подписи таких документов.

Договор купли-продажи имеет следующие пункты:

1. Ort und Datum des Abschlusses – место и время заключения договора.
2. Gegenstand des Vertrages – предмет договора.
3. Preise und Gesamtbetrag des Vertrages – цена и общая сумма договора.

4. Lieferfrist – срок поставки.
5. Haftung der Vertragsparteien – ответственность сторон в договоре.
6. Zahlungsbedingungen – условия оплаты.
7. Technische Unterlagen – техническая документация.
8. Gewährleistung – гарантии.
9. Verpackung und Markierung – упаковка и маркировка.
10. Versandvorschriften und Anzeigen – транспортная документация.
11. Versicherung – страховка.
12. Höhere Gewalt – форс-мажор.
13. Schiedsgericht – арбитраж.
14. Reklamationen – рекламации.
15. Sonstige Bedingungen – другие условия.
16. Juristische Anschriften und Bankangaben der Partner – юридические адреса и банковские реквизиты партнеров.
17. Unterschriften – подписи.

Как документ, обладающий юридической силой, договор о купле-продаже должен включать канцелярские клише, которые служат языковыми средствами для подтверждения прав и полномочий соответствующих лиц.

Например:

- nachstehend genannt – именуемый в дальнейшем;
- vertraglich geregelt – оговоренный в договоре;
- verstehen sich – действовать;
- höhere Gewalt – обстоятельства непреодолимой силы;
- sämtliche Streitigkeiten und Meinungsverschiedenheiten auf gütlichem Wege lösen – разрешать все споры и разногласия дружественным путем;
- ohne Anrufung allgemeiner Gerichte – без привлечения судов общегражданского права и т.д.

Ознакомление с подобными эквивалентами и владение ими в значительной степени облегчает переводимость текста договора.

Максимальная точность и однозначность формулировок достигаются с помощью довольно трудного синтаксиса: преобладают придаточные условные, бессоюзные и союзные придаточные, неретальные условные бессоюзные придаточные с глаголом sollen.

Например:

- Falls die Anlagen nicht geliefert werden, so... – В случае непоставки оборудования...

– Falls die Lieferung unvollständig ist, so... – В случае некомплектной поставки...

– Falls die Mängel nicht beseitigt werden können, so... – В случае невозможности устранения дефектов...

– Sollte der Käufer mit Zahlungen in Verzug geraten, so... – В случае просрочки покупателем платежа...

– Sollte der Verkäufer die Anlagen innerhalb von 10 Wochen nach der vereinbarten Lieferfrist nicht geliefert hat, so ... – Если продавец не осуществил поставку в течение 10 недель после согласованного срока поставки, ...

– Stellen sich während der Gewährleistungsfrist an der Ausrüstung irgendwelche Mängel heraus, so ... – Если в течение гарантийного срока вскроются какие-либо дефекты, ...

– Kommen die Parteien zu keiner Einigung, so ... – Если стороны не придут к единому мнению, ... [2, с. 344–349].

Таким образом, можно констатировать при переводе однозначную трансформацию: придаточное условное заменяется сочетанием «в случае + существительное + существительное в родительном или творительном падеже». Существительное die Partei выступает в контексте договора купли-продажи как «ложный друг переводчика»: die Partei – сторона, не партия.

Оперативная информация в тексте договора оформляется так же как, и в законодательных текстах, глагольными конструкциями с предписывающей семантикой: модальные конструкции:

– sein + zu + Infinitiv – должен быть + причастие соответствующего глагола;

– haben + zu + Infinitiv – обязан + инфинитив соответствующего глагола;

– gelten, gültig sein – быть действительным, иметь силу;

– das Recht haben / berechtigt sein – иметь право;

– verpflichtet sein – быть обязанным.

Например:

– Die Ausrüstung ist nach folgenden Lieferzeiten laut Anlage Nr... zu liefern. – Оборудование поставляется в следующие сроки согласно приложению №

– Die Höhe der Konventionalstrafe ist durch ein schiedsgerichtliches Verfahren nicht zu ändern. – Размер неустойки не меняется арбитражным судом.

– Vor dem Verpacken ist die Ausrüstung zu konservieren. – Перед упаковкой нужно законсервировать оборудование.

– Der Partner hat nicht später als 3 Tage nach dem Eintreten und der Beendigung der oben genannten Umstände schriftlich die andere Partei zu verständigen. – Партнер должен письменно уведомить другую сторону не позднее чем за 3 дня о происшествии и завершении вышеназванных обстоятельств.

– Die Preise dieses Vertrages gelten innerhalb von 30 Tagen... – Цены действуют в течение 30 дней...

– Keiner der Partner ist berechtigt, seine Rechte und Verpflichtungen aus diesem Vertrag ohne schriftliche Zustimmung des anderen Partners an Dritte zu übertragen. – Ни один из партнеров не имеет права переложить свои права и обязанности без письменного согласия другого партнера на третьего.

– Der Lieferant hat das Recht, die Mängelbeseitigung selbst durchzuführen. – Поставщик имеет право сам устранить дефект.

– Der Verkäufer ist verpflichtet, dem Käufer alle Schäden und Ausgaben zu erstatten. – Продавец обязан возместить покупателю все убытки и расходы.

Как вариант перевода может использоваться для конструкции *sein + zu + Infinitiv* презенс пассив. Кроме вышеназванных конструкций широко используется инфинитив пассив с модальным глаголом *müssen* или модальные глаголы *sollen* и *müssen* с инфинитивом.

Например:

– Der Verkäufer gewährleistet, dass die Ausrüstung komplett geliefert wird. – Продавец гарантирует, что оборудование будет поставляться в комплекте.

– Der Satz der Versandpapiere soll folgende Dokumente beinhalten... – Набор транспортной документации должен включать следующие документы...

– Die Verpackung muss die Ausrüstung gegen Beschädigungen und Korrosion schützen. – Упаковка должна защищать оборудование от повреждений и коррозии...

При составлении текста договора следует обратить внимание на сокращения, которые используются в соответствии с ИНКОТЕРМС. Сокращения обозначают международные условия поставки и часто употребляются в английском варианте.

Сокращения однозначно определяют обязанности сторон, прежде всего ответственность продавцов или покупателей за расходы и риск утраты или повреждения товара.

Например:

- EXW (ex Works / ab Werk) – франко-предприятие;
- FOB (free on board / frei an Bord) – фоб, франко-борт;
- CFR (cost and freight / Kosten und Fracht) – каф, стоимость и фрахт;
- CIF (cost, insurance and freight / Kosten, Versicherung und Fracht) – сиф, стоимость, страхование и фрахт;
- CPT (carriage paid to / frachtfrei versichert) – франко-фрахт;
- CIP (carriage and insurance paid to / frachtfrei versichert) – франко-фрахт и страховка;
- DDP (delivered duty paid / geliefert verzollt) – поставка с уплатой пошлины [2, с. 379].

Ознакомление с английскими эквивалентами различных видов поставок по соглашению ООН по торговому праву и их эквивалентами на русском языке необходимо, поскольку данные сокращения широко используются в экспортных договорах.

Кроме англоязычных сокращений в текстах договоров можно встретить и немецкоязычные.

Например:

- u.a. – unter anderem – в т.ч. – в том числе;
- o.g. (Strafe) – obengenannt (Strafe) – вышеназванный (штраф);
- LKW – Lastkraftwagen – грузовой автомобиль;
- inkl. – inklusive – включая.

В заключение следует подчеркнуть, что вышеизложенные соображения об особенностях перевода немецкоязычных договоров не претендуют на окончательную интерпретацию значения юридических конструкций. Разработка указанной проблемы имеет практико-прикладное значение, так как правильное использование данных структур при оформлении деловой документации ведет к дальнейшему развитию одного из важнейших институтов гражданского права – договора купли-продажи.

Список литературы

1. Кукина, Н. М. Деловая переписка на немецком языке : метод. указания / Н. М. Кукина. – Пенза, 1997. – 40 с.
2. Ковалевский, Р. Немецкий язык. Деловые контакты / Р. Ковалевский, Г. Майер, Р. Митягина. – Волгоград ; Кельн, 2004. – 392 с.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И НЕКОТОРЫЕ ТРУДНОСТИ ЕГО ПЕРЕВОДА

Рассматривается юридический текст как лингвистический феномен, отличающийся использованием особых языковых средств, представляющих трудности при переводе, выявляются основные приемы их передачи на русский язык.

Ключевые слова: текст, сокращение, аббревиатура, перевод.

В процессе научного развития не только происходит накопление нового знания, но и перестраиваются ранее сложившиеся представления, изменяются все компоненты научной деятельности, в частности ее объекты. Господствующая в современной лингвистике коммуникативно-прагматическая парадигма сместила акцент со слова как объекта познания на текст как единицу коммуникации, отражающую представления человека о мире, а также механизм человеческого мышления и способы его выражения языковыми средствами.

Теоретической базой изучения текста являются труды таких ученых, как И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюнова, А. Э. Бабайлова, Л. С. Выготский, И. Р. Гальперин, Т. М. Дридзе, Н. И. Жинкин, В. И. Карасик, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев, Л. М. Майданова и др.

Особый интерес представляют исследования, посвященные юридическим текстам, актуальность обращения к которым обусловлена неуклонным возрастанием роли специальной коммуникации в жизни общества.

Современное понимание юридического текста не ограничивается строгими рамками собственно юридического документа, а включает также другие виды как устных, так и письменных текстов, предметом которых являются правовые вопросы, обсуждаемые профессиональным сообществом юристов и гражданами [1].

Если придерживаться такого широкого понимания термина «юридический текст», то можно констатировать, что юридический дискурс представлен следующими классами текстов: научные юридические тексты (монографии, научные статьи и др.), тексты профессиональной юридической деятельности (документы, договоры, законодательные акты и др.), тексты непрофессиональной

юридической деятельности (научно-популярные статьи), учебные юридические тексты.

Базой нашего исследования стали последние, так как их типологическое многообразие позволяет отобразить богатство современных информационных потоков и ориентировать обучающихся как на формирование коммуникативных умений, так и приобретение научно-профессионального тезауруса. Эти целевые установки позволяют нам сосредоточиться на рассмотрении проблем, связанных с пониманием и переводом юридических терминов.

В частности, особого внимания заслуживает проблема изучения юридических терминов-сокращений с учетом особых требований к их точности и однозначности при переводе с одного языка на другой.

Система сокращений юридических терминов и перспективы ее дальнейшего развития в английском языке шире, чем в русском, так как, называясь терминами в русском языке, они трансформируются в сокращения в английском языке. По данным исследования вариативности и репрезентативности в юридической терминологии Н. В. Сандаловой, аббревиации и сокращения занимают господствующее положение в обоих языках, однако в количественном отношении русский язык отстает (42 % к 60 %) [2].

Акцентируя внимание на известной степени условности деления сокращений на виды, в основу их классификации мы положили тематический и формообразовательный критерии, также нами учтены способы перевода на русский язык.

В результате исследования выявлены сокращения и аббревиатуры, обозначающие международные организации и содружества государств (*Interpol – International Criminal Police Organisation, EU – European Union, IMF – International Monetary Fund*); документы (*Adm Inst – Administrative Instruction, Cmd. – United Kingdom, Command Papers, Ohio – Ohio Laws, BFSP – British and Foreign State Papers*); ассоциации, банки, комиссии (*Co Ltd – Company Limited, Ins.Co – Insurance Company, EBRD – European Bank of Reconstruction and Development*); государственные учреждения (*Dep't – Department, Ex./Exch. – Exchequer, CIF – court of first instance*); правовые акты (*Int.Rev.Code – International Revenue Code, PACE – Police and Criminal Evidence Act*); различные правовые сокращения и аббревиатуры (*ince/insce – insurance, mtg – mortgage, objn – objection, ABH – actual body harm*); юридические профессии (*At./Att./Atty – attorney, Adv. – advisor/advocate, Jc. – jurisconsult, Jud. – judge, Jus.P. – Justice of the Peace, ACC – assistant chief constable*).

Среди аббревиатур широко распространены варианты, известные всем специалистам права, но ограниченные рамками полуофициальной юридической документации: *DUI/DWI* – *driving under the influence/driving while intoxicated* «вождение автомобиля в нетрезвом состоянии»; *ROR* – *release on recognizance* «освобождение с подпиской о невыезде»; *GBMI* – *guilty but mentally ill* «виновный, но требующий принудительного психиатрического лечения в период отбывания срока исполнения наказания»; *IOU* – *I owe you* «долговая расписка» и др.

Особое место среди юридических сокращений занимают аббревиатуры латинского происхождения, представляющие трудность при установлении коррелята и определении значения сокращения в конкретном контексте ввиду совпадения английского и латинского алфавитов: *s.l.* – *secundum legem* «в соответствии с законом»; *s.j.* – *sub judice* «находящийся на рассмотрении (о судебных делах)»; *q.e.i.* – *quod erat inveniendum* «что и следовало установить»; *i.c.* – *in casu* «в данном деле»; *B.F.* – *bonum factum* «одобренное»; *a.i.* – *ad interim* «временно» и др.

Лексикализация аббревиатур еще больше затрудняет процесс перевода, нарушая соотношение между планом содержания и планом выражения. Лексикализованная аббревиатура может обрести черты обычного слова за счет формообразовательных элементов например окончания множественного числа существительных: *IDs* – *identification cards* «удостоверение личности»; *NGO's* – *Non-Governmental Organizations* «неправительственные организации»; *PATs* – *patents* «патенты»; *POWs* – *prisoners of war* «военнопленные»; *Regns* – *regulations* «правила»; *trs* – *trustees* «доверенные лица, попечители»; *U.ws.* – *underwriters* «страховщики» и др.

В английском языке права смешанный тип лексических аббревиатур не столь многочислен, но достоин внимания переводчика из-за отсутствия однозначного, универсального способа передачи сокращения на язык перевода: *S Resolution* – *Senate Resolution* «резолуция сената»; *MO file* – *modus operandi file* «КПП – картотека преступных "почерков"» (методов совершения преступлений конкретными преступниками); *B Lading* – *bill of lading* «коносамент, транспортная накладная». При переводе либо создается новое русское сокращение, либо подбирается эквивалентный термин.

Анализ сокращений языка права показал, что все большее распространение получают такие явления, как омоакронимия и разного рода усечения.

Сравним омоакроним *CAR* – *Commonwealth Arbitration Reports* «сборник австралийских арбитражных решений» и *car* «автомо-

биль»; *EAT* – *Employment Appeal Tribunal* «апелляционный суд по трудовым делам» и *to eat* «есть»; *OR* – *official referee* «официальный третейский судья» и *or* «или»; *SEA* – *Securities Exchange Act* и *sea* «море»; *TEA* – *Trade Expansion Act* и *tea* «чай»; *PACE* – *Police and Criminal Evidence Act* и *pace* «скорость». Часто такие единицы используются в качестве стилистического средства для придания особого колорита высказыванию, что необходимо учитывать при переводе.

Усечения – самый продуктивный тип лексических сокращений, представленный апокопами, афerezисами и синкопами. Наряду с неосложненными апокопными сокращениями (*app(ellate)*, *ca(se)*, *conf(inement)*, *evide(nce)*) встречаются осложненные суффиксацией усечения (*dely and rely* – *delivery and redelivery*; *Assee* – *assignee*; *bankcy* – *bankruptcy*; *exor* – *executor*), а также омонимичные сокращения, на которые следует обратить особое внимание при переводе. Сложность их перевода заключается в том, что рецептор при расшифровке может ориентироваться лишь на контекст, так как у апокопы усечена грамматическая информация о слове: *Jud.* – 1. *judge* «судья»; 2. *judgement* «приговор»; 3. *judicial* «судебный»?; *leg.* – 1. *legal* «законный»; 2. *legislative* «законодательный»; 3. *legislature* «законодательная власть»?

Чем меньше число знаков, тем выше омонимичность. Даже в специальном тексте, прибегая к помощи отраслевых словарей, не всегда можно быть уверенным в правильном выборе сокращений. Так, английские сокращения *M* и *P* в разных комбинациях (*MP*, *M/P*, *M.P.*, *mp*) обозначают 28 разных понятий, в том числе пять видов полиции: *Marine Police*, *Metropolitan Police (London)*, *Military Police*, *Mounted Police*, *Municipal Police*.

Афerezис – это менее продуктивный тип усечения, осложненный отсутствием важной грамматической и семантической составляющих, например: *re.* – *in re* «по делу». Он редко встречается в юридической литературе. Их адекватный перевод возможен только при обращении к контексту и справочным материалам.

В настоящее время наблюдается тенденция к увеличению количества усечений, образованных с помощью синкопы: *gdn* – *guardian* «опекун», *ppty* – *property* «собственность», *afsd* – *aforesaid* «вышеупомянутый», *or se* – *otherwise* «в противном случае».

Сложными для перевода являются усечения на основе словосочетания, так как в результате сокращения остается лишь намек на исходный термин: *Pub Doc* – *Public Documents* «публично-правовые документы», *Co Ltd* – *Company Limited* «акционерное общество», *Cyc.* – *Encyclopedia of Law & Procedure* «энциклопедия

права», *Fed.* – *Federal Reporter* «Сборник Федеральных апелляционных судов», *Pat* – *Patent Office* «Бюро патентов» и др.

Эллипсисы также распространены в юридическом подязыке. Это объясняется стремлением к экономии языковых средств, стереотипностью ситуаций правовой деятельности, дефинитивным характером многих юридических терминов, а также стилистической нейтральностью полученных сокращений, что позволяет их использовать как в неофициальной, так и официальной речи, например: *High treason* – *treason*, *House of Commons* – *Commons*, *place of abode* – *abode*, *tire track impression* – *tire impression*, *notary public* – *notary*. Иногда эллипсисы претерпевают дальнейшее сокращение, образуя аббревиатуры: *Foreign and Commonwealth Office* – *Foreign Office* – *FO*, *Court of Justice of the European Communities* – *European Court of Justice* – *ECJ*, *United Nations Organization* – *United Nations* – *UN*.

Универбация как прием сокращения английских юридических терминов встречается редко: *Coreper* – *Committee of Permanent Representation*, *geoprofilong* – *geographic profiling*, *immovables* – *immovable property*, *Interpol* – *International Criminal Police*, *benchers* – *masters of the bench*, *personalty* – *personal property*, *European Currency Unit* – *Euro*.

В результате анализа приемов перевода английских сокращений на русский язык можно выделить следующие основные способы:

– *заимствование иностранного сокращения* – используется при переводе латинских сокращений, так часто встречающихся в юридической литературе, что не требуется даже расшифровки: *e.g.* – *exempli gratia* «например», *e.o.* – *ex officio* «по должности», *i.e.* – *id est* «т.е.», *q.* – *quasi* «мнимый» и др. Так, частота употребления является одним из основных критериев при решении проблемы передачи таких единиц на язык перевода;

– *транслитерация* – четко прослеживается тенденция к перенесению без изменений сокращений с международным значением, политических организаций, фирм, обществ: *UNESCO* – ЮНЕСКО, *INTERPOL* – ИНТЕРПОЛ, *GAMA* – ГАМА «Всемирная ассоциация арбитража и посредничества», *Euro* – Евро, *Ltd* – Лтд., *Inc.* – Инк., *Co.* – Ко. и др.;

– *транскрипция* – прием перевода, получивший более широкое распространение в последнее десятилетие, особенно омоакронимов, о которых речь шла выше, а также сокращенных названий предприятий, компаний, фирм: *BP Company*, *IBC* (*International Business Company*);

– *описательный перевод* – наиболее распространенный способ расшифровки английских юридических сокращений, так как у многих из них нет сокращения-эквивалента в русском языке: *IRS* (*International Revenue Service*) – Управление внутренних доходов, налоговое управление США; *SBA* (*Small Business Administration*) – Управление по делам малых предприятий; *ICJ* (*International Court of Justice*) – Международный суд;

– *создание адекватного сокращения из русских терминов* – так созданы такие сокращения, как *FBI* – ФБР, *CIA* – ЦРУ, *IMF* – МВФ, *UNO* – ООН и др.

Таким образом, адекватный перевод сокращений возможен без учета переводчиком всех аспектов, затрудняющих их расшифровку (омонимия и многозначность, использование аббревиатур как лексических единиц), анализа контекста, в котором используется сокращение, и его структуры, обращения к отраслевым словарям и другим справочным материалам.

Сегодня сокращения – это не только неотъемлемый элемент лексико-семантической системы любого языка, но и средство экономии языковых средств, способ словообразования и пополнения словарного запаса. Их информационная емкость, легкая запоминаемость способствуют расширению сферы употребления в разных областях коммуникации, что обуславливает необходимость их исследования.

Список литературы

1. Подстрахова, А. В. Перевод юридического текста: проблемы лингвистической и межкультурной коммуникации / А. В. Подстрахова // WEB-журнал. – Вып. 4. – URL: <http://www.vfn glu.wladimir.ru/Rus/ Net Mag/ v4>).

2. Сандалова, Н. В. Норма и вариативность в юридической терминологии / Н. В. Сандалова // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 2(8). – С. 42–47.

В. А. Феоктистов

кандидат педагогических наук, доцент

А. В. Феоктистов

кандидат педагогических наук,

Пензенский государственный университет, г. Пенза

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Рассматриваются правовые аспекты модернизации российской высшей школы. Формулируются правовые принципы, направленные на корректировку решений, принятых в области реформирования науки и образования на современном этапе.

Ключевые слова: Болонский процесс, модернизация образования, правовые принципы.

В условиях, когда принят Закон «Об образовании в Российской Федерации», особую актуальность приобретают правовые вопросы модернизации образования в нашей стране.

Тенденции к интеграции образовательных процессов в европейских странах, продиктованные Болонским соглашением, оказывают значительное влияние на осуществляемую в России модернизацию образования. Это актуализирует необходимость создания единого образовательного пространства, основными признаками которого являются качество образования, мобильность обучающихся, преподавателей, исследователей, многообразие и гибкость содержания образовательных программ и технологий их реализации с учетом национальных традиций, автономии и академических свобод вузов. Специфика отечественного высшего образования не позволяет механически переносить в него все принципы, которые сложились в Западной Европе. Она предполагает сохранение уникального российского культурного потенциала независимо от степени «включенности» в систему европейского образовательного пространства, стремящуюся к унификации.

Если проанализировать программы и материалы проходящих в последние годы в России конференций, круглых столов и переговоров по проблеме участия в Болонском процессе [1–5], то большинство обсуждений строится вокруг нескольких актуальных тем. В частности, поднимались следующие проблемы:

– необходимость двухуровневой системы обучения (бакалавриат-магистратура);

- утверждение номенклатуры специальностей высшего образования в соответствии с международными стандартами;
- развитие академической мобильности (т.е. создание возможностей для студентов и преподавателей продолжать свои образовательную и трудовую карьеры в вузах других стран);
- интеграция науки и образования, создание инновационных научно-образовательных комплексов, осуществляющих реализацию многосторонних международных проектов;
- внедрение современных технологий оценки качества образования и аттестации образовательных учреждений;
- проведение эксперимента по внедрению «зачетных единиц» (кредитов).

На первый взгляд кажется, что решение именно этих вопросов и будет обозначать фактическое включение России в Болонский процесс. Но анализ ситуации показывает, что все перечисленные направления приобретают смысл только в контексте недекларируемых, но весьма сложных и болезненных изменений. Проблема заключается в том, что при видимом внешнем («эмпирическом») сходстве этих действий с рекомендациями Пражского (2001), Берлинского (2003) и Бергенского (2005) совещаний министров образования европейских стран на концептуальном («теоретическом») уровне мы имеем дело с рядом существенных несоответствий.

В частности, говоря о двухуровневой системе высшего образования, необходимо учитывать, что в действительности Болонским процессом предусматриваются не два, а три уровня, причем третий связан с получением высшей квалификации – доктора философии (Ph.D.). В рамках этой системы устанавливается примерное соответствие между номенклатурой специальностей высшего образования и перечнем специальностей, по которым защищаются кандидатские диссертации, однако проблема их «согласования» на российском уровне не только не решается, но и еще не вполне осознана.

Более серьезным препятствием является то, что существующая система подготовки бакалавров и магистров «по направлениям» идеологически противоположна существующим в Западной Европе традициям. Поскольку обучение по программе бакалавра должно позволить выпускникам западных университетов занимать должности среднего технического персонала (помощник учителя, техник, лаборант и др.), именно практико-ориентированные курсы и составляют основное содержание образования. В то же время

курсы теоретико-методологической направленности, ориентированные на формирование навыков самостоятельной научно-исследовательской и управленческой деятельности, в основном изучаются на второй, магистерской, ступени.

В отечественной системе бакалавриата, в значительной степени унаследовавшей традиционную логику подготовки специалистов, содержание первых лет обучения в минимальной степени связано с существующей профессиональной практикой и предполагает освоение теоретико-методологических представлений, которые впоследствии (на старших курсах) должны привести к практико-ориентированной специализации. Очевидно, что наложение этой идеологии на «двухцикловую» модель высшего образования при условии, что между бакалавриатом и магистратурой должен быть этап профессиональной практики, приведет к тому, что ниша на рынке труда для бакалавров будет отсутствовать.

Самым же главным препятствием на пути реализации проекта европейской интеграции отечественного образования является обстоятельство, находящееся в сфере правового регулирования. Так, уже в последние годы была сформирована Европейская сеть агентств качества высшего образования (ENQA), которая за время своего существования разработала подробные рекомендации по аккредитации образовательных программ различного уровня и профиля. Это, в свою очередь, порождает несколько проблем для России.

Во-первых, основным объектом аттестации и аккредитации согласно рекомендациям ENQA являются не образовательные учреждения (традиционная российская практика), а образовательные программы (европейская практика). Во-вторых, большинство крупных европейских стран, участников Болонского процесса (Великобритания, Германия, Франция, Австрия), имеют разветвленную инфраструктуру агентств по аккредитации, обладающих не только опытом работы, но и достаточно сложной структурой. Так, Аккредитационный совет ФРГ непосредственно не аккредитует программы, но дает разрешение делать это региональным или предметным агентствам, реализуя модель метааккредитации [1; 2]. В этой связи особенно значимо то обстоятельство, что на сегодняшний день в России нет ни одного сертификационного агентства, обладающего соответствующими полномочиями и, самое главное, пользующегося международным признанием. Наконец, в-третьих, существующие стандарты материально-технического обеспечения высшего образования в Европе (требования к лабора-

ториям, библиотекам, использованию IT и т.д.) не могут быть выдержаны в отечественном высшем образовании.

Между тем до сих пор при рассмотрении этой проблемы в отечественной системе образования отчетливо преобладают две противоположные тенденции: либо речь идет об оптимизации процедур индивидуальной аттестации студентов, в связи с чем привносятся некоторые элементы рейтингового и модульного оценивания, либо же обновляются критерии аттестационных процедур вузов. При этом важнейшее звено – формирование внутривузовских систем, ориентированных на реализацию принципов «Всеобщего менеджмента качества» (TQM), повышение вариативности образовательных программ и обеспечение эффективного контроля с помощью единой системы учета кредитов и др. – оказывается мало-реальным в силу известных ограничений, налагаемых существующей структурой государственных стандартов.

Еще одной достаточно специфичной для образования проблемой является то немаловажное обстоятельство, что эта система в большей степени ориентирована не на мировой рынок труда (как, скажем, математическое или инженерное образование), а на локальный социальный контекст. По многим причинам проблема глобальной конкуренции педагогических кадров практически отсутствует, что объясняется и относительным консерватизмом педагогической практики, и ее низкой доходностью, и значимостью языковых и культурных различий. Кроме того, на региональном уровне система высшего педагогического образования активно взаимодействует (иногда – сотрудничая, иногда – конкурируя) с системой среднего профессионального образования, что также совершенно не вписывается в существующую на Западе ситуацию. Наконец, отечественное педагогическое образование в ближайшие годы будет испытывать очень жесткий прессинг со стороны сокращающегося вследствие демографических причин рынка образовательной деятельности.

Но самую серьезную проблему представляет социокультурный фон Болонского процесса. Именно здесь стоят самые сложные и глубинные противоречия, придающие смысл и значение происходящему. Прежде всего, говоря об истоках Болонского процесса, нужно помнить, что он выражает некоторую традицию к интеграции, реализовавшуюся в экономике, политике и культуре европейских стран на всем протяжении их общей христианской истории и приобретающую особое значение и интенсивность в послевоенные десятилетия. Болонский процесс был бы невозможен без тех собы-

тий, которые определяют лицо современной Европы (падение Берлинской стены, воссоединение Германии под эгидой ФРГ, вхождение в ЕС стран бывшего «социалистического лагеря», фактическое осуществление международного протектората над бывшим независимым социалистическим государством Югославией, расширение НАТО на восток и др.). При этом каждое из перечисленных событий и вся их совокупность не только не вызывают сколько-нибудь однозначного одобрения в России, но и напрямую сопряжены с явлениями, имеющими катастрофический характер, – распадом СССР, потерей союзников в Европе, кризисом военной инфраструктуры и др. В то же время реальным вызовом, с которым сталкивается Россия на протяжении последних полутора десятилетий, является вызов внутренней дезинтеграции, что обуславливает возрастание затрат на поддержание стабильности и государственно-политического единства [6].

Таким образом, формулировка перспективной государственной позиции в области реформирования отечественной науки и образования предполагает выработку новых правовых принципов, которые не только разделялись бы большинством занятых в этой сфере граждан, но и обеспечивали бы общественную консолидацию, задавали пространство для рождения и реализации инновационных идей и концепций.

В числе таких правовых принципов необходимо отметить:

1) принцип поддержания национально-государственного суверенитета в научной и образовательной сферах. В современных условиях научные и образовательные учреждения Российской Федерации на двусторонней и многосторонней основе участвуют в различных формах международного сотрудничества. Очевидно, что в связи с подписанием в 2003 г. Декларации о присоединении России к Болонскому процессу, а также с вхождением в ВТО интернационализация науки и образования получит дополнительный импульс. С другой стороны, очевидно, что большая часть российских учреждений образования и науки окажется в крайне сложном, если не критическом, положении в силу, прежде всего, несовершенства правовых оснований собственной деятельности. Так, на сегодняшний момент менее 10 % российских вузов реализуют образовательные программы, имеющие международный сертификат качества. Соответственно, абсолютным приоритетом является обеспечение международного признания сложившихся реалий отечественной системы образования (по крайней мере, ее государственного компонента);

2) принцип взаимной ответственности государства и научно-образовательной сферы. Государство и научно-образовательное сообщество современной России испытывают необходимость в определении взаимных интересов, сфер взаимной ответственности и одновременно конструирования консолидированной стратегии развития. Риторика вокруг поддержки науки и образования, повышения денежных выплат и др. является заведомо бесперспективной, поскольку утверждает научно-образовательную сферу в одномерном качестве «бюджетополучателя» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Только формулировка взаимных интересов и потребностей как в среднесрочной, так и долгосрочной перспективе может стать полноценной основой для изменения законодательства, развития материально-технической базы науки и образования, роста благосостояния ученых и учителей;

3) принцип институционального диалога. Как уже было отмечено, любые «линейные» идеологические модели развития научной и образовательной сферы оказываются малоэффективными в силу участия существенно различающихся по интересам коллективных субъектов. Соответственно, более продуктивным механизмом системной интеграции и развития сферы науки и образования могут стать не целевые программы, а задание государством приоритетных направлений научной и образовательной политики вместе с определением четких рычагов и моделей взаимодействия различных субъектов научной, образовательной деятельности и управления. Именно такая «инфраструктурная политика» может стать эффективным средством институциональной модернизации.

Приведенные правовые принципы позволяют осуществить концептуальную критику и корректировку ряда принятых в последнее время решений в области реформирования педагогической науки и образования [7; 8].

В целом необходимо отметить, что важнейшим условием успешности процессов модернизации и реформирования отечественного образования и науки является понимание их сферного характера, которое можно представить рядом фундаментальных положений:

- признание собственной логики развития этих сфер, возникающей на пересечении как внешних (в том числе глобальных и национально-государственных), так и внутренних тенденций;
- наличие множества моделей, концепций и парадигм научной и образовательной деятельности, а также моделей их модернизации;

- приоритетность задач гибкого «моделирования» деятельности образовательных и научных учреждений перед задачами прямого администрирования;
- поддержание активного институционального диалога между научной, образовательной сферой и иными субъектами современной гуманитарной реальности.

Список литературы

1. Байденко, В. И. Болонский процесс: структурная реформа высшего образования Европы / В. И. Байденко. – М., 2008.
2. Бермус, А. Г. Возможна ли иная методология образования? / А. Г. Бермус // Вестник высшей школы (Alma Mater). – 2009. – № 4.
3. Всероссийская научная конференция «Модернизация национальной системы высшего образования и проблемы интеграции вузов России в мировое образовательное пространство» (Новосибирск, 20–22 сентября 2005 года) / РИА «Сибирь». – URL: <http://ria-sibir.ru/viewnews/9919.html>
4. Круглый стол Комитетов ГД по образованию и науке и международным делам «Проблемы интеграции российской и европейской систем образования» // Российская газета. – 2005. – 10 июня. – URL: <http://www.rg.ru/2005/06/10/obrazovanie-anons.html>
5. Переговоры о сотрудничестве министров образования России и Германии // Русбалт. – 2005. – 13 сент. – URL: <http://www.rosbalt.ru/2005/09/13/226010.html>
6. Российское высшее образование до 2010 года перейдет на систему «бакалавр-магистр». – URL: <http://www.dni.ru/news/russia/2005/9/28/70544.html>
7. Риттер, Д. Применение методов всеобщего управления качеством в образовании – ключ к академическим успехам / Д. Риттер // Избранные труды 4-го конгресса Европейской организации по качеству. Берлин, сентябрь 1996 г. : сб. переводов с англ. – М., 1997.
8. Построение общероссийской системы оценки качества образования : материалы межрегионального семинара МГОУ, 28 апреля 2005 г. – URL: <http://obrnadzor.gov.ru/files/dokuments/31818A70.doc>

К. Б. Филиппов

*начальник правового управления,
Пензенский государственный университет, г. Пенза*

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ВУЗОВ»

Статья посвящена обоснованию необходимости уточнения правового статуса некоторых категорий имущества вузов. Несмотря на имевшийся позитивный опыт правового регулирования данного вопроса, в действующих нормах законодательства рассматриваемый правовой статус не определен.

Ключевые слова: правовой статус, вуз, собственность, оперативное управление, имущество.

В силу Конституции Российской Федерации в нашей стране признается и гарантируется право каждого человека на образование. При этом под образованием понимается целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения обучающимися определенных государством образовательных уровней.

В соответствии с действующим в настоящее время Законом РФ «Об образовании» образовательные учреждения являются одним из основных элементов системы образования в Российской Федерации [1].

Из определения образовательного учреждения, данного в ст. 12 Закона РФ «Об образовании», следует, что таковым является юридическое лицо с организационно-правовой формой учреждения, которое осуществляет образовательный процесс, т.е. реализует одну или несколько образовательных программ и (или) обеспечивает содержание и воспитание обучающихся, воспитанников.

Для более полного обеспечения потребностей системы образования и привлечения дополнительных финансовых ресурсов государством было санкционировано ограниченное разрешение образовательным учреждениям вести предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность [2].

В то же время из-за большого количества правовых актов, принадлежащих различным отраслям права, регулирующих хозяйственную деятельность учреждений, отсутствия согласованности их норм ряд аспектов предпринимательской и иной приносящей

доход деятельности образовательных учреждений не нашли должного правового закрепления. В частности, существующие нормы не дают однозначного ответа на вопрос: какое же право приобретает учреждение на имущество и денежные средства, полученные в форме дара, пожертвования или по завещанию, а также в результате собственной хозяйственной деятельности учреждения. При этом точное определение правового режима таких доходов и имущества имеет большое практическое значение для деятельности образовательного учреждения. Ведь именно правовой режим будет определять порядок использования и распоряжения данными ресурсами, а также пределы ответственности образовательного учреждения по своим обязательствам.

Поиск и формулирование достаточного правового регулирования рассматриваемого вопроса осуществлялись законодателем следующим образом.

Впервые порядок использования внебюджетных средств учреждениями был установлен Постановлением Совмина СССР «О внебюджетных средствах учреждений, состоящих на государственном бюджете СССР» [3], согласно которому с разрешения Минфина СССР допускалась самостоятельная хозяйственная деятельность, фактически полученные доходы использовались в строгом соответствии со сметой. В дальнейшем Законом «О собственности в РСФСР» [4] в статье, посвященной вещным правам, было установлено право учреждений на самостоятельное распоряжение доходами разрешенной собственником предпринимательской деятельности и имуществом, приобретенным за счет этих доходов. В Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г. содержалось правовое установление о том, что указанные доходы и имущество принадлежат учреждению на праве полного хозяйственного ведения [5].

Однако в Гражданском кодексе РФ, являющимся основополагающим нормативным актом в сфере гражданского права, не сохранилась указанная регламентация правового режима. Гражданский кодекс РФ указывает, что доходы, полученные от предпринимательской деятельности, и приобретенное за счет этих доходов имущество поступают в самостоятельное распоряжение учреждения и учитываются на отдельном балансе [6]. Незавершенная формулировка данной нормы привела к различному ее толкованию. Так, в специальном законодательстве об образовании указанная норма ГК длительное время считалась основанием возникновения

права собственности [7, 8], даже название соответствующей статьи закона было «Отношения собственности в системе образования (высшего и послевузовского профессионального образования)». В то же время вышедшее в 2001 г. Типовое положение об образовательном учреждении высшего профессионального образования не отражало указанных норм законов, дословно цитируя Гражданский кодекс. Подготовленный в соответствии с Техническим заданием, одобренным Министерством юстиции Российской Федерации, Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Проект Кодекса Российской Федерации об образовании. Общая часть, п. 2 ст. 180 по рассматриваемому вопросу повторял неопределенную формулировку ГК РФ [9].

Наконец, Федеральным законом от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты РФ...» [10] в Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» внесен ряд изменений, и с 1 января 2005 г. действует следующая редакция п. 7. ст. 39: «Образовательному учреждению принадлежит право самостоятельного распоряжения в соответствии с законодательством Российской Федерации средствами, полученными за счет внебюджетных источников». Претерпел изменения и п. 2 ст. 27 Федерального закона от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (по состоянию на 31.12.2004), ранее также содержавшей норму о собственности вузов. Таким образом, отменены **единственные** нормы специального законодательства об образовании, которые **прямо устанавливали правовой режим** рассматриваемого имущества для всех образовательных учреждений. При этом возможность обладания собственностью для *негосударственных* учреждений в законодательстве страны продолжает существовать: согласно действующей в настоящее время норме п. 2 ст. 27 Закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» *негосударственные* высшие учебные заведения могут быть собственниками имущества в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Принятый после бурного общественного обсуждения и внесения значительного числа корректив новый Федеральный закон «Об образовании», вступающий в силу с 1 сентября 2013 г., вообще не содержит легального определения режима имущества вуза, поскольку, на наш взгляд, существующая формулировка п. 1 ст. 102 указанного закона «Образовательные организации должны иметь в

собственности или на ином законном основании имущество, необходимое для осуществления образовательной деятельности, а также иной предусмотренной уставами образовательных организаций деятельности» [11] лишь устанавливает наличие имущества в качестве одного из требований для возможности осуществления образовательной деятельности.

Неопределенность существующих нормативных формулировок не позволяет выработать единое мнение по поводу правовой природы названного субъективного права и среди ученых. Некоторые авторы считают, что рассматриваемые доходы и имущество, приобретенное за счет этих доходов, должны закрепляться за учреждением на праве оперативного управления [12]. Другие исследователи полагают закреплять эти объекты за учреждением на праве хозяйственного ведения [13–15]. Предлагается также закрепление такого имущества на особом вещном праве – праве самостоятельного распоряжения учреждением своими доходами [16–18], так как перечень вещных прав, закрепленный в ст. 216 ГУ РФ предполагается открытым.

На наш взгляд, наиболее юридически взвешенной, учитывающей особенности рассматриваемых объектов, представляется точка зрения ряда авторов, полагающих, что доходы и имущество, полученные учреждением за счет осуществления разрешенной предпринимательской деятельности, закрепляются за ним на праве собственности [19, 20].

Ограниченные вещные права, такие как право хозяйственного ведения и право оперативного управления составляют особую разновидность вещных прав, которая не свойственна развитому гражданскому законодательству. Появление и сохранение этих вещных прав в отечественном правовом порядке, по мнению М. И. Брагинского, связано с существованием планово-регулируемой, огосударствленной экономики. «Государство как собственник основной массы имущества, будучи не в состоянии непосредственно хозяйствовать с принадлежащими ему объектами и одновременно не желая утратить на них право собственности, объективно было вынуждено выпускать в имущественный оборот "самостоятельные" юридические лица "предприятия" и "учреждения", закрепляя за ними свое имущество на ограниченном вещном праве. С 60-х гг. XX в. это право стало именоваться у нас "правом оперативного управления", а впоследствии в законах о собственности было разделено на более широкое по содержанию "право полного хозяйственного ведения", предназначенное для производственных "предприятий", и более

узкое "право оперативного управления" – для госбюджетных и аналогичных им "учреждений"» [21].

Участниками же хозяйственных отношений в условиях рыночной экономики должны являться собственники, самостоятельно распоряжающиеся своим имуществом и несущие самостоятельную имущественную ответственность по своим обязательствам. В отношении ответственности необходимо отметить вступившие в силу с 1 января 2011 г. изменения в п. 2 ст. 120 Гражданского кодекса, внесенные Федеральным законом от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ [22]. В соответствии с указанными изменениями бюджетные и автономные учреждения (к числу которых относится подавляющее большинство образовательных учреждений) **самостоятельно отвечают** по своим обязательствам всем находящимся у него на праве оперативного управления имуществом как закрепленным за бюджетным учреждением собственником имущества, так и приобретенным за счет доходов, полученных от приносящей доход деятельности, за исключением особо ценного движимого имущества, а также недвижимого имущества. При этом собственник имущества бюджетного учреждения **не несет ответственности** по обязательствам государственного учреждения. В результате складывается уникальное правовое положение собственника имущества учреждения: обладая на праве собственности всем имуществом образовательного учреждения, ответственности за результаты деятельности учреждения он не несет вообще.

В подтверждение возможности самостоятельного распоряжения учреждением подобным имуществом можно привести мнение Высшего арбитражного суда, о том, что «такое имущество не может быть изъято у учреждения без его согласия, по решению комитетов по управлению имуществом или других муниципальных или государственных органов» [23].

Таким образом, установленный для рассматриваемых объектов режим не укладывается в существующие правовые конструкции как режима оперативного управления, так и режима хозяйственного ведения. Установленная возможность самостоятельного распоряжения учреждением такими объектами прямо противоположна как запрету учреждению распоряжаться объектами, закрепленными на праве оперативного управления, так и запрету любым способом распоряжаться без согласия собственника недвижимым имуществом, закрепленными на праве хозяйственного ведения. Отсутствует также присущее праву хозяйственного ведения право собственника

на получение части доходов от использования имущества. Как видно, у рассматриваемых режимов действительно мало общего, именно поэтому наиболее верным, на наш взгляд, представляется отнесение рассматриваемого имущества к собственности учреждения¹, с последующим прямым закреплением данной нормы как в Гражданском кодексе, так и в Федеральном законе «Об образовании». Помимо определения «правил игры» на будущее, подобные изменения прояснят судьбу принадлежащей учреждениям собственности, которая была сформирована до 1 января 2005 г., поскольку в настоящее время не имеется законных оснований для ее существования, а также механизмов замены права собственности другими вещными правами.

Полагаем, что проведение отмеченной системной работы по внесению в гражданское законодательство и специальное законодательство об образовании соответствующих изменений и дополнений будет способствовать приведению правового регулирования деятельности образовательных учреждений к смысловому единству, обеспечивающему максимальную ясность механизмов реализации правовых норм.

Список литературы

1. Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании» (ред. от 21.07.2005) (ст. 8) // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996. – № 3. – Ст. 150 (далее – Закон РФ «Об образовании»).
2. Гражданский кодекс РФ. Часть первая (ст. 50 п. 3) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Постановление Совета Министров СССР «О внебюджетных средствах учреждений, состоящих на государственном бюджете СССР» от 26.06.1980 № 527 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1980. – № 20. – Ст. 117.
4. Закон РСФСР «О собственности в РСФСР» от 24.12.1990 № 443-1 (ст. 5 п. 4) // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР, 1990. – № 30. – Ст. 416.

¹ Часто подобное мнение поддержано судебной практикой, например, дело Арбитражного суда г. Москвы от 09.10.2000 № А40-28294/00-106-411 // СИС «Консультант плюс»; дело Арбитражного суда г. Москвы от 04.09.2001 № А40-22708/00-84-284 // СИС «Консультант плюс»; Дело Федерального арбитражного суда Московского округа от 28.06.2000 № КГ-А40/2596-00 // СИС «Гарант». Автор также лично принимал участие в подобных спорах (Дело Арбитражного суда Пензенской области от 6.03.2001 № А49-1034/01-46ак/8 и др).

5. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г. (ст. 48 п. 2) // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733.
6. ГК РФ. – 1994. – Ст. 248 п. 2.
7. Закон РФ «Закон об образовании». – Ст. 39 п. 7.
8. Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (по состоянию на 31.12.2004). – Ст. 27 п. 2
9. Кодекс Российской Федерации об образовании. Общая часть / отв. ред. В. М. Сырых. – М. : Готика, 2003.
10. Российская газета. – 2004, 31 августа. – № 188.
11. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. – 2012, 31 декабря. – № 303. – Ст. 102 п. 1.
12. Алехина, С. О процессуальном соучастии в арбитражном процессе по делам о защите права собственности / С. Алехина // Хозяйство и право. – 2000. – № 9. – С. 43.
13. Иванова, Н. Р. Защита права собственности в арбитражном суде: комментарий арбитражной практики / Н. Р. Иванова. – М. : Юридическая фирма «Контракт» : ИНФРА-М, 1999. – С. 74–76;
14. Колотыгина, З. А. Правоспособность бюджетных учреждений / З. А. Колотыгина // Юрист. – 2001. – № 12. – С. 32.
15. Кванина, В. В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере высшего профессионального образования / В. В. Кванина. – М., 2005. – С. 221.
16. Зинченко, С. Вопросы собственности: законодательство и практика / С. Зинченко, С. Корх // Хозяйство и право. – 2000. – № 6. – С. 53.
17. Карномазов, А. И. Право учреждения на самостоятельное распоряжение имуществом / А. И. Карномазов // Юрист. – 2002. – № 7.
18. Лескова, Ю. Г. Некоторые проблемы участия учреждений в гражданском обороте / Ю. Г. Лескова // Юрист. – 2003. – № 2.
19. Токмовцева, М. В. Высшее учебное заведение как субъект отношений в сфере предпринимательства / М. В. Токмовцева. – М., 2003. – С. 23;
20. Барина, Е. Вещные права – самостоятельная категория? / Е. Барина // Хозяйство и право. – 2002. – № 8. – С. 36.
21. Комментарий к части первой Гражданского Кодекса Российской Федерации для предпринимателей (под общ. ред. М. И. Брагинского). – М. : Фонд «Правовая культура», 1995. – С. 204–205.
22. Федеральный закон от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных

(муниципальных) учреждений» (ст. 5 п. 3) // Российская газета. – 2010. 12 мая. – № 100.

23. Постановление Пленума ВАС РФ от 17 сентября 1992 г. № 13 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о собственности» (п. 5) // Вестник ВАС РФ. – 1993. – № 1.

А. А. Фомин

доктор юридических наук, профессор,

К. И. Климова

студентка,

Пензенский государственный университет, г. Пенза

«БЕЗОПАСНОСТЬ» И «ОПАСНОСТЬ» КАК ПАРНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ¹

Статья посвящена лексическому, семантическому и логико-философскому толкованию категории «безопасность». Особое внимание уделено правовому осмыслению сущности и содержания безопасности субъектов социальной жизни, определению диалектической взаимосвязи категорий «безопасность» и «опасность», выяснению характера угроз (опасностей) и приоритетов обеспечения безопасности на современном этапе развития российского общества.

Ключевые слова: безопасность, опасность, свобода, политико-правовое обеспечение безопасности.

В науке и практике сложилась парадоксальная ситуация: безопасность до сих пор остается собирательным понятием, «насыщаемым» участниками общественной жизни содержанием и объемом по собственному усмотрению. Фиксируемая на обыденном уровне как состояние защищенности безопасность все более и более размывается на уровне идеологическом, общегосударственном, впитывая в себя все большее число «околобезопасных» проблем, обретая рыхлые очертания. Происходит смещение приоритетов и акцентов от безопасности личности в сторону безопасности государства. Угрожающей стала укоренившаяся легковесность политического использования понятия «безопасность» в качестве универсального, чаще популистского, демагогического аргумента любой концепции, идеи, теории либо позиции. И в этом смысле речь может идти об опасности самого явления, ибо остается не осознанной его базовая сущность.

Основную лепту в разработку категории «безопасность» внесли философы, социологи, политологи, экономисты. Участие в этом процессе представителей юридического сообщества активизировалось лишь в последние годы. Как следствие, российское

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках гранта «Меры безопасности как правовые средства» (проект № 12-33-01395).

правоведение не располагает общепринятым законодательным и теоретическим понятием безопасности личности, общества и государства. Существующие юридические дефиниции в качестве стержневой основы используют такие характеристики, как «система отношений» [1, с. 80], «защищенность» [2, с. 45], «состояние», «способность», «совокупность условий» [3, с. 5], «совокупность отношений» [4, с. 21] и др.

Некоторые авторы трактуют безопасность как *защиту*, т.е. акцентируют внимание на аспектах стабилизации и защитной функции. В таком ракурсе система безопасности рассматривается как совокупность механизмов предупреждения и эффективного реагирования на возникающие угрозы личности, обществу и государству.

Не менее глубокие, на наш взгляд, теоретические представления о безопасности позволяет получить ее определение как *состояния* социальной системы. В вытекающих отсюда концепциях речь идет не о защите (функциональный, ситуационно-факторный подход), а о защищенности, т.е. о характере социальных отношений (социальный, институциональный подход).

Отмеченные взгляды на понятие безопасности, несмотря на разность подходов, в основном отличаются только в одном – объеме данного понятия. Сторонники безопасности как «состояния защищенности» утверждают, что это – единственно правильное определение, поскольку исходит из этимологии самого понятия. Те, кто считает, что безопасность, в частности «национальная», не сводится только к состоянию, включают в нее так называемую «систему обеспечения».

Русское слово «безопасность» по своей этимологии (слово образовано по принципу антинимии за счет простой добавки префикса) является негативистской лексической конструкцией, откуда логически проистекает трактовка «безопасности» как «отсутствия опасности».

Так, согласно Толковому словарю живого великорусского языка Владимира Даля, «безопасность» есть «отсутствие опасностей, сохранность, надежность» [5, с. 76]. Схожее определение дает и современный Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности» [6, с. 37]. Однако для раскрытия смысла любого понятия простого противоположения чему-то другому явно недостаточно – для этого требуется прямое указание на подразумеваемую сущность, на несколько положительных значений.

Сама словесная форма, в которой существует понятие в русском языке, располагая к упрощениям, оказывается препятствием для его корректного истолкования, полного и правильного раскрытия присущих ему смыслов. Если для обыденного употребления негативистской лексической конструкции «безопасность» было, вероятно, вполне достаточно, то с вхождением России в европейскую жизнь, где это понятие занимало прочные позиции в политическом лексиконе, родное слово оказалось ограничителем «чужих» смыслов [7, с. 89].

Английская исследовательница Эмма Ротшильд убедительно продемонстрировала в своей работе «What is Security?» («Что такое безопасность?»), что идея безопасности находилась в центре европейской политической мысли с кризиса XVII в. и менялась с годами, но неизменно «...понимание смысла безопасности заключалось... в представлении о состоянии или цели, конституирующих взаимоотношения между индивидами и государствами или обществами» [8, с. 61–62].

В основных европейских языках пары понятий «опасность – безопасность» не являются однокоренными словами и несут разную смысловую нагрузку, одно не есть прямое отрицание другого (ср.: в английском языке: *danger* – *security*; в немецком языке: *Gefahr* – *Sicherheit*; во французском: *danger* – *sécurité*; в итальянском: *pericolo* – *sicurezza*; в испанском: *peligro* – *seguridad* и т.д.). Такая «самодостаточность» лексем позволяет описывать безопасность как положительное состояние, которое к тому же соотносимо прежде всего с живым объектом – будь то один человек или множество, т.е. народ, нация, мировое сообщество людей. Так, во французском словаре Лярусса «*sécurité*» (франц. «безопасность») трактуется как «доверие, душевное спокойствие, проистекающее из мысли о том, что нет опасности, которую следовало бы бояться». Наиболее употребительное значение английского «*security*», согласно новому Оксфордскому словарю, – это «состояние или ощущение безопасности». Такие особенности восприятия лексем делали их более удобными для «взятия на вооружение» политическим сознанием, что и стало залогом «изобретения» политико-правового языка безопасности именно западной культурой [7, с. 90].

Процесс вхождения понятия «безопасность» («*security*»/«*sécurité*») в политико-правовую доктрину можно проследить по основополагающим правовым текстам, ознаменовавшим начало либеральных преобразований в Европе. Так, в 1679 г. английским

парламентом был утвержден Habeas Corpus Act, а в 1689 г. был принят Билль о правах, где безопасность поставлена в один ряд с единением, миром и спокойствием народа и благосостоянием государства [9, с. 17]. Почти столетие спустя, в 1776 г., американская Декларация независимости провозгласила создание гарантий своей безопасности правом и обязанностью народа, задачей же власти – обеспечение людям безопасности и счастья [9, с. 211]. И, наконец, во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. напрямую заявлялось, что безопасность наряду с сопротивлением угнетению, свободой и собственностью входит в число неотъемлемых естественных прав человека [9, с. 32].

Поскольку в рамках европейских либеральных традиций «безопасность» в своем буквальном выражении означает разновидность свободы, а именно свободу от опасности, то и приоритетным при самой постановке вопроса о безопасности общества должно явиться выяснение характера угроз, нависающих над обществом, в данном случае – над современным российским. К угрозам безопасности относятся факторы и условия, создающие опасность для существования, функционирования и развития жизненно важных интересов и ценностей личности, общества и государства. Среди них в сегодняшних условиях необходимо выделить: кризис экономики, которая в текущем ее состоянии не способна удовлетворить жизненно важные потребности населения и многие нужды государства; бедность значительной части населения, нарастание социальной напряженности; этнические и конфессиональные конфликты, деятельность организаций, способствующих их разжиганию; низкая эффективность правоохранительной системы; рост преступности; истощение и загрязнение природной среды; природные и техногенные катастрофы и др.

Обозначенные выше моменты можно охарактеризовать не только как соответствующие предпосылки, но и как изъяны правового регулирования сферы безопасности. На правовую сферу обеспечения безопасности накладывают свой отпечаток моральные, психологические, антропологические, ментальные, социально-экономические, политические традиции и тенденции развития и состояния российского общества.

Несовершенство правового обеспечения безопасности в России во многом связано с тем, что действующие нормы права содержат либо упрощенные юридические конструкции, либо, напротив, излишне усложненные модели, не позволяющие на практике

удостоверить их истинность [10, с. 20]. Господствующим для теории права стало механическое восприятие безопасности, суть которой – обеспечение безопасности в зависимости от конкретных государственных обстоятельств, скрывающихся под видом абстрактных политических конструкций и установок. Механический разум опасающихся политиков в правовом регулировании зачастую дает примеры ошибок и подмены идеологией конкретного качества национальной безопасности. Чрезмерное влияние механицизма движет право за пределы его достоверности и общезначимости, навязывает ему свойство постоянно пересматривать все, начиная с основ [2, с. 31].

Такое восприятие безопасности – фактор, способствующий реанимации многих трагических сюжетов отечественной истории. Под покровом защиты «безопасности» государство вновь (явно или завуалированно) может осуществить полномасштабный план подавления политической оппозиции, устранения из жизни общества государственно-правовых институтов. Например, нередко приходится слышать о необходимости проведения очередной национализации под эгидой пересмотра итогов приватизации. Юридической основой тому вполне может служить ч. 3 ст. 55 Конституции России, ибо все произойдет «на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Расширительное толкование термина «безопасность» может оказаться легитимной основой издания закона, предусматривающего ущемление гражданских прав и свобод в обществе.

Концентрируя основное внимание на полемике относительно сущности категории «безопасность», авторы нередко упускают сугубо правовые аспекты проблематики. Традиционно в научных работах за основу берется социальная, политическая, экономическая сторона проблемы. О юридической сущности упоминается значительно реже, акцент делается только на анализе гарантий безопасности. Тем не менее нельзя забывать о принципиальной необходимости юридического «наполнения» рассматриваемого феномена. Отрыв социальной, политической, экономической составляющей от юридической, в известной мере даже игнорирование последней – одна из угроз безопасности, источник произвольной интерпретации.

Список литературы

1. Розин, Л. М. Вопросы юрисдикционной деятельности органов внутренних дел / Л. М. Розин. Административное право. – М. : Юридическая литература, 1983. – С. 59–87.
2. Глебов, И. Н. Национальная безопасность Российской Федерации: проблемы правового регулирования / И. Н. Глебов . – СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. – 263 с.
3. Абалкин, Л. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л. Абалкин // Вопросы экономики. – 1994. – № 12. – С. 4–13.
4. Туманов, Г. А. Общественная опасность и ее обеспечение в экстремальных условиях / Г. А. Туманов, В. И. Фризко // Советское государство и право. – 1989. – № 8. – С. 19–27.
5. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / сост. В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989. – Т. 1. – 699 с.
6. Толковый словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1995. – 908 с.
7. Фетисова, Ю. В. Безопасность и культурный контекст: к обоснованию понятия «культура безопасности» / Ю. В. Фетисова // Омский научный вестник. – 2009. – № 3. – С. 88–90.
8. Rothschild, E. What is Security? / E. Rothschild // Daedalus. – 1995. Summer. – P. 53–98.
9. Международные акты о правах человека : сб. документов / сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. – М. : НОРМА, 1999. – 784 с.
10. Баранов, В. М. Законодательное определение понятия «экономическая безопасность государства» и современные проблемы ее правового обеспечения / В. М. Баранов. Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2001. – № 1. – С. 14–28.

А. Ю. Хоменко

магистрант,

*Нижегородский филиал Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород*

АПРОБАЦИЯ МЕТОДОВ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ ПРИ АТРИБУЦИИ ТЕКСТА В РАМКАХ СУДЕБНОГО АВТОРОВЕДЕНИЯ

В статье идет речь о поиске наиболее объективной методики атрибуции текста для судебного автороведения. В рамках исследования была сделана попытка интеграции интерпретационных методов анализа текста с методами математической статистики и теории вероятности.

Ключевые слова: судебное автороведение, атрибуция текста, анализ языковой личности автора текста, анализ квазисинонимичных лексем, методы математической статистики, методы теории вероятности.

Проблемы атрибуции текстов в судебном автороведении на современном этапе его развития стоят очень остро. Компетентным государственным органам часто требуется выяснить принадлежность того или иного текста, причем тексты на экспертное исследование предоставляют очень разные: от учебных пособий объемом более пятисот страниц до расписок, занимающих не более половины страницы. Это затрудняет выработку единой универсальной методики авторизации текстового материала. Эксперты при атрибуции текстов используют очень разные методики. Так, проблемы методического характера при производстве речеведческих экспертиз, к коим и относятся автороведческие, зачастую становятся камнем преткновения, ведь основное, что использует любая экспертиза, связанная с продуктами речевой деятельности, – это интерпретация языкового знака; а эта интерпретация может сильно варьироваться у различных экспертов.

Спорами, касающимися различий в интерпретации одного и того же языкового знака различными экспертами, и обусловлено стремление к оптимизации и объективизации методик анализа, применяющихся в автороведческих экспертизах.

На наш взгляд, именно методы математической статистики и основные постулаты теории вероятности могут помочь как в оптимизации, так и в объективизации результатов исследования в области судебного автороведения.

Так, **цель** данной работы – определить, могут ли методы математической статистики и стилиметрического анализа успешно применяться в автороведении; можно ли на их основе создать универсальную безошибочную методику атрибуции текста *любого объема*.

Материалы и методика исследования. Материалом для исследования послужили художественные тексты заведомо известных авторов, поскольку целью работы является определение того, *работоспособна ли методика* стилиметрического анализа для текстов различных стилей и объемов. Для определения этого необходимо было использовать уже авторизованный, «проверенный» материал, т.е. тот материал, который объективно сможет показать плюсы и минусы методики. Так, материалом послужила следующая речевая продукция:

1. Тестовая выборка (ТВ) – выборка, на основе которой строилась исходная модель, это в терминологии судебной экспертизы – сравнительный материал. ТВ представляла собой тексты С. Д. Довлатова, представленные в Национальном корпусе русского языка (электронный ресурс Интернет: URL: [http://www. ruscorg.ru/](http://www.ruscorg.ru/)), за исключением текста «Наши» (1983) – ЭТ1 – этот текст рассматривался как экспериментальный, т.е. текст, у которого якобы не определен автор.

Таким образом, объем ТВ – 330 709 слов.

2. ЭТ1 (экспериментальный текст № 1) – текст С. Д. Довлатова «Наши» (1983). Объем – 21 230 слов.

В качестве второго экспериментального текста использовался текст другого автора.

3. ЭТ2 (экспериментальный текст № 2) – текст В. П. Астафьева «Затеси» (1999). Объем – 15 168 слов.

Тексты ЭТ1 и ЭТ2 выбраны для апробации методики, поскольку они, с одной стороны, имеют достаточно важные сходные художественные и экстралингвистические характеристики (близкий к публицистическому стиль написания, высокий уровень автобиографичности текстов, тематика – описание советской действительности, время действия – советский период, обширная аудитория читателей), с другой – принадлежат разным авторам, имеющим различные идиостили.

В качестве основы для методики анализа было положено исследование Е. С. Родионовой «Лингвистические методы атрибуции и датировки литературных произведений (К проблеме «Мольер –

Корнель»» [1]. Методика Е. С Родионовой была совмещена с методикой анализа языковой личности по Ю. Н. Караулову [2], методикой количественного анализа незначительных и стилистически немаркированных лексем и квазисинонимов А. Н. Баранова [3] и некоторыми постулатами теории вероятности.

Апробация методики.

I. Построение атрибуционных гипотез об авторстве спорных текстов ЭТ1 и ЭТ2:

$H_{0/1}$ – автор ТВ и ЭТ1 – одно лицо, т.е. автор ТВ и ЭТ1 – С. Д. Довлатов (по закону транзитивности: если автор ТВ – С. Д. Довлатов, а автор ЭТ1 и ТВ – одно лицо, то автор ЭТ1 – тоже С. Д. Довлатов).

$H_{1/1}$ – авторы ТВ и ЭТ1 – разные лица, т.е. автор ЭТ1 не С. Д. Довлатов (если автор ТВ – С. Д. Довлатов, а авторы ЭТ1 и ТВ – разные лица, то автор ЭТ1 – не С. Д. Довлатов).

$H_{0/2}$ – автор ТВ и ЭТ2 – одно лицо, т.е. автор ТВ и ЭТ2 С. Д. Довлатов (по закону транзитивности: если автор ТВ – С. Д. Довлатов, а автор ЭТ1 и ТВ – одно лицо, то автор ЭТ2 – тоже С. Д. Довлатов).

$H_{1/2}$ – авторы ТВ и ЭТ2 – разные лица, т.е. автор ЭТ2 не С. Д. Довлатов (если автор ТВ – С. Д. Довлатов, а авторы ЭТ2 и ТВ – разные лица, то автор ЭТ2 – не С. Д. Довлатов).

II. Анализ языковой личности (ЯЛ).

1. Анализ ЯЛ автора ТВ, т.е. ЯЛ С. Д. Довлатова.

Анализ ЯЛ необходим в данной работе для того, чтобы определить параметры для построения математических моделей сравнительного материала и спорного текста.

В ходе анализа были выделены следующие релевантные для исследования характеристики (под релевантными понимаются такие фрагменты ЯЛ, которые можно вербализовать в виде одной лексемы или одной синтаксической особенности; более того, эта лексема или синтаксическая особенность не должна быть чересчур индивидуально маркированной, т.е. в анализ нельзя включать окказионализмы, авторские неологизмы и пр.; все характеристики должны быть, с одной стороны, общеупотребимыми, с другой – встречаться в произведениях автора, идиостиль которого анализируется, и отражать его взгляд на мир):

1) *вербально-семантический* уровень: местоимения «я», «мы», «ты», «они». Выделены, исходя из наличия соотношения в прозе Довлатова проблемы субъекта говорения и субъекта действия, т.е. автора и героя;

2) *лингвокогнитивный* уровень:

а) «*плохо*», «*хорошо*» – лексемы, маркирующие отношение к действительности;

б) «*темный*», «*белый*», «*светлый*» – лексемы, имплицитно маркирующие отношение к действительности и создающие ее образ;

в) «*город*», «*чемодан*» – лексемы, вербализующие значимые для Довлатова концептуальные сущности. Образ города присутствует во многих произведениях Довлатова, являясь символом определенного типа сознания. Чемодан же является у Довлатова символом дороги, перемещения;

3) *мотивационный* уровень: «*пусть*», «*бы*», «*так*», «*пожалуйста*», «*ладно*», «*ну*» – модификаторы субъективной модальности допущения. Рассматриваются данные экспликатеры модальности, поскольку именно они, исходя из исследований Е. Н. Топтыгиной [4], являются «центральными модификаторами» семантического поля допущения. Перечисленные частицы действительно чаще других формальных материальных экспликатеров субъективной модальности допущения встречаются в текстах Довлатова, представленных в НКРЯ.

К перечисленным параметрам был добавлен еще ряд. Так, анализировались также репрезентанты субъективной модальности удивления «*ах*», «*разве*» и «*неужели*». Эти лексемы выделены как одни из центральных, эксплицирующих удивление. Добавлены также лексемы, репрезентирующие модальность ограничения: «*только*», «*лишь*», «*почти*», и модальность возражения «*все-таки*».

Параметрами для построения математических моделей являются также и лексемы, вербализующие некоторые фрагменты ЯЛ В. П. Астафьева. Наличие этих параметров необходимо, поскольку принимается постулат о непохожести идиостилей различных авторов. Соответственно нужно выявить, действительно ли элементы, отражающие особенности видения мира одним автором, являются настолько показательными, что посредством их стилистического анализа можно отличить тексты этого автора от текстов другого. Гипотетически именно наличие элементов, репрезентирующих ЯЛ разных авторов, должно привести к тому, что характеристики ЯЛ одного будут значимы в количественном отношении настолько, что помогут выявить принадлежность того или иного текста именно этому автору. Как следствие, сходство ТВ и ЭТ1 и различие ТВ и ЭТ2 должны доказать успешность использования предлагаемой методики для атрибуции письменных текстов.

Из перечисленного выше понятно, что необходимо обзорно проанализировать не только ЯЛ автора ТВ и ЭТ1, но и ЯЛ автора ЭТ2, т.е. В. П. Астафьева.

2. В ходе анализа ЯЛ В. П. Астафьева были выделены следующие релевантные для исследования параметры:

1) *вербально-семантический* уровень: использование сочинительных союзов «а», «и», «но» в начале предложения;

2) *лингвокогнитивный* уровень:

а) «грусть», «грустный», «грустно» – лексемы, имплицитно («грусть», «грустный») и эксплицитно («грустно») маркирующие отношение к действительности. Эти лексемы отражают в том числе аксиологические оценки в прозе Астафьева;

б) «детство», «родина» – лексемы, вербализующие значимые для Астафьева концептуальные смыслы;

в) «молчание», «молчаливый» – лексемы, имплицитно маркирующие отношение к действительности и создающие ее образ;

3) *мотивационный* уровень: «видно» – лексема, эксплицирующая модальность допущения, неуверенности, предположения.

Видим, что при анализе структуры ЯЛ С. Д. Довлатова и В. П. Астафьева в работе выделяются сходные фрагменты ЯЛ (на каждом уровне реализована попытка взять те лексемы, которые репрезентируют сходные зоны ЯЛ: лингвокогнитивный уровень – оценка действительности, образ действительности; мотивационный уровень – модальность допущения, неуверенности). Это должно повысить качество моделей.

В общей сложности было взято 35 параметров для исходных моделей.

III. Квантитативные и стилеметрические преобразования данных, полученных в результате анализа ЯЛ.

1) Определение выборочных частот, т.е. был произведен механический подсчет того, сколько раз параметр реализуется в ТВ, ЭТ1, ЭТ2.

2) Определение средневывборочной частоты каждого параметра по формуле

$$\bar{X} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n x_i = \frac{1}{n} (x_1 + \dots + x_n), \quad (1)$$

где x_i – i -й элемент выборки; n – объем выборки.

3) Определение отклонения выборочной частоты от средне-выборочной (среднеквадратического отклонения) рассчитывается по формуле

$$s = \sqrt{\frac{n}{n-1} \alpha^2} = \sqrt{\frac{n}{n-1} \sum_{i=1}^n x_i} = \frac{1}{n} (x_i - \bar{x})^2, \quad (2)$$

где α^2 – дисперсия; x_i – i -й элемент выборки; n – объем выборки; $\bar{x}$ – среднее арифметическое выборки (средневыборочная частота).

4) Поиск вероятной ошибки в определении средней частоты (для $\alpha = 0,2$ и вероятности 0,8 при $n = 1$ степеней свободы ($35 - 1 = 34$): $t = 1,3070$) по формуле

$$L = \frac{t\alpha}{\sqrt{k}}, \quad (3)$$

где t – табличный коэффициент (t -критерий Стьюдента); α – среднеквадратическое отклонение; k – объем выборки.

Для ТВ ошибка составляет 0,002 272 751.

Для ЭТ1 – 0,008 969 957.

Для ЭТ2 – 0,010 611 997.

Естественно, для каждого параметра значимость этой ошибки различна. Тем не менее можно говорить о том, что для большинства лексем (для синтаксических особенностей, как то: сочинительные союзы в начале предложения) ТВ ошибка не очень велика, а вот для ЭТ1 и ЭТ2 ошибка ощутима. Поэтому в работе учитывается эта ошибка.

5) Определение релевантных параметров для конечных моделей. Уровень значимости $\alpha = 0,2$. Критическое значение – в таблице пересечение уровня степеней свободы (количество параметров – 1) и вероятности 0,8. Определяются по t -критерию Стьюдента:

$$t = \frac{|\bar{x}_1 - \bar{x}_2|}{\left(\frac{\alpha_1^2}{n_1} + \frac{\alpha_2^2}{n_2} \right)^{\frac{1}{2}}}, \quad (4)$$

где $\bar{x}_1, \bar{x}_2$ – средние арифметические; α_1^2, α_2^2 – стандартное отклонение; n_1, n_2 – объемы выборок.

По результатам исследования выделены следующие релевантные для моделей параметры:

– модель ТВ и ЭТ1: *грусть, сочинительный союз «но» в начале предложения, пусть, грустный, разве, ах, белый, неужели;*

– модель ТВ и ЭТ2: *молчаливый, грусть, молчание*, сочинительный союз «и» в начале предложения, сочинительный союз «а» в начале предложения, сочинительный союз «но» в начале предложения, *все-таки, видно*.

Релевантными для построения моделей в настоящей работе считаются параметры, числовые показатели которых наиболее близки к табличному значению t -критерия (1, 3070).

Важно, что ни одно значение параметра не превысило значение t -статистики. Для исследования это означает, что полученные результаты будут иметь точность менее изначально заявленной, т.е. менее 80 %. Интересно, что значения параметров для ТВ и ЭТ2 ближе к t -критерию, чем значения для ТВ и ЭТ1. Это говорит о том, что характеристики для сравнения ТВ и ЭТ2 выбраны более удачно, чем для сравнения ТВ и ЭТ1.

IV. Переход от реальных объектов к их математическим моделям (как для текстов-образцов (ТВ), так и для спорных текстов (ЭТ1), (ЭТ2)), т.е. описание выделенных в ходе предшествующего анализа параметров с помощью условной сигнатуры. Формирование матриц данных.

Математические модели и матрицы данных для ТВ и ЭТ1 и ТВ и ЭТ2 представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Математическая модель ТВ и ЭТ1

Параметр	Класс	
	$\Omega_{ТВ}$	$\Omega_{ЭТ1}$
	$/x_i \pm s_i/$	$/x_i \pm s_i/$
$X_{1/1}$	0,019	0
$X_{2/1}$	0,003	0
$X_{3/1}$	0,124	0
$X_{4/1}$	0,07	0
$X_{5/1}$	0,141	0,014
$X_{6/1}$	0,068	0,007
$X_{7/1}$	0,19	0,021
$X_{8/1}$	0,061	0,007

В табл. 1 $X_{1/1}$ – грусть; $X_{2/1}$ – сочинительный союз «но» в начале предложения; $X_{3/1}$ – пусть; $X_{4/1}$ – грустный; $X_{5/1}$ – разве; $X_{6/1}$ – ах; $X_{7/1}$ – белый; $X_{8/1}$ – неужели; $\Omega_{ТВ}$ – модель ТВ; $\Omega_{ЭТ1}$ – модель ЭТ1; x_i – средневывборочная частота с учетом ошибки про вычислении средневывборочной частоты; s_i – среднеквадратическое отклонение.

Математическая модель ТВ и ЭТ2

Параметр	Класс	
	$\Omega_{ТВ}$	$\Omega_{ЭТ2}$
	$/x_i \pm s_i/$	$/x_i \pm s_i/$
$X_{1/2}$	0,014	0,000
$X_{2/2}$	0,019	0,000
$X_{3/2}$	0,044	0,000
$X_{4/2}$	0,023	0,000
$X_{5/2}$	0,023	0,000
$X_{6/2}$	0,035	0,000
$X_{7/2}$	0,004	0,000
$X_{8/2}$	0,424	0,008
$X_{9/2}$	0,117	0,008

В табл. 2 $X_{1/2}$ – молчаливый; $X_{2/2}$ – грусть; $X_{3/2}$ – молчание; $X_{4/2}$ – сочинительный союз «и» в начале предложения; $X_{5/2}$ – грустно; $X_{6/2}$ – сочинительный союз «а» в начале предложения; $X_{7/2}$ – сочинительный союз «но» в начале предложения; $X_{8/2}$ – все-таки; $X_{9/2}$ – видно; $\Omega_{ТВ}$ – модель ТВ; $\Omega_{ЭТ2}$ – модель ЭТ2; x_i – средневывборочная частота с учетом ошибки про вычислении средневывборочной частоты; s_i – среднеквадратическое отклонение.

V. Сравнение моделей ТВ и ЭТ1 и ТВ и ЭТ2 соответственно. Для сравнения моделей используется коэффициент корреляции между однородными параметрами модели, определяемый по формуле

$$r_{XY} = \frac{cov_{XY}}{\sigma_X \sigma_Y} = \frac{\sum (X - \bar{X})(Y - \bar{Y})}{\sqrt{\sum (X - \bar{X})^2 \sum (Y - \bar{Y})^2}}, \quad (5)$$

где $X = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n X_i$, $Y = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n Y_i$ – средние значения выборок.

Этот коэффициент показывает, насколько близки две модели. Чем ближе значение этого коэффициента к 1, тем более сходны модели в качественном отношении, что говорит и о близости характеристик текстов.

Коэффициент корреляции между числовыми значениями матриц ТВ и ЭТ1 равен 0,783448911306154.

Коэффициент достаточно близок к единице, что говорит о сходстве качественных характеристик моделей ТВ и ЭТ1, т.е. идиостиль ТВ схож с идиостилем ЭТ1.

Это позволяет сделать вывод о том, что идиостиль текстов ТВ (текстов заведомо известного автора С. Д. Довлатова) схож с идиостилем спорного текста «Наши» (ЭТ1) (текста, автор которого по условиям эксперимента неизвестен) настолько, что можно говорить об атрибуции текста «Наши» как текста, принадлежащего перу С. Д. Довлатова. Однако вероятность принадлежности произведения «Наши», исходя из исследования, ниже 80 % (вывод сделан на основе того, что числовые значения параметров конечной модели не превышают критического значения t -критерия Стьюдента, просчитанного для 80 %-й вероятности принадлежности текста определенному автору).

Коэффициент корреляции между числовыми значениями матриц ТВ и ЭТ2 равен 0,81432738421146.

Коэффициент достаточно близок к единице, что говорит о близости качественных характеристик моделей ТВ и ЭТ2, т.е. по результатам исследования идиостиль ТВ схож с идиостилем ЭТ2.

Это говорит о том, что идиостиль текстов ТВ схож с идиостилем спорного текста «Затеси» (ЭТ2) настолько, что можно говорить об атрибуции текста «Затеси» как текста, принадлежащего перу С. Д. Довлатова. Однако вероятность принадлежности произведения «Затеси», исходя из исследования, ниже 80 %

Так, анализ показал, что математическая модель текста «Затеси» несколько ближе к модели текстов С. Д. Довлатова, взятых в качестве тестовой выборки, т.е. материала для построения исходной, образцовой, сравнительной модели, чем математическая модель произведения «Наши».

VI. Выводы о том, какие из выстроенных в начале исследования гипотез нашли свое подтверждение.

Подтвердились следующие гипотезы:

$H_{0/1}$ – автор ТВ и ЭТ1 – одно лицо, т.е. автор ТВ и ЭТ1 – С. Д. Довлатов (по закону транзитивности: если автор ТВ – С. Д. Довлатов, а автор ЭТ1 и ТВ – одно лицо, то автор ЭТ1 – тоже С. Д. Довлатов).

$H_{0/2}$ – автор ТВ и ЭТ2 – одно лицо, т.е. автор ТВ и ЭТ2 – С. Д. Довлатов (по закону транзитивности: если автор ТВ – С. Д. Довлатов, а автор ЭТ1 и ТВ – одно лицо, то автор ЭТ2 – тоже С. Д. Довлатов).

Выводы о соответствии полученных результатов действительности. Из раздела VI апробации методики видно, что свое подтверждение по результатам исследования нашла как гипотеза, которая соответствует реальной действительности ($H_{0/1}$ – автор произведения «Наши» – С. Д. Довлатов; и это правда), так и гипотеза, которая не имеет ничего общего с этой действительностью ($H_{0/2}$ – автор произведения «Затеси» – С. Д. Довлатов, что на самом деле неправда, поскольку автором «Затесей» является В. П. Астафьев).

Анализ достоверности методики. Получается, что методика, *используемая в современном автороведении, в том числе и судебном*, работает, так сказать, лишь наполовину, т.е. из двух случаев в одном она работает, а во втором – нет. Грубо – методика работает в 50 % случаев, т.е. вероятность ее срабатывания $\frac{1}{2}$ или 50 % (если оценить вероятность (p) «срабатывания» методики более точно, то получится, что она укладывается в интервал $[0; 0,552786]$). Т.е. по результатам исследования напрашивается вывод о том, что это нерабочая методика. На первый взгляд применить эту методику, значит, почти то же, что выбрать наугад из двух вариантов ответа (да или нет) на вопрос, является ли автором определенного текста конкретное лицо. Но это не совсем так, ведь в работе Е. С. Родионовой [1] была доказана работоспособность методики.

Что же необходимо для успешной работы этой методики?

Анализ качества выборок и качества моделей. Рекомендации по улучшению рабочих характеристик методики. На наш взгляд, причин того, что методика в реальных условиях не работает, несколько.

В методике, предложенной в настоящей работе для атрибуции текста, сделана попытка совмещения нескольких методологий, а именно: анализа языковой личности автора текста и стилиметрического исследования текста. Причем анализ языковой личности использовался как инструмент для подбора параметров для количественного исследования. В данном случае нет никакого противоречия с методикой судебного автороведения, основанной на методах стилиметрии, поскольку для подбора параметров как таковых рекомендаций нет. Для этого подбора можно использовать любые подходящие алгоритмы, которые отвечают постулату о том, что любому автору присущ свой собственный стиль, т.е. такие, которые выявляют индивидуальные особенности произведения.

Тем не менее рассматриваемая в настоящей работе методика изначально была основана на теории распознавания образов и ап-

робирована с использованием синтаксических и морфологических параметров в широком смысле. В работе Е. С. Родионовой «Лингвистические методы атрибуции и датировки литературных произведений (к проблеме «Мольер – Корнель»)), например, исследуются такие параметры, как число элементарных предложений, число сочинительных предложений, число спрягаемых форм глагола, число подлежащих и пр. [1]. Все это характеристики достаточно обобщенного вида, речь не идет о конкретных словах, эксплицирующих какой-то класс, исследуются целые синтаксические и морфологические классы. В данной же работе в качестве параметров выбраны определенные репрезентанты, причем описывающие даже не целый класс, а фрагменты этого класса, как то: фрагмент языковой личности на вербально-семантическом уровне (личные местоимения «я», «ты», «они»), на лингвокогнитивном уровне («чемодан», «город»), на мотивационном уровне («пожалуй», «ладно», «ну»).

Таким образом, проблема методологии отбора параметров отразилась на качестве первичной выборке, т.е. на том, какие параметры были взяты за основу идентификации. Более того, после сопоставления качественных характеристик параметров становится понятно, что и количество параметров для исследования было недостаточным. При апробации методики на материале пьес Мольера и Корнеля, а также на текстах Пушкина число параметров было: для исследований по Мольеру и Корнелю – 51, по Пушкину – 49. В данной работе исследовалось 35 параметров. Кажется, что цифры сопоставимы, но, как показала практика, 35 узкоспециализированных характеристик оказалось недостаточно для построения объективных текстовых моделей.

Соответственно для использования методики в условиях реальной действительности для текстов большого объема можно дать следующие рекомендации:

- 1) число параметров для идентификации автора по письменному речевому произведению должно быть не менее 45–50 единиц;
- 2) параметры должны представлять собой обширные синтаксические и морфологические классы, например, большинство материальных репрезентантов субъективной модальности (вводные слова, модальные частицы, междометия, конструкции с именительным представлением);
- 3) отбор параметров должен происходить на основе более глубокого анализа языковой личности автора текста-образца, причем в большем объеме именно на мотивационном уровне (возможно, также на вербально-семантическом).

Для анализа текстов малого объема в рамках рассматриваемой методики по результатам исследования можно дать иные рекомендации. Как показало исследование, для конечных моделей параметры выбираются с помощью расчетов по формуле (4). В этой формуле большое значение имеет числовое значение s (среднеквадратического отклонения). Чем меньше это отклонение и его пропорциональное соотношение со средневыборочной частотой, тем больше подходит параметр.

Такая тенденция приводит к тому, что в параметры для модели попадают характеристики, которые вообще не встречаются в тексте. Само по себе это не критично, поскольку теоретически реализация какого-то параметра может присутствовать в одном тексте и отсутствовать в другом, что и будет дифференцировать эти тексты. Тем не менее в нашем случае это не сработало. То, что в модель были включены параметры со столь малыми случаями реализации, привело к непреодолению их числовыми значениями критического порога, заданного t -критерием Стьюдента.

Изложенное выше позволяет говорить о том, что даже выбранные конечные критерии не смогли обеспечить первоначально заявленную 80 %-ю вероятность отнесения того или иного текста к перу определенного автора; она оказалась гораздо ниже при тех условиях, которые были реализованы в эксперименте.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для текстов такого объема, который присущ ТВ, ЭТ1, ЭТ2, при выборе параметров на основе предложенного алгоритма (на основе анализа фрагментов языковой личности на всех уровнях) методика работает некорректно.

Тем не менее эта методика (с подбором критериев на основе анализа всех уровней языковой личности автора) отлично подойдет для идентификации автора небольшого по объему (не более 10 страниц) письменного произведения, т.е. при условии, что спорный текст будет около 10 страниц, текст-эталон также будет иметь приблизительно такой же объем. Эти тексты будут схожи в стилистическом отношении (хотя бы с точки зрения функциональных стилей), у средневыборочных частот выбранных параметров не будет такого большого разброса (не будет ситуации, что разброс составляет от 10 281 до 0 реализаций, как в настоящем исследовании), сами частоты между собой будут сопоставимыми, соответственно, соотносимыми будут и их среднеквадратические отклонения, предложенная методика будет вполне подходящей для атрибуции данных текстов.

Значит, для применения указанной методики без внесения в саму методику изменений можно дать следующие рекомендации:

1) объемы текста-образца и спорного текста должны быть близки и не должны превышать 10 страниц печатного текста каждый;

2) тексты должны быть схожи с точки зрения функциональных стилей;

3) методику можно дополнить вычленением из двух текстов (эталонного текста, т.е. сравнительного образца, и спорного текста) так называемых квазисинонимичных лексем.

Важно, что методика, предложенная в работе, была лишь создана на основе уже имеющейся методики квантитативной лингвистики по атрибуции текстов [1] с применением постулатов Н. А. Морозова, А. Н. Баранова [3], иных исследователей, занимающихся проблемами автороведения, а также с использованием методов анализа языковой личности автора текста [2].

Основным ее концептуальным отличием от методики Е. С. Родионовой, например, является замена итерационного алгоритма на конечном этапе атрибуции на вычисление коэффициента корреляции между числовыми характеристиками моделей. Это было сделано не случайно. В работе изначально была сделана попытка минимизировать оперативные затраты, т.е. оптимизировать процесс на этапе соотнесения какого-либо текста с автором. Для решения задачи оптимизации итерационный алгоритм был заменен на операцию вычисления коэффициента корреляции между параметрами математической модели.

После того, как оказалось, что методика работает неудовлетворительно, была совершена попытка применить именно итерационный алгоритм сравнения моделей, чтобы определить, не кроется ли некорректность методики именно в замене этого итерационного алгоритма на иной.

Тем не менее исследование показало, что итерационный алгоритм с пересчетом весов в данном случае также не может считаться релевантным, поскольку уже на нулевой итерации видно, что вновь ни одно числовое значение параметра не превышает критического значения t -критерия Стьюдента. Для того чтобы применить итерационный алгоритм, необходимо было бы снова принять ближайшее к этому значению в качестве эталонного, т.е. принимать эмпирически высчитанный критерий, который бы не был ничем обоснован. Это еще более понизило качество того решения, которое было бы принято.

Исходя из этого можно дать следующие рекомендации:

1) попытка использования итерационного алгоритма на этапе сравнения конечных математических моделей возможна лишь при условии преодоления числовыми значениями параметров критического значения на этапе определения релевантных параметров для дальнейшей идентификации; при этом логичным было бы использовать итерационный алгоритм в рамках его применения как инструмента для построения дерева решений;

2) это в свою очередь возможно лишь при изменении изначального набора атрибутов моделей либо объема спорного и образцового текстов, т.е. при условии соблюдения рекомендаций, данных выше;

3) для разработки V этапа методики имеет смысл попробовать также метод наименьшей энтропии (далее также должно быть построено дерево решений) или линейной регрессии.

Таким образом, видим, что методика может считаться рабочей для определенного объема текстового материала при условии соблюдения рекомендаций именно для этого объема текста. Тем не менее универсальной эту методику назвать нельзя.

Список литературы

1. Родионова, Е. С. Лингвистические методы атрибуции и датировки литературных произведений (К проблеме «Мольер – Корнель») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Родионова Е. С. – URL: <http://epir.ru/pragmat!/projects/corneille/files/autoreferat.pdf>

2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов ; отв. ред. член-кор. Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1987. – 263 с.

3. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М., 2001. – URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-418941.html>.

4. Топтыгина, Е. Н. Средства выражения субъективно-модальных значений предположения и допущения в современном русском языке / Е. Н. Топтыгина. – М., 2003. – URL: <http://www.dissercat.com/content/sredstva-vyrazheniya-subektivno-modalnykh-znachenii-predpolozheniya-i-dopushcheniya-v-sovrem#ixzz2N3EDjXgv>

Е. А. Чубина
кандидат педагогических наук, доцент,
Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина, г. Москва

ПРАВО, РАСТВОРЕННОЕ В ЯЗЫКЕ

В статье предпринята попытка проанализировать образы права, нашедшие свое отражение в русской фразеологии. Фразеологизмы были распределены по семантическим полям, связанным с субъектами права, деликтами, источниками права и т.д. Трансляция фразеологизмами значимых установок в области права требует дальнейшего серьезного изучения.

Ключевые слова: право, язык, культура.

По мысли В. И. Лафитского, жизнь права – это те образы, которые живут в сознании субъектов права тех, кто его создает, исполняет, применяет либо оценивает. «Переменчивые и неповторимые, они вбирают в себя те черты, звуки и краски, которые предопределены, с одной стороны, общественной средой, а с другой – особенностями личного восприятия каждого» [1, 10]. Эти образы предопределены и национальной культурой, поскольку каждый субъект права является и представителем определенной культуры.

Хранит образы национальный язык. Мировидение народа и его миропонимание опредмечиваются в языке в системе характерных для него образов, а настоящим хранилищем (вернее, сокровищницей) образов, как известно, является фразеология.

Устойчивость фразеологизмов (далее – ФЕ) связана с их свойством выступать в роли функционирующих в лингвокультурном сообществе «*констант культуры*» (по терминологии Ю. С. Степанова).

С целью проанализировать, как образы права отразились в русской фразеологии, мы выбрали 120 фразеологизмов (выборка сделана на основе «Словаря русской фразеологии» А. К. Бириха, В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой [2]). При отборе материала особое внимание уделялось не только фразеологизмам, план выражения которых обнаруживает материальные «следы» (*суд, дело* и др.), но и ФЕ, которые, казалось бы, не содержат в своем составе маркированных элементов (*на лице написано, в ногах правды нет* и др.). Фразеологизмы были распределены по следующим семантическим полям: «*Субъекты права*» (*адвокат Божий; Иван, родства*

не помнящий и др.), «Деликты» (возводить поклеп; давать на лапу; на арапа брать; обуть из сапог в лапти), «Источники права» (вот тебе, бабушка, и Юрьев день; давать волю; попасть в кабалу и др.), «Судопроизводство» (как бог на душу положит; притянуть за волосы; грех пополам и др.).

Одна четвертая часть всех фразеологизмов относится к семантическому полю «Наказание», среди них: *докрался до кобылы*, *концы в воду*, *на лице написано*, *выставить на позор*, *заживо хоронить*, *шиворот-навыворот* и др.

Докрался до кобылы – народн., устар. «О получившем заслуженное наказание человеку» (здесь и далее толкование дается по словарю А. К. Бириха, В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой [2]).

Что за образ «кобыла»? Ответ находим в «Борисе Годунове». Отец Варлаам говорит о Гришке Отрепьеве: «Сам же к нам навязался в товарищи, неведомо кто, неведомо откуда – да еще спесивится; может быть, *кобылу нюхал*». Это выражение, по замечанию Л. М. Лотмана, вызвало негодование ранних критиков Пушкина. Однако оно не связано с вульгаризмами. Чтобы понять значение выражения *кобылу нюхать*, надо знать, что *кобыла* – это доска, к которой привязывали виновного (по судебному приговору) для вынесения наказания – избивания плетью. Следовательно, человек, который *кобылу нюхал* – «был наказан плетью», человек неблагонадежный, не в ладах с законом.

Не менее загадочное выражение *тянуть к Варваре на расправу* – устар., шутол. «Привлекать кого-л. к ответу за содеянное». Выражение родилось в народной речи Москвы, где в 1517 г. была построена церковь во имя святой Варвары. Позже Иван Грозный поставил между церквями Максима и Варвары «Купецкий» двор. В XVII в. на его месте стоял старый денежный двор, а спустя некоторое время вместо него была выстроена тюрьма с жестоким режимом: арестованных привязывали цепями, заковывали в кандалы и т.д. *Расправа* первоначально означала «суд, решение суда; приведение приговора в исполнение». Такие расправы и совершались у «Варвары», т.е. около церкви святой Варвары [2, с. 67].

Возникает вопрос: почему выражение приобрело шуточный оттенок? Только ли благодаря созвучию слов *Варвара* и *расправа*?

С наказанием связано образное основание ФЕ *выдавать/выдать головой* – «1. Разглашать чью-л. тайну. 2. Предавать, отдавать кого-л. на расправу» [2, с. 120]. Дело в том, что *выдача головой* была одной из самых тяжелых мер наказания в Древней Руси. Отдан-

ный головой за долг (или какую-либо другую вину) поступал к заимодавцу с женой и детьми в личное подчинение до окончательной выплаты долга.

Запечатлены во фразеологизмах и образы, восходящие к жестокому обычаю прошлого – клеймению преступников раскаленным железом на лице, щеке (XVII в. и ранее) или на лбу (с 1746 г. – указом императрицы Елизаветы): *на лице написано, на лбу написано, заклеить позором (презрением), прожженный плут (мошенник)*. В России наложение клейма и штемпельных знаков на лицо было упразднено лишь в 1863 г.

Многие фразеологические единицы хранят в своих образных основаниях картины средневековых пыток (пытка, конечно, средство дознания, а не наказания): *на виски да в тиски* – «народн. устар. ирон. О решительном и строгом воздействии на кого-либо, безжалостном наказании кого-либо. Образ оборота – языковое свидетельство об одном из видов пыток, известных в средневековой Руси, которую называли *виски* или *дыба*. Истязуемому связывали руки за спиной веревкой, пропущенной через блок на потолке, а затем поднимали на этой веревке вверх, выворачивая руки из суставов» [2, с. 84]; *всю подноготную узнать (рассказать)* – «Абсолютно все, без утайки (знать, рассказать)» [2, с. 469]. Выражение связано со старинной пыткой, при которой обвиняемым загоняли под ногти иглы или гвозди, добиваясь признания; *в три погибели согнуть* кого, что: «1. Сильно нагнуть или заставить нагнуться книзу. 2. Принудить, заставить быть покорным, смирить строгостью, притеснениями. Три погибели – это три сгиба. Выражение связано с жестокой средневековой пыткой, когда голову человека связывали с ногами веревкой, под которую продевали палку, и накручивали веревку на палку до тех пор, пока голова не пригибалась к ногам» [2, с. 453]; *подлинная правда* – «Настоящая, истинная правда» [2, с. 469]. Выражение связано с пытками в Древней Руси, при которых обвиняемого избивали *подлинниками (линниками)* – особыми длинными палками или просмоленными кнутами с привязанными к их концам кусочками свинца. Нередко истязаемые давали требуемые показания, чтобы избежать дальнейших мучений.

Невозможно не заметить, что во фразеологизмах семантического поля «Наказание» реализуются преимущественно два культурных кода: антропный и артефактный. Антропный код открывает систему значений собственно человеческого существования (это физические, физиологические, психические, эмоциональные со-

стояния; это номинации тела человека в целом, номинации частей тела; это действия, позы, жесты, виды деятельности и прочие измерения (*выдавать с головой, в три погибели, в ногах правды нет*), а артефактный код открывает систему значений и смыслов, связанных с предметным миром (*докрался до кобылы, веревка плачет по кому-либо*).

Но артефактный код предполагает не только номинацию средств наказания, но и названия, например, предметов одежды: *снять шапку, платок*) – «Устар. Публично пристыдить, опозорить кого-л., выразить кому-л. недоверие» [2, с. 635]. Шапка на Руси была не только предметом одежды, но и символом определенного положения человека в обществе (*по Сеньке и шапка*), его состоятельности, поэтому в средневековой Москве несостоятельные должники обычно наказывались тем, что с мужчин публично снималась шапка, а с женщин платок. Подобное публичное наказание считалось большим позором (ср.: *опростоволоситься* «осрамиться, опозориться», *опростоволосить* кого-л., т.е. сорвать шапку или платок с головы (на сходке, на торге), «опозорить», «объявить мошенником»). Еще пример: *шиворот-навыорот*. – «Наоборот, превратно, не так, как следует, как положено». *Шиворотом* в Московской Руси именовался расшитый воротник боярской одежды, один из знаков достоинства вельможи. Во времена правления Ивана Грозного подвергнувшегося царской опале боярина нередко сажали на тощую клячу спиной вперед, надев на него одежду тоже наизнанку, шиворот навыворот, т.е. наоборот. В таком виде опального возили по всему городу под свист и улюлюканье уличной толпы [2, с. 637].

Не менее интересны фразеологические единицы, сохранившие в себе отголоски древних обычаев, правил поведения, соблюдение которых обеспечивалось мерами общественного воздействия (изгнание из рода, лишение огня и воды и др.). *Выводить на чистую воду* – «Уличать кого-л. в чем-л., разоблачать кого-л. в обмане, дурном поступке, выявлять правду» [2, с. 88]. Фразеологизм связан с древним обычаем «Божьего суда» – испытания огнем и водой, зафиксированного Русской Правдой – сводом законов Ярослава Мудрого: обвиняемого или подозреваемого бросали в реку, и если он всплывал, то считался виновным, если тонул – несправедливо обвиненным. С этим обычаем связаны и другие ФЕ: *как в воду опущенный; пройти огонь и воду; бежать как от огня; выйти сухим из воды*.

Многие фразеологизмы связаны с историей русского судопроизводства: *дело выгорело* – «Кто-л. победил, добился своего,

все устроил» [2, с. 149]. Выражение связано с ситуациями, когда судебные дела пропадали в результате пожара, часто устроенного намеренно, за взятки судившегося. Тогда виноватого нельзя было наказать, а правого оправдать; *дело в шляпе* – «Кончено, решено, улажено, все в порядке, все удачно закончилось» [2, с. 149]. Есть предположение, что оборот произошел от обычая должностных лиц, разбиравших дела, брать взятки, которые клались в головной убор.

Можно предположить, что слова, служащие сейчас для обозначения определенных значений в языке, когда-то выполняли функцию знаков языка права. Например, слово *рука* имеет в языке следующие значения: 1) одна из двух верхних конечностей человека от плеча до кончиков пальцев, а также от запястья до кончиков пальцев; 2) перен.: Почерк, подпись; 3) перен.: Сторона, направление (разг.); 4) перен.: О том, кто способен оказать помощь, протекцию (разг.); 5) в некоторых выражениях в значении того или иного вида, сорта, качества (разг.) [3, с. 686].

Эта единица естественного языка приобретает дополнительную, культурную семантику, связанную с властью, владением чем-либо: *своя рука владыка* – «О возможности поступать по своему усмотрению, желанию», *прибрать к рукам* – «Подчинить себе кого-л., взять себе что-л.», *отдать в чьи-л. руки* кого, что – «Отдать в чью-л. власть, в чье-л. распоряжение», *руки длинные* – «Об обладании влиянием, могуществом», *наложить руку* на что – «Завладеть чем-л., подчинить себе что-л.», *выпустить из рук* – «лишиться».

Думается, воспроизводимость фразеологических знаков способствует межпоколенной трансляции значимых установок в области права, без сомнения, этот вопрос требует серьезного изучения.

Список литературы

1. Лафитский, В. И. Сравнительное правоведение в образах права / В. И. Лафитский. – М. : Статут, 2010. – Т. 1. – 429 с.
2. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 2001. – 704 с.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. – 22-е изд. – М., 1990. – 921 с.

ДЕЛОВОЕ ОБЩЕНИЕ И ИНТЕРНЕТ

Проанализированы особенности делового общения через Интернет, предпосылок возникновения отдельного направления в изучении профессионального общения – коммуникации посредством компьютера, а также возникновение этических и психологических проблем, связанных с новой формой взаимодействия.

Ключевые слова: деловое общение, Интернет.

Одной из основных особенностей современной коммуникации является переориентация или перенос «точки взаимодействия» из реальной жизни в виртуальное пространство. Передача информации, деловая переписка, конференции, круглые столы внутри и между организациями – субъектом их реализации давно стал человек, сидящий за компьютером. Возникновение и раскручивание цифровых и компьютерных технологий, а вслед за этим и массовое распространение персональных компьютеров открыли новый вид взаимодействия «человек – компьютер», а развитие сети Интернет привело к взаимодействию «человек и компьютер» и добавило возможность коммуникации «человек – компьютер – человек». Согласитесь, что электронная почта, всевозможные форумы, многочисленные интернет-журналы, социальные сети и т.п., да и сам, собственно, Интернет, для многих стали не менее важным аспектом повседневности и присущей ей межличностной коммуникации, чем телевизор или телефон, а порой средства Интернета полностью вытесняют последних.

Вследствие этого назрела необходимость разработки нового направления в сфере профессионального общения – этикет делового общения посредством Интернета. В данной статье мы попробуем рассмотреть виды и особенности делового взаимодействия в киберпространстве.

Так что же собой представляет общение в Интернете? Отвечая на этот вопрос, следует дать полную характеристику всевозможным способам общения в Интернете. Существует несколько способов общения через Интернет: Электронная почта (e-mail); Форумы (livejournal); Чаты (ICQ); социальные сети; вебинары; Skype.

Остановимся подробнее на каждом из них.

1. Электронная почта.

Представляет собой аналог системы общения через письма, отправляемые в конвертах с указанием места назначения и данных адресата. Эта форма отличается тем, что письмо существует в виде электронного сообщения, которое отправляется с компьютера адресанта на почтовый сервер, а затем доставляется адресату на его почтовый ящик. Вся процедура при хороших условиях занимает не более 3–5 мин. Адрес почтового ящика имеет следующую структуру: имя@почтовый_сервер.код_страны (например: ivanov@mail.ru). При этом электронное письмо, в отличие от обычного, может содержать различные вложения в виде приложений – фотографий, архивов с книгами, мультимедиа – и других видов файлов. Таким образом, существует возможность быстро, большому количеству адресатов и в неограниченных объемах рассылать необходимую информацию. Если прибавить сюда, вошедшие в обиход электронную печать и электронную подпись, то возможность получения документа, ради которого раньше приходилось ездить в другую организацию или даже в другой город, значительно упрощается.

2. Форумы.

Это еще один способ общения в Интернете. По сути является аналогом данного мероприятия в привычном понимании этого понятия, т.е. организацией обмена информации и общения между большим количеством собеседников, которым интересна тема того или иного обсуждения, являющийся причиной концентрации этих людей в одном месте online. Отличие состоит в том, что при организации интернет-форумов не существует строгих ограничений на контингент участников – ими могут стать практически любые пользователи, зарегистрированные на том или ином форуме, не существует также и временных рамок обсуждения темы – процесс продолжается до тех пор, пока тема важна для собеседников. Возможность устраивать обсуждения или деловые переговоры в таком формате все больше получает распространение. Действительно, собрать на совещание или форум людей, находящихся достаточно далеко территориально, – удобно и экономит много времени и средств (с условием, что для создания таких переговоров в реальной жизни необходимы отрыв от основной работы, оплата дороги, проживания, суточных и других сопутствующих расходов, связанных с командировкой).

3. Чаты.

Это разновидность форумов, отличающаяся от них отсутствием какой-либо определенной научной или социальной тематики. Создаются они непосредственно для развития живого группового общения, чаще всего ориентированы на молодых людей. Общение проходит в виде диалога иногда незнакомых людей. Отличительной особенностью является относительная краткость по сравнению с форумами, отсутствие или редкость дебатов между оппонентами. Чаты – это, скорее, подформа делового общения, где завязываются необходимые знакомства, связи, которые в дальнейшем могут перерасти в деловые отношения.

4. Социальные сети.

Социальная сеть в наиболее упрощенном виде – это интерактивный многопользовательский веб-сайт, контент-содержание которого наполняется самими участниками сети. Сайт представляет собой автоматизированную социальную виртуальную среду, позволяющую общаться группе пользователей, объединенных общими интересами и взглядами на те или иные проблемы и ценности.

Связь осуществляется посредством веб-сервиса внутренней почты или мгновенного обмена сообщениями прямо на сайте. По статистике ежедневно около 30 млн пользователей «сидят» в социальных сетях, причем большое количество работников делают это в рабочее время и с рабочего компьютера. Посещение и общение в социальных сетях для одних организаций становится стихийным бедствием, для других – формой работы. Тем не менее на западных фирмах это стало одним из средств заработка и продвижения товара или услуги. Во-первых, создаются узкотематические группы, что является хорошим способом завязывания контактов и обмена информацией со специалистами в выбранной области. Во-вторых, это возможность поиска работы или, наоборот, подбор сотрудников в компанию. Предварительное тестирование, размещение вакансий – это то, что уже давно и эффективно реализуется во многих компаниях. Третье, конечно, – реклама. По соотношению «затраты – количество просмотров» – это один из самых результативных способов сообщить о своем товаре или услуге. Ну и, конечно, продажа своего продукта в группах и изготовление на заказ. Интернет-магазин, с его низкими ценами и возможностью выбора товара не выходя из дома, все больше завоевывает потребительскую аудиторию.

5. Вебинары.

В настоящее время вебинары все чаще используются в рамках системы дистанционного обучения. Это разновидность веб-конференции, проведение онлайн-встреч или презентаций через Интернет в режиме реального времени. Во время веб-конференции каждый из участников находится у своего компьютера, а связь между ними поддерживается через Интернет посредством загружаемого приложения, установленного на компьютере каждого участника, или через веб-приложение. В последнем случае, чтобы присоединиться к конференции, нужно просто ввести URL (адрес сайта) в окне браузера.

Вебинары могут одновременно использоваться в нескольких целях, в частности, информирование по заданной теме, могут включать в себя сеансы голосований и опросов, что обеспечивает полное взаимодействие между аудиторией и ведущим. В некоторых случаях ведущий может говорить через телефон, комментируя информацию, отображаемую на экране, а слушатели могут ему отвечать предпочтительно по телефону с громкоговорителем. На рынке также присутствуют технологии, в которых реализована поддержка VoIP-аудиотехнологий, обеспечивающих полноценную аудиосвязь через сеть. Вебинары (в зависимости от провайдера) могут обладать функцией анонимности или «невидимости» пользователей, благодаря чему участники одной и той же конференции могут не знать о присутствии друг друга [1].

Это очень удобная форма обучения сотрудников.

6. Skype.

Скайп – это телефония посредством компьютера. Она представляет собой бесплатное программное обеспечение с закрытым кодом, обеспечивающее шифрованную голосовую связь и видеосвязь через Интернет между несколькими компьютерами. Часто скайп используют для звонков на мобильные и стационарные телефоны.

Общение в Интернете может проходить не только в рамках одной страны. Поскольку Интернет – это Всемирная паутина, следовательно, общаться могут люди из разных стран. Так, например, если человек, родившийся и выросший в России, на хорошем уровне владеет английским языком, то ничего не мешает ему иметь переписку не только с людьми, живущими на территории его родины и говорящими на русском языке, но и с любыми иностранцами, которые могут находиться в любой англо-говорящей стране. Это дает

возможность участниками виртуальной коммуникации исследовать культуру других стран и давать иностранцам представление о своей культуре [2].

Тем не менее общение в Интернет имеет свои психологические особенности, которые существенно отличают эту форму делового общения от реальных встреч он-лайн и стимулируют появление новых вопросов к этой форме взаимодействия:

1. Уравнивание социальных статусов.

В общем понимании каждый, кто использует Интернет, имеет равные с другими возможности для самовыражения. Сейчас для этого феномена употребляют особое название – «сетевая демократия». Если коммуникация происходит без видео- или аудиоподдержки (чаты, социальные сети, электронная почта), сохранение статуса и поддержание этических норм субординации зависит исключительно от воспитанности и образованности общающихся. На первый план выходят коммуникативные способности – и, в первую очередь, владение «письменной» речью и дар «письменного» влияния и убеждения, настойчивость, сущность и существо мнений, технологические навыки – своего рода know-how [3].

2. Растяжение и конденсация времени.

Во время любого чата для ответа собеседнику по этикету дается от нескольких секунд до 1 минуты и даже более, что значительно больше, чем при коммуникации лицом к лицу. А в случае с e-mail-посланиями или социальными сетями коммуникаторы располагают часами, днями или даже неделя (однако надо заметить, что и здесь допустимый временной лаг определяется негласными нормами установившегося этикета). Киберпространство творит нечто уникальное со временем, где при условии продолжения интеракций субъективное время обоюдно растягивается, чтобы обеспечить комфортабельную и уютную зону рефлексии. По сравнению с общением лицом к лицу партнеры имеют значительно больше времени для обдумывания и составления ответа. Наше субъективное внутреннее чувство времени тесно связано со скоростью изменения мира, в котором мы живем. При условии молниеносных перемен видов, звуков и людей, окружающих нас на «сетевых дорогах», чувство времени начинает неудержимо возрастать.

3. Неограниченная доступность контактов.

С невероятной легкостью, в буквально смысле не вставая с места, человек может контактировать с людьми из всех сфер жизни и общаться даже с тысячами людей. С одной стороны, это дает

неограниченные возможности и расширение границ делового общения. С другой, вероятность появления ошибок (например не по адресу отправленное письмо или сообщение) или упущение и (или) невозможность выделения важной информации как следствие большого объема общения.

4. Постоянная фиксация общения.

Большую часть тех действий и активностей, которые происходят в сети, включая e-mail-корреспонденцию и чат-сессии, можно записать и файлом сохранить на компьютере. В киберпространстве можно постоянно иметь под рукой «историю» того, что говорилось, кому и когда. Так как все сетевые интеракции основаны только на документах, т.е. происходят в письменном виде, мы можем сказать, что по сути взаимоотношения между людьми в Интернете задокументированы. Безусловно, для делового взаимодействия данное – большой плюс, но это предъявляет огромные требования к культуре сохранения и классификации информации. Не секрет, что практически на каждом компьютере существует папка «Разбирать», до которой никогда не доходят руки и в глубинах которой теряются гигабайты нужной информации. Еще одним минусом является постоянный риск уничтожения или похищения деловой информации.

5. «Черная дыра» Интернета.

Проблемой настоящего времени стало то, что компьютер из средства общения перешел в цель. Соотношение проведения действительно продуктивного времени в Интернете и веб-серфинга, все чаще склоняется не в пользу первого. Интернет-зависимость – предмет отдельного разговора, но одной из ее основных особенностей является наличие профессиональной необходимости использования компьютера и невозможность отказа от этого вида коммуникаций.

Таким образом, возвращаясь к ранее изложенному можно констатировать, что существует потребность в разработке правил хорошего тона или этикета интернет-общения, причем обучение этому необходимо начинать уже со школьной скамьи.

В любом случае необходимо помнить, что при общении посредством любых сервисов вы общаетесь с живыми людьми, поэтому собеседников нужно уважать. Практически в любом виде интернет-общения запрещены ненормативная лексика, личные оскорбления, разжигание розни на любых основах. Практически все сервисы, кроме личных (ICQ и другие мессенджеры, электронная

почта) имеют специфические правила, с которыми нужно ознакомиться перед тем, как пользоваться сервисом. При написании писем чаще всего используется обычный текст. Почтовый клиент получателя может не поддерживать различных «украшательств» в почте, типа HTML.

Что касается стиля общения, то его обычно оставляют на выбор пользователя, главное, чтобы форма соответствовала содержанию.

Список литературы

1. URL: <http://ru.wikipedia.org>
2. Образование. Коммуникация. Ценности (Проблемы, дискуссии, перспективы). По материалам круглого стола «Коммуникативные практики в образовании» / под ред. С. И. Дудника. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – 65 с.
3. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/electronic>

Г. Д. Шкарлупина
*кандидат исторических наук, доцент,
Армавирская государственная педагогическая академия,
г. Армавир*

КОРРУПЦИОГЕННОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Рассматривается вопрос трактовки понятий коррупция и коррупциогенность, развития системы правового регулирования этих явлений в РФ в условиях рыночных отношений, а также определяется причина возникновения коррупциогенных явлений в сфере регулирования образования.

Ключевые слова: коррупция, правовое регулирование, коррупциогенность, мораль, нравственность, этика руководителя, злоупотребление властью.

Общество и государство заинтересованы во всемерном внедрении правовых основ управления и его последовательной демократизации.

Но не следует преувеличивать характер этого воздействия. Его модельный смысл на практике меняется. Право вводит режимы регулирования и устанавливает порядок деятельности юридических и физических лиц. Нередко обилие актов не помогает, а мешает делу.

В обществе действуют и механизмы стихийного морального и нормативного регулирования. К числу первых относятся мораль и правовое воспитание, которые являются одним из существенных средств управленческого воздействия. Поэтому уделяется большое внимание развитию правовой системы, ибо от своевременного и правильного решения юридических вопросов во многом зависит эффективность управленческой, хозяйственной и социально-культурной деятельности.

Недооценка юридических аспектов управления отрицательно сказывается на его уровне, приводит к появлению элементов дезорганизации и безответственности. К сожалению, в практике управления встречаются еще разные проявления этой недооценки: касается ли это искусственного противопоставления экономических или административных методов, стремления «обойтись» без права при внедрении рыночных отношений под предлогом создания саморегулирующих систем. В немалой степени отмеченные недостатки объясняются односторонним пониманием права, которое

связывается подчас только с вопросами охраны правопорядка, с мерами предупредительного или восстановительного характера, с «ограничивающим» воздействием [1, с. 40].

Кризисная ситуация в сфере экономики, политики, идеологии, наступившая в 90-е гг. прошлого столетия в России, способствовала развитию такого негативного явления общегосударственного характера, как коррупция.

Однозначного определения коррупции и по сей день не существует ни в законе, ни в теории права, ни в философии. Коррупция как отрицательное правовое явление носит комплексный, многоотраслевой характер. Корыстные злоупотребления по службе относятся не только к уголовно-правовым деяниям, но и к дисциплинарным проступкам, административным деликтам. Представляется, что коррупцию можно определить как искажающее сущность деятельности органов власти использование государственными и муниципальными служащими предоставленных им правомочий в целях получения для себя или других лиц благ и преимуществ материального и нематериального характера. Субъектами уголовно наказуемой коррупции могут быть только должностные лица, а субъектами коррупционных правонарушений – любые государственные или муниципальные служащие, а также народные избранники.

Коррупция является объективно существующим феноменом. К ее объективным причинам относятся множественность социальных ролей должностных лиц, противоречия между интересами общества и отдельных служащих, сложность и дифференцированность экономических отношений. Особенности действия названных основных причин в России диктовались такими обстоятельствами, как спад производства, гиперинфляция, снижение жизненного уровня населения, что вызвало резкое расслоение общества и желание многих субъектов приобрести материальную выгоду любым способом. Коррупция обусловлена и субъективными факторами, к которым относятся особенности нравственного состояния общества и индивидуальной психологии [2, с. 113–119].

В результате реализация властных полномочий сталкивается с конфликтом личных и коллективных интересов. Следует отметить, что в реальной жизни весьма трудно выяснить, чем были обусловлены те или иные действия государственного служащего, так как последний, перед тем как их совершить, сознательно осмысливает выработанные политические решения, сопоставляет их со своими профессиональными, нравственными представлениями.

Дело в том, что лицо, занимающее государственную должность, выполняет две роли:

- с одной стороны, выступает как представитель всего общества, общесоциальных интересов, выражает коллективную волю в деле достижения общих целей;

- с другой стороны, является обычным человеком с присущими ему собственными интересами и целями.

Здесь же встает вопрос: что двигало человеком, когда он стремился занять государственную должность: престижность занимаемого положения, жажда наживы, служение обществу или общественный долг? Всегда человек, пришедший на руководящую должность, борется духовно с самим собой: поступить так ради себя и пренебречь интересами других или, наоборот, подчинить свою волю другим.

Итак, в том случае, когда налицо совершение государственным служащим, т.е. лицом, наделенным государственно-властными полномочиями, действий или их несовершение под воздействием своих личностных устремлений, мы являемся свидетелями злоупотребления государственной властью, т.е. использования ее во зло (нравственная оценка, несоответствие моральных качеств чиновника тем требованиям, которые предъявляются к нему обществом). В данном случае не имеет значения конкретное содержание этих действий или бездействия, оно может выражаться в чем угодно, важно лишь одно условие: признак – в результате использования властных полномочий или их авторитета не достигается необходимый обществу результат, а происходит удовлетворение государственным служащим индивидуальных потребностей различными средствами (материальными ценностями, политической поддержкой, чувством наслаждения от использования предоставленных возможностей и т.д.).

Злоупотребление государственной властью с позиции этики представляет собой использование государственной власти во вред, во зло как самой государственной власти, так и всему обществу.

Коррупция (от лат. Corruption – подкуп) – общественноопасное деяние в сфере политики или государственного управления, выражающееся в умышленном использовании представителями власти своего служебного статуса для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме, а равно подкуп этих лиц в РФ – понятие не уголовно-правовое, а собирательное, определяющее правонарушения самого разного вида – от дисциплинарных до уголовно-правовых [3, с. 288].

Злоупотребление государственной властью (ст. 52 Конституции РФ) может рассматриваться как «политическая коррупция», признаками которой являются следующие:

1. Субъектом политической коррупции может выступать только лицо или группа лиц, наделенных государственно-властными полномочиями.

2. Политическая коррупция есть использование государственным служащим предоставленных ему, в связи с занимаемым им должностным положением, властных возможностей не в интересах большинства членов общества, т.е. не в общественнополезных целях, не в целях служения добру, а в собственных целях, во зло не себе, а многим (нравственное понимание).

3. Политическая коррупция – это конфликт общесоциальных и личных интересов в сфере осуществления государственной власти, разрешаемый в пользу индивидуальных интересов государственного служащего (психологическая трактовка).

4. С функциональной, деятельной точки зрения политическая коррупция может выражаться в самых различных действиях, могущих быть как правомерными, так и неправомерными.

5. Юридически злоупотребление государственной властью совпадает со злоупотреблением правом.

Имплементация ратифицированных международных правовых актов ставит перед российским законодательством проблему унификации понятия «коррупция». Вопрос о механизме и пределах такой имплементации обсуждался в ноябре 2004 г. на парламентских слушаниях в Государственной Думе РФ. Его безотлагательное решение состоит в том, что необходимо объединение интернациональных усилий государственных и негосударственных мер предупреждения коррупции, исходя из понятия преступности как социально-правовой системы, элементами которой выступают конкретные преступления. Под коррупцией можно понимать: подкуп участников и организаторов спортивных соревнований зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 184 УК РФ), подкуп или принуждение к даче показаний или уклонение от дачи показаний (ст. 309), получение взятки должностным лицом (ст. 290); дача взятки (ст. 291), коммерческий подкуп (ст. 204), провокация взятки либо коммерческого подкупа (ст. 304). Неоговоренные законом преступления коррупционной направленности в это понимание не входят [4, с. 164].

Для уровня взяточничества характерна высокая латентность. Это самый латентный вид преступности. Попытки законодателей

разорвать двухзвенную цепь «получение взятки – дача взятки» путем декриминализации последней успеха не имели.

Специфика структуры взяточничества связана, прежде всего, со служебно-экономической сферой. По словам президента фонда «Индем» Сатарова, за последние четыре года коррупционный рынок образования вырос более чем вдвое и вышел на первое место в сфере бытовой коррупции. По оценкам экспертов, «теневики» зарабатывают на абитуриентах более 400 млн долл. ежегодно, 26,4 млрд руб. – почти миллиард долларов – дали в качестве взяток в 2003 г. родители российских школьников и студентов (бюджет всего образования 2003 г. – 97, 67 млрд руб.). В 2003 г. к уголовной ответственности за взяточничество привлекли 858 должностных лиц учебных заведений, среди них 200 преподавателей, два ректора, два профессора, 20 заведующих кафедрами вузов, 20 директоров техникумов, 10 директоров ПТУ [5, с. 166].

Причина взяточничества – служебная корысть для взяткополучателя и деловая или бытовая корысть для взяткодателя. Первый наживается путем продажи за материальные блага своих служебных полномочий, чем дезорганизует работу своего учреждения. Корысть второго заключается в удовлетворении своих деловых или бытовых интересов с материальной выгодой путем принятия решений в его пользу подкупленным должностным лицом, управляющим, служащим.

Корысть взяткополучателя ранжируется от элитной (элитно-властной и бизнес-элитной), называемой иногда «верхушечной» до «низовой» или «бытовой» корысти.

«Низовая» корысть ограничивается небольшим размером получения mzды и нарушением не самых важных служебных функций. Ее субъекты – служащие из среднего класса (учителя, врачи) или лица, стоящие у черты бедности. Именно они чаще всего оказываются на скамье подсудимых в отличие от крупных взяточников.

В Государственную думу четвертого созыва депутатами Б. Л. Резником и А. Е. Хинштейном был внесен законопроект № 317699-3 Федерального закона «О предупреждении злоупотребления властью или служебными полномочиями на верхнем уровне управления государством» [6].

В пояснительной записке к законопроекту разработчики указали на тот факт, что «низовая» коррупция является самой массовой. и для ее искоренения потребуются комплексные меры и, в

первую очередь, последовательное реформирование государственного управления, постепенная де бюрократизация всех сфер общественной жизни.

Условия, способствующие формированию коррупционной корысти и взяточничеству, многообразны.

Во-первых, коррупциогенные условия состоят в нестабильном экономическом развитии России, в низком правосознании граждан и несовершенстве законодательства. До сих пор не принят комплексный антикоррупционный федеральный закон.

Коррупциогенными условиями являются действующие законы, которые обеспечивают безнаказанность субъектов элитно-властной, судебной и правоохранительной систем посредством иммунитетов от уголовной ответственности (см. раздел УПК РФ «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц»).

Законодательно не урегулирован вопрос о подарках должностным лицам. Гражданский кодекс РФ разрешает государственным служащим дарить чиновникам «обычные подарки» в размере до 5 МРОТ (ст. 575). Между тем зарубежное законодательство различных государств подробно регламентирует порядок получения подарков высшими должностными лицами [7].

Коррупциогенными условиями выступают неисполнение действующих законов и подзаконных актов и нарушение принципа неотвратимости ответственности за каждое преступление.

Предупреждение взяточничества осуществляется на различных уровнях и по ряду направлений. Прежде всего, это международно-правовое направление. В 1999 г. Совет Европы принял Конвенцию о борьбе с коррупцией, в декабре 2003 г. последовала Конвенция ООН против коррупции. Конвенция ООН против коррупции содержит развернутые рекомендации государствам в форме достаточно четко сформулированных норм о понятии коррупции, о международном сотрудничестве по борьбе с этим глобальным злом.

Начиная с 2004 г., ООН официально объявила 9 декабря Международным днем борьбы с коррупцией.

Среди общих антикоррупционных мер значима административно-кадровая реформа в Российской Федерации. Госдума в декабре 2004 г. приняла Федеральный закон о новом порядке избрания губернаторов по назначению президента и утверждения кандидатуры губернатора парламентами субъектов Федерации. Это по-

звolyет повысить ответственность губернатора перед федеральной властью, в том числе ответственность за «чистоту рук» при принятии региональных правовых актов.

В 2003 г. при Президенте РФ создан антикоррупционный Совет. В Государственной Думе функционирует Комиссия по борьбе с коррупцией.

Широкие полномочия у Межведомственной комиссии Совета Безопасности РФ по общественной безопасности, борьбе с преступностью и коррупцией. Она изучает практику противостояния коррупции в федеральных органах власти; организует проведение криминологической экспертизы нормативных актов в целях выявления и устранения положений, способствующих коррупции; мониторинг сообщений СМИ о фактах коррумпированности государственных должностных лиц.

Общественным институтом, способным противостоять взяточничеству, надо считать Общественную палату. Она наделена полномочиями экспертирования законопроектов, в том числе их коррупциогенности, контроля. Демократизация общества в противовес административно-командным методам управления должна способствовать формированию гражданского общества, социального государства, повышению роли общественных организаций и граждан общества в соблюдении контроля за чиновничьей коррупцией.

Причинами появления коррупции являются существование в законодательной системе противоречий, конфликтов, коллизий.

К первой группе причин относятся: сложность российской законодательной системы, ее многоцелевой (по предмету регулирования) и многофакторный (в том числе в силу множества субъектов правотворчества) характер; переходный характер российского общества и государства; высокий уровень социальной конфликтности, порождаемой недостатком в обществе ресурсов, благ и, соответственно, трудностями их распределения; неразвитость механизма разграничения правотворческих полномочий разных субъектов правотворчества; сложный характер российского общества, являющегося многонациональным, многоконфессиональным, значительным по территории и региональным различиям природных, экономических, иных условий жизни людей; отсутствие слаженной деятельности по обеспечению единства законодательной системы.

В числе второй группы причин неразвитость правового сознания, правовой культуры, низкий уровень владения приемами за-

конодательной техники; неизбежность стремления с помощью законодательства «подправить» по своему усмотрению жизнь, изменить объективно складывающиеся отношения; корпоративный эгоизм правотворческих органов разного уровня.

Противоречия, конфликты, коллизии подрывают единство законодательной системы, требуют своего разрешения. Однако разрешаться они должны с помощью правовых средств, а не по логике целесообразности. В любом случае противоречия, конфликты не должны «загоняться» внутрь законодательной системы, откладываться «на потом». Одной из причин коррупциогенности выступает характерная черта обыденного сознания людей – массовость, склонность следовать, скорее, эталону деловых обыкновений, чем писаному праву.

Проявления коррупции многообразны: работа по совместительству в коммерческих структурах, подконтрольных государственному служащему или заинтересованных в сотрудничестве с ним; организация коммерческих структур или участие в руководстве этими структурами, используя при этом свой статус получение за свою служебную деятельность или в связи с ней, за покровительство или попустительство по службе в счет незаконного вознаграждения и т.д. [8].

За соответствующими субъектами исполнительной власти действующим законодательством закреплены полномочия по самостоятельному установлению правовых норм. Ими осуществляется административное нормотворчество.

Правовое регулирование общественных отношений, составляющих сферу государственно-властной деятельности, в условиях российского государственного устройства служит важнейшим средством выполнения государством своих задач и функций. Вместе с тем по меньшей мере две особенности правового регулирования должны быть отмечены. Первая состоит в значительном сокращении объема предмета правового регулирования, прежде всего в области экономики, что вызвано, по понятным причинам, коренной перестройкой всей структуры государства на рыночную экономику. Вторая особенность относится к структуре самого правового регулирования.

Пределы административного нормотворчества установлены Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [9].

В них определены по функции федеральных министерств на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов обязательных для исполнения органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, юридическими лицами и гражданами правила поведения, распространяющиеся на неопределенный круг лиц.

Российское законодательство предусматривает ответственность государственных служащих в соответствии с законодательством об административных правонарушениях в случаях, когда они являются должностными лицами и совершили должностные деяния, признаваемые административными правонарушениями.

Ю. Н. Старилов выделяет четыре важнейших условия, при которых для должностных лиц может наступать административная ответственность: 1) совершение действий, содержащих прямое нарушение общеобязательных административных правил или правил поведения; 2) издание приказов (распоряжений) и указаний, которые нарушают положения установленных общеобязательных правил, т.е. не соответствуют им; 3) невыполнение принадлежащих государственным служащим обязанностей по осуществлению контроля за исполнением подчиненными лицами установленных в нормативных правовых актах общеобязательных правил поведения или административных процедур; 4) соблюдение установленных правил входит в круг должностных обязанностей и фиксируется в соответствующих должностных инструкциях [10, с. 86].

В целом, разделяя данную точку зрения, необходимо отметить, что автор определяет лишь некоторые материальные и формальные основания наступления административной ответственности государственных служащих, тогда как их значительно больше.

Список литературы

1. Тихомиров, Ю. А. Административное право и процесс. Полный курс / Ю. А. Тихомиров. – М., 2001. – 632 с.
2. Бондарь, Е. А. Некоторые проблемы ответственности за коррупционные деяния в сфере банкротства / Е. А. Бондарь // Современные проблемы государства и права : сб. ст. – Н. Новгород, 2004. – С. 113–119.
3. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – М. : ИНФРА-М., 2002.
4. Криминология : учеб. пособие / Г. И. Богуш [и др.] ; под ред. Н. Ф. Кузнецовой. – М. : ТК Велби, Проспект, 2006. – 328 с.

5. В сентябре 2003 г. законопроект одобрен Советом Государственной Думы (№ 317699-3) и рекомендован к рассмотрению в первом чтении.

6. Журавлев, Р. А. Право и коррупция / Р. А. Журавлев // Проблемы коррупционности российского законодательства : сб. материалов практического семинара. – М., 2001.

7. Волженкин, Б. В. Служебные преступления / Б. В. Волженкин. – М., 2000.

8. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 11. – Ст. 945.

9. Старилов, Ю. Н. Курс общего административного права : в 3 т. / Ю. Н. Старилов. – М., 2002. – Т. 2: Государственная служба. Управленческие действия. Правовые акты управления. Административная юстиция.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТОВ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В ОРГАНЫ ВЛАСТИ

Рассмотрены основные особенности построения текстов заявлений, предложений и жалоб граждан в адрес органов государственной и муниципальной власти, а также приведен ряд языковых средств воздействия на адресата в целях уменьшения коммуникативных барьеров.

Ключевые слова: обращение граждан в органы власти, заявление, жалоба, предложение, метод рационального воздействия, метод эмоционального воздействия.

Общественные отношения, через которые выражается право граждан на обращения, являются предметом регулирования различных отраслей отечественного права: административного, гражданско-процессуального, уголовно-процессуального и некоторых других. Граждане, обращаясь в органы исполнительной власти, вступают с ними в административно-правовые отношения, и эти отношения строго регламентированы. Основным законом, регулирующим обращения граждан в органы государственной власти, является Федеральный закон от 2 мая 2006 г. №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [1]. Федеральный закон обеспечивает механизм реализации ст. 33 Конституции РФ, гарантирующей гражданам России право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Под обращением граждан (далее – обращение) понимается направленное в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления.

Письменное обращение граждан, согласно закону, должно быть корректным, кратким и при этом должно содержать всю необходимую информацию для рассмотрения дела. Кроме того, закон содержит перечень обращений, не подлежащих рассмотрению.

Не подлежат рассмотрению анонимные обращения и без указания почтового адреса. Требования относительно текста гласят, что не принимаются обращения, содержащие нецензурные либо оскорбительные выражения, угрозы жизни, здоровью, имуществу должностного лица и членов его семьи; а также в случаях, если текст письменного обращения не поддается прочтению.

Исходя из перечисленных требований, можно сделать предварительный вывод, что правильно составленный текст обращения является залогом не только его приема на рассмотрение, но также скорого и благополучного разрешения дела.

Для того чтобы обращение дошло до адресата, было правильно трактовано и рассмотрено в кратчайшие сроки, необходимо правильно определять виды обращений, их смысловое различие и особенности построения текста.

Предметом заявления является реализация своих гражданских прав через соответствующие органы законных прав и интересов граждан. Иными словами, заявление содержит требование к властям признать специальное право, уже предоставленное законом, и выполнить соответствующие действия по его реализации. Особенностью заявления в качестве обращения является частный характер просьбы, не касающийся профессиональной деятельности и должностных обязанностей. Например, нельзя считать обращением заявление о приеме на работу или заявление о переводе на другую должность.

Заявление может содержать просьбу гражданина о содействии в реализации своих прав и свобод или прав и свобод других лиц. Например, просьбу о начислении дополнительных выплат, просьбу о совершенствовании работы государственного органа, просьбу о присвоении награды другому лицу и т.п. Кроме просьбы, в заявлении может содержаться сообщение гражданина о нарушении законов, о недостатках работы государственных органов, органов местного самоуправления или должностного лица.

Текст заявления, как и любого другого обращения, как правило, начинается с приветственной формы вежливости. Затем сразу необходимо переходить к сути сообщения или просьбы, чтобы сразу ввести адресата в курс дела. Для этого используются такие речевые конструкции как: *Сообщаю Вам о том, что...*, *Хочу сообщить Вам о сложившейся ситуации ...*, *Довожу до Вашего сведения...*, *Примите к сведению тот факт, что...* и т.п.

Просьба или сообщение, содержащиеся в тексте заявления должны сопровождаться необходимым и достаточным количест-

вом фактического материала, который может подтверждаться приложенными копиями документов, фотографий и прочей доказательной базой.

После изложения фактического материала переходят к непосредственному изложению просьбы: *Прошу Вас о..., Прошу Вас предоставить мне..., Обращаюсь к Вам с убедительной просьбой....*

Завершить текст заявления следует на позитивной ноте (*С уважением. Искренне надеюсь на скорое разрешение моего дела*). Иногда используются конструкции с пожеланиями успехов адресату для поддержания положительного настроения (*Желаем успехов в Вашем нелегком труде*).

К жалобам относятся просьбы гражданина или граждан о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц. Как правило, в жалобе содержатся не только информация о нарушении субъективных прав и просьба об их восстановлении, но и критика в адрес организации, должностных лиц и отдельных граждан, в результате необоснованных действий либо необоснованного отказа в совершении предусмотренных законом действий которых произошло, по мнению заявителя, нарушение его субъективных прав.

Как правило, текст жалобы содержит много слов с негативной окраской (*возмущен, возмущены, недовольны, меня оскорбляет, мы угнетены сложившейся ситуацией, ужасно, невыносимо*). При этом авторам жалобы важно не допускать оскорбительных и ругательных выражений.

При написании жалобы следует подробно описать сложившуюся ситуацию с обязательным указанием обстоятельств, фактов, имен, дат, числовых значений, адресов, должностей и прочих подробностей, необходимых для разрешения проблемы. При этом необходимо стараться не загромождать жалобу излишней информацией, помня о том, что обращение должно быть кратким и информативным одновременно.

После изложения всей необходимой информации автор должен четко указать, чего он хочет добиться, написав данную жалобу. Необходимо четко излагать свои требования, не допуская никаких разночтений, двоякого смысла и общих фраз. Например, не стоит писать: *я требую справедливости; сделайте же что-нибудь* и т.п.

Завершить жалобу желательно на позитивной ноте с выражением надежды на понимание и благополучное разрешение дела.

Особым видом обращения является предложение. Предложение – это рекомендация гражданина или граждан по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов, деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, развитию общественных отношений, улучшению социально-экономической и иных сфер деятельности государства и общества. В этих документах жители просят решить их ту или иную проблему, с которой сами они справиться не могут, но, в отличие от заявления, предлагают пути решения из сложившейся ситуации. Предложение является одной из важнейших форм реализации права граждан на участие в управлении.

Предложение не связано с нарушением прав, оно не связано и с реализацией каких-либо прав заявителя; оно направлено на внесение каких-либо изменений в существующий порядок и законодательство. Предложения могут быть самыми различными по содержанию, но они всегда направлены на улучшение работы федеральных органов исполнительной власти либо изменение изданных ими нормативных актов.

Текст предложения должен начинаться с традиционного приветствия. Как правило, с предложениями обращаются в различные законодательные органы, поэтому используется групповая форма приветствия. Например, *Уважаемые депутаты Государственной думы*, или *Уважаемые члены Совета Федерации* и т.п. После приветствия целесообразно сразу приступить к описанию проблемы. В заключении предлагаются пути решения проблемы в виде принятия соответствующих законов или поправок к ним. Цель предложения – не решение какой-либо одной конкретной проблемы, а решение проблемы как социального явления, недопущение повторения подобной ситуации.

Текст предложения должен быть структурирован, разбит на смысловые блоки, абзацы, пункты. Каждая новая мысль (или ее логическое продолжение) должна начинаться с нового абзаца или пункта. Предложения всегда содержат много ссылок на законодательные и нормативные акты. Зачастую присутствуют ссылки на авторитетные мнения, на материалы периодических изданий, публикаций, выступлений. Присутствует обобщающий фактор, статистика, сравнения.

Помимо правил построения текста, немаловажную роль играют языковые средства воздействия на адресата. Граждане, обра-

щающиеся в государственные или местные органы управления, стараются повлиять на адресата; ведь от того, насколько убедительным будет документ, отчасти зависит, будет ли исполнена просьба гражданина, удовлетворена его жалоба, принято к рассмотрению предложение.

При коммуникативном воздействии в основном используются метод рационального воздействия (аргументации) и метод воздействия через эмоциональную сферу (эмоциональное воздействие).

Рациональное воздействие сводится к изменению рациональной картины мира. В обращениях граждан подобный вид влияния на адресата достигается, в первую очередь, с помощью стратегии аргументации, которая включает в себя следующие тактики:

1. Тактика обоснования (*Ваше невнимательное отношение к изучению и принятию решения... ставит на грань выживания многих из нас. Ведь за незначительными на первый взгляд цифрами... кроются огромные суммы ...*). Данная тактика обычно реализуется путем употребления подчинительных союзов причины или следствия: так как, потому что, следовательно, в результате чего, так что, в связи с и т.д.

2. Тактика цитирования (*Согласно ст. 3 ФЗ № 271 представляемые площади для организации торговли не являются торговыми местами...*). Авторы используют, как правило, косвенную речь и передают цитаты с помощью предлога «согласно», подчинительного союза «что» и глаголов рече-мыслительной деятельности (сказать, считать, думать). При этом всегда указывается источник или автор цитаты (название документа, ФИО человека и др.).

3. Тактика приведения примеров (*Изучая мировой опыт развития экономики, мы видим, что в успешно развивающихся странах, на долю мелкого и среднего бизнеса приходится до 50% поступлений в бюджет разных уровней*).

4. Тактика апелляции к авторитету (*Наши неоднократные телефонные обращения к тов. Иванову Ивану Ивановичу (начальнику коммунального отдела городской администрации)..., привели к определенным результатам...*). В качестве «авторитета» в обращениях граждан в основном выступают либо конкретные должностные лица, либо органы государственной и муниципальной власти в целом (городские власти).

Эмоциональное воздействие предназначено для того, чтобы восприятие информации, ее оценка и эмоции адресата совпадали с

теми же категориями у адресанта или удовлетворяли его целям. В обращениях представлена богатая палитра стратегий и тактик эмоционального влияния на получателя. Первая стратегия – стратегия эмоциональной аргументации, где аргументы направлены не на знания, а на чувства адресата. Данную стратегию выражают такие тактики, как:

1. Тактика риторических вопросов (*Детей надо одеть, обуть, книги купить к школе, а на что?*). Риторические вопросы не несут особой информационной нагрузки, однако они помогают расставить в тексте эмоциональные и смысловые акценты, они указывают адресату, на что необходимо обратить особое внимание.

2. Тактика ценностной подстройки (*Я беспокоюсь и переживаю за своих детей и внука*). Автор ссылается на традиционные ценности семьи, будущего детей, прав женщин, спокойной жизни, равенства перед законом и т.д. При этом используется лексика из соответствующих тематических групп.

3. Тактика оказания давления на адресата (*Вы ведь наши избранные и обязаны защищать наши интересы, быть патриотами своей малой Родины, не забывать, что народ Вам доверил принимать законодательные решения. И мы вправе спросить с вас, что Вами сделано для улучшения условий жизни и работы в нашем районе*). Используется лексика долженствования (*обязан, должен, необходимо*), императивы (*защищайте наши интересы, решите вопрос*).

Вторая стратегия, которую граждане часто используют в обращениях в качестве эмоционально воздействующей – стратегия одобрения/неодобрения. Как правило, тексты предложений, заявлений и особенно жалоб содержат отрицательную, иногда даже категорически негативную оценку происходящего.

Стратегия одобрения/неодобрения реализуется посредством следующих тактик:

1. Тактика оценки (*Данное решение является сильным бременем для малого и среднего бизнеса*.)

2. Тактики усиления (*Утром на работу и вечером с работы добираться очень сложно! Мы писали об этом уже тысячу раз*).

Языковыми средствами данных тактик являются оценочная, эмоционально окрашенная лексика, слова, усиливающие эффект воздействия (*очень, даже, крайне, страшно (страшно мало), чрезвычайно*).

Интересно отметить тот факт, что, несмотря на общую негативную тональность текстов, многие граждане заканчивают обращения пожеланием успехов адресату. В данном случае, с помощью стратегии формирования эмоционального настроения, осуществляется поддержка адресата (*Желаю Вам здоровья, благополучия и успехов в нелегком Вашем труде. Заранее благодарим Вас и поздравляем с Днем Победы.*). Использование данной стратегии позволяет сглаживать отрицательные эмоции, и это также должно влиять на эмоции адресата: так как обращение заканчивается на положительной ноте, есть вероятность того, что адресат более благосклонно отнесется к просьбе, содержащейся в документе [2].

В целом языковые средства, используемые для реализации как рационального, так и эмоционального воздействия, можно охарактеризовать следующим образом. В гражданских обращениях, несмотря на то, что это документы, а значит, должны быть выдержаны в официально-деловом стиле и нейтральной тональности, наблюдается большое количество слов с положительной и отрицательной оценкой, эмоционально окрашенной лексики, разговорных и даже просторечных выражений, фразеологизмов. Необходимо также отметить частое использование эпитетов, метафор, гипербола, антитез и т.д. Все это объясняется большим желанием граждан максимально повлиять на адресата.

Таким образом, знание специфики текстов обращений и грамотное использование языковых средств воздействия на адресата позволяют значительно увеличить шансы на положительное решение вопроса, содержащегося в обращениях граждан.

Список литературы

1. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».
2. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : УРСС, 2006. – 288 с.

Ш. Ш. Ягудин
*кандидат юридических наук, доцент,
Казанский (Поволжский) федеральный университет;
депутат Государственного Совета Республики Татарстан,
председатель Комитета по законности и правопорядку, г. Казань*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются конституционно-правовые основы государственных языков в Российской Федерации: государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик в ее составе; выявляется их соотношение, определяются роль и значение русского языка как государственного языка Российской Федерации; анализируются законодательство и практика реализации государственных языков Республики Татарстан.

Ключевые слова: конституция, закон, федерализм, государственный язык Российской Федерации, государственные языки республик, статус русского языка, договор о разграничении предметов ведения и полномочий.

Российская Федерация, согласно основам ее конституционного строя, является не только многонациональным, но и многонациональным государством, федеративное устройство которого основано, в том числе, на равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации.

В соответствии с ч. 1 ст. 68 Конституции Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык. В составе Российской Федерации в силу ее федеративного устройства состоят 21 республика, 9 краев, 46 областей, города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, Еврейская автономная область, 4 автономных округа. Все они являются равноправными субъектами Российской Федерации.

Из всех указанных шести разновидностей составных частей Российской Федерации в соответствии со ст. 5 ее Конституции лишь республики являются государствами.

Республики как государства отличаются от других составных частей Российской Федерации еще и тем, что выражают волю не только всего многонационального населения, но и народов, давших наименование этим республикам. Этот аспект государственности республики реализует национальную составляющую российского федерализма. Так, в преамбуле Конституции Республики Татарстан

говорится, что Конституция Республики Татарстан выражает волю многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа.

В ч. 2 и 3 ст. 68 Конституции Российской Федерации провозглашается, что республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития.

Фундаментальное положение установлено в ст. 26 Конституции Российской Федерации, в которой говорится о том, что каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность и что каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Республики в качестве своих государственных языков определили языки народов, давших наименование этим республикам, а также русский язык. Так, в Конституции Республики Татарстан, принятой более чем на год раньше Конституции Российской Федерации 1993 г., устанавливается, что государственными языками в Республике Татарстан являются равноправные татарский и русский языки. А впервые таковыми они были провозглашены в Декларации о государственном суверенитете республики, принятой 30 августа 1990 г. Лишь в ст. 11 Конституции Республики Карелия зафиксировано, что государственным языком в Республике Карелия является русский. При этом оговаривается, что Республика Карелия вправе устанавливать другие государственные языки на основании прямого волеизъявления населения Республики Карелия, выраженного путем референдума.

Таким образом, в Российской Федерации конституционно-правовой режим государственных языков установлен на двух уровнях: федеральном и региональном в республиках, являющихся формой государственного самоопределения народов Российской Федерации.

На базе Конституции Российской Федерации на федеральном уровне принят ряд базовых языковых федеральных законов, в частности, Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 (с последующими изменениями) «О языках народов Российской Федерации». Данный закон исходит из того, что языки на-

родов Российской Федерации – национальное достояние Российского государства и находятся под его защитой. Государство способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия. Закон направлен на создание условий для сохранения и равноправного и самобытного развития языков народов Российской Федерации.

Наряду с указанным Федеральным законом в Российской Федерации действует Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». В соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории, как отмечалось выше, является русский язык, способствующий взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве. Статус русского языка как государственного предусматривает обязательность его использования в случаях, предусмотренных Федеральным законом, во всех сферах государственной жизни. В соответствии с данным Федеральным законом обязательность использования государственного языка Российской Федерации не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик в составе Российской Федерации и языками народов Российской Федерации. Закон, как видим, устанавливает четкое соотношение использования государственных языков и иных языков народов в Российской Федерации.

Кроме того, указанный Федеральный закон определяет сферы обязательного использования государственного языка Российской Федерации, меры по его защите и поддержке, по обеспечению права россиян на пользование им, ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о нем.

Правовые установления о государственном языке Российской Федерации содержатся и в других федеральных законах, а также в иных нормативных правовых актах Российской Федерации, регулирующих проблемы языка. Президент Российской Федерации В. В. Путин только что подписал Федеральный закон «О внесении изменений в ст. 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и ст. 13.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», принятый в целях установления административной ответственности за изготовление и распространение продукции средства массовой информации, содержащей нецензурную брань.

Разветвленным является законодательство о государственных языках республик в составе Российской Федерации, сердцевину которого, как отмечалось выше, составляют соответствующие языковые положения. Покажем это на примере Республики Татарстан.

Так, в Конституции Республики Татарстан установлено, что государственными языками в Республике Татарстан являются равноправные татарский и русский языки (ст. 8), органы государственной власти республики при осуществлении своих полномочий учитывают исторические национальные и иные особенности Республики Татарстан (ст. 9), Республика Татарстан оказывает содействие в развитии национальной культуры, языка, сохранении самобытности татар, проживающих за пределами Республики Татарстан (ст. 14), государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от многих обстоятельств, в том числе языка (ст. 28), каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ст. 34), запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ст. 42), в Республике Татарстан гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего, начального и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях, а также обучение на государственных языках Республики Татарстан (ст. 56).

В республике действуют Закон Республики Татарстан от 8 июля 1992 г. (с последующими изменениями) «О государственных языках Республики Татарстан и других языках народов в Республике Татарстан», Закон Республики Татарстан от 12 января 2013 г. «Об использовании татарского языка как государственного языка Республики Татарстан», Закон Республики Татарстан от 20 января 1997 г. «Об упорядочении татарского алфавита», утвердившего татарский алфавит в количестве 38 букв, а также утвержденная законом Республики Татарстан от 11 октября 2008 г. Государственная программа Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004–2013 годы». Ход реализации данной Государственной программы регулярно рассматривается на заседаниях Кабинета Министров и Государственного Совета Республики Татарстан. В настоящее время идет подготовка новой аналогичной Государственной программы Республики Татарстан на 2014–2023 гг.

Кроме того, сегодня действует уникальный и единственный в своем роде утвержденный Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 199-ФЗ Договор от 26 июня 2007 г. о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан, в котором, в частности, предусматривается, что для кандидатур на замещение должности высшего должностного лица Республики Татарстан (Президента Республики Татарстан) устанавливается дополнительное требование, предусматривающее владение государственными языками Республики Татарстан. Владение государственными языками Республики Татарстан устанавливается в заявительном порядке. На наш взгляд, порядок этот должен быть определен законом Республики Татарстан.

За нарушение законодательства Республики Татарстан о языках в Кодексе Республики Татарстан об административных правонарушениях установлена административная ответственность в виде предупреждения и штрафа на должностных лиц до одной тысячи рублей.

Законодательство и практика о государственных языках Республики Татарстан находятся в постоянном развитии. Так, в Закон Республике Татарстан от 14 июля 1999 г. № 2284 «О государственных символах Республики Татарстан» внесены изменения, в соответствии с которыми утвержден текст Государственного гимна Республики Татарстан на двух государственных языках (слова Рамазана Байтимерова, перевод на русский язык Филиппа Пираева).

По законодательной инициативе Прокурора Республики Татарстан был принят Закон Республики Татарстан от 12 января 2013 г. № 5-ЗРТ «О признании утратившим силу Закона Республики Татарстан от 15 сентября 1999 г. № 2352 «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики», признанного недействующим вступившим в законную силу решением Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2004 г. в связи с тем, что ст. 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» предусмотрено, что в Российской Федерации алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы. Иные графические основы алфавитов государственных языков республик могут устанавливаться только федеральными законами. Таковую правовую позицию сформулировал Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 16 ноября 2004 г. № 16-П.

Вместе с тем в этом же постановлении Конституционный Суд Российской Федерации признал не противоречащим Конституции Российской Федерации нормативное положение законов Республики Татарстан, устанавливающее, что татарский и русский языки как государственные языки Республики Татарстан в общеобразовательных учреждениях и учреждениях начального и среднего профессионального образования изучаются в равных объемах.

В соответствии с постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 26 марта 2013 г. № 201 «О государственной информационной системе Республики Татарстан «Электронный словарь татарского языка» введен в эксплуатацию Электронный словарь татарского языка, обеспечивающий равноправное использование государственных языков Республики Татарстан, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Между тем признание в республиках русского языка в качестве одного из равноправных государственных языков республики, на наш взгляд, сужает возможности русского как государственного языка в целом Российской Федерации. На практике возникают судебные споры, например, в части преподавания в равном объеме русского и татарского языков как равноправных государственных языков Республики Татарстан. Было бы целесообразнее русский язык оставить в статусе только государственного языка Российской Федерации на всей ее территории. Это вытекает также из ст. 68 Конституции Российской Федерации, определяющей, что республики вправе устанавливать свои, т.е. республиканские государственные языки, каковыми являются языки народов Российской Федерации, самоопределившихся в эти республики.

Немало проблем возникает в ходе реализации языковой Государственной программы Республики Татарстан, типичных и для других республик. Речь идет о том, что, несмотря на предпринимаемые усилия, идет сокращение национальных общеобразовательных школ. Слабой остается мотивация к изучению татарского языка, единый государственный экзамен на всей территории Российской Федерации проводится на русском языке. Отмечается сложность программного материала и др.

Вместе с тем, конституционно гарантированная возможность республикам устанавливать свои государственные языки создает необходимые условия свободного демократического развития народов Российской Федерации, способствует сохранению исторически сложившегося государственного единства и целостности Российской Федерации.

Научное издание

Язык. Право. Общество
Сборник статей
Всероссийской научно-практической конференции

(г. Пенза, 23–24 апреля 2013 г.)

Под редакцией
кандидата филологических наук
О. В. Барабаш,
кандидата педагогических наук, профессора
Г. И. Канакиной

Редакторы: *Т. В. Веденеева, О. Ю. Ещина, Ю. С. Жидкова,
Ю. В. Коломиец, Е. П. Мухина, А. Г. Темникова, М. М. Шаркова*
Компьютерная верстка *М. Б. Жучковой*

Подписано в печать 19.04.13.
Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 23,59.
Тираж 100. Заказ № 317.

Издательство ПГУ.
440026, Пенза, Красная, 40.
Тел./факс: (8412) 56-47-33; e-mail: iic@pnzgu.ru